

М.Н.ГЕРНЕТ

**ИСТОРИЯ
ЦАРСКОЙ
ТЮРЬМЫ**

М.Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

В пяти томах

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М.Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

Том пятый

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ
КАТОРЖНАЯ ТЮРЬМА
И ОРЛОВСКИЙ
КАТОРЖНЫЙ ЦЕНТРАЛ
1907-1917

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Главы III (за исключением § 11), IV (за исключением § 22 и очерков о Ф. Н. Петрове, Б. П. Жадановском и В. О. Лихтенштадте в § 21) и § 23 главы V написаны канд. ист. наук Ю. И. КОРАБЛЕВЫМ.

§ 31, 32, 34, 36 и часть § 35 главы VIII написаны канд. ист. наук О. А. ИВАНОВОЙ

От редакции

ПЯТЫЙ ТОМ «Истории царской тюрьмы» готовился покойным М. Н. Гернетом одновременно с четвертым томом. После сдачи в печать четвертого тома М. Н. Гернет написал около двенадцати авторских листов текста пятого тома, а также ряд оставшихся незавершенными очерков; кроме того, им был собран и частично обработан большой архивный материал и сделан набросок плана пятого тома с указаниями о распределении материала по главам. Этот план положен в основу построения настоящего тома.

В связи с тем, что пятый том «Истории царской тюрьмы» не был подготовлен к печати при жизни автора, эту работу завершили кандидаты исторических наук Ю. И. Кораблев и О. А. Иванова, пополнившие том недостающими материалами.

При подготовке настоящего издания пятого тома «Истории царской тюрьмы» Редакционная коллегия внесла в него необходимые дополнения и уточнения, связанные с новейшими исследованиями в области истории революционного движения в России в начале XX века.

* * *

Пятый том «Истории царской тюрьмы» посвящен двум каторжным тюрьмам: Шлиссельбургской, созданной на базе «Государственной тюрьмы», и Орловской, получившей название «Орловского каторжного централа». Обе тюрьмы начали функционировать почти одновременно, в 1907—1908 годах, и преследовали одни и те же цели — поглотить огромную массу осужденных к каторжным работам, уже не вмещавшуюся в другие

тюрьмы; добиться устрашения народа путем установления в этих тюрьмах самого свирепого режима; физически истребить по возможности наибольшее число попавших в эти тюрьмы участников революционного движения путем систематических избиений, заключения на длительные сроки в карцеры, выдачи им недоброкачественной пищи и т. д. Царским тюремщикам удалось заполнить Шлиссельбургскую, Орловскую и другие каторжные тюрьмы узниками-революционерами и путем «замедленной смерти» физически уничтожить большее число из них. Однако царская власть не могла сломить революционный дух борцов за дело рабочего класса — ни тех, кто томился в тюремных застенках, ни тех, кто на воле продолжал их великое дело. Революционные массы трудящихся уничтожили царскую власть, свергли капитализм, ликвидировали царскую карательную машину и наказали виновников злодеяний, творившихся в этих тюрьмах. Как и все предыдущие тома «Истории царской тюрьмы», пятый том не является ни историей революционного движения в России, ни историей всей карательной политики царизма. Его содержание определяется названием. Это история царской тюрьмы, точнее говоря, история двух каторжных тюрем — Шлиссельбургской и Орловской — в период 1907—1917 годов, которую авторы стремились связать с основными фактами общественно-политической жизни страны в те годы. Конечно, в пятом томе, как и во всех предыдущих, помещены далеко не все архивные материалы, а только те из них, которые представляют наибольший интерес для современного читателя.

* * *

Настоящий том «Истории царской тюрьмы» охватывает период с 1905 по 1917 год. Напомним, что и четвертый том, посвященный Петропавловской крепости, в основном касается того же периода. В предисловии к четвертому тому была дана краткая социально-политическая характеристика этого периода, в особенности же характеристика карательной политики царизма в отношении революционного движения в годы революции 1905—1907 годов, в годы реакции и нового революционного подъема. Поэтому необходимо сделать лишь некоторые замечания общего характера, имея в виду наличие большого количества фундаментальных трудов по первой русской революции и прежде всего учебника по истории КПСС.

Советский народ «воплотил в жизнь идеалы передовых борцов первой русской революции и показал, что тяжелые

жертвы и кровь, пролитая в борьбе за свободу, не пропали даром»¹.

Революция 1905—1907 годов — первая народная революция эпохи империализма — явилась серьезным ударом по царскому самодержавию, по господству капиталистов и помещиков. Неудивительно, что царизм бросил все свои силы на подавление революционных сил, в первую очередь на подавление пролетариата, возглавлявшего революционные массы. Как известно, декабрьское вооруженное восстание было подавлено террором, потоплено в крови.

С помощью карательных экспедиций, черносотенных банд погромщиков, военно-полевых судов, массовых казней, полицейских расправ с рабочими и крестьянскими организациями царизм стремился истребить революционный авангард рабочего класса и запугать весь народ. Тысячи революционных борцов погибли от рук царских палачей.

Следует напомнить, что именно в эти годы черной реакции царская карательная машина «работала» с исключительным размахом. В 1907—1909 годах было казнено около 7500 человек. Десятки тысяч людей были брошены в каторжные тюрьмы, где им предстояло провести в общей сложности сотни тысяч лет. Только за эти три года судами всех категорий было осуждено свыше 28 тыс. человек за участие в революционном движении. В тюрьмах погибли от избиений, издевательств и болезней десятки тысяч людей.

Однако никакие репрессии, никакие массовые казни, избиения и пытки не смогли сломить воли и мужества революционных рабочих и крестьян, матросов и солдат, попавших в кровавые руки царских карателей.

Безудержная кровавая репрессия царизма не могла остановить поступательного хода развития революционного движения в России.

Новый подъем массового революционного движения в 1910—1912 годах, а затем в годы первой мировой империалистической войны вызвал новую волну массовой репрессии царизма. Царская «юстиция» вновь создает большое число процессов над участниками революционного движения, и в каждом из этих процессов в качестве обвиняемых фигурируют десятки и даже сотни рабочих и крестьян, солдат и матросов.

Приводимые в настоящем томе материалы наглядно показывают ведущую, руководящую роль большевистских организа-

¹ «Пятьдесят лет первой русской революции», «Правда» 22 января 1955 г.

ций в революционном движении на фабриках и заводах, в армии и во флоте. Эта ведущая роль большевиков сохраняется и за тюремными решетками. Изучение материалов, помещенных в настоящем томе, показывает, что и в Шлиссельбургской, и в Орловской, и в других каторжных тюрьмах продолжалась непримиримая борьба политических заключенных с царизмом, с царской карательной машиной.

* * *

Первая глава настоящего тома названа «Конец Шлиссельбургской государственной тюрьмы и строительство Шлиссельбургской временной каторжной тюрьмы». Царское правительство под воздействием революции 1905 года было вынуждено закрыть старую Шлиссельбургскую «государеву» тюрьму.

Вскоре после закрытия в 1905 году Шлиссельбургской государственной тюрьмы, в условиях, когда началась полоса массовых репрессий, смертных и каторжных приговоров, царским карателям понадобилось спешное создание новых казематов, рассчитанных на размещение в них не десятков, а сотен и тысяч политических узников. В Шлиссельбурге разворачивается лихорадочное строительство «временной» каторжной тюрьмы. Старые тюремные помещения расширяются и надстраиваются, возводятся и новые вместительные тюремные здания. Временная Шлиссельбургская каторжная тюрьма, на строительство которой были затрачены сотни тысяч рублей народных денег, раскрыла свои ворота для того, чтобы поглотить сотни представителей революционного народа.

В первой главе уделено внимание описанию внешнего вида тюремных корпусов, их внутренней «архитектуры», общих и одиночных камер, а также необходимой принадлежности каторжного режима — карцеров, в которых побывали если не все, то во всяком случае очень многие из заключенных.

Режиму Шлиссельбургской каторжной тюрьмы посвящена вторая глава.

Над воротами Шлиссельбургской каторжной тюрьмы был помещен символ царской власти — двуглавый орел, и каждый входящий через эти ворота узник сразу попадал в условия каторжного режима — режима мучений и издевательств.

Во второй главе приводятся подробные статистические сведения о составе заключенных в Шлиссельбурге в 1907—1915 годах.

За эти годы число одиночных камер удвоилось, число об-

щих камер утроилось, а число заключенных возросло почти в пять раз, что отражало колоссальный рост каторжной репрессии в империи в годы реакции.

Характеризуя состав узников Шлиссельбурга, нужно указать, что значительную их часть — около 40 процентов — составляли осужденные военной юстицией; остальные были осуждены судебными палатами и окружными судами.

Точными сведениями о соотношении политических заключенных и уголовных заключенных мы не располагаем; можно только отметить, что численно вторых было все же больше, чем первых. По приблизительным подсчетам одного из узников Шлиссельбурга политические заключенные составляли около $\frac{1}{5}$ общего числа заключенных; почти такую же часть составляли одиночки, протестовавшие против невыносимых условий военного режима, помещичьей и капиталистической эксплуатации; $\frac{3}{5}$ составляли заключенные, осужденные за тяжкие уголовные преступления.

Среди политических заключенных преобладали рабочие, крестьяне, солдаты и матросы, составлявшие до $\frac{4}{5}$ всех политических узников. Это была в основном революционная молодежь в возрасте 18—25 лет. Среди них значительную в численном отношении группу составляли члены РСДРП, в особенности участники боевых и военных организаций большевиков. Больше половины политических узников были приговорены к бессрочной каторге и к каторжным работам на длительные сроки — от 10 до 20 лет.

Таков был состав узников Шлиссельбурга в период после первой русской революции.

Немало потрудились царские тюремщики над тем, чтобы создать в Шлиссельбурге суровый режим. Особенно старался в этом направлении бывший в те годы начальником тюрьмы Зимберг и его подручные. Он создал около двух десятков карцеров, в которые бросал на длительные сроки узников за малейшие нарушения каторжного режима. Во второй главе приводятся подробные описания условий содержания заключенных в карцерах, применения к ним телесных наказаний «по закону» и «без закона».

Но ничто, даже пытки и избиения, не могли сломить мужественный дух политических узников. Они вели упорную, систематическую, неослабную борьбу против режима каторги, и формы этой борьбы были самыми разнообразными: голодовки, массовые протесты, бойкот тюремщиков и т. п. Эта борьба политических заключенных велась под руководством сплоченной группы узников-большевиков.

В третьей главе «Политические процессы 1906—1915 годов, давшие узников в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму» освещаются процессы над теми борцами за революцию, которые после осуждения были направлены в Шлиссельбург для отбывания наказания. Перед нами проходят вереницы рабочих и крестьян, матросов и солдат, видных деятелей и рядовых членов большевистской партии, отдавших свою жизнь на борьбу с царизмом, с буржуазно-помещичьим строем. Здесь описаны процессы матросов и солдат — участников Севастопольского восстания в ноябре 1905 года, процессы участников революционного движения в Прибалтике, процесс участников вооруженного восстания в Донбассе, процесс революционных солдат Выборгской крепости, процессы боевой и военной организаций большевиков, процесс о восстании солдат в Туркестане и др.

Одной из характерных черт этих процессов является массовость репрессий: число обвиняемых и осужденных во многих из этих процессов определяется десятками, сотнями человек; сотнями и даже тысячами определяется и число проходивших по этим делам свидетелей.

Другой характерной чертой этих процессов является грубейшее нарушение элементарных прав обвиняемых как на предварительном, так и на судебном следствии: пытки и истязания, шантаж и вымогательства на предварительном следствии, широкое использование провокаторов и лжесвидетелей на судебном следствии, лишение обвиняемых права на защиту и т. д.

Третьей характерной чертой является исключительная жестокость приговоров. Военные и гражданские суды щедрой рукой раздавали смертные и каторжные приговоры.

Но если говорить о поведении на следствии и на суде обвиняемых, то самой характерной чертой этих процессов следует назвать стойкость, сплоченность, мужество рабочих, крестьян, матросов, солдат, революционный дух которых поддерживали личным примером большевики, являвшиеся «главными виновниками» в этих процессах, и который не покинул их и после осуждения и направления в Шлиссельбург для отбывания каторжных работ.

В четвертой главе повествуется об узниках-революционерах, находившихся в Шлиссельбургской каторжной тюрьме: о Серго Орджоникидзе и его ближайших товарищах, о Симоненко и других революционных матросах-севастопольцах, о Меркулове и революционных матросах-балтийцах, о Локацкове и других солдатах-большевиках, о Р. М. Семенчикове, Ф. Н. Петрове,

Б. П. Жадановском, В. О. Лихтенштадте и о многих других, вошедших в историю революционного движения.

В Шлиссельбургской каторжной тюрьме продолжалась идеологическая борьба политических заключенных с царизмом. Это особенно ярко проявилось в деятельности узников-большевиков. Они организовали в общих камерах тюрьмы нелегальные кружковые занятия по политическим и философским вопросам и по общеобразовательным наукам, втягивая в эти занятия широкий круг заключенных, поддерживая и развивая в них революционный дух, воспитывая большевистскую партийность. Об этом повествует пятая глава «Продолжение в стенах Шлиссельбургской каторжной тюрьмы идеологической борьбы с царизмом политических заключенных». В этой главе раскрывается борьба политических заключенных за право чтения прогрессивной литературы, за создание библиотеки, здесь же освещается использование в библиотеке нелегальной политической литературы, а также издание нелегальных журналов.

Выше уже отмечалось, что в Шлиссельбургской каторжной тюрьме содержалось большое число осужденных за уголовные преступления. В других томах «Истории царской тюрьмы» была дана характеристика состава этой значительной по своей численности группы заключенных, так что нет необходимости вновь возвращаться к ним. Но на двух заключенных этой группы, дела о которых были особо выделены царской карательной машиной, хотя и по совершенно различным основаниям, все же следует остановиться (глава шестая).

Первый — это похититель «чудотворной иконы» Чайкин, на дело которого было обращено внимание высших церковных и светских властей — вплоть до царской фамилии. Особый параграф посвящен этому «религиозному преступнику XX века». Интерес в деле представляет не только сама необычная фабула похищения вором-рецидивистом, «специализировавшимся» на церковных кражах, «чудотворной иконы», но в особенности последовавшие уже после осуждения Чайкина длительные и безуспешные поиски пропавшей иконы.

Второй уголовный преступник — совершенно иная фигура. Это некий О'Бриен де-Ласси, представитель аристократических сфер Петербурга, который в корыстных целях, для получения огромного наследства, подготовил отравление родственников своей жены; этот план уже был выполнен в отношении брата его жены.

Громкий, скандальный процесс раскрыл глубокое падение и разложение, царившие среди петербургской аристократии.

Винновым был приговорен к каторжным работам, но принадлежность его к «высшим сферам» обеспечила ему совершенно исключительное, привилегированное положение в Шлиссельбурге: он сделался консультантом тюремной администрации по вопросам тюремного строительства, широко пользовался самыми необычными льготами. Случай раскрыл ему наличие в тюремной библиотеке нелегальной политической литературы, о чем он немедленно и донес администрации. Провал нелегальной библиотеки еще более увеличил льготы тюремного режима этому аристократу-убийце.

В самом начале Февральской революции 1917 года революционные массы трудящихся освободили узников Шлиссельбурга и навсегда закрыли шлиссельбургские казематы. В седьмой главе описываются переживания политических заключенных в тот момент, когда представители революционного пролетариата устроили у стен Шлиссельбургской крепости митинг и торжественно освободили ее узников. Шлиссельбургская тюрьма навеки прекратила свое существование.

Восьмая глава посвящена «Орловскому каторжному централу» — «временной» каторжной тюрьме в Орле, созданной почти одновременно со Шлиссельбургской каторжной тюрьмой. В Орловском центре был создан наиболее мучительный, издевательский в отношении участников революционного движения режим. Орловский централ начал функционировать в 1908 году и вместил в себя до 1200 узников; 100—150 человек из них были политическими заключенными.

В восьмой главе содержится описание каторжной тюрьмы в Орле, ее камер, ее мастерских, в которых заключенные изнемогали от непосильного рабского труда, ее многочисленных карцеров, в которых узники теряли последние остатки своих физических сил. В этой главе дана подробная характеристика состава заключенных Орловского центра. Особое внимание в ней обращено на описание тюремного режима — режима систематических и беспощадных избиений, издевательств, пыток. Недаром наиболее стойкие, «непокорные» политические узники Шлиссельбурга переводились в Орловский централ — «на исправление». Весь этот чудовищно террористический режим насаждался царскими сатрапами-тюремщиками, среди которых особо выделялись начальник тюрьмы Мацевич и тюремный инспектор фон Кубе, люто ненавидевшие революционные массы, русский народ, прогрессивных людей. Невозможно без глубокого волнения, без негодования читать официальные материалы и воспоминания самих узников об ужасах Орловского каторжного центра. Большое число узников погибло от избиений, от за-

ключения в карцерах, от болезней. Некоторые из заключенных кончали жизнь самоубийством, иные — пытались бежать. Были и случаи расправы заключенных с их мучителями-тюремщиками (дело об убийстве надзирателя Ветрова).

Организованный отпор тюремщикам дала группа узников-революционеров во главе с Б. Жадановским и Ф. Дзержинским, которому в данной главе уделен особый параграф. Они были поддержаны значительной массой заключенных, а также получили подкрепление извне. Социал-демократическая печать сумела сорвать завесу с злодеяний, творившихся в Орловском центре. Прогрессивные люди России и Запада выступили с горячим протестом против царского карательного режима, и с этим широким международным резонансом вынуждено было посчитаться царское правительство: верхушка тюремной администрации Орловского центра была переведена в другие места заключения... с повышением в должности. Этим и ограничились «меры» царского правительства по устранению преступных действий тюремщиков.

Конец Орловского каторжного центра был такой же, как и конец Шлиссельбурга: революционный пролетариат Орла освободил содержащихся в нем узников. Через семь лет, в 1924 году, советским следственным органам удалось разыскать некоторых из активных орловских тюремщиков, они предстали перед Верховным Судом РСФСР. Справедливый приговор, вынесенный Верховным Судом этим тяжким преступникам, был с большим удовлетворением встречен всеми советскими людьми.

Так окончательно завершилась кровавая эпопея Орловского каторжного центра, который в течение десяти лет являлся одним из самых страшных застенков царизма.

Редакционная коллегия

Глава первая

КОНЕЦ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЮРЬМЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

§ 1. КОНЕЦ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЮРЬМЫ

ИСТОРИК Шлиссельбургской каторжной тюрьмы находится в совершенно исключительном положении. Ему приходится начинать свой очерк о зарождении новой тюрьмы с похорон старой государственной тюрьмы Шлиссельбурга. Подписывая в 1905 году указ о конце Шлиссельбургской государственной тюрьмы, Николай II уже строил планы новой Шлиссельбургской тюрьмы.

«Государь император, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, 8 декабря 1905 г. высочайше повелеть соизволил: «упразднить Шлиссельбургскую государственную тюрьму и существующую при ней охрану, с тем, чтобы освободившаяся сумма была обращена на усиление личного состава корпуса жандармов, причем снести с военным министерством: 1) о расформировании шлиссельбургского жандармского управления и шлиссельбургской жандармской пешей команды и

2) о приспособлении шлиссельбургских тюремных зданий к устройству в них военной или общеуголовной тюрьмы»¹.

Указ привлек к себе после его опубликования совсем не то внимание, которого он заслуживал: многие легковверные люди радовались закрытию Шлиссельбургской крепости, этого места расправы царизма с его политическими врагами, и вовсе не замечали, что царизм успокаивал свою бюрократию повелением восстановить тюрьмы на Шлиссельбургском острове под новым названием.

Царизм позаботился укрепить надежды легковверных, радовавшихся концу знаменитого Шлиссельбурга, что остров перестал навсегда быть местом заточения и казней. Для укрепления такой наивной веры правительство даже открыло для всех желающих свободный доступ на остров для осмотра крепости. Мне кажется, что ознакомление с впечатлениями посетителей Шлиссельбурга представит интерес, тем более, что мы располагаем материалом, не появлявшимся в печати.

Прежде чем знакомиться с этими впечатлениями, я приведу небольшую выдержку из статьи бывшего политического каторжанина и автора записок «Из мира отверженных» — Л. Мельшина. Этот писатель осматривал тюрьму летом 1906 года, незадолго до распоряжения закрыть доступ в нее для осмотра. Он писал в своей статье: «Нам сообщили, между прочим, о намерении Главного тюремного управления, в ведение которого крепость теперь переходит, построить здесь большую тюрьму для 800 уголовных. Всех возмутила эта варварская затея, благодаря которой будет уничтожен один из самых святых памятников русского освободительного движения»².

Мельшин надеялся, что «затея Главного тюремного управления провалится по практической своей нелепости». Он возлагал надежду на то, что частые бури на озере, которые отрывают крепость от общения с внешним миром на три-четыре дня, воспрепятствуют нормальному снабжению продовольствием 800 человек арестантов и стольких же конвойных солдат, не говоря уже о том, что для помещения здесь такого большого количества арестантов пришлось бы возводить новые обширные постройки, помимо имеющихся двух тюрем.

Последующие события показали, как жестоко ошибался Мельшин. Когда революция 1905 года пошла на убыль, а реак-

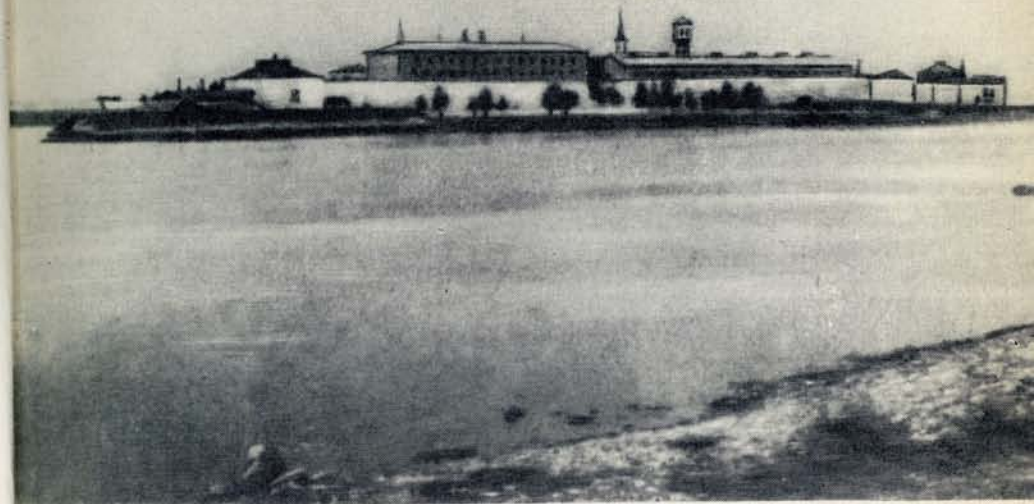

Рис. 1. Общий вид Шлиссельбургского острова.

С фотографии, представленной А. К. Кукобиным

¹ Этот указ опубликован в журнале «Тюремный вестник», январь, 1906 г. № 1, стр. 229.

² Л. Мельшин, Раскрытый тайник, «Русское богатство» 1906 г. № 7, стр. 131.

Рис. 2. Шлиссельбургская крепость. Первый корпус („Зверинец“).

С фотографии, хранящейся в Музее Революции СССР

дия начала поднимать голову, Главное тюремное управление поспешило уничтожить «один из самых святы́х памятников русского освободительного движения». Оно надстраивало новые этажи над старыми тюрьмами и строило новые тюрьмы. Шлиссельбургская крепость быстро превращалась в город тюрем. Два двухэтажных здания, трехэтажное и колоссальное четырехэтажное здание заняли остров. Там разместили более тысячи заключенных. Шлиссельбургская крепость воскресала к жизни, если только можно говорить, что воскресают к жизни тюрьмы царизма, эти «мертвые дома», эти «кладбища для живых», ставших негодными для господствующих в капиталистическом обществе классов.

Мне не удалось найти официальных сведений о сроках, когда был открыт свободный доступ в 1906 году на Шлиссельбургский остров для осмотра так называемых «старой» и «новой» тюрем и когда именно этот доступ вновь был запрещен в том же году. Во всяком случае, продолжительность такого свободного доступа была очень кратка, исчисляясь какими-нибудь пятью-шестью месяцами.

Известно, что, несмотря на царский указ 8 декабря 1905 г. о закрытии государственной тюрьмы в Шлиссельбурге, в ней продолжали оставаться заключенными П. Карпович, Г. Гершуни, Е. Сазонов, Ш. Сикорский и М. Мельников до 30 января 1906 г., когда они были переведены на Нерчинскую каторгу. Таким образом, доступ на остров не мог быть открыт ранее февраля 1906 года. Однако он был разрешен уже в зимние месяцы этого года, когда путь к острову совершался еще по льду, на санях. В одном из первых описаний посещения Шлиссельбургских тюрем отмечался переезд с берега на остров целой вереницы саней.

Стремление широких слоев столичного населения поскорее посетить остров, прославленный в истории революционной борьбы героизмом его узников, было так велико, что не хватало терпения дожидаться начала пароходного движения. С открытием же возможности сообщения с островом водным путем туда направлялись многочисленные посетители на пароходах и лодках. Шлиссельбургская крепость стала местом «политического паломничества»: не праздное любопытство влекло сюда посетителей, а горячее желание вступить на землю, куда в продолжение многих лет не ступал никто, кроме жандармов и узников. Путешествия на остров принимали характер демонстраций. Количество посетителей исчислялось тысячами. Царское правительство не могло терпеть этого. В моем распоряжении было письмо, посланное Н. О. Массалитиновой — одной из привлекавшихся к

ответственности за государственное преступление. Оно было отправлено ею в июне 1906 года дочери известного математика профессора Софьи Ковалевской. Автор письма сообщала подробности посещения острова. Ей уже не удалось осмотреть «старую» тюрьму: она была закрыта. Жандарм, показывавший посетителям крепость, объяснил причину запрета осмотра этой «старой» тюрьмы тем, что «в заграничных журналах много глупостей стали рисовать»¹.

Итак, полному запрету посещений острова предшествовало запрещение осмотра «старой» тюрьмы. Жандарм, превратившийся в крепостного гида, «дипломатически» мотивировал такое прекращение появлением в иностранных журналах нежелательных для администрации отзывов. Но и на русских посетителей тюрьма производила такое впечатление, которое совсем не входило в планы правительства, рассчитывавшего, что здание «новой» тюрьмы рассеет тяжести переживаний при осмотре места заточения столетней давности.

Мы читаем в описании «старой» тюрьмы такие строки: «Нет даже внешней прибранности современного «культурного» каземата. Просто пещера — сырая, темная, безнадежная... Все стоят неподвижно, точно боятся движением нарушить цельность молитвенной сосредоточенности. Глаза упрямо вглядываются в серый мрак решетчатого окна, точно ждут, что на светлом фоне высокой стены встанет призрак юноши, убитого и зарытого у подножия этой стены»².

Никто из тех, кому бросалось в глаза отсутствие «даже внешней прибранности современного «культурного» каземата», тогда не думал, что уже через несколько месяцев эти казематы вновь заполнятся узниками, которые вынуждены будут шагать из угла в угол по протоптанной их предшественниками дорожке каменного пола и углублять ее еще больше.

В числе наиболее ранних посетителей «новой» тюрьмы был писатель А. Вергежский. Он вошел в коридор этой тюрьмы, когда там еще продолжалась упаковка в ящики различных изделий и коллекций работ Морозова, Фигнер, Новорусского, Лопатина и др.

Экскурсия, в которой принимал участие Вергежский, оказалась свидетельницей этой укладки изделий шлиссельбуржцев в ящики для отправки в Петербург. Тюремные камеры должны

¹ Письмо было адресовано Софье Владимировне Ковалевской от Надежды Осиповны Массалитиновой (в ЦГАОР имеется о Массалитиновой дело 1901 года, департамент полиции, № 2280).

² А. Вергежский, Шлиссельбург, «Речь» 21 марта 1906 г., стр. 2.

были быть освобождены для приема новых жильцов. В наследство им от их предшественников оставались лишь голые стены и обычная тюремная обстановка. Но, кроме этого, новым узникам еще осталась память об их предшественниках, традиции этих последних: тюремные стены камер как будто были исписаны правилами того внутреннего распорядка в отношении к администрации Шлиссельбурга, который ценою величайших жертв установили шлиссельбургские узники 1884—1906 годов. История нового Шлиссельбурга показала, что наследники старого Шлиссельбурга высоко держали знамя непреклонных борцов революции, которых не мог сломить жестокий режим тюрьмы. Вергежский писал: «Из камеры в камеру водят нас солдаты, как гробы похожи одна на другую серые клетки. Но для нас каждая из них озарена негаснущим, индивидуальным светом раскованных орлов. Их лица чудятся нам около узких железных столиков, упрямый огонь из гордых глаз зажигает в сердце новый источник силы...»¹.

Некоторые из новых узников Шлиссельбургской крепости, заключенные в «новую» тюрьму, знали фамилии тех старых шлиссельбуржцев, в камеры которых они попали. Так, например, один из первых политических каторжан И. И. Генкин, заключенный в эту тюрьму в январе 1907 года, отмечал в своих воспоминаниях, что он был заточен в ту самую камеру, которую занимал перед ним Герман Лопатин. Ф. Н. Петров, осужденный в 1907 году по делу военной организации РСДРП(б) Варшавского военного округа на семь лет каторжных работ, вспоминал, что ему была отведена камера № 34, которую перед ним занимал Н. А. Морозов.

Следует отметить, что новые узники Шлиссельбургской каторжной тюрьмы в добавление к унаследованным ими старым камерам получили несколько прежних тюремных надзирателей, один из которых начал свою службу царизму еще в Алексеевском равелине. Так устанавливалась «живая связь» между Алексеевским равелином, народовольческой «новой» тюрьмой и этой же тюрьмой последнего периода ее существования — 1907—1917 годов.

Не будет лишним вспомнить, какое впечатление производили на посетителей Шлиссельбургской крепости после ее закрытия эти ее черберы, превращенные на время в «гидов». Об этом мы имеем материалы в печати и в названном мною письме Массалитиновой. Так, старый жандарм, показывавший в марте 1906 года народовольческую тюрьму с ее пустыми камерами, говорил

¹ А. Вергежский, Шлиссельбург, «Речь» 21 марта 1906 г., стр. 2.

посетителям как бы в оправдание этой пустоты: «Очень было хорошо, у них была и мебель и цветы. Даже могли на табуретку встать и в окошко смотреть». Этот жандарм, отвечая на замечания одного из посетителей, говорившего, что узникам приходилось в первые годы туго, возражал: «Чего там туго? — Обыкновенно — по положению». Этот старый жандарм возил в Кронштадт одного осужденного на казнь и присутствовал при его исповеди. Когда экскурсанты задали этому стражнику вопрос, зачем потребовалось его присутствие при исповеди, он не без удивления отвечал: «А как же?! Ведь они могли священника убить, нельзя же было одних оставить».

В этих немногих ответах вырисовывается облик старого жандарма, которому царизм передоверял охрану нового поколения революционеров в Шлиссельбургской крепости. Он «достойный» ученик знаменитого «Ирода» — Соколова, смотрителя Алексеевского рavelина и шлиссельбургских тюрем, начиная с 1884 года¹. Он не знает, что такое тяжесть заточения. Он знает только, что все это совершается «как полагается, по положению». Для него нет живых людей — узников, а существует только приказ начальства, послушным исполнителем которого он был более 20 лет и этим самым заслужил право быть тюремным стражником и в новом Шлиссельбурге.

По-видимому, об этом же старом жандарме писала в своем письме в июне 1906 года Н. О. Массалитинова. Она осматривала крепость вместе с известным исследователем монастырских тюрем А. С. Пругавиным. Их водил по крепости жандарм, прослуживший здесь 20 лет. Автор письма называет его «хитрой бестией». Сам жандарм так характеризовал свою службу: «Я старался служить так, чтобы и правительству неприятностей не делать, ну и заключенных тоже дразнить что ли, как другие прочие делали, ни боже мой, не позволяя!». Когда Пругавин высказал желание поговорить с жандармом за особое вознаграждение у себя на дому, тот отклонил это предложение, сказав, что ему было бы приятно побеседовать с таким писателем, и добавил, «что его уже многие зовут, например из «Былого», но до снятия военной формы он не решает ничего говорить»². На этом основании он, присутствовавший при всех казнях в Шлиссельбургской крепости, отказался указать места, где были соверше-

¹ Такое же впечатление произвел этот старый жандарм и на Л. Мельшина (Якубовича), который назвал жандарма учеником «школы Ирода». См. Л. Мельшин, Раскрытый тайник, «Русское богатство» 1906 г. № 7, стр. 123.

² Указанное выше рукописное письмо Н. О. Массалитиновой к С. В. Ковалевской.

ны казни; он ограничился ответом, что исполнение приговоров совершалось в разных местах и «всего не упомнишь». Становится понятным, что такой состав жандармов в Шлиссельбургской крепости умел хранить в тайне все, что творилось там, за тюремными стенами. Напомним, что окончилась полным провалом попытка бывшего шлиссельбуржца М. В. Новорусского узнать тайны крепости от бывшего смотрителя тюрьмы Соколова — «Ирода», которого ему удалось разыскать в Петербурге после своего освобождения из тюрьмы. Царское правительство, оставляя в «новой» тюрьме на службе бывших жандармов крепости, не ошиблось. Они проводили и после первой революции прежнюю политику. И нам неизвестно, чтобы кто-либо из них раскрыл тайны Шлиссельбургской крепости, даже после ее разрушения и торжества революции. Объяснение этому лежит не столько в верности служебному долгу, сколько в опасении личной ответственности за то или другое участие в осуществлении тюремного режима.

§ 2. СТРОИТЕЛЬСТВО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

В полном противоречии с наименованием Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «временной» находилось строительство в ней. Из года в год эта тюрьма ширилась, захватывая все новые площади внутри крепостных стен. Она вместе с тем росла и ввысь.

В 1907 году появился вновь надстроенный третий этаж над старинным двухэтажным зданием времен Петра I. Вместо одноэтажной тюрьмы выросло на старом фундаменте новое двухэтажное здание. В период 1909 — 1910 годов воздвигался четырехэтажный корпус на 600 заключенных.

Новая тюрьма, в противоположность трем другим тюрьмам на острове, уже не пряталась за крепостные стены, а поднялась значительно выше их. Она глядела своими окнами с железными решетками на берега Невы и простор Ладожского озера. Глазам пассажиров с судов, проходивших мимо острова, открывалась теперь не только зловещая картина высоких стен крепости и церковной колокольни с золочеными крестами, но и мрачная твердыня из кирпича и железа внутри этих стен. Реакция, поднявшая свою голову после революции 1905 года, как будто открыто грозила теперь своим врагам не только крепостными стенами, но и тем, что вздымалось над ними. Однако четырехэтажное здание тюрьмы недолго красовалось всем на устра-

шение. В марте 1917 года революционные рабочие и солдаты начали разрушение Шлиссельбургской крепости именно с этой, самой молодой из всех четырех тюрем Шлиссельбурга. Временная каторжная тюрьма в Шлиссельбурге не только оправдала свое название, но оказалась даже «кратковременной». Четырехэтажный корпус не просуществовал и семи лет. В час ночи с 4 на 5 марта 1917 г. языки пламени выбились из окон четырехэтажной тюрьмы. Густой дым заволок небо над Шлиссельбургской крепостью. Временная каторжная тюрьма навеки прекратила свое существование.

Прежде чем перейти к описанию нового строительства тюрем в Шлиссельбургской крепости, я приведу официальные цифровые сведения из отчетов главного тюремного управления. В этих отчетах в разделе «Строительная часть» мы нашли следующие сведения за период 1907—1915 годов (см. таблицу 1).

Шлиссельбургская каторжная тюрьма к концу своего существования состояла из целого ряда зданий, предназначенных частью для содержания в них приговоренных к каторжным работам, частью для проживания в них чинов тюремной администрации и для хозяйственных целей.

Для содержания арестантов было предназначено четыре различных здания. Лишь одно из них, а именно открытое в 1884 году для заточения по делам о государственных преступлениях, осталось в полной неприкосновенности для содержания в нем каторжан. Это был двухэтажный корпус с одиночными камерами — с 20 камерами во втором этаже и 19 — в первом. В обиходе эта тюрьма была известна под названием «третьего корпуса». По-видимому, ей выпала честь принимать в свои камеры первых каторжан, переведенных из различных тюрем в Шлиссельбургскую крепость. Поэтому ее можно назвать «первенцем» Шлиссельбургской каторги периода 1906—1917 годов. Известно, что она не всегда и не для всех заключенных в нее каторжан была одиночной тюрьмой. Нередко в одну и ту же одиночную камеру помещали по два узника.

Этот третий корпус не мог даже и при условии заполнения всех его камер удвоенным контингентом заключенных удовлетворить потребность в размещении каторжан, доставленных в крепость за первый год существования каторги. По официальным данным среднесуточное число заключенных в 1907 году во временную Шлиссельбургскую каторжную тюрьму определилось цифрой 100, а наивысшее однодневное количество арестантов достигало даже 194. Эти «излишки» и были распределены в двух других корпусах, из которых один был известен под № 1, а другой под № 2. Мне не представилось возможным выяснить,

Таблица 1

Год	Наименование работ	Сметные ассиг. (руб.)	Сумма, отнущ. в отчетном году (руб.)
1907	На покрытие административно-хозяйственных расходов по приспособлению тюрьмы	—	300
1909	Переустройство Шлиссельбургской крепости под каторжную тюрьму	—	85 000
	Постройка арестантского корпуса при Шлиссельбургской каторжной тюрьме и устройство в ней водопровода и канализации по системе биологической очистки	—	132 000
	Постройка при Шлиссельбургской каторжной тюрьме флигеля для чинов администрации и надзора	—	40 000
	Постройка при Шлиссельбургской каторжной тюрьме служб и каменных оград	—	13 000
	Расширение больниц, приспособление временной бани, разборка старых зданий	—	40 000
1910	Сооружение при Шлиссельбургской каторжной тюрьме флигеля для чинов администрации и надзора	40 000	68 000
	Постройка служб и каменных оград	13 000	20 000
1911	На приобретение переносной хлебопекарной печи	200	200
1912	Постройка нового здания для бани и прачечной	34 670	18 000
	На ремонт	2 500	2 500
	На оборудование	2 348—70	2348—70
1913	Постройка нового здания для бани-прачечной	18 000	50 000
	На ремонт	2 500	14 630
1914	Ремонт Шлиссельбургской тюрьмы	—	610 140—81
1915	Расширение Шлиссельбургской каторжной тюрьмы	—	2 147—32

какой из этих корпусов начал обслуживать ранее другого каторгу или, может быть, они оба были открыты одновременно.

Первый корпус каторжной тюрьмы был известен под необычным названием — «зверинец». Однако для такого названия были свои основания, а именно: своеобразное устройство

всех восьми камер тюрьмы, расположенных по четыре в первом и втором этажах здания.

Это здание, одно из самых старинных в Шлиссельбурге, примыкало к стене крепости. Окна находились лишь на стороне, противоположной крепостной стене, и выходили на обширный двор. Они совсем не были доступны для арестантов, так как отделялись от арестантских камер длинным коридором с высокою, от деревянного пола до потолка, массивною чугунной изгородью. Свет в камеры проникал лишь через эту изгородь. Таким образом, арестанты оказывались в клетках, как звери в зоологическом саду. Поэтому название «зверинец» было до известной степени основательным.

Наличие вместо сплошной стены чугунной изгороди обрекало обитателей камер на непрерывный надзор за ними тюремной стражи, днем и ночью. Такое устройство камер доставляло заключенным новые добавочные стеснения, не известные в камерах со сплошными стенами. Кроме того, эти решетки лишали заключенных возможности подходить к окнам.

Каждая камера первого корпуса была рассчитана на 15 заключенных. При восьми таких камерах на первом и втором этажах вместимость этого здания была рассчитана на 120 человек. Внутреннее устройство всех камер было одинаковое. 15 коек были прикреплены к задней стене. В качестве стола служили прикрепленные к решетке доски. Здесь заключенные принимали пищу. В углу камеры стоял открытый шкафчик для хранения хлеба. Таково было несложное убранство камер.

Описанные восемь общих камер двух этажей «зверинца» занимали среднюю часть первого корпуса, по бокам которой были другие помещения. Налево, если встать лицом к этому корпусу, ближе к Светличной башне, были размещены мастерские. На первом этаже были устроены кузнечная и слесарная мастерские, а второй этаж был отведен под ткацкое производство. В нижнем этаже правого крыла первого корпуса находились рядом изолятор для психически больных и покойническая.

В Шлиссельбургской крепости была такая высокая смертность, что в покойницкой слишком часто «поконились» до погребения тела каторжан, смерть которых помешала тюремной администрации выполнить до конца приговоры по указу его величества. Во втором этаже была церковь для отправления в ней службы наезжавшими священнослужителями¹.

¹ Более подробные сведения о строительстве в новом Шлиссельбурге я нашел в рукописи В. Ф. Гончарова «Шлиссельбургская крепость», хранящейся в ЦГАОР по фонду № 533 бывшего общества политических ка-

Из официальной сметы расходов по Шлиссельбургской каторжной тюрьме видно, что в 1909 году была отпущена крупная сумма (40 тыс. руб.), предназначенная на расширение больницы. Больница была помещена в третьем этаже, надстроенном над двумя этажами первого корпуса. Здесь были размещены кабинет врача, амбулатория, приемная и аптека, а также палаты для коечных больных и ванны.

Семь палат, или попросту камер, были предназначены для изоляции в них заразных больных, но при отсутствии заразных больных эти камеры превращались в карцеры. Их обстановка была больничная и состояла из трех железных коек, деревянного стола, двух-трех табуреток, умывальника, плевательницы и ватерклозета. Здесь были свои ванная и кухня.

Первый корпус представлял собою с внешней стороны длинное здание, тянувшееся вдоль западной стены крепости от Государевой башни с ее входными воротами, украшенными двуглавым орлом, и до Светличной башни. Вся эта тюрьма с ее обширным двором была отделена от остальной части крепости высокой кирпичной стеной. Двор же позднее был занят цветочными клумбами и служил местом для прогулок арестантов.

В кирпичной стене, возвышавшейся по краю двора первого корпуса, находилась довольно узкая дверь на постоянном запоре. Через нее был проход во двор старинной тюрьмы. Это было сердце Шлиссельбургской крепости. Для охраны его шведские строители крепости приняли надлежащие меры: крепостная стена здесь была выше, чем в других местах, а двор обнесен также высокими крепкими стенами. Так воздвигнута была крепость в крепости. В случае прорыва за крепостные стены неприятель натолкнулся бы на новые стены, на новое и последнее сопротивление.

Я назвал бы это место сердцем крепости, но автор воспоминаний попросту называл его дырой, колодезем, что было также правильно, так как окружавшие это место высокие стены пропускали туда лучи солнца скупно и очень ненадолго. Именно здесь была расположена та «старая» тюрьма, с историей которой я знакомил читателей предыдущих томов моего труда. Это была «старая» тюрьма, которую «свободно» показывали в короткие месяцы 1906 года, когда царизм еще не успел подавить первую русскую революцию и когда закрытие Шлиссельбургской крепости было одним из многочисленных обманов народа,

торжан и ссыльных. Содержание этой рукописи в ее значительной части было опубликовано в журнале «Былое» 1924 г. № 24—28 и 1925 г. № 29, 30 в статьях за подписью Градского.

как и весь царский манифест в октябре 1905 года, носивший характер уловки, рассчитанной на то, чтобы усыпить легковверных, выиграть время, собраться с силами и потом ударить по революции.

В 1907 году осуществлено было переустройство «старой» тюрьмы. Вместо единственного этажа, снесенного до самого фундамента, здесь воздвигли двухэтажное здание. Вместо прежних 10 одиночных камер здесь устроили по 6 камер в каждом этаже, то есть 12 камер, предназначенных для 140 осужденных.

На языке заключенных второй корпус носил название «Сахалин» (а народовольцы периода 1884—1885 годов звали эту тюрьму «сараям»). Название этого корпуса «Сахалином» было очень удачным, так как метко отражало основное назначение этого корпуса. В него переводили из остальных корпусов в виде наказания тех, кого хотели подвергнуть наиболее тяжелому режиму каторги на Шлиссельбургском острове.

Тяжесть режима во втором корпусе можно охарактеризовать в двух направлениях. Прежде всего это здание менее чем все остальные отвечало элементарным требованиям санитарии. Камеры были крайне тесны для размещавшихся в них арестантов. Когда койки были опущены, не оставалось никакого места для хождения по камере — самого распространенного занятия в тюремных камерах. При чрезвычайно спертom воздухе отсутствовала вентиляция, а вместо притока свежего воздуха камера наполнялась невыносимой вонью из «параш». Ватерклозеты отсутствовали. В добавление ко всем этим «прелестям» помещения тюрьмы были сырые и полутемные.

Тяжесть санитарных условий тюрьмы, воздвигнутой на фундаменте тюрьмы XVIII века и унаследовавшей ее отвратительные свойства, усугублялась еще и особым режимом. Заключенных отправляли в этих клоаках, выпуская их лишь на 15—25-минутные прогулки на маленьком и узком дворике (у северной части стен) размером семь-восемь шагов в ширину и около пятидесяти шагов в длину. Четырехсаженные стены не пропускали сюда солнечных лучей. В этом отношении второй корпус Шлиссельбурга, или, точнее сказать, его предок, «старая тюрьма», возможно, послужил прототипом для Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, окна которого были так же близко подведены к крепостной стене.

Четвертый корпус был не только самой обширной тюрьмой на Шлиссельбургском острове, но и самой большой тюрьмой в обширном «царстве» Главного тюремного управления. Он был рассчитан на 600 человек.

Здание четвертого корпуса было построено в виде буквы «Т», по так называемой смешанной системе, то есть в нем были как одиночные, так и общие камеры. По преимуществу же оно было построено по системе общего заключения: в камерах этой системы предполагалось размещать 462 арестанта по 22 человека в каждой общей камере, а число таких камер было доведено в каждом из трех коридоров до 7, то есть всего 21 общая камера. Остальная часть заключенных размещалась в 27 одиночных камерах, но часто по два человека.

В полуподвальном этаже этого корпуса были расположены столярная мастерская, вещевой цейхгауз, две кочегарки парового отопления и десять карцеров, из них три темных. Таким образом, подлежащие дисциплинарному наказанию арестанты направлялись в этот полуподвал.

Над этим полуподвальным этажом был первый этаж, занятый в первую очередь администрацией каторги. Тут были тюремная контора, кабинеты начальника каторги и его помощника, комната, в которой была размещена тюремная библиотека.

В двух следующих этажах были организованы мастерские: ткацкая, сапожная и портновская.

Общие камеры каждого этажа не отличались одна от другой, одинаковыми были также и одиночные камеры.

В общих камерах, кроме 22 косяк, имелось по два стола со скамьями подле них. В каждой камере был свой клозет и умывальник.

Само собой разумеется, что тюремные постройки были огорожены стенами от той части крепости, площадь которой была занята строениями внетюремного характера. Здесь возвышалась церковь, священник которой был вместе с тем и священником каторги. Тут была так называемая братская могила с останками воинов, павших при взятии крепости Петром I у шведов. Последним по времени сооружением здесь была часовня, выстроенная в память 300-летия дома Романовых. Дом коменданта крепости относился по времени его устройства к весьма отдаленным годам. Увеличение числа арестантов на острове на несколько сот привело к необходимости увеличить количество тюремных надзирателей и построить для их проживания новое трехэтажное здание. Здесь же были специальные здания бани и прачечной.

Глава вторая

РЕЖИМ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

§ 3. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ каторжная тюрьма являлась прямою наследницей «Государевой тюрьмы» Шлиссельбургской крепости. Название этой тюрьмы было широко известно начиная со времен Петра I. Два столетия существования Шлиссельбургской крепости все более и более укрепляли за ней известность как самой страшной государственной тюрьмы. Вновь открытая каторжная тюрьма не должна была утратить «славу» Шлиссельбурга, и правительство возлагало на нее надежды, что она вплетет новые «лавры» в украшавший старую тюрьму венок. Этим венком являлся двуглавый орел над входными воротами с надписью «Государева». Такое украшение Шлиссельбургской крепости было в своем роде единственным, не известным никакой другой тюрьме царизма на всем пространстве империи. Оно бросалось в глаза каждому входившему в эту тюрьму, производя на него давящее впечатление, вызвало вспышку ненависти к тому общественному строю, эмблемой которого являлся этот двуглавый орел со скипетром в лапе.

Администрация нового всероссийского карательного учреждения поспешила подновить эту эмблему, потускневшую за дол-

гие годы своего пребывания над входом в крепость. Один из узников, дважды побывавший в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, отметил в своих воспоминаниях новую позолоту орла, как находившуюся «в резкой дисгармонии с сединою стены». Но он же признался также, что входил в ворота Шлиссельбурга без прежнего ощущения ужаса и что не прогадал, обратившись в Главное тюремное управление с просьбой о переводе его из Ярославской каторжной тюрьмы снова в Шлиссельбургскую.

Это признание старого каторжанина, лично ознакомившегося с четырьмя каторжными тюрьмами европейской России, ставит перед нами вопрос: оправдала ли временная Шлиссельбургская тюрьма надежды, возлагавшиеся на нее Главным тюремным управлением? Мое ознакомление с историей этой тюрьмы за десяток лет ее существования дает мне основание ответить на поставленный вопрос: временная Шлиссельбургская каторжная тюрьма оправдала возлагавшиеся на нее надежды лишь частично. Но это обстоятельство не получило сколько-нибудь широкой известности, и поэтому Шлиссельбургская каторга продолжала оставаться в представлении всей арестантской массы, попадавшей в нее, прежним двухсотлетним «страшилищем».

То, что тюрьма не смогла полностью оправдать возлагавшиеся на нее надежды, я объясняю заслугами политических заключенных. Они были первыми узниками этой каторжной тюрьмы. Тюремная администрация, направляя политических осужденных именно в Шлиссельбург, на места, освобождавшиеся после пребывания в них борцов предшествующих поколений, исходила, конечно, из намерения запрячь покрепче врагов царизма из рядов новых поколений.

Первые политические узники нового Шлиссельбурга были наиболее боевыми представителями таких революционных массовых выступлений, как восстания моряков в Севастополе, саперов в Киеве, кронштадтцев и др. Они вошли в Шлиссельбург не с надломленными крыльями, не с опущенными головами, а с твердой верой в ближайшую победу революции. Они с первых же дней показывали тюремной администрации свою твердую решимость бороться за человеческое достоинство. Вновь прибывавшие осужденные за уголовные преступления попадали в значительной степени под влияние политических заключенных и вступали в обстановку, уже до них сложившуюся. С увеличением числа уголовных арестантов влияние политических несколько ослабло, но оно не исчезло совсем.

Сама тюремная администрация Шлиссельбургской каторжной тюрьмы смотрела на себя как на продолжателей той тюремной политики, которая сделала имя Шлиссельбурга общеиз-

вестным. Это ясно видно из тех речей чинов тюремной администрации, с которыми они обращались к новоприбывшим арестантам, принимая их в число своих заключенных. Приведу для примера воспоминания об этом Генкина и Симоновича. Генкин был в числе других переведен в Шлиссельбургскую тюрьму из Смоленска за участие там в так называемом «голом бунте»¹. Он был, как уже упоминалось, одним из самых первых узников новой тюрьмы, поступивших сюда в январе 1907 года. Генкин вспоминал, как начальник тюрьмы Зимберг на приеме партии новоприбывших обратился с речью, в которой подчеркивал, что они прибыли в Шлиссельбург, а здесь возможно наказание их розгами. Угроза поркой представлялась слушателям совершенно нелепой, и они выслушали речь, не будучи в силах сдержаться от улыбок. Должно быть, такие речи на приеме новых заключенных вошли в обиход шлиссельбургской администрации. Другой политический заключенный — Симонович — вспоминал выступление на приеме вместо начальника тюрьмы одного из его помощников. Этот последний грозил 30-дневным карцером и поркой («запорем!»), расстрелом и заканчивал это «любезное» приветствие жестом в сторону реки и словами: «Одни волны неведские будут знать о вас!».

Напоминание этого тюремного оратора о тайне, окутывавшей все то, что творилось на острове, показывает, что тюремщики Шлиссельбурга исходили из уверенности в своей безнаказанности за их действия в каторжной тюрьме.

§ 4. СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАСЕЛЕНИИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

Царизм не опубликовывал никаких цифровых материалов о местах заключения Шлиссельбургской крепости ни в XVIII, ни в XIX столетиях. В течение двух веков, пока Шлиссельбургская крепость оставалась государственной тюрьмой, ее окутывала полная тайна. В печать не должны были проникать никакие сведения не только об условиях содержания заключенных в крепости, но даже и об их количестве. Только после открытия там временной каторжной тюрьмы Главное тюремное управление

¹ «Голый бунт» в Смоленской каторжной тюрьме в конце 1906 года был своеобразным массовым протестом заключенных этой тюрьмы против грязной и грубой одежды. В ответ на отказ начальства выдать требуемое белье и платье заключенные выбросили в коридор все, что на них было, и долгое время оставались голыми.

приступило к помещению в своих ежегодных отчетах некоторых цифр по временной каторжной тюрьме в Шлиссельбурге. Мы располагаем ими за период 1907—1915 годов. Отчет Главного тюремного управления за 1916 год уже не появлялся в печати.

Одна из таблиц (см. таблицу 2) названных отчетов давала следующие сведения по временной каторжной тюрьме на острове Шлиссельбург: 1) число общих камер, 2) число мест в них, 3) число одиночных камер, 4) среднесуточный состав арестантов, 5) высший однодневный состав, 6) число арестантов, содержащихся на 1 января.

Таблица 2

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ПО ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ В ШЛИССЕЛЬБУРГЕ (1907—1915 гг.)¹

Год	Число общих камер	Число мест в них	Число одиночных камер	Среднесуточный состав арестантов	Высший однодневный состав	На 1/1 следующего года содержалось арестантов
1907	20	284	39	100	194	83
1908	20	294	39	197	341	340
1909	20	338	40	246	340	200
1910	50	802	68	234	367	367
1911	50	802	68	710	907	906
1912	50	802	68	829	903	854
1913	50	802	68	770	899	748
1914	58	727	68	811	899	879
1915	58	727	68	885	936	756

Из этой таблицы можно вынести представление о внешней истории временной каторжной тюрьмы.

Официальные цифры показывают, как временная каторжная тюрьма росла и укреплялась. Так, число одиночных камер с 39 за первые два года (1907—1908 гг.) возросло до 68 (в 1910—1915 гг.). А число общих камер увеличилось в еще более значительной пропорции, поднявшись с 20 за первые три года (1907—1909 гг.) до 50 в последующие четыре года (1910—1913 гг.) и даже до 58 за последние два отчетные года (1914—1915 гг.).

Такое увеличение жилой площади в общих камерах, уже известных нам, могло произойти лишь за счет перестройки старых тюремных помещений и постройки новой тюрьмы. В результате таких построек число мест в общих камерах, не достигав-

¹ Изданные в период 1908—1915 годов отчеты Главного тюремного управления за годы, названные в таблице.

шее 300 в первые два года существования каторжной тюрьмы, возросло почти в три раза за 1910—1913 годы.

Вновь выстроенный корпус заполнился лишь в 1911 году. При общем числе мест во всех четырех тюрьмах — 870 — среднесуточное число заключенных уже достигало крупной цифры — 710, а в некоторые дни поднималось даже до 907. Это показывает переполнение тюрьмы сверх нормы. Нам неизвестно, чем объясняется уменьшение мест для арестантов в 1914 и 1915 годах. Это тем более странно, что в то же самое время среднесуточное число арестантов и наивысшая их цифра за те же годы возросли. Отсюда видно ухудшение санитарного положения на Шлиссельбургском острове.

С 1911 года число каторжан на Шлиссельбургском острове достигало внушительной цифры. При этом нельзя упускать из виду, что число каторжан в Шлиссельбурге составляло лишь малую часть общего числа присужденных к каторжным работам по всей империи.

Таблица 3

СРЕДНЕСУТОЧНОЕ ЧИСЛО ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В КАТОРЖНЫХ ТЮРЬМАХ В 1908—1915 ГОДАХ¹

Год	Число каторжан	Год	Число каторжан
1908	16 450	1912	31 748
1909	23 095	1913	30 379
1910	28 742	1914	29 352
1911	29 424	1915	28 987

Рассмотрение этой таблицы показывает, как политическое и экономическое положение широких народных масс в России отражалось на численности заключенных каторжных тюрем в империи. Реакция, наступившая после первой революции, поднимала число каторжан в тюрьмах из года в год до небывалых ранее размеров. Начиная с 1907 года царизм преобразовывает в ряде губернских городов исправительно-арестантские отделения в каторжные тюрьмы и воздвигает новые каторжные тюрьмы.

Новый подъем революционного движения, который начался в 1910 году, вызывает со стороны правительства еще более усиленные репрессии, влечет за собою новые тысячи приговоров царских судов и новые тысячи примеров бессудной расправы.

¹ М. Н. Гернет, Моральная статистика, М., 1922, стр. 95.

Одной из самых возмутительных таких расправ явился расстрел на Ленских приисках рабочих во время их стачки 4 апреля 1912 г., когда по приказу царского жандармского офицера было убито и ранено более 500 человек. Эта расправа царизма с ленскими рабочими вызвала возмущение широких народных слоев во всей стране. Ленские события послужили сигналом для массовых забастовок и демонстраций.

Ответом царизма народу были новые жестокие приговоры, новые репрессии. Царизм строил из них плотину, которой надеялся задержать эту могучую реку народного движения. Именно на 1912—1913 годы пришлось самые высокие цифры среднесуточного состава каторжан в тюрьмах империи. Точно так же и в Шлиссельбургской каторжной тюрьме среднесуточная цифра заключенных в 1912 году была одной из самых высоких — 829.

Мы не располагаем официальным материалом о контингенте заключенных во временной каторжной тюрьме Шлиссельбурга ни по их социальному происхождению, ни по возрасту, ни по характеру совершенных ими преступлений. Отсутствие сведений о преступлениях, за которые последовало осуждение в каторжные работы узников Шлиссельбурга, особенно достойно сожаления. Для нас представлял бы огромный интерес ответ на вопрос о соотношении в тюрьмах Шлиссельбурга осужденных за государственные и за общеуголовные преступления.

Мы нашли указание на численность политических и уголовных заключенных в Шлиссельбурге в воспоминаниях Симоновича, отбывавшего каторгу в Шлиссельбургской крепости с 1911 по 1917 год по статьям 102 Уголовного Уложения и 1632 Уложения о наказаниях. В его время численность политических каторжан определялась цифрой около 200 человек, а уголовных — свыше 600. При этом, по словам автора, «состав политических отражал массовый характер революционного движения 1905 года. В крепости сидели рабочие, крестьяне, матросы, солдаты, интеллигенты»¹.

Для выяснения хотя бы приблизительного состава политических осужденных я обратился к «Биографическому справочнику членов общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев», изданному в 1934 году. Этот Справочник содержит сведения о социальном происхождении, образовании, возрасте, революционной деятельности и о судебной репрессии каждого члена общества. Я составил статистические карточки на тех членов общества, которые отбывали наказание во временной каторжной Шлиссельбургской тюрьме. Следует иметь в виду, что 89 узников

¹ В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 26.

Шлиссельбурга, попавших в наш учет, далеко не исчерпывают, конечно, числа всех политических заключенных этой тюрьмы. Часть из них не состояла членами названного общества политических каторжан. Так, я установил фамилии еще 34 политических заключенных Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, которые не стоят в алфавитном списке членов общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Таким образом, нами поименно установлен состав политических каторжан в 123 человека¹. Принимая во внимание длительные сроки пребывания в Шлиссельбурге осужденных за государственные преступления, следует признать, что указанные нами цифры уже не так малы и во всяком случае проливают некоторый свет на важный вопрос о составе политических узников Шлиссельбурга.

В первую очередь мы обратились к выяснению партийной принадлежности политических узников Шлиссельбурга. Мы определяли ее на основании сведений, которые даны о каждом члене общества политических каторжан и ссыльных.

Таблица 4

ПАРТИЙНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ УЗНИКОВ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

принадлежность к партии	количество
Российской социал-демократической рабочей партии	32
В том числе осужденные за принадлежность к боевым или военным организациям РСДРП	18
К другим партиям	28
Партийная принадлежность не известна	29

Обращает на себя внимание преобладание среди осужденных членов социал-демократической рабочей партии, которым были вынесены приговоры за деятельность в боевых и военных организациях партии.

Мои цифровые сведения о партийной принадлежности заключенных Шлиссельбургской каторжной тюрьмы могут быть восполнены сведениями из нелегальной переписи заключенных

¹ Ю. И. Кораблевым после кончины М. Н. Гернета был обнаружен в Ленинградском партийном архиве «Биографический список политзаключенных нового Шлиссельбурга 1907—1917 гг.», в котором перечисляется 450 человек. В результате архивных исследований Ю. И. Кораблев дополнительно обнаружил фамилии 20 политзаключенных. Из этих (также неполных) сведений видно, что среди политических заключенных Шлиссельбурга в 1907—1917 гг. было около 120 рабочих, 80 матросов и солдат, 50 крестьян — участников аграрного движения, большое число профессиональных революционеров. — *Прим. ред.*

этой каторжной тюрьмы. Сведения о ней дал Гончаров¹ в своей статье, сданной им обществу бывших политических каторжан и ссыльных, архив которого находится на хранении в ЦГАОР. Опись была произведена в 1913 году. Из соответствующей таблицы Гончарова видно, что в указанном году было 223 политических заключенных, из которых 58 принадлежало к РСДРП.

Таблица Гончарова имеет преимущество над составленной мною: она дает сведения о заключенных за определенный год (1913) и выясняет партийную принадлежность более значительного количества узников. В этой таблице социал-демократы заняли по численности первое место.

Шлиссельбургская каторжная тюрьма была местом, куда заточались осужденные за наиболее серьезные государственные и уголовные преступления в самых различных городах империи. Например, мне удалось выяснить, что осужденные по политическим процессам были направлены для отбывания каторжных работ в Шлиссельбург из 28 пунктов России. Среди политических узников находились приговоренные военно-окружными судами и судебными палатами центральной России, а также Кавказа, Прибалтики, Польши, Финляндии. Наибольшее количество осужденных по политическим процессам пришлось на Петербургский военно-окружной суд (28 человек) и Петербургскую судебную палату (10 человек). Кроме судебных палат и военно-окружных судов, поставщиками Шлиссельбургской каторжной тюрьмы были и военно-морские суды.

Перепись 1913 года в Шлиссельбургской каторжной тюрьме выявила судимость различными судами империи 630 заключенных за общеуголовные и государственные преступления.

Таблица 5

Название судов	Человек	%
Военно-полевые	30	4,7
Военно-морские	34	5,4
Военно-окружные	197	31,3
Судебные палаты	103	16,4
Окружные с участием присяжных заседателей	266	42,2

При рассмотрении этой таблицы бросается в глаза крупная цифра осужденных окружными судами с участием присяжных

¹ См. Гончаров, Рукопись о Шлиссельбурге, ЦГАОР, фонд Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, № 267, лл. 86—95.

заседателей. Следует помнить, что суду присяжных не подлежали дела о государственных преступлениях, и, следовательно, уже эта крупная цифра (266 человек) показывает, как велико было численное преобладание уголовных над политическими. Однако эта крупная цифра не исчерпывает всего числа уголовных в тюрьме, так как осуждение за уголовное преступление могло последовать и по приговорам всех остальных судов. В частности, осужденные за уголовные преступления входили и в графу приговоренных военно-окружными судами (197 человек), но нет никаких сведений, насколько велико было это число. При оценке этих данных нельзя упустить из виду, что царская юстиция относилась к осужденным-уголовникам и тех, кто участвовал в аграрных волнениях — в поджогах имений помещиков, в уничтожении их имущества и т. д. Таким образом, число уголовных заключенных было, несомненно, меньшим, чем это указывалось официальной статистикой.

О серьезности предъявленных обвинений к участникам революционного движения, которые стали узниками Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, можно судить по срокам каторжных работ, назначенным этим заключенным. Мы имеем такие сведения о 89 заключенных, ставших намного позднее членами общества бывших политических каторжан и ссыльных.

Таблица 6

СРОКИ КАТОРЖНЫХ РАБОТ, НАЗНАЧЕННЫЕ
СУДАМИ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ЗАКЛЮЧЕННЫМ, ОТБЫВАВШИМ НАКАЗАНИЕ ВО
ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ
ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ТЮРЬМЕ

мера наказания	число осужденных (в %)
пожизненно	8
от 12 до 20 лет	11
» 7 » 10 »	33
» 4 » 6 »	39
» 2 лет 8 мес. до 3 лет	9

Наша таблица показывает, что если политический осужденный попадал в застенки Шлиссельбургской каторги, то он направлялся сюда чаще всего на длительные сроки. Наибольший процент (39%) пришелся на приговоренных к 4—6 годам каторги. Немного ниже был процент осужденных на 7—10 лет (33%). «Вечники» и заточенные в Шлиссельбурге на самые длительные сроки (19%) составили пятую часть всего числа политических заключенных. Наименьший срок осуждения в каторж-

ные работы оказался по нашим материалам в 2 года 8 месяцев. Однако не следует при оценке этого «краткого срока» исходить из нашего обычного представления о времени: не надо забывать, что это был срок каторжных работ и что это «краткое» наказание отбывалось за крепостными стенами на Шлиссельбургском острове.

Наши выводы о длительных сроках заточения в Шлиссельбурге подтверждаются результатами опроса, произведенного самими узниками тюрьмы. По словам инициатора этой анкеты, бывшего политического заключенного Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, «идея статистического исследования каторги самими каторжанами долго носилась в воздухе, но не могла быть претворена в действительность по многим причинам»¹. Исследование могло быть произведено лишь секретно, а статистические материалы надо было уберечь от зорких глаз тюремной стражи и оградить от обнаружения их при обыске камер и самих узников. Первая анкета была произведена в 1912 году и охватила лишь 69 заключенных, преимущественно политических.

Таблица 7

СРЕДИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ 1912 ГОДА
ОКАЗАЛОСЬ:

мера наказания	число осужденных (в %)
Осужденных без срока	12
» на 20 лет	6
» от 10 до 20 лет	36
» » 4 » 10 »	40
» до 4 лет	6

В этой таблице за 1912 год распределение политических заключенных иное, нежели в нашей предшествующей таблице по списку членов общества бывших политических каторжан и ссыльных, однако результаты рассмотрения таблицы 1912 года можно считать совпадающими с нашими выводами о сроках каторжных работ членов общества бывших политических каторжан и ссыльных: эти сроки по преимуществу весьма длительные.

В цитированной мною неопубликованной статье Гончарова приводилась таблица сроков каторжных работ уголовных и политических заключенных за 1913 год. Эта таблица особенно ценна, так как она разработала анкетные материалы более чем о 500 заключенных.

¹ В. Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое» 1925 г. № 2, стр. 124.

В этой таблице особая длительность сроков каторжных работ выявлена еще ярче, чем в предшествующих таблицах. Около половины всех заключенных, находившихся в Шлиссельбурге в 1913 году, были приговорены на срок от 6 до 12 лет. Более 8% попали сюда пожизненно. Более 12% были осуждены на такие длительные сроки, как 15—20 лет.

Таблица 8

СРОКИ КАТОРЖНЫХ РАБОТ ПО ПРИГОВОРАМ
РАЗНЫХ СУДОВ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В 1913 ГОДУ¹

мера наказания	число осужденных
без срока	52
свыше 20 лет	2
от 15 до 20 лет	70
» 12 » 15 »	31
» 6 » 12 »	265
» 4 » 6 »	153
до 4 лет	7

Приведенные нами цифры относятся лишь к небольшой части политических заключенных и лишь к половине населения каторжной тюрьмы за один год. Это не так много, но официальные отчеты Главного тюремного управления хранят полное молчание по интересующему нас вопросу о Шлиссельбургской каторжной тюрьме. При таком умолчании руководящего центра управления тюрьмами приведенные нами цифры проливают некоторый свет на состав узников Шлиссельбурга. Если нет полной уверенности, что наши таблицы исчерпывающе познакомили нас с распределением каторжан по срокам каторги, то приблизительно представление об этом мы все же получили.

Мы располагаем сведениями о времени прибытия осужденных на каторгу в Шлиссельбург лишь по разработанным нами материалам «Биографического справочника членов общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев». Рассмотрение этих материалов показывает, что трехлетие — 1910—1912 годы — было периодом «расцвета» Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Именно в эти годы поступила в тюрьму половина всех осужденных (50,5%).

В первые три года существования временной каторжной тюрьмы царизм не преминул использовать ее для заточения осужденных по политическим процессам: 31,7% политических

¹ См. Гончаров, Рукопись о Шлиссельбурге, ЦГАОР, фонд Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, № 267, лл. 86—95.

узников были направлены на остров Шлиссельбург именно в это трехлетие — 1907—1909 годы.

В 1914—1916 годы в Шлиссельбургскую тюрьму прибыло 17,8% общего числа политических заключенных. Среди них были осужденные пожизненно, на 15, 12, 10 лет и на менее продолжительные сроки, но ни один из них не «успел» отбыть полностью назначенный ему срок: все они были освобождены восставшим народом 28 февраля и 1 марта 1917 г.

Большинство политических узников Шлиссельбургской каторги начало отбывать наказание в этой тюрьме, находясь еще в молодом возрасте. Молодой возраст политических обвиняемых давно отмечен в истории русского революционного движения. Сведения, собранные нами по Шлиссельбургу, снова подтвердили этот факт и показали, что политические каторжане были заточены в Шлиссельбург чаще всего в возрасте до 30 лет.

Таблица 9

ВОЗРАСТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ
ПОСТУПЛЕНИИ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКУЮ КАТОРЖНУЮ
ТЮРЬМУ

(в процентном отношении к общему числу)

от 16 до 19 лет	7%	от 30 до 34 лет	13%
» 20 » 24 »	34%	» 35 » 39 »	5%
» 25 » 29 »	34%	» 40 » 53 »	4%

Итак, 75% политических каторжан не достигли 30-летнего возраста. После достижения 35-летнего возраста осужденные по политическим процессам поступали в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму лишь в редких случаях. Старейшими по возрасту оказались двое осужденных — аграрники (51 и 53 лет), из которых один, И. Е. Пьяных, был членом II Государственной думы, приговоренным по делу так называемой Щигровской республики к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами. Одновременно с ним отбывал в Шлиссельбурге каторгу и его сын, тоже осужденный без срока. Их обоих освободила из тюрьмы революция 1917 года. Другой, еще более пожилой шлиссельбуржец Пелёнкин (53 лет) был также приговорен как аграрник.

В возрасте 40 лет в Шлиссельбургскую тюрьму поступили всего трое. Один из них, член РСДРП большевик Я. О. Рекстынь, был осужден за участие в забастовке (Рига), другой, член РСДРП большевик И. Х. Лалаянц, был приговорен по делу военной большевистской организации при Петербургском комитете РСДРП, третий — член РСДРП Н. А. Канторо-

вич — был осужден к бессрочной каторге за участие в Севастопольском восстании.

Более значительный интерес представило выяснение профессионального состава шлиссельбургских политических каторжан. Пролетарский характер развивавшейся революции сказался в очень большом проценте рабочих среди политических каторжан (48,4%). Здесь были представители различных отраслей труда¹: электромонтеры, слесари, токари, наборщики, текстильщики, переплетчики, столяры и т. д. Учащиеся, игравшие и раньше большую роль в русском революционном движении, оказались среди политических каторжан Шлиссельбурга в количестве 22,4%. Среди них были студенты университетов и институтов, ученики средних учебных заведений, окончившие и не окончившие курсы. Наибольшая часть из них была осуждена за принадлежность к революционным организациям и особенно к РСДРП; встретились также осужденные за террористические акты и экспроприации, за побег из Сибири.

Десятую часть политических каторжан Шлиссельбурга составляли ремесленники. Мало оказалось узников, обозначивших свою бывшую профессию, как «земледелие» (6,7%). Еще меньше было политических каторжан из числа интеллигенции (4,4%). Группа служивших в различных предприятиях дала 7,8% и была неопределенной по своему составу, так как сюда входили служившие в торговых предприятиях (приказчики, конторщики различных учреждений и пр.).

Перепись шлиссельбургских каторжан 1913 года дала другую картину распределения заключенных по их занятиям до осуждения. Различие в распределении по роду занятий политических узников по материалам списков бывших политических каторжан и ссыльных в сравнении с итогами переписи 1913 года объясняется тем, что эта последняя перепись охватила в большинстве своем уголовных каторжан. Не будет ошибкой рассматривать итоги этой переписи как показатели профессионального состава осужденных за уголовные преступления. На первом месте оказались занятые земледелием (28,5%), составлявшие среди политических осужденных всего 6,7%. Наоборот, фабрично-заводские рабочие оказались среди 630 каторжан в количестве 20,5%, между тем как среди политических узников их про-

¹ В цитированной нами статье Градского с результатами статистического обследования политических заключенных 1913 года в Шлиссельбургской каторжной тюрьме при выяснении профессий не было проведено грани между профессией и сословием, но рабочие заняли по высоте процента первое место (33%), а вслед за ними стояла группа «крестьян» (31%), «Былое» 1925 г. № 2, стр. 126.

цент был много выше (48,4%). Точно так же оказалось и с учащимися: вместо 22,4% среди политических заключенных их было только 6,0% в общей массе узников. Воспроизвожу таблицу переписи 1913 года.

Таблица 10

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И УГОЛОВНЫХ
КАТОРЖАН ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ
ТЮРЬМЫ В 1913 ГОДУ

	чел.	в %
Земледельцы	179	28,5
Чернорабочие	79	12,6
Фабрично-заводские рабочие	129	20,5
Ремесленники	120	19,0
Торговцы	28	4,4
Конторские служащие	20	3,2
Преподаватели и учащиеся	37	6,0
Фельдшеры и аптекари	5	0,8
Врачи	1	0,1
Прочие	32	4,9
Всего	630	100,0

Наши сведения относительно образовательного уровня узников Шлиссельбурга, осужденных за государственные преступления, находятся в согласии со сведениями об их профессии. Демократизация политического движения в России, выразившаяся в большом числе осужденных из числа рабочих, подтверждается большим процентом среди узников Шлиссельбурга таких, которые получили лишь домашнее или низшее образование (60,6%). Со средним образованием, законченным и незаконченным, было 27%, а с высшим образованием — 11%¹.

Таковы сведения о составе политкаторжан Шлиссельбурга. Если дать общую характеристику этого ядра узников, то следует отметить, что чаще всего политические каторжане были рабочей молодежью с образованием ниже среднего. В большинстве они были жертвой военной юстиции, а потому и посылались в Шлиссельбург на длительные сроки. Их политические симпатии

¹ Анкета 1913 года среди политических заключенных Шлиссельбургской каторжной тюрьмы выявила среди узников почти такой же процент получивших низшее образование и самоучек (64%), какой оказался по нашему исследованию (60,6%) на основании материалов членов Общества политкаторжан и ссыльных.

в большинстве случаев были на стороне РСДРП, и притом многие из них были активными членами боевых и военных организаций большевиков.

§ 5. ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ. БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ С КАТОРЖНЫМ РЕЖИМОМ

Режим каторжной Шлиссельбургской тюрьмы отличался одной особенностью, выделяющей эту тюрьму из ряда других каторжных тюрем. Такой особенностью было чрезвычайно широкое применение дисциплинарного наказания карцером. У начальника тюрьмы Зимберга был свой взгляд на систему дисциплинарного наказания. Он видел в карцере наиболее действенное средство дисциплинарного воздействия на заключенного. Он отдавал предпочтение лишению свободы в светлых и темных карцерах перед другими мерами воздействия на арестантов.

«Симпатией» Зимберга к этому наказанию объясняется факт постепенного разрастания карцеров в тюремных корпусах на острове Шлиссельбург. По мере их устройства они становились необходимой принадлежностью этих корпусов. Впрочем, это отнюдь не означало, что, например, заключенные четвертого корпуса не могли попасть в карцеры других корпусов. У нас нет никаких указаний, чем руководствовалась администрация Шлиссельбургской каторги, направляя арестантов в тот или другой карцер, и от кого именно из чинов этой администрации зависел выбор карцерной камеры для наказания. Между тем это было далеко не безразлично для наказанных, так как состояние отдельных карцеров не было одинаковым: одни из них были особенно опасными для здоровья и жизни, а другие представляли такую угрозу в меньшей степени.

Кроме камер, специально приспособленных для дисциплинарного наказания, администрация пользовалась для этих же целей и другими помещениями, не исключая обычных общих и одиночных камер. В таких случаях здесь применялся карцерный режим, то есть вводились дополнительные ограничения и разные способы отягощения заточения, как, например, отобрание постелей, запрещение чтения, свиданий и пр. Генкин, как нам уже известно, один из первых наиболее ранних узников Шлиссельбургской каторги, попавший сюда еще в январе 1907 года, вспоминал, как в этом году участники коллективного протеста отбывали наказание карцером в пустовавшей камере

первого корпуса («зверинца») и в каком-то сарае, «помещавшемся в одной из угловых башен крепости», так как своих карцеров в третьем корпусе, где находились провинившиеся заключенные, тогда еще не было.

Описания карцеров даны в воспоминаниях о Шлиссельбурге всех авторов тюремных мемуаров. Но с наибольшей подробностью ознакомил читателей с шлиссельбургскими карцерами В. Градский. В известной степени его воспоминания напоминают даже исследование. Надо признать, что у Градского было достаточно материала для такого исследования: он 25 раз отбывал это дисциплинарное наказание.

Названный мною автор определил общее количество карцеров цифрой 19. Добрая половина их, а именно десять, находилась в подвальном этаже четвертого корпуса, шесть — в башне между первым и вторым корпусами, три карцера находились в специальной пристройке при кухне и предназначались в первую очередь для заключенных третьего корпуса.

Из десяти карцеров четвертого корпуса три были темными, без оконных рам, а семь были снабжены рамами. Однако потребность в темных карцерах привела к устройству на рамах этих семи карцеров железных щитов, с помощью которых светлый карцер превращался в темный. Впрочем, щиты все же не исключали возможности отличить день от ночи.

Для сна служил помост, окрашенный масляной краской. Во всех этих карцерах было очень холодно, и несмотря на это, в коридоре под предлогом проветривания помещения раскрывались окна.

Градский, очевидно, особенно подробно на практике изучивший карцеры в башне, дал такое их описание. Внутренность башни была цилиндрическая, часть была оставлена для входа, остальная разбита на три равные части. Карцеры получились неправильной формы, представляя собою часть площади круга, отсеченного хордой, длина которой равнялась трем-четырем аршинам, а высота дуги — аршина полтора. Окон, конечно, никаких не было¹.

Градский отдает этим карцерам преимущество перед другими. Он не обращает особого внимания на полнейшую темноту во всех шести карцерах без окон и не особенно сетует на паутину, бахромой спускавшуюся сверху на грязные стены, не знавшие уборки со времени их устройства, так как в этих «апартаментах» было не так холодно, как в других. Толстые, саженные

¹ См. В. Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое» 1925 г. № 20, стр. 120.

стены крепости не пропускали и тридцатиградусного мороза. В одном же карцере (в номере первом) проходила труба парового отопления, так нагревавшая помещение, что заключенные раздевались догола. Градский иронически называл этот карцер «Ривьерой».

Описание трех карцеров в пристройке около кухни дал Вороницын. Два из них были темными, а в третьем, носившем название светлого, было маленькое окошечко у самого потолка. Эти три камеры были снабжены клозетами. По последнему слову тюремной техники они промывались водою, но лишь после того, как ее спускал тюремный надзиратель из коридора. Здесь был «зверский» холод.

Кроме описанных карцеров, служили в качестве таковых еще семь камер при больнице. Они носили название изоляционных, а помещение, занятое ими, именовалось «изолятором». Первоначальное его назначение состояло в изолировании арестантов, заболевших заразными болезнями, от остальных больных. При отсутствии заразных больных изолятор фактически превращался в карцерное отделение, а в его отдельные камеры помещали даже и по три человека. Известно, что в этих изоляционных камерах отбывали карцерное заключение Серго Орджоникидзе, Ф. Н. Петров и др.

Я уже говорил, что начальник Шлиссельбургской каторжной тюрьмы был большим поклонником дисциплинарного наказания карцером. Об этом свидетельствуют все авторы тюремных воспоминаний. К сожалению, ввиду уже отмеченного мною отсутствия архивных дел по Шлиссельбургской каторге я не мог собрать по этому вопросу официальных материалов.

Впрочем, Градский сообщил в своей статье цифры, очень показательные для выяснения вопроса, насколько часто карцер назначался в Шлиссельбурге. Как уже указывалось, в конце 1912 года на Шлиссельбургской каторге была секретно проведена среди заключенных анкета. Она охватила очень небольшое число узников, а именно лишь 69 человек, преимущественно политических. Оказалось, что они в общей сложности провели в карцерах 3963 суток. Никто из наказанных не провел в карцерах менее 30 суток. Один просидел в карцерах 247 суток.

О распространенности наказания карцером можно отчасти судить и по перечню тех «провинностей», которые влекли за собой эту дисциплинарную меру. Перечень не поддается исчерпывающему определению. Какого-либо заранее установленного мерила или масштаба для определения наказания не существовало. Безграничный простор раскрывался перед тюремной администрацией карать и миловать арестанта. Из воспоминаний

бывших узников Шлиссельбургской каторги можно видеть, что карцер назначался за следующие «провинности»: за невставание при проверке, за неснятые шапки перед начальством, за пение и за слушание пения, за передачу записки другому заключенному, за перестукивание, за получение записки, за опоздание встать по свистку, за отказ идти на стройку, за оскорбление надзирателя, за разговор с заключенным в одиночку и многое другое. Сроки содержания в карцере колебались в пределах от нескольких дней до 30 суток. Начальник тюрьмы был сторонником наиболее продолжительного срока заключения — 30 дней. Недаром при коллективном протесте всей шлиссельбургской каторги в 1912 году против применения розог в письменное требование был включен специальный пункт (седьмой): «отмена тридцатисуточного карцера».

В этом же году в протест был включен специальный пункт о порядке содержания в карцере: «выдача в карцере кандалного ремня, подкандалников, горячей воды, соли. Отопление карцеров зимой» (п. 8). Казалось бы, что может быть скромнее требований о выдаче кандалного ремня, подкандалника и пр.? В действительности эти требования были вызваны такими переживаниями в карцере, настоящую цену которых знал лишь тот, чьи ноги были скованы кандалами: без подкандалников оковы натирали в кровь ноги, а при отсутствии кандалного ремня кандалы с шумом и лязгом тащились при ходьбе по полу карцера. В ходьбе же проводилась наибольшая часть карцерного пребывания. Совершенно неправильно утвердилось в обиходе выражение «сидеть в карцере». Там не сидели, так как не на чем было сидеть. Там мало и лежали — на узких досках было неудобно и больно лежать. Карцерное время проходило не в сидении и даже не в лежании, а большей частью в ходьбе, особенно в холодные времена года. Только ходьба, быстрые движения или бег на месте спасали узника в холодное время от замерзания. Один из узников, Шарапа, вспоминал, как он, «набегавшись до упада», обессилев от голода и холода, валялся на пол.

Каждый бывший заключенный, описывавший карцеры царских тюрем, непременно отмечал их холод и вспоминал различные меры борьбы с ним узников. Не раз цитированный мною Градский, как я уже говорил, познавший во всей полноте условия пребывания в карцере, отмечал в первую очередь карцерную температуру. Для согревания себя на досках койки без подушки и одеяла наказанные, сняв с себя рубашку, завязывали в ней воротник и залезали в нее, как в мешок. От собственного дыхания заключенного в таком мешке температура немного подни-

малась. Однако рубашка плотно прилегала к спине, и холод быстро давал себя знать. Тогда узник вскакивал с койки, начинал бегать или вертеться по камере. Карцерный пронизывающий холод не давал возможности уснуть, прерывая и без того короткий, нервный тюремный сон. Здоровье еще более расшатывалось. Прямым последствием этого были заболевания. Их и не могло не быть. Ведь даже железные кандалы покрывались ржавчиной. Туберкулез, воспаление легких, нервное заболевание, катар желудка, ревматизм были следствиями наказания карцером. Нередко случалось, что надзиратели не выводили, а выносили из карцера арестанта, отбывшего свое наказание.

Тюремная администрация, имея основание ожидать, что условия карцерного заключения могут привести наказанного к попыткам покончить жизнь самоубийством, принимала некоторые предупредительные меры. К числу их относилось, кроме отобрания кандалного ремня, отобрание также портянок, галстука, носового платка, полотенца, очков. Принимались и другие меры, не имевшие никакого отношения к предупреждению попыток самоубийства в карцере и не поддающиеся никакому объяснению, кроме того, что царские тюремщики использовали все средства, чтобы сломить силы и дух заключенных.

Например, если одежда заключенного была еще не вполне изношена, то она заменялась такой рванью, которую давно пора было выбросить. Едва ли такое переодевание производилось для целей сохранности одежды от карцерной грязи и сырости, когда приходилось лежать или прямо на полу или на досках, положенных на асфальтовый пол, никогда не знавших ни мытья, ни веника. Или, может быть, тюремщики рассчитывали, что лохмотья и дыры на изношенных штанах и куртке или рубашке заставят наказанного сильнее чувствовать холод в карцере?

Пребывание в темном карцере по закону не могло быть непрерывным: через трое суток темный карцер заменялся светлым и вместо хлеба и воды должна была выдаваться горячая пища, а вместе с тем должна была быть предоставлена пятнадцатиминутная прогулка. Стоит ли говорить, что сколько-нибудь строгого соблюдения этого правила не было. В карцерах, находившихся в башне, такие льготы совсем не предоставлялись.

Абсолютная темнота в карцере особенно ощущалась в первое время заключения. Тогда наказанный передвигался с протянутыми вперед руками, натываясь на стены. При уже истрепанных нервах такая крошечная тьма производила на заключенного тяжелое впечатление, особенно когда кругом царил мертвая тишина.

Один из авторов неопубликованных тюремных воспоминаний признавался, что карцерная тишина производила на него впечатление гнетущей тоски, от которой некуда было деваться. Он вспоминал, какую радость он испытал, когда услышал жужжание под потолком мухи: «Через несколько минут в углу, где-то под потолком зажужжала муха. Что же вы думаете? Честное слово, я обрадовался мухе! Да, мухе. Этой... самой мухе, что в комнате мы ненавидим и убиваем ее, этой самой мухе я обрадовался, как другу».

Такое признание карцерного узника лишний раз свидетельствовало о том, что тюремная администрация хорошо знала наиболее болезненные места психологии заключенного и не упускала случая бить именно по этим местам.

Тишина в карцере иногда вызывала в наказанном неудержимое желание нарушить ее. Он начинал то громко петь, то декламировать, то неистово метаться и стучать в двери карцера. В Шлиссельбургской каторжной тюрьме нередко бывали случаи заключения в один и тот же карцер двоих и даже большего числа провинившихся. Тогда открывалась возможность для заключенных вести беседы и вместо выступлений «соло» организовывать «дуэты», «трио» и т. д.

О таких хоровых исполнениях вспоминал А. К. Кукобин — участник коллективного протеста шлиссельбургских каторжан в 1912 году, после применения к трем заключенным телесного наказания.

За отказ встать на проверку и за открытое предъявление требования изменений тюремного режима до трехсот заключенных были переведены на карцерное положение. Администрация была принуждена превратить в карцеры не только одиночные, но и общие камеры. Кукобин, находившийся с товарищами в четвертом корпусе, был переведен с некоторыми из них во второй корпус, где ряд камер был приспособлен для карцерного заключения. Протестовавшие были размещены в этих камерах по 15 человек. Такое необычно большое число наказанных, пребывавших вместе в одной камере, поднимало их настроение и укрепляло еще более в решении продолжать настаивать на своих требованиях. Карцерный регламент оказался на целый месяц низвергнутым, насколько это могло зависеть от самих заключенных. Они оставались лишенными коек, горячей пищи, прогулок и пр., но они совсем не считались с запретами вступать в общение с другими камерами, с приказами вставать на проверку, сохранять абсолютную тишину и пр. Сразу же после перевода их во второй корпус они начали перестукивание с соседними камерами через стены и потолок. Перед ними выяснилась

картина широкого протеста не только политических, но и уголовных арестантов. Они установили свой распорядок дня. Большую роль в этом распорядке играло пение. Произошло неслыханное и невиданное в стенах Шлиссельбургской крепости событие. Мертвую тишину крепости сменило живое, сильное пение революционных песен. Таким пением вместо утренней молитвы начинался тюремный день и таким же пением он заканчивался «на сон грядущий».

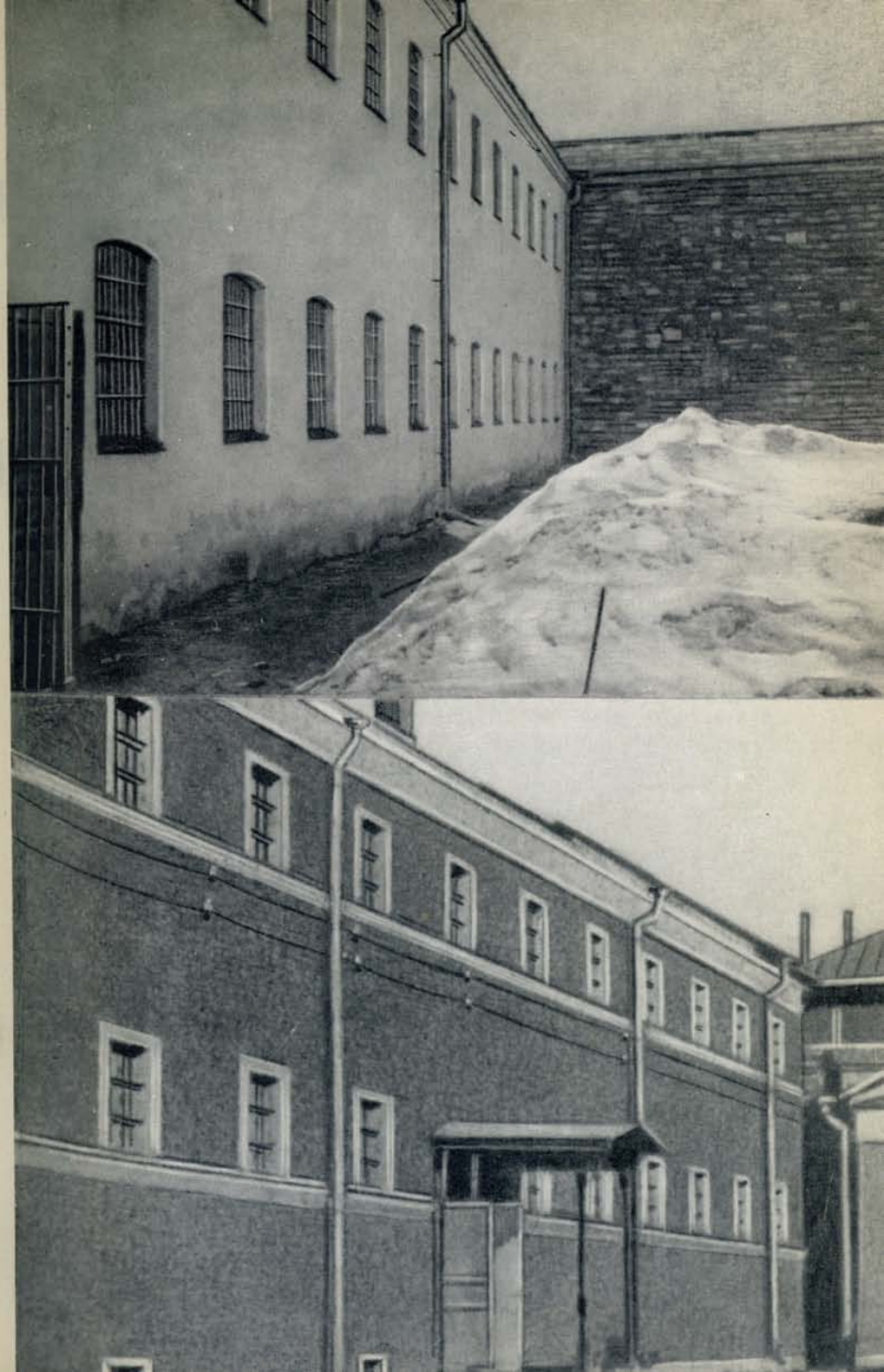
Кукобин приводит слова распевавшейся тогда в карцерах революционной песни с припевом:

Лейся в даль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром наше знамя реет,
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет,
Оно горит и ярко рдеет —
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Этот припев повторялся после каждого куплета, который запевал молодой каторжанин, обладавший хорошим голосом. Он дирижировал и пел:

Слезам залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный,
Неумолимый грозный суд!
Неумолимый грозный суд!
Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть, —
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть!
Добро не может умереть!
Бездушный мир, тупой, холодный,
Готов погибнуть наконец,
Но будет счастьем труд свободный,
И братство даст ему венец.
И братство даст ему венец.
Смелей, друзья! Идем все вместе,
Рука с рукой и мысль одна!
Кто скажет буре: стой на месте?
Чья власть на свете так сильна?
Чья власть на свете так сильна?
Долой тиранов! Прочь оковы!
Не нужно гнета, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!
Владыкой мира будет труд!

Участь этого запевалы революционной песни была такая же, как и запевал в других камерах: их перевели в карцеры башни, с описанием которых мы уже знакомы. Однако на их место всегда находились другие певцы, и революционные песни раз-

Шлиссельбургская крепость в 1905—1917 гг.

Фотографии хранятся в Музее Революции СССР

Рис. 3. (на обороте вверх)
Второй корпусРис. 4. (на обороте вниз)
Третий корпус (народовольческий)Рис. 5. Четвертый корпус.
Полуподвальный этаж — карцер и одиночные камеры

давались под сводами тюрьмы до последнего дня тридцатисуточного заключения в карцер.

В первых четырех томах «Истории царской тюрьмы» мне приходилось говорить о широком применении телесных наказаний в царских тюрьмах. Наступление XX века не принесло с собою издания закона о полной отмене телесных наказаний в местах лишения свободы. Закон 1903 года отменил лишь наказание треххвостной плетью, оставив в силе применение розог в качестве дисциплинарного наказания для приговоренных к наиболее тяжким видам лишения свободы. Рост политической реакции в России за последние полтора десятка лет царизма привел к колоссальному росту телесных наказаний, особенно в каторжных тюрьмах. Главное тюремное управление предпочитало не только не опубликовывать каких-либо сведений о наказании розгами арестантов, но даже не собирать об этом никаких официальных материалов. Однако такое наказание вызывало чувство омерзения, негодования и протеста широких слоев населения, а в самих тюрьмах приводило к коллективным выступлениям заключенных, к самоубийствам наказанных и их товарищей по заключению и к убийствам чинов тюремной администрации.

Шлиссельбургская каторжная тюрьма составила исключение в ряду других каторжных тюрем в отношении применения телесных наказаний. Это можно с полной уверенностью констатировать за период последних шести лет существования этой каторги. Относительно же первых четырех лет (1907—1910 гг.) в истории Шлиссельбургской каторжной тюрьмы встречаются у авторов тюремных воспоминаний указания на распространение розог в период тюремного строительства на острове за отказ принимать участие в возведении новых тюремных зданий. Я был лишен возможности выяснить этот вопрос по официальным материалам (например, по листам дисциплинарных наказаний в индивидуальных делах каторжан). Широкое применение карцера за весь период Шлиссельбургской каторги как будто бы дает основание предполагать, что телесные наказания в Шлиссельбурге не свирепствовали так, как во многих других каторжных тюрьмах и в особенности, как мы увидим ниже, в Орловской каторжной тюрьме.

Мы видим подтверждение правильности подобного предположения в факте такого интенсивного протеста политических и уголовных заключенных в Шлиссельбурге летом 1912 года против наказания розгами, какого по количеству участников протеста не знала никакая другая тюрьма. Я подчеркиваю, что не было другого такого протеста по количеству участников его, так

как бывали и другие протесты, страшные по форме, в которую они выливались, как, например, массовые самоубийства и покушения на них в сибирских тюрьмах. Протест в Шлиссельбурге в 1912 году имел своим последствием фактический отказ тюремной администрации повторять применение такого наказания. Уже по одному этому он должен быть отмечен нами. Но он заслуживает ознакомления наших читателей с ним и по той форме, в которую он вылился. Она была совсем необычной. Протест вылился в революционное выступление до трехсот заключенных. Участники протеста не ломали тюремных камер. Они не наполняли тюрьму шумом ударов по дверям камер, не выбрасывали в коридоры каких-либо предметов из своих одиночек и общих камер.

Характерной особенностью выступления шлиссельбургских каторжан летом 1912 года было пение ими в карцерах и в камерах на карцерном положении революционных и других песен. Одну из них я уже приводил выше со слов участника протеста А. К. Кукобина. Другие участники этого протеста привели названия нескольких таких песен, распевавшихся в отдельных камерах различных корпусов Шлиссельбурга. Ими назывались песни: «Вставай, поднимайся, рабочий народ», «Смело, товарищи, в ногу», «Покоренный на Востоке, покоритель на Руси», «По пыльной дороге телега несется», «Сбейте оковы, дайте мне волю», «Нас давит, товарищи, власть капитала», «Нам трудно жить на свете стало».

Перезвон кандалов на ногах был обычным аккомпанементом к этому пению.

До нас дошло нелегальное письмо Жадановского к его сестре с воспоминаниями об его участии в этих народных концертах. Он был заключен тогда в карцер вместе с Лихтенштадтом, который и был его партнером в этом пении: «Помню, 17-го июля вечером устроили концерт. Между прочим, я с Володей (Лихтенштадтом. — М. Г.) пели дуэт: «Ночи безумные». Я — первый голос. Можешь вообразить, что это был за дуэт. Я декламировал «Море» Вейнберга и «Мы спорили долго», — последнее особенно с большим успехом. Сравниваю я всегда только наши дикие вызовы Ван-дер-Брандт, Баттистини и т. д. Только тут это длилось непрерывно неделю, да на хлебе и воде, да в темноте!!...»¹.

Градский, подробнее других ознакомивший читателей с событиями 1912 года, красочно описал превращение «мертвого

¹ И. П. Вороницын, История одного каторжанина, М. — Л., 1926, стр. 163.

дома» шлиссельбургской каторги в грандиозный концертный зал. Я привожу довольно обширную выдержку из его статьи. Она говорит о небывалом по форме протесте каторжан. История царской тюрьмы знает большое разнообразие форм протеста: общие голодовки, бойкот тюремной администрации, оскорбление ее, нападение на нее, голый бунт, ломание тюремной обстановки, страшный стук и пр. На этот раз протест вылился в удивительную форму — в коллективное пение музыкальных произведений революционного пафоса.

Градский вспоминал: «Песнь второй камеры внесла сперва в остальные одиннадцать камер гробовую тишину, но затем быстро всколыхнула дремавшие силы, и уже через несколько минут пел весь корпус. Разные песни сливались в одну общую музыку, которая осилила петровские стены, перешагнула через них, опустилась на лоно вод Невы и Ладожского озера и поплыла по ним в город и к рабочим на пороховые заводы, всем сообщая свою радостную весть, что мертвый Шлиссельбург заговорил, что есть сомнения в незыблемости вековой твердыни царского оплота...»¹.

Это пение поднимало настроение заключенных и бесило чинов тюремной администрации. Начальник тюрьмы, его помощники и надзиратели не были в состоянии остановить песню. Правда, с приближением конца карцерного пребывания голоса становились глуше, число певцов убывало: голод, отсутствие прогулок, спертый воздух в битком набитых камерах делали свое дело, арестанты заболели и выбывали из карцеров в больницу.

Пение было лишь одной из форм арестантского протеста. Другими формами были отказ вставать на утреннюю и вечернюю поверку, вставать во фронт при входе начальства, отвечать ему на приветствие хором: «Здравия желаем, ваше высокоблагородие», требование не обращаться на «ты» и пр.

Но пора сказать о причинах этого небывалого массового протеста. Причинами протеста были все те условия, из которых слагался тюремный режим. Заключенные переносили их неодинаково, хотя обстановка заключения была тягостна для всех. Индивидуальные протесты не прекращались. Широкое применение карцера доказывало это. Одновременно росло и общее чувство негодования всего коллектива. Оно с особой силой вырывалось наружу, когда трое заключенных были подвергнуты наказанию розгами.

¹ В. Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое» 1924 г., № 27—28, стр. 218.

Ближайшим поводом к протесту послужил случай, подобных которому было всегда много. Помощник начальника тюрьмы при проверке заключенных, недовольный выправкой одного из узников, назвал его коровой. Бранные слова по адресу узников были обычными в устах всех чинов администрации. На этот раз обидное слово переполнило чашу терпения заключенных. Заговорили о необходимости защитить себя от грубостей, переходивших в настоящее оскорбление человеческого достоинства. Было решено потребовать от оскорбителя извинения. В ответ на предъявление такого требования последовал настоящий истерический хохот исполняющего обязанности начальника тюрьмы (Агафонова).

— Вы, такие, сякие, перед вами извиняться! — кричал Агафонов, топая высокими каблуками об асфальтовый пол.

— Перед вами, перед каторжниками?! — Он истерически захохотал.

— Вам не нравится, что он обозвал вас коровой? Ха-ха-ха!

Автор воспоминания не решился воспроизвести бранные слова, обращенные Агафоновым к арестантам. Легко представить себе удивление этого Скалозуба, с уст которого не сходила никогда самая грубая брань, который со всем своим штатом считал арестантов лишь скотом и который вдруг услышал требование вежливого обращения с заключенными. Его истерический смех был искренним: тюремный администратор органически не был способен воспринять требование заключенных. Этому солдафону требование арестантской массы человеческого к ней отношения представлялось не только бессмысленным, но и дерзким.

Чувство солидарности охватило всех заключенных. Протест разливался по тюремным камерам и перебрасывался из одного корпуса в другой. Он начался с отказа вставать на проверку, приветствовать начальство и т. д. Вместо ровных рядов вытянувшихся во фронт арестантов тюремщики видели перед собой растянувшихся на койках, сидящих на скамьях и повернувшихся к ним спиной людей.

Протест становился все более и более организованным. Перевод целой камеры на карцерное положение крепче сплачивал между собой заключенных и вливал в них новые силы для продолжения начатого дела.

Многих из наказанных переводили во второй корпус. Здесь же заключенными был выработан ряд требований для предъявления их в письменном виде начальству.

Автор тюремных воспоминаний Градский, которому товарищи поручили выработать эти требования, воспроизвел их с дословною точностью. Вот они:

1. Немедленная отмена навсегда телесного наказания.
2. Отмена для бессрочно-каторжных ношения ручных кандалов.
3. Немедленное увольнение помощника начальника Любенецкого и тюремного врача Шермана.
4. Отмена обращения администрации с каторжанами на «ты» и введение обязательной вежливости.
5. Отмена снятия шапок перед администрацией по команде.
6. Отмена ответа на приветствие в форме «здравия желаю».
7. Строгое применение закона о расковке окончивших кандалный срок.
8. Применение по закону «сидки» для разряда исправляющихся.
9. Улучшение постановки дела медицинской помощи.
10. Изоляция больных от здоровых в отдельные камеры и высылка туберкулезных в южные тюрьмы.
11. Допущение в библиотеку книг по беллетристике, общественным вопросам и журналов.
12. Увеличение прогулок до одного часа и введение еженедельной бани.
13. Отмена 30-суточного карцера и введение обязательного перевода на четвертые сутки в светлый карцер.
14. Выдача в карцер кандалного ремня, подкандалников, горячей воды и соли. Отопление карцера зимой.
15. Улучшение общей арестантской пищи.
16. Установление особого порциона для больных катаром желудка.
17. Немедленный вызов начальника Главного тюремного управления, если начальник тюрьмы не найдет для себя приемлемым удовлетворение настоящих требований¹.

На первом месте было поставлено требование отмены телесных наказаний. Для придания этому требованию категоричности добавлялось, что розги должны быть выведены из употребления немедленно и навсегда. Этот пункт единодушно поддерживался всеми заключенными, не только политическими, но и уголовными.

Требование отмены розог предъявлялось под тягостным впечатлением недавней порки троих заключенных. Каждый из них был наказан 35 ударами. Протест не был стихийным.

¹ См. В. Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое» 1924 г., № 27—28, стр. 215.

К нему велась долгая подготовка. Ее успеху содействовали общественно-политические настроения вне тюрьмы, всегда отражающиеся и на тюремном мире. На свободе политическая реакция начинала изживать себя.

Нарастающая волна революционного движения уже не могла быть остановлена массовыми репрессиями царизма.

Точно так же и на Шлиссельбургской каторге репрессии как будто перестали пугать заключенных. Политические узники вели пропаганду о необходимости дать отпор тюремной администрации и положить конец ее бесчинствам. Такие речи встречали все больше и больше сочувствия со стороны уголовных. Ленские расстрелы, оказавшие огромное влияние на сдвиги в общественных настроениях, отражались и в Шлиссельбурге. Это отметил и узник Шлиссельбургской каторги Градский, писавший по этому поводу: «Ленский расстрел рабочих так всколыхнул стоячее болото, что почувствовалось даже на каторге. Снова заговорили об общественных язвах. Тюрьма начала психологически отражать настроение общества — дух протеста стал развиваться гигантскими шагами»¹.

Только сдвигом настроений всего коллектива шлиссельбургских каторжан можно объяснить размеры развернувшегося протеста. Лишь сменой арестантской апатии готовностью к активным выступлениям можно объяснить, что ничтожный и самый обычный факт грубого обращения тюремщика к арестанту оказался искрой, от которой разгорелось пламя.

На особом положении оказались 14 заключенных, которых администрация шлиссельбургской каторги считала не без основания главными виновниками протеста, его организаторами. Они были отобраны из общего числа заключенных и уже 7 июля 1912 г. размещены по карцерам. Их пребывание в местах дисциплинарного наказания не отличалось от пребывания в карцерах и на карцерном положении остальных наказанных. Пение песен было и у них формой их протеста против примененных телесных наказаний к трем заключенным. Однако начальник тюрьмы Зимберг уже заранее принял меры, чтобы освободиться от таких протестов путем перевода их во временную Орловскую каторжную тюрьму. Соответствующая просьба начальника каторги в Главное тюремное управление носила самый срочный характер и была незамедлительно удовлетворена. Тюремщики узнали об этом уже 17-го числа, но сами обреченные на эту пересылку еще

¹ В. Градский. Шлиссельбургская каторга, «Былое» 1924 г. № 27—28, стр. 209.

ничего не подозревали о своем переводе в страшный Орловский централ.

Однако этим заключенным пришлось пережить волнения более сильные, чем связанные с известием о переводе в Орел. Тяжесть их переживаний была обусловлена незнанием об этом переводе и предположением, что их неожиданно одного за другим берут глубокой ночью из карцеров для порки. Жадановский в своем письме к сестре, отправленном через два года после протеста 1912 года, с ужасом вспоминал переживания свои и товарищей, предположивших предстоящую им порку. Он писал: «У многих была полная, несомненная уверенность, что это порка, а значит — смерть». У Жадановского остались в памяти даже и мелкие подробности, пережитые за несколько минут неизвестности, куда и зачем ведут его и товарищей. Он вспомнил лицо товарища, ставшее смертельно бледным, вспоминал, как его провели мимо цветника, как вели в канцелярию, где ранее приведенный товарищ поспешил успокоить его, что предстоит этап, и как после этого «страшная тяжесть спала с плеч», и как, наконец, «наступило успокоение нервов».

В цитированной мною работе Вороницына нарисована картина волнения всех, заключенных в карцер, когда явилось подозрение, что их хотят подвергнуть телесному наказанию. Одно за другим делались предложения, как защитить себя. Один из заключенных, севастополец-морьяк Циома, не имея ни времени, ни возможности вскрыть себе вены или повеситься, решил броситься затылком с койки на пол, как только придут брать его... Перевод заключенных в Орловский централ казался счастьем перед позором порки.

Главное тюремное управление избрало Орловскую каторжную тюрьму для перевода в нее шлиссельбуржцев. Начальнику конвойной команды было дано подробное предписание, гласившее:

«По распоряжению Главного тюремного управления от 17 сего июля за № 24122 из Шлиссельбургской каторжной тюрьмы подлежат переводу с этапом 18 сего июля в С.-Петербург для дальнейшего отправления в Орел следующие арестанты: 1) Илья Бернштейн, 2) Николай Билибин, 3) Иван Бурков, 4) Борис Жадановский, 5) Антон Конуп, 6) Иван Коротков, 7) Евстафий Купченко, 8) Григорий Курочкин, 9) Карл Лукс, 10) Иван Некрасов, 11) Василий Тимошечкин, 12) Захарий Циома, 13) Моисей Шеенсон и 14) Вилис Шмидт.

Поименованные ссыльно-каторжные имеют быть отправлены из С.-Петербургской пересыльной тюрьмы, а может быть

и без завоза в тюрьму 18 же июля в Орловскую каторжную тюрьму для дальнейшего содержания.

Сообщая об изложенном и имея в виду, что переводимые арестанты являются главными участниками нарушения нормальной жизни в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, Тюремная инспекция просит ваше высокоблагородие сделать надлежащее распоряжение о предупреждении конвоя, который будет сопровождать упомянутых арестантов от гор. Шлиссельбурга до гор. Орла, о необходимости иметь за ними особо бдительный надзор в целях воспрепятствования им совершить побег в пути следования; в особенности надзор должен быть усилен за арестантами Борисом Жадановским и Захарием Циомой, осужденными в каторжные работы без срока и склонными к производству беспорядков и нарушению тюремного режима»¹.

Особая комиссия из Главного тюремного управления распорядилась перевести из Шлиссельбурга некоторую часть участников протеста в каторжные тюрьмы южных городов.

§ 6. ПОБЕГИ ИЗ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

Побеги из Шлиссельбургской крепости казались совершенно невозможными. Крепость была расположена на острове, а ее стены проходили по самому берегу так близко к воде, что оставалась лишь узкая полоска земли. В бурю волны ударялись в стены крепости. Толщина и высота этих стен исключали всякую возможность пробить их толщину или перелезть через них. В разных местах ходили по стене вооруженные солдаты. Стояли сторожевые будки и внутри крепости, и каждое здание тюрьмы находилось под охраной внутренней и наружной стражи.

Неприступная крепость становилась вместе с тем недостижимой для осуществления побегов из нее. Однако, несмотря на все

¹ И. П. Вороницын, История одного каторжанина, М. — Л., 1926, стр. 168. Эта книга посвящена биографии Б. П. Жадановского, главного участника восстания саперов в Киеве в 1905 году. Автор располагал очень большим материалом и в том числе архивом сестры Жадановского и его письмами с каторги, подлинными тюремными делами о его заключении в Смоленске, Шлиссельбурге, Орле, Херсоне и другими документами, как, например, копиями «дисциплинарных листков» из Шлиссельбурга, копиями из дела Киевского военного окружного суда и пр. В книге помещены четыре фотографии Жадановского, относящиеся к различным периодам его жизни, в том числе после его осуждения к каторжным работам и после освобождения его с каторги в 1917 году.

это, мысли заключенных о побегах из крепости никогда не умирала, а составление самых фантастических планов таких побегов не прекращалось. Шлиссельбуржец М. В. Новорусский поделился с читателями своих мемуаров признаниями, как он мечтал, что к острову тайно подплывет подводная лодка и вывезет на свободу пленников самодержавия. Дальше этого в мечтах о побегах идти было некуда. В осуществление такого фантастического плана не верил и сам его автор. Если я напоминаю об этом, то только потому, чтобы показать, как непреодолима была мечта узников об освобождении из неволи.

Особенно интенсивными были планы о побегах с наступлением весны. Это ярко подтвердил шлиссельбургский каторжанин Градский. Он записал в своих мемуарах: «Каждая весна приносила тюрьме психические боления исканием путей к свободе, в первую очередь посредством бегства. Это боление носило эпидемический характер, разговоры о побеге вносили в жизнь тяжелое ощущение скованности, страстно манили сбросить долой цепи и лететь на свободу. Пробуждалось какое-то животное желание вольности, простора. И весной вырабатывались самые утопические планы, которые дебатировались и смаковались до мельчайших подробностей»¹.

Мне приходилось в одной из моих работ специально останавливаться на тюремных побегах. При собирании материалов выяснилось, что тюремные побеги выливались в самые разнообразные и даже невероятные формы и что претворялись в действительность самые фантастические планы². История тюремных побегов показывает, что величайшим исключением являются такие места лишения свободы, из которых не происходило побегов или по крайней мере попыток произвести их. Шлиссельбургская крепость не составила такого исключения и знает удавшиеся и неудавшиеся попытки побега из нее.

Конечно, число покушений на побеги далеко уступает количеству неосуществленных планов побегов из Шлиссельбурга. В силу расположения тюрьмы на острове и нахождения ее за стенами необъятной толщины и большой высоты, многочисленности сторожевых постов такие планы неизбежно должны были носить фантастический характер.

Например, в одном случае авторы проекта побега решили воспользоваться пароходиком, принадлежавшим Шлиссельбургской крепости и стоявшим у острова. Несмотря на всю несбы-

¹ В. Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое» 1925 г. № 1, раздел «Побеги», стр. 137.

² См. М. Н. Гернет, В тюрьме. Очерки тюремной психологии, Харьков, 1928 (очерк «Психология тюремных побегов»).

точность насильственного захвата этого пароходика, составилась полный комплект матросов для обслуживания судна при его переезде через Ладожское озеро. Нашелся и специалист-механик. Я не знаю, кем были на воле эти мечтатели, но допускаю, что тут могли быть революционеры-моряки, которых было немало на Шлиссельбургской каторге. Вполне естественно предположить, что именно они, свикшиеся и сжившиеся с водной стихией, хотели у нее искать своего спасения. Осуществлению этого проекта помешало наступление в Шлиссельбурге общего протеста каторжан, вызванного режимом тюрьмы.

Но не следует упускать из внимания, что в некоторых случаях оказывались очень близкими к полному осуществлению самые невероятные планы массовых побегов. Об одном из таких планов рассказал Градский.

Участниками предположенного побега были заключенные второго корпуса, то есть старой тюрьмы. Стена одной из камер была вместе с тем и стеной крепости. В этой камере находились арестанты, осужденные пожизненно. Не останавливаясь перед саженой толщиной стены, заключенные решили проделать в ней отверстие и выбраться через него на берег острова — к свободе. Приходилось с величайшими предосторожностями и с невероятными усилиями с помощью примитивных инструментов вынимать кирпич за кирпичом и, крадучись, выносить их во двор во время прогулок. К счастью этих узников, в середине крепостной стены оказался внутренний проход в башне. Таким образом, работа облегчалась и приближалось ее окончание. Теперь уже не приходилось выносить во двор извлеченные кирпичи, их оставляли на полу обнаруженного коридора. Перед самым завершением циклопического труда в камеру, откуда велся подкоп, были доставлены двое новых бессрочных узников — братья Соколовы. Они донесли обо всем администрации. Участники готовившегося побега оказались вместо свободы в карцерах тюрьмы¹.

Один из авторов воспоминаний о Шлиссельбургской каторжной тюрьме, описывая в 1908 году попытку побега из этой тюрьмы двух заключенных, называл ее первой в истории Шлиссельбурга². Он ошибался. Более чем за полвека до этого, в годы николаевской реакции, один из узников Шлиссельбургской крепости — Иван Ромашев удачно бежал из своего одиночного ка-

¹ См. В. Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое» 1925 г. № 1, стр. 138.

² См. И. П. Вороницын. Из мрака каторги. 1905—1917 Харьков, 1922, стр. 63.

земата вместе с солдатом крепости. Лишь через три месяца удалось водворить Ромашева снова в одиночную камеру Шлиссельбурга. Побег этого заключенного послужил основанием для выработки особой инструкции по охране мест заключения в крепости. В XIX веке других побегов из крепости не было.

После открытия в 1907 году каторжной тюрьмы в Шлиссельбурге было совершено несколько неудавшихся попыток самосвобождения острова Шлиссельбурга и два удавшихся побега.

Первая попытка побега была совершена в первый же год открытия каторжной тюрьмы — в 1907 году. Ее описал находившийся в то время в крепости политический заключенный И. П. Вороницын.

В камере № 4 нижнего этажа третьего корпуса тюрьмы находились двое заключенных. Подготавливаясь к побегу, заключенные запаслись отломанной ими от кровати металлической ножкой. Они заострили ее конец, отточив его об асфальтовый пол своей камеры. Им удалось раздобыть пилку, с помощью которой они хотели выпилить металлические переплеты окна камеры. Они изготовили из простынь, матрацев и тюфяков веревки, по которым можно было бы спуститься с крепостной стены. Так как стояла морозная зимняя погода, то беглецам была необходима теплая одежда. Они предполагали снять ее с тюремных стражников. Потребовались невероятные усилия для превращения ножки кровати в кинжал и для перепиливания тюремной решетки. Это был поистине каторжный труд. Тяжесть работы возрастала от необходимости производить ее с наименьшим шумом с целым рядом предосторожностей. Но жажда свободы делала этот труд радостным и желанным. В одну из ночей оба узника вылезли один за другим из тюремного окна. Дежурный стражник, закутанный в тулуп, с винтовкой в руках спал в своей будке. Тем не менее нападение на него обоих беглецов закончилось неудачей, хотя они и успели завладеть винтовкой. Начавшаяся тревога привела искателей свободы к попытке укрыться в здании бани. Здесь они забаррикадировались. Они сдались под условием, что не будут избиты. Оба узника были преданы военному суду по обвинению в покушении на побег со взломом тюрьмы и нападением на часового. Выездная сессия этого окружного суда рассматривала дело в одном из зданий в пределах самой Шлиссельбургской крепости. Сверх всякого ожидания приговор по этому делу оказался необычайно мягким. Подсудимым грозила смертная казнь, однако военный суд ограничился прибавкой обоим каторжанам нескольких добавочных лет каторги и заключением их в карцер. Смягчающим вину

обстоятельством послужила неудача преступников достичь своего освобождения путем убийства стражника: он получил лишь легкое ранение. Вероятно, на судей оказало влияние то, что задуманное предприятие закончилось полной сдачей обоих узников тюремной страже, несмотря на наличие у них винтовки, отнятой у стражника.

После этого покушения на побег из «новой» тюрьмы прошло почти два года, когда тюремная администрация Шлиссельбурга получила донос о приготовлении арестантов к массовому побегу. Доносчик сообщал такие подробности задуманного плана и назвал столько участников этого предприятия, что не только тюремная администрация в Шлиссельбурге, но и губернатор, и департамент полиции забили тревогу. Департамент полиции срочно командировал в крепость своего сотрудника для немедленного производства тщательного расследования. В это же время начальник тюрьмы заготовил выписки из личных дел тех 28 каторжан, которые были переименованы доносчиком как участники подготавливавшегося массового побега. Из этих выписок можно было видеть, что среди поименованных заключенных были осужденные как за политические, так и за общеуголовные преступления. Составленный список производил на администрацию устрашающее впечатление. Мы нашли в нем указания на семерых осужденных «за участие в революционных сообществах» для ниспровержения государственного строя, в том числе одного, приговоренного за восстание в Киеве к смертной казни, замененной бессрочной каторгой; другого, осужденного за участие в Севастопольском восстании в каторжные работы без срока; а остальные политические узники были большею частью долгосрочными арестантами. В общей же массе приговоренных за уголовные преступления было семеро бывших смертников, которым, кроме одного, смертная казнь была заменена каторгой без срока.

Таким образом, доносчик подобрал не только значительное число участников задуманного побега, но притом и осужденных на долгие сроки¹.

План побега будто бы был выработан в одной из общих камер «старой» тюрьмы (официально — корпус № 2), где были сосредоточены те из заключенных, которых тюремная администрация считала особенно опасными и требующими более сурового режима. Весь план был построен на убийствах одного за

¹ ЦГАОР, департамент полиции. Особый отдел, 1910 г. № 281. О побегах лиц, содержащихся под стражей в местах заключения, а равно и из ссылки, лл. 131—135.

другим тюремных надзирателей, начальника тюрьмы, его помощника, врача и т. д.

Произведенное расследование не подтвердило доноса в такой степени, чтобы можно было с уверенностью признать подготовку этого грандиозного побега. Сам следователь находил показания доносчика «как бы заученными». Некоторые перечисленные фамилии вызвали недоверие к показаниям доносчика, так как этим заключенным оставалось отбыть лишь небольшие сроки наказания, на что указывал и один из допрошенных заключенных. Он говорил: «Каждый каторжник мечтает о свободе с той разницей, что краткосрочный уверен в получении свободы законным путем, а бессрочный только путем побега. Мечтать об устройстве побега, конечно, можно, а в действительности бежать из Шлиссельбургской тюрьмы совершенно невозможно».

Следователь пришел к заключению, что в Шлиссельбургской каторжной тюрьме у некоторых заключенных было намерение совершить массовый побег, но своевременно принятые меры предотвратили осуществление задуманного плана.

Нам неизвестно, были ли приняты тюремной администрацией какие-либо репрессивные меры по отношению к заподозренным и если были приняты, то какие именно. В описанном нами случае дело не пошло далее разговоров.

1912 год оказался в летописи Шлиссельбургской крепости весьма знаменательным: в осенний октябрьский день двое уголовных арестантов, осужденных на долгие сроки, бежали с острова. Для совершения этого побега им не потребовалось готовиться к нему заблаговременно, хотя их решение бежать с острова, конечно, составилось у них не внезапно. Целый ряд условий облегчал осуществление их плана. Одним из самых важных таких условий была их совместная работа в качестве печников не только в зданиях тюрьмы, но и по квартирам администрации. Так как они были на хорошем счету у тюремного начальства, то для облегчения их работы они были даже освобождены от кандалов. Для побега был выбран пасмурный день с перепавшим дождем и снегом. Наружная крепостная стража не особенно охотно выходила из своих будок. Однако обоих арестантов неотлучно всюду сопровождал приставленный к ним вооруженный тюремный надзиратель. Он находился при них и в квартирах на месте работы, и при их выходах в сарай за находившимися там кирпичами. В один из таких выходов эти двое заключенных освободились от своего стражника: они убили его в сарае и переоделись в его одежду. Из сарая, находившегося вне крепостной стены, было лишь несколько шагов до берега,

где стояла лодка, принадлежавшая чинам тюремной администрации. Оба беглеца благополучно переправились на берег к городу Шлиссельбургу. Им удалось остаться на свободе лишь несколько месяцев¹.

Долгосрочная каторга превратилась для пойманных беглецов в бессрочную, вечную, пожизненную. Короткие дни свободы были оплачены безнадежным приговором «навсегда». Им теперь снова предстояло быть в руках тюремщиков в прежних стенах крепости. Их положение становилось еще тяжелее не только потому, что в добавление к ножным кандалам теперь были скованы также и их руки. Оно становилось особенно тяжелым потому, что тюремные надзиратели мстили им за смерть своего сослуживца. Условия же шлиссельбургской каторги давали тюремному надзору неограниченную возможность проявлять свою месть. У этих «вечников» возникал вопрос: «Стоит ли влачить такую жизнь?».

Один из них ответил на этот вопрос отрицательно. Но прервать свою жизнь самоубийством в тюремной камере крайне затруднительно. Постоянный тюремный надзор не допускает этого. Этот заключенный избрал другой путь — он решил воспользоваться помощью палача. Любезное содействие в достижении поставленной цели должен был оказать ему военный суд. Оставалось совершить преступление, караемое смертной казнью, например, покушение на убийство тюремного надзирателя.

В архиве бывшего петербургского военно-окружного суда сохранилось дело с материалами предварительного следствия и судебного разбирательства по обвинению ссыльно-каторжанина в покушении на убийство тюремного надзирателя. Следовательно, производивший допрос обвиняемого, дословно записал в протокол 11 июля 1913 г. его слова, которые звучат как обвинительный акт для режима шлиссельбургской каторги. Он говорил: «В мое оправдание показываю, мне надоела моя темная жизнь, как я живу здесь, а потому я напал на надзирателя, не желая убить его, а напал я на него с тем, чтобы быть мне убитым. Мне все равно, убьет он меня или военный суд приговорит меня к смерти»².

Полной безнадежностью звучат эти слова: «Мне надоела моя темная жизнь». Валькову представлялось лишь два выхода из его «темной» жизни: быть убитым тюремным надзирателем

¹ См. А. К. Кукобин, Рукопись «По тюрьмам в годы царской реакции», 1949, стр. 47—50.

² ЦГВИА, (Л.), 1913, ф. 545, оп. 13, ед. хр. 84, коробка 1029. Дело петербургского военно-окружного суда «О лишении прав состояния Федора Валькова», л. 26, об.

или быть повешенным по приговору военного суда. Мы имеем прямое доказательство, что эти слова «вечника-каторжанина» не были лживыми и попыткой смягчить грозившее ему наказание. Приговоренный к смертной казни отказался подать просьбу о помиловании. Тем не менее смертная казнь была заменена ему пожизненными каторжными работами.

При моем ознакомлении с подлинным делом военного суда мне бросились в глаза два факта, породившие у меня предположение, что тюремная администрация Шлиссельбургской каторжной тюрьмы опасалась попыток обвиняемого раскрыть условия «темной жизни» этой каторжной тюрьмы. В протоколах судебного заседания 10 августа 1913 г. отмечена неявка в суд двух свидетелей. Относительно причин неявки начальника тюрьмы Зимберга было записано, что он находился в командировке в Петербурге и не был разыскан. Такая командировка очень похожа на бегство от присутствия на военном суде. Не явился и второй свидетель — тюремный надзиратель (Гордин). Относительно причин его неявки было указано, что он уже не состоит на службе и не был разыскан. Подозрительно, что этот надзиратель — свидетель и участник события 10 июля — был к 10 августа уже уволенным и неразысканным.

В полном противоречии оказались между собою показания потерпевшего надзирателя, с одной стороны, и заключение врача о нанесенной ране — с другой. Обвиняемый совершил свое преступление во время его нахождения в тюремном карцере. В качестве орудия он использовал железную полосу, отодранную им от внутренней обшивки двери тюремного карцера. По словам потерпевшего надзирателя, обвиняемый «со всего размаха ударил его в левый висок так, как пробивают ломом стенку». Между тем врач-эксперт признал нанесенное в голову ранение легким и констатировал, что потерпевший от этого удара даже не свалился на пол. Свалился же с ног арестант под ударами прикладом ружья надзирателя.

Из дела военно-окружного суда не видно, как встретил осужденный приговор суда к смертной казни, которой он добивался. Однако из уже известного нам факта отказа осужденного просить о помиловании можно предположить, что этот приговор удовлетворил его и что он надеялся найти в смерти избавление от каторги. Мы не знаем также, как он отнесся к торжественному объявлению ему помилования, которого он не желал. К сожалению, нам неизвестна и дальнейшая судьба этого вечника.

В той же «старой» тюрьме в 1914 году была произведена большая подготовительная работа по осуществлению безумно

смелого, а вместе с тем и совершенно безрассудного плана побега из второго этажа тюрьмы.

Как нам уже известно, в общих камерах «старой» тюрьмы (второй корпус) размещались наиболее «строптивые» и «тяжелые», по мнению администрации, арестанты.

В феврале началась подготовительная к побегу работа в камере № 10. По ночам в течение более месяца производилась разборка потолка. Конечно, эта работа представляла колоссальные трудности: приходилось работать без необходимых инструментов; соблюдать величайшую осторожность, избегая опасного шума. С наступлением рассвета нужно было замаскировывать проделанное в потолке отверстие. Все это кажется совсем невероятным. Однако история тюремных побегов показала, что для тюремных узников кажутся реальными и исполнимыми самые фантастические планы побегов. Удивительней всего, что в отдельных случаях эти фантазии и осуществлялись.

Когда организаторы побега выбрались на чердак, выяснилась крайняя трудность прорезать без шума лист железной крыши, с которой беглецы рассчитывали по заготовленным из беля веревкам спуститься на землю, чтобы затем подняться на крепостную стену. Пришлось вернуться в камеру. Только после того, как один из участников побега похитил из больницы ланцет, снова была совершена вылазка на чердак, а затем через вырезанное отверстие на крышу. На этом закончилась эта попытка выйти на свободу. Часовые на крепостной стене и на дворе увидели беглецов на крыше и открыли по ним стрельбу. Часть беглецов вернулась тем же путем в свою камеру, а двое были застигнуты на крыше. При осмотре камеры все заключенные оказались без ручных и ножных оков: они освободились от них перед началом попытки побега. Задержанные на крыше объявили себя единственными организаторами побега и приняли на себя всю ответственность за это неудавшееся предприятие¹. Они понесли суровое наказание. Один, которому по манифесту 1913 года вместо бессрочной каторги была назначена срочная, вновь превратился в бессрочника, а другому прибавили 6 лет каторжных работ, и, таким образом, ему предстояло отбыть 21 год. Что касается остальных участников готовившегося побега, то они расплатились за него довольно легко: они были рас-

¹ Подробности этой попытки побега см. В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 139—143, а также В. Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое» 1925 г. № 29, очерк «Побеги», стр. 139 и сл.

сажены по карцерам на две-три недели и с них взысканы деньги, израсходованные администрацией на ремонт повреждения в потолке и крыше тюрьмы. Не остались без наказаний и тюремные надзиратели. За недосмотр они были подвергнуты штрафу.

Описанные мною попытки побега происходили в двух тюрьмах из числа четырех, находившихся в Шлиссельбурге. В конце 1914 — начале 1915 года была произведена попытка бежать еще из одной тюрьмы Шлиссельбурга, а именно, из того четвертого корпуса, который был «самым молодым» из тюрем на острове. На этот раз, как и в предшествующих случаях шлиссельбургских побегов, их организаторами явились двое заключенных. Были несомненные преимущества побега вдвоем, который давал возможность беглецам находить взаимную помощь в трудные и опасные моменты предприятия.

На этот раз было задумано совершить побег из карцеров указанного четвертого корпуса. В истории тюремных побегов совершение их из карцеров было исключительно редким явлением; хотя тюремные карцеры обычно и устраивались в изолированных местах, но они всегда находились под усиленной охраной тюремной стражи.

Стражники проспали всю ночь, уверенные, что в карцерах все спокойно, а под утро они, к своему ужасу, могли констатировать, что запоры двух карцеров взломаны, что взломаны запоры еще нескольких дверей и решетка на окне в мастерской частично распиlena. Однако в обоих карцерах арестанты оказались на месте.

Расследование этого случая выяснило удивительную настойчивость арестантов в достижении желанной цели побега. Двое заключенных, задумав бежать из карцеров, позаботились предварительно попасть туда. Это было совсем нетрудно при любви начальника тюрьмы к этому виду дисциплинарного наказания. Все карцерные помещения оказались свободными. Таким образом, оба заключенных были единственными посаженными в одиночки по всем карцерным коридорам. В полночь один из них отпер отмычкой дверь своего карцера и освободил товарища. Совместными усилиями они открыли дверь из карцерного в общий коридор. Они потратили на это немало времени, так как пришлось разрезать железный лист, которым была обита дверь. Из общего коридора беглецы проникли через взломанную ими дверь в соседний коридор столярных мастерских, а отсюда также посредством взлома запора вошли в одну из камер столярной мастерской. Из последнего помещения они предполагали проникнуть на двор тюрьмы, а затем выйти к крепостной стене пятисаженной высоты, забраться на нее и спуститься на

берег. Взлом решетки затянулся до рассвета, и беглецы сами вернулись в свои карцеры. Так кончилось свободное, без сопровождения тюремной стражи, путешествие двух заключенных по тюремным коридорам. Не трудно представить себе переживания этих беглецов, преодолевавших одну преграду за другой и вернувшихся в карцеры с разбитой надеждой¹.

¹ См. В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 143—147.

Глава третья

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 1906—1915 ГОДОВ, ДАВШИЕ УЗНИКОВ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКУЮ КАТОРЖНУЮ ТЮРЬМУ

§ 7. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ 1906—1915 ГОДОВ, ДАВШИХ УЗНИКОВ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКУЮ КАТОРЖНУЮ ТЮРЬМУ

НА ПРОТЯЖЕНИИ одиннадцати лет своего существования Шлиссельбургская каторжная тюрьма наряду с приемом уголовных ежегодно пополнялась новыми политическими заключенными. Они попадали в Шлиссельбург во исполнение судебных приговоров или в порядке перевода из других каторжных тюрем «на исправление». В настоящую главу включены те судебные процессы, которые дали политических узников непосредственно в Шлиссельбург. Из большого количества таких судебных процессов мы стремились выделить наиболее важные, связанные с массовыми революционными выступлениями, с деятельностью большевистских организаций. Следует оговориться, что отсутствие или крайняя скудность источников не позволяют показать ряд важных политических процессов, давших узников в Шлиссельбург. Это относится, в частности, к делам, рассмотренным судебными палатами и в большинстве своем не сохранившимся до наших дней. Та-

кая же участь постигла многие судебные дела 1913—1917 годов, которые или не успели попасть в архивы вследствие первой мировой войны или оказались утраченными в 1917 году. Многие политические судебные дела были намеренно уничтожены в тот период приверженцами царского режима. Эти обстоятельства не дают возможности познакомить читателя с некоторыми важными политическими судебными процессами, участники которых отбывали наказание в Шлиссельбурге.

Из рассматриваемых нами судебных процессов большинство связано с событиями первой русской революции. Это не случайно. Именно после революции 1905—1907 годов — первой народной революции эпохи империализма — начался усиленный приток в Шлиссельбург и другие каторжные тюрьмы России рабочих, крестьян и солдат, осужденных царскими судами. Последние «работали» во всю, почти ежедневно вынося в годы реакции по всей России приговоры к смерти и каторге десяткам и сотням революционных рабочих, крестьян, солдат и матросов. Только в 1907—1909 годах было вынесено, по официальным данным, 5 тыс. смертных приговоров. К этой цифре печать добавляла еще 2,5 тыс. В IV томе «Истории царской тюрьмы» уже рассказывалось о кровавой эпопее военно-полевых судов. 20 апреля 1907 г. военно-полевые суды формально были упразднены. Однако их функции продолжали выполнять военно-окружные суды. Для последних были специально установлены более короткие, чем для судебных палат, сроки рассмотрения дел. Чтобы облегчить царским судьям и опричникам расправу с участниками революции, царское правительство объявило на положении чрезвычайной или усиленной охраны 65 губерний и областей, а в 25 губерниях и областях ввело военное положение. Только за три года (1907—1909 гг.) военные и гражданские суды осудили по обвинению в «политических преступлениях» свыше 28 тыс. человек. В тюрьмы и ссылки отправлены были десятки тысяч революционных рабочих, крестьян и представителей революционной интеллигенции. Ежегодно приговаривалось к каторге: в 1908 году — 11654, в 1909—11308, в 1910 — 10600, в 1911 — 9464, в 1912 — 9689 человек.

«Царское правительство, помещики и капиталисты, — писал В. И. Ленин, — бешено мстили революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 325.

После 1905 года основной мерой наказания за политические «преступления» стала каторга. По мнению царя и его подручных, именно каторга должна была устрашить рабочих и крестьян. «Медленная» или «замедленная смерть» — так называли каторгу сами тюремщики. Зная это, военно-окружные суды и судебные палаты в период расправы с революцией ежедневно приговаривали десятки и сотни людей к каторге. Особенно свирепствовали военно-окружные суды. Они фактически упразднили статью 126 Уголовного Уложения 1903 года и применяли к членам «преступных сообществ» и другим участникам революционного движения почти исключительно статью 102, предусматривавшую повышенное наказание в виде каторги и ссылки на поселение.

Ознакомление с судебными политическими процессами важно не только для изучения карательной политики царизма, но и для изучения истории самого революционного движения и биографий его активных участников.

По каждому политическому процессу мы стремились дать краткую историческую справку о тех событиях, которые привели участников процесса на скамью подсудимых. Источниками для выявления и описания судебных процессов послужили: архивные фонды Министерства юстиции, Главного военно-судного управления, военно-окружных и военно-морских судов, периодическая печать, воспоминания бывших политзаключенных и политических защитников.

§ 8. МАТРОСЫ И СОЛДАТЫ — УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ В СЕВАСТОПОЛЕ В НОЯБРЕ 1905 ГОДА — ПЕРЕД ЦАРСКИМ СУДОМ

Среди крупных политических судебных процессов 1906—1907 годов выделяются процессы о революционных матросах и солдатах — участниках массовых военных восстаний. Они отличались как большим числом обвиняемых, смелым, мужественным поведением их на суде, так и особенно свирепыми приговорами царских судей.

В четвертом томе «Истории царской тюрьмы» читателю уже приходилось знакомиться с фактами расправы царизма с балтийскими моряками, поднявшимися в 1906 году на героическую борьбу с царизмом. Отдельные участники восстания в Кронштадте, на крейсере «Память Азова», отбывали каторгу в Шлиссельбурге. Но больше всего в Шлиссельбурге побывало матросов Черноморского флота, осужденных за участие в ноябрьском восстании 1905 года.

В борьбе народных масс России против царизма в годы первой революции Севастопольское восстание (11—15 ноября 1905 г.)¹ занимало выдающееся место. Явившись одним из наиболее массовых и ярких военных восстаний, оно оказало большое влияние на ход революции, усилило ее развитие в царской армии и флоте.

Революционный подъем в Черноморском флоте, и в частности в севастопольском гарнизоне, быстро нарастал после восстания на броненосце «Потемкин». Этому способствовала революционная работа большевиков в Черноморском флоте на протяжении всего 1905 года. Особенно возбужденным стало настроение матросов и солдат после опубликования манифеста 17 октября, не принесшего никакого облегчения «нижним чинам». В день опубликования манифеста власти расстреляли в городе мирную народную демонстрацию. Многотысячный митинг, созданный местной социал-демократической организацией, вынес резолюцию протеста против кровавого злодеяния полиции и потребовал от властей отмены военного положения в городе, наказания виновников расстрела, освобождения из тюрем политических заключенных и похорон жертв расстрела на общественный счет. На митинге был выбран «Совет депутатов от народа». 20 октября на похоронах жертв расстрела, в которых участвовало до 40 тыс. человек, произнесены были революционные речи. Сильное впечатление на собравшихся произвела речь лейтенанта флота Петра Петровича Шмидта. Это был революционер-демократ, искренне стремившийся к улучшению жизни народа. От имени рабочих, матросов и солдат Шмидт поклялся отомстить за убитых и отдать все силы «на благо рабочего, неимущего люда». В тот же день Шмидт был арестован и находился в заключении до 3 ноября, когда под давлением народных масс власти вынуждены были его освободить.

Массы матросов и солдат рвались к борьбе. Работу среди них вела военная организация Севастопольского комитета РСДРП, в котором в тот момент преобладали меньшевики — противники вооруженного восстания. Меньшевики не давали массам, жаждавшим активных действий, конкретных указаний. Так как большевистских руководителей было мало, движение солдат и матросов развивалось здесь в основном стихийно.

Командующий Черноморским флотом адмирал Чухнин запретиł матросам и солдатам посещать митинги. Он издавал приказы один грознее другого. Однако угрозы не действовали.

¹ В связи с тем, что во всех архивных материалах и в соответствующих документальных и литературных источниках приводятся даты старого стиля, они не переведены на новый стиль и в настоящем томе.

11 ноября матросы флотской дивизии и солдаты 49-го Брестского пехотного полка собрались на митинг возле казарм на Корабельной стороне. По приказу Чухнина для разгона митинга явился контр-адмирал Писаревский со сводной боевой ротой матросов и штабс-капитан Штейн с ротой Белостокского полка. Матрос Петров случайно услышал, как Писаревский предлагал Штейну организовать провокационный выстрел в боевую роту, чтобы иметь повод открыть огонь и разогнать собравшихся матросов и солдат. Возмущенный этим Петров выстрелами из винтовки смертельно ранил Штейна и ранил Писаревского. Петров был арестован.

Этот случай послужил сигналом к началу восстания, в котором приняло участие около двух тысяч матросов, солдаты Брестского полка и рабочие морского завода.

Матросы во всех экипажах разоружили офицеров и изгнали их из казарм. Восставшие части и подразделения возглавили революционные командиры, избранные самими солдатами и матросами. Был избран Совет флотских депутатов. Несмотря на все старания начальства изолировать суда Черноморского флота от берега, 12 кораблей флота приняло участие в восстании. Команды восставших кораблей возглавили избранные матросами судовые комитеты депутатов. Самым крупным среди кораблей был крейсер «Очаков». 13 ноября 1905 г. на «Очакове» матросы подняли красный флаг. По их просьбе на крейсер прибыл лейтенант Шмидт и возглавил восстание. Однако он не имел конкретного плана действий. Шмидт объявил себя командующим флотом, произвел объезд эскадры и предложил всем судам эскадры присоединиться к восстанию. Но из крупных кораблей к «Очакову» присоединился только броненосец «Пантелеймон» — бывший «Потемкин». Согласованности в действиях матросов отдельных судов не было. Отсутствовало единое руководство восстанием. Действия восставших носили оборонительный характер. Военному начальству удалось удержать на своей стороне часть солдат севастопольского гарнизона.

Николай II назначил главным усмирителем восстания барона Меллера-Закомельского, успевшего «прославиться» своей жестокостью. В Севастополь прибыли эшелоны с карательными войсками. Город был объявлен на военном, а крепость — на осадном положении.

15 ноября каратели перешли в наступление. Береговая артиллерия, пулеметы, правительственные корабли начали обстрел революционных кораблей, флотских казарм и порта. «Очаков» открыл ответный огонь, однако силы были неравны. Броненосец «Пантелеймон» поднял белый флаг. Загорелся крейсер

«Очаков». Его команда стала спасаться на катерах, шлюпках и вплавь. Усмирители повели огонь по плывущим, многие из которых утонули. Выбравшихся на берег тут же расстреливали или приканчивали штыками. Шмидт бросился в воду последним вместе с 16-летним сыном и был захвачен офицерами с подошедшего миноносца.

Правительственные войска утром 16 ноября взяли штурмом казармы экипажей. Арестовано было около 1600 матросов. Многие при этом были зверски убиты. По свидетельствам участников и очевидцев восстания, со стороны восставших было несколько сот убитых и утонувших, около 100 раненых¹.

Всех арестованных набралось около 6 тыс., в том числе 4 тыс. матросов, то есть почти 40% всех матросов Черноморского флота².

Героическая борьба севастопольских повстанцев вызвала сочувствие народных масс по всей России. Петербургский Совет рабочих депутатов, приветствуя в специальном воззвании от имени пролетариата Петербурга севастопольцев, решившихся «по примеру потемкинцев стать на борьбу за свободу в братском союзе с рабочими», призывал всех солдат и матросов последовать примеру Севастополя и заключить союз с революционным пролетариатом.

В. И. Ленин посвятил восстанию в Севастополе статью «Войско и революция». Он констатировал, что дух свободы проник в казармы «везде и повсюду», что и «казарма становится очагом революции»³. Говоря в другой статье о победе бессознательного и скованного дисциплиной войска над «армией свободы в Севастополе», В. И. Ленин писал: «Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем. Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо»⁴.

Подавив восстание в Севастополе, власти стали готовить судебную расправу над его участниками. После установления виновности захваченных 15 и 16 ноября матросов и солдат под следствие было отдано около 1500 человек. Из них свыше 400 человек предавалось военному суду. До 1000 человек было наказано без суда. Бежало из-под следствия около 100 матросов.

Царское правительство торопилось провести военно-судебную расправу над повстанцами, так как накаленное настроение в Севастопольском гарнизоне предвещало новый взрыв вос-

¹ См. С. Ф. Найда, Революционное движение в царском флоте, М. — Л., 1948, стр. 228.

² См. там же.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 36—37.

⁴ Там же, стр. 41.

стания. Царь и министры опасались также серьезного противодействия готовящимся смертным казням над севастопольцами со стороны I Государственной думы и поэтому хотели покончить с ними до ее созыва.

Всех обвиняемых разбили на несколько групп с учетом степени виновности. В первую группу вошли очаковцы во главе со Шмидтом; их должны были судить прежде всех как наиболее активную часть восставших. Вторую группу составили команды остальных мятежных судов, третью и четвертую группы — матросы и солдаты — участники восстания на берегу и последнюю группу — гражданские лица. Такая разбивка объяснялась не столько большим числом обвиняемых и стремлением ускорить судебный процесс, сколько желанием обеспечить наибольшее число смертных приговоров.

В январе 1906 года было закончено следствие по первой группе обвиняемых в количестве 41 человека, в которую входили лейтенант Шмидт и 40 матросов с «Очакова».

Адмирал Чухнин, чувствуя себя в Севастополе после восстания неуверенно, просил командующего Одесским военным округом барона Каульбарса ни в коем случае не устраивать суд в самом Севастополе. «Суд в Севастополе, — писал он Каульбарсу, — привлечет в этот город массу нежелательного элемента и, возможно, будут какие-нибудь демонстрации и беспорядки, чего надо избежать в крепости при настоящем положении неустойчивости умов в политическом отношении некоторой части жителей. Также прошу Ваше высокопревосходительство, в случае согласия на эту мою просьбу и назначения суда над лейтенантом Шмидтом и другими преступниками в Очакове, в случае смертного приговора Шмидту, привести оный в исполнение в Очаковской крепости»¹.

Суд состоялся в феврале 1906 года в Очаковской крепости. Дело слушалось при закрытых дверях, не допустили даже близких родственников. Из четырех судей трое были командирами кораблей, обстреливавших мятежный крейсер «Очаков». Из 115 свидетелей 100 были вызваны со стороны обвинения².

Все подсудимые обвинялись в явном вооруженном восстании под руководством РСДРП с целью ниспровержения существующего строя. Смелым обвинительным актом против царизма была речь на суде П. П. Шмидта. Военный прокурор полковник Ронжин рассчитывал потребовать для большинства подсудимых смертной казни. Но правительство учитывало, что такой при-

¹ ЦГАВМФ, ф. 766, оп. 1, д. 91, 1905—1906, л. 32.

² См. И. Генкин, Ноябрьское восстание в Севастополе, «Борьба классов» 1935 г. № 11, стр. 82.

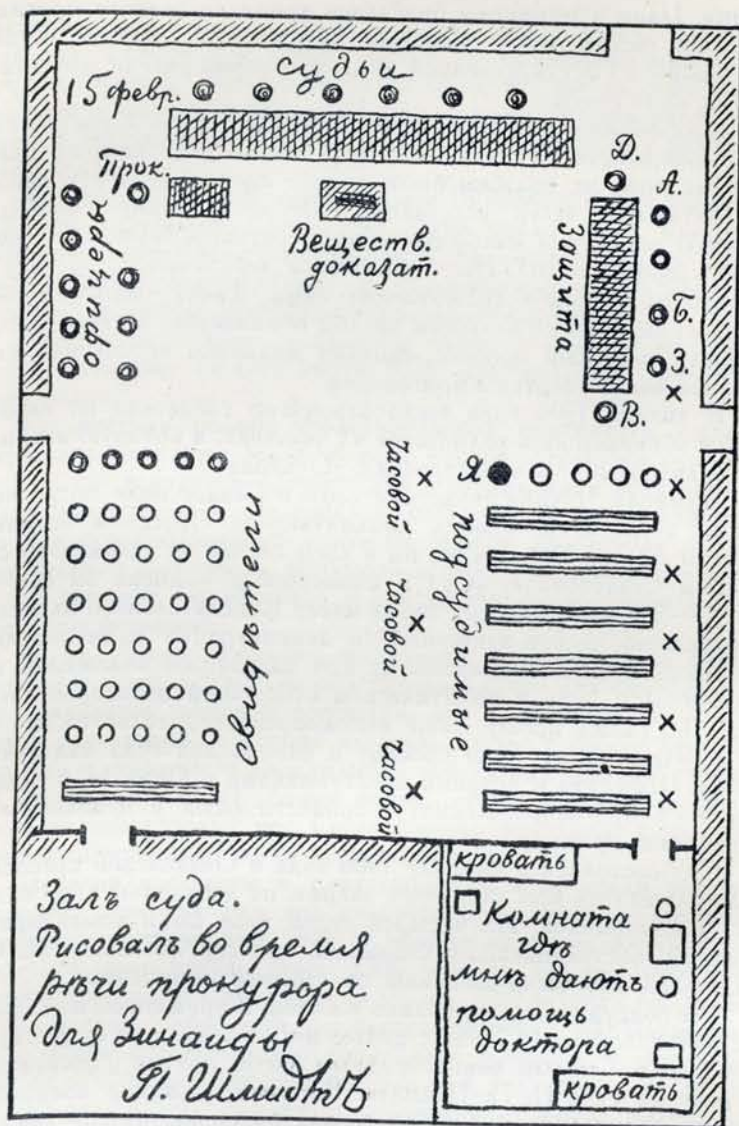

Рис. 9. Рисунок П. П. Шмидта, сделанный им в зале Севастопольского военно-морского суда 15 февраля 1906 г.

Из книги «Лейтенант П. П. Шмидт. Письма. Воспоминания. Документы», «Новая Москва» 1922 г. Приложения

говор вызовет сильное негодование во всех слоях общества и подожжет революцию. Боясь открытых массовых выступлений в защиту подсудимых, суд ограничился вынесением четырех смертных приговоров: лейтенанту П. П. Шмидту¹, кондуктору С. П. Частнику, комендору Н. Г. Антоненко и машинисту 2-й статьи А. И. Гладкову. 27 матросов приговорены были на каторгу и к заключению в тюрьму, 10 — оправданы².

6 марта 1906 г. смертные приговоры были приведены в исполнение на острове Березань, недалеко от Очакова. Шмидт и его товарищи мужественно встретили смерть. На казнь они шли спокойно. После прочтения приговора простились между собой, сами подошли к столбам, отказались от повязок на глаза. Шмидт обратился с речью к приведенным на место казни матросам и солдатам, просил не забывать его и товарищей, погибших за народ и дорогую родину. «Таких, как я, много, — говорил Шмидт, — а будет еще больше». Первый залп сразил насмерть Шмидта и Частника. Гладков и Антоненко оставались живы и после следующих залпов, их достреливали³. Героическая смерть Шмидта и его товарищей произвела огромное впечатление на матросов и солдат — очевидцев казни.

Внимание всех честных людей России было приковано в те дни к Севастополю и Очакову. В правительство, Чухнину поступали тысячи телеграмм с требованием отменить смертную казнь над героями «Очакова». Когда же казнь состоялась, негодование охватило всю Россию. Рабочие, студенты, служащие, все прогрессивные люди клеймили позором царское правительство. Прошли демонстрации и митинги протеста.

Царизм хотел заглушить общественное мнение репрессиями. Однако он не в силах был вытравить из памяти народа имена лучших его сынов, без колебаний отдавших жизнь за народное дело. Их революционное мужество и героизм вдохновляли современников и последующие поколения на новые подвиги в борьбе с царизмом и всем буржуазно-помещичьим строем⁴.

¹ При обсуждении меры наказания голоса членов суда разбились поровну. Двое судей высказались за смертную казнь Шмидту, двое — за пожизненную каторгу. Чухнин, которого запросили по этому вопросу, прислал следующую личную телеграмму: «Если вы все желаете, чтобы негодяй Шмидт был в мае месяце морским министром, то даруйте ему жизнь. Мне же кажется, что этого негодяя нужно как можно скорее повесить».

² См. С. Ф. Найда, Революционное движение в царском флоте, М. — Л., 1948, стр. 230.

³ ЦГАВМФ, ф. 766, оп. 1, д. 91, 1906, л. 38.

⁴ В апреле 1917 года состоялось торжественное перенесение останков Шмидта, Частника, Антоненко и Гладкова с острова Березань и их похороны в Одессе при участии многих десятков тысяч людей.

4—16 июля 1906 г. военно-морской суд судил вторую группу участников Севастопольского восстания из 92 человек. В нее вошли матросы боевой роты, начавшей восстание, матросы броненосца «Пантелеймон», крейсера «Гридень» и миноносца «Свирепый». Обстановка в городе оставалась напряженной, революционное брожение среди матросов и солдат не утихло. В июне была подавлена попытка вооруженного восстания в крепостной артиллерии. За несколько дней до суда матрос Акимов, близкий товарищ расстрелянного Частника, выстрелом из охотничьего ружья убил адмирала Чухнина. Власти опасались десанта с эскадры с целью освобождения арестованных. В день суда в городе состоялась однодневная забастовка солидарности с подсудимыми и протеста против суда¹.

Страх судей перед подсудимыми был настолько велик, что последних поместили в специально построенную в здании суда железную клетку. Матросы потребовали прежде всего убрать клетку и допустить около 500 выставленных ими свидетелей. Суд отказал. Тогда матросы сами отказались присутствовать на суде, заявив, что не признают ни суда, ни законов, по которым их судят. Председатель пытался заставить матросов участвовать в суде, но они стояли на своем и «произвели шум». Тогда подсудимых удалили. Вместе с ними ушли гражданские защитники. На скамье подсудимых осталось только 9 человек².

Суд растерялся. Послана была телеграмма в Петербург. Оттуда приказали дело продолжать в отсутствие подсудимых.

Почти все подсудимые не признали себя виновными и отказались от каких-либо показаний и объяснений. Но это не смутило суд. Приговор состоялся. Четыре матроса: Кассесинов, Кудимовский, Зимин и Рыбалко — приговорены были к смертной казни, 32 матроса — к каторжным работам, 48 — к заключению в арестантские отделения, 2 — в тюрьму, 6 человек были оправданы³.

Вице-адмирал Скрыдлов, назначенный на место убитого Чухнина, заменил смертные приговоры бессрочной каторгой и смягчил несколько других приговоров. Конечно, это смягчение диктовалось только страхом перед усилившимся брожением в войсках и новой волной митингов и демонстраций, прокатившейся в Севастополе после объявления приговора.

После второго процесса осталась самая большая группа участников восстания — 261 человек. Их предполагали судить

¹ ЦГАВМФ, ф. 407, д. 78, 1906, л. 61.

² Там же, л. 30, телеграмма прокурора суда главному морскому прокурору.

³ Там же, лл. 56, 57.

тремя группами в июле — августе 1906 года. В течение месяца шла переписка вице-адмирала Скрыдлова с морским министром о порядке слушания дела. Скрыдлов настаивал на совместном рассмотрении дела оставшихся подсудимых, указывая, что это нужно «для успокоения гарнизона и населения», так как следующие приговоры по группам «вызовут непредотвратимые беспорядки и чрезвычайные последствия»¹.

Председатель и члены суда были под впечатлением слухов о заговоре среди подсудимых с целью нападения на суд и помнили об отказе начальства крепости обеспечить неприкосновенность суда, если в зале суда будет одновременно находиться более 80 человек². Главное же состояло в том, что при одновременном слушании дела о всех подсудимых нельзя было бы вынести желательное количество смертных приговоров.

Несмотря на несколько телеграмм Скрыдлова, морской министр Бирилев не дал санкции на одновременное рассмотрение дела. Однако последующие события вынудили ограничиться все же одним процессом.

22 июля 1906 г. из канцелярии суда были похищены все одиннадцать томов следственного делопроизводства с вещественными доказательствами. Поднятые на ноги полиция и жандармы арестовали много лиц, но никаких следов похищения не нашли.

В тот же день в Петербург полетели телеграммы и рапорты о случившемся. «Под предлогом телеграммы, — сообщал председатель суда генерал-лейтенант Андреев морскому министру, — вызвали сторожа суда, произвели над ним насилие, похитили из канцелярии суда следственное производство по делу о ноябрьском восстании со всеми вещественными доказательствами. Злоумышленники скрылись, следствие производится, приговор первой группе сохранился, необходимо возобновление предварительного следствия»³.

Адмирал Скрыдлов нашел создавшееся положение чрезвычайно тяжелым. Новое следствие потребует многих месяцев. «Между тем, — доносил он министру, — дальнейшее подобное содержание подсудимых исключает всякую возможность предотвратить ежедневно грозящую опасность крепости»⁴. Он предлагал окончить дело в административном порядке.

Но административным путем нельзя было расстрелять или сослать на каторгу столь большое число обвиняемых. А иной

¹ ЦГАВМФ, ф. 407, д. 78, 1906, л. 32.

² Там же, л. 27.

³ Там же, л. 68.

⁴ Там же, л. 67.

участи для восставших правительство и не мыслило. Поэтому адмирал Бирилев остался недоволен донесением Скрыдлова и приказал быстрее произвести новое следствие. Для помощи следователям было привлечено много строевых офицеров.

Известие о похищении следственного дела вызвало большой подъем среди заключенных. Немногие из них знали тогда, что похищение дела было организовано и произведено по решению Севастопольского комитета РСДРП с целью оттянуть начало суда до более благоприятного момента. Расчет был на близость нового вооруженного восстания. Группа боевиков — социал-демократов — ворвалась ночью в здание суда и извлекла оттуда весь следственный материал: 11 томов были погружены на извозчика и сожжены верстах в пяти от города¹.

Следствие возобновилось. Всех заключенных снова стали вызывать поодиночке к следователям. Однако они категорически отказывались давать показания и подписывать протоколы². Следственная комиссия прекратила работу, темпы следствия резко снизились. Но сохранившаяся у военного прокурора книга алфавитов обвиняемых и свидетелей с кратким изложением сущности обвинения против каждого помогла сочинить новый обвинительный акт и подкрепить 18 томами нового следственного делопроизводства³.

Когда вновь проведенное следствие закончилось, следственная комиссия вынесла постановление с предложением освободить целую группу заключенных за неимением никаких улик. Однако адмирал Скрыдлов наложил на нем резолюцию: «пусть их освободит суд». А суд обвинил эту группу в содействии восстанию и осудил наравне с другими.

Среди заключенных встал вопрос о тактике в отношении к суду. Партийная группа социал-демократов решила бойкотировать суд, многие поддержали это решение. Однако немало навредил посаженный вместе с заключенными провокатор, дававший показания как участник восстания.

Была составлена и передана на волю декларация по поводу бойкота суда. Ее опубликовали все прогрессивные газеты.

Судебный процесс происходил с 3 по 13 ноября 1906 г., то есть спустя год после начала восстания.

Дело слушалось при закрытых дверях в одном из корпусов флотских казарм. Здание суда было оцеплено войсками,

¹ См. И. Генкин, По тюрьмам и этапам, Петроград, 1922, стр. 22; И. П. Вороницын, Из мрака каторги. 1905—1917, Харьков, 1922, стр. 19.

² ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 491, л. 4.

³ ЦГАВМФ, ф. 407, д. 78, 1906, лл. 69, 72, об., рапорт Ронжина.

у входа выставлены пулеметы. Все входившие в суд, за исключением властей и должностных лиц, подвергались обыску.

На скамью подсудимых был посажен сразу 261 человек. Из них: 87 матросов Черноморской флотской дивизии, 126 солдат Севастопольской крепостной саперной роты, 24 солдата 49-го Брестского пехотного полка, 5 солдат-артиллеристов и 19 гражданских лиц¹.

Подсудимые держали себя смело. Военный прокурор доносил в Петербург о том, что многие подсудимые объявляли себя революционерами и на вопрос о вероисповедании отвечали: «Социал-демократического, социалистического и революционного»².

На третий день подсудимые объявили бойкот суду. Социал-демократ Вороницын сделал следующее заявление: «Военно-морской суд есть орудие угнетения в руках правительства, что скажет суду каждый честный гражданин»³. Вороницына вывели из зала, а вслед за ним ушли многие подсудимые и гражданские защитники. Свидетелей допрашивали в отсутствие подсудимых.

Прокурор Ронжин докладывал главному морскому прокурору о чрезвычайных трудностях подготовки и произнесения обвинительной речи в связи с хищением документов. Он вынужден был отказаться от обвинения 25 человек⁴.

Не присутствовавшие на суде подсудимые были приведены только для объявления приговора.

Приговор был объявлен 13 ноября. Трех подсудимых — матроса Цному, унтер-офицера Барышева и «вольного», социал-демократа Канторовича — суд приговорил к смертной казни. К смертной казни был приговорен и Вороницын, но ввиду несовершеннолетия ее заменили бессрочной каторгой. 61 человек получил каторгу, 104 — арестантские роты, 48 — дисциплинарный батальон, 1 — ссылку на поселение, 5 — гражданскую тюрьму, 38 человек было оправдано⁵. Адмирал Скрыдлов, напуганный массовыми протестами против суда, заменил смертную казнь трем подсудимым бессрочной каторгой⁶.

¹ ЦГАВМФ, ф. 407, д. 78, 1906, л. 106.

² Там же, л. 98.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 99.

⁶ Всего за участие в восстании было осуждено 399 человек. Из них 219 матросов Черноморской флотской дивизии, 127 солдат Севастопольской саперной роты, 25 солдат 49-го Брестского пехотного полка и запасного батальона, 5 солдат крепостной артиллерии и 23 гражданских лица. См. сборник документов: «Высший подъем революции 1905—1907 гг., вооруженные восстания, ноябрь — декабрь 1905 г.», ч. 1, М., 1955, стр. 855.

После объявления приговора подсудимых заковали в ножные кандалы и через несколько дней отправили по этапу.

Начальство боялось нападения рабочих и матросов на конвой с целью освобождения заключенных. Дорога от тюрьмы до вокзала была заполнена солдатами, от вокзала до Бахчисарая расставлены были патрули. К каждому осужденному было приставлено по два вооруженных солдата. «Бессрочников» отправляли на вокзал каждого в отдельной карете с двумя солдатами внутри и четырьмя верховыми казаками снаружи экипажа.

Большой интерес представляют дошедшие до нас письма участников Севастопольского восстания. Вот одно из них — письмо гальванера 37-го флотского экипажа Андрея Тихонова к его родным: «Уведомляю Вас, дорогие родители, что с 23 ноября, т. е. с тех пор, как у нас произошел бунт за насущный кусок хлеба, я сижу в тюрьме арестованный, жду суда. Известно вам, дорогие родители, или нет, но я скажу, что четырех моих и всех наших товарищей уже расстреляли, не ручаюсь также и за себя... А потому, дорогие родители, не удивляйтесь, если прочитаете в какой-нибудь газете, что я осужден на казнь или в каторжную работу. Но история оправдает черноморских моряков, как истинных детей русского народа; я не дрожу перед судом наших единичных судей, потому что я знаю, что меня оправдает суд всеобщий. Наши теперешние судьи предадут нас вместе с нашими священниками вечному проклятию как бунтовщиков, а весь русский народ будет прославлять и благословлять как истинных героев, которые, находясь под гнетом насильственно душащей их присяги, подняли голос за лучшее будущее... Дорогие родители, когда получите это письмо, то не хороните его, но отдайте другим, — пусть они читают и знают, что более четырехсот матросов и солдат севастопольских погибают не из личных интересов, но за благо всего русского народа...»¹.

Матрос Кассесинов за несколько дней до вынесения ему смертного приговора писал своему защитнику Н. К. Муравьеву: «Хочется работать, работать и работать. Неужели мы, сильные, здоровые люди, не внесем больше ни единого шага полезного? Нет, мы и здесь будем бороться по мере сил своих. А если нужна наша жизнь — вот она, пусть возьмут и ее. И знайте — хорошо и легко готовиться к эшафоту, зная, за что идешь на него»².

¹ Цит. по кн.: Н. Н. Полянский, Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг., изд-во Московского университета, 1958, стр. 6.

² Там же.

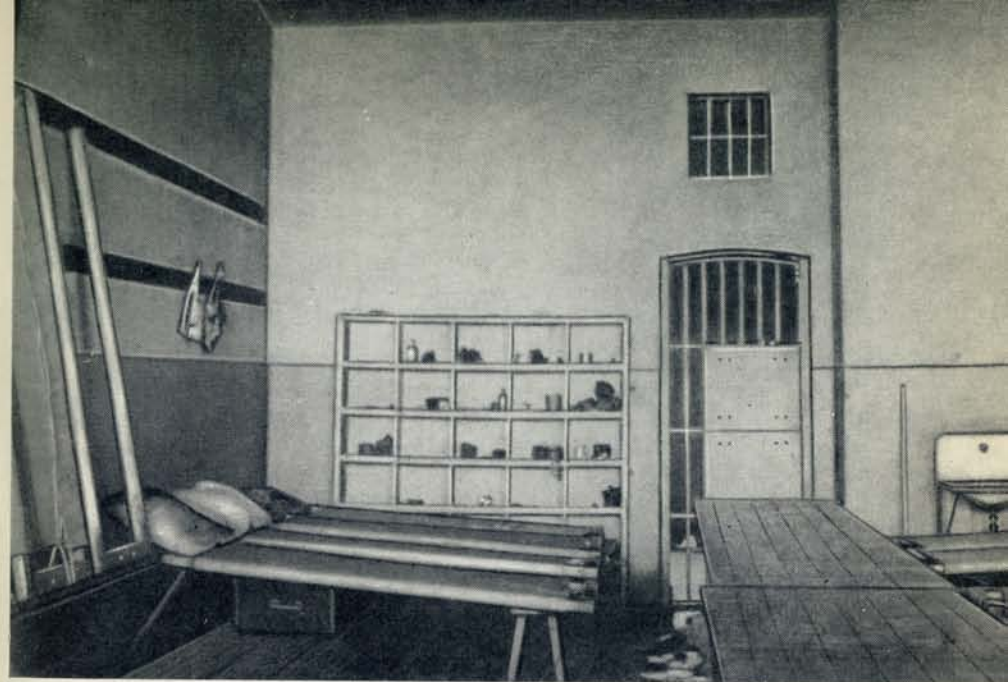

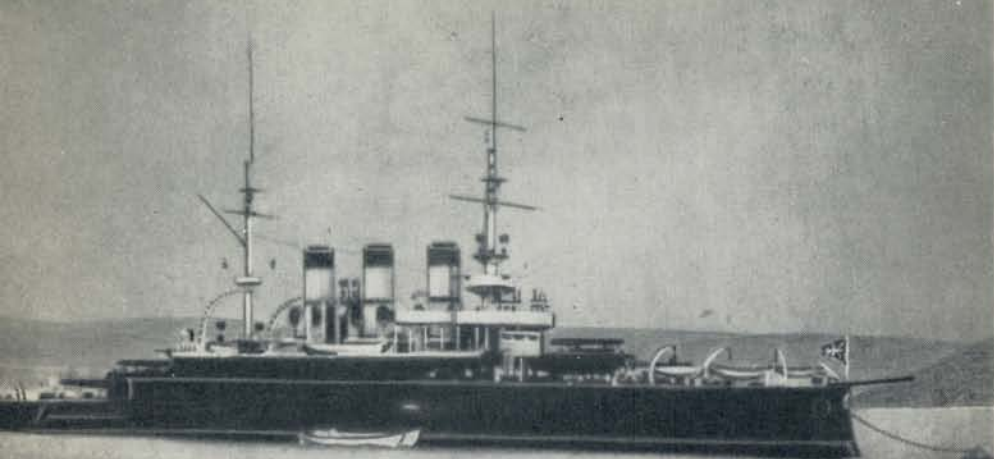
Рис. 6. Шлиссельбургская крепость.
Реконструкция общей камеры четвертого корпуса на 23 человека.

С фотографии, хранящейся в Музее Революции СССР

Рис. 7. (на оборотеверху)
Крейсер «Очаков», команда которого восстала 13 ноября 1905 г.

Рис. 8. (на обороте внизу)
Арестованные очаковцы во дворе Севастопольской гауптвахты.

С фотографии, хранящейся в Центральном Военно-морском Музее в Ленинграде

Таких и поныне волнующих писем было немало. Их содержание лучше всего говорит о революционном духе тех солдат и матросов, которые поднялись на борьбу за свободу народа.

По собранным нами сведениям более 20 активных участников Севастопольского восстания отбывали каторгу в Шлиссельбургской тюрьме: Ф. Я. Баканов, М. С. Барышев, Б. М. Берг, И. П. Вороницын, И. И. Генкин, Е. С. Дорофеев, С. А. Жуков, Е. М. Журавлев, Ф. В. Калашников, Я. Кирхенштейн, Н. Л. Канторович, А. Х. Конуп, В. И. Клименко-Чекмарев, А. М. Мазин, И. В. Письменчук, М. В. Прудкой, Н. С. Симоненко, З. С. Цюма, И. И. Штрикунов и др.¹

§ 9. ПРОЦЕСС БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ РИЖСКОМ КОМИТЕТЕ РСДРП

Боевая организация при Рижском комитете РСДРП возникла еще весной 1905 года. К осени 1905 года в ней насчитывалось уже около 200 человек², имевших оружие и составлявших боевую дружину. Вместе с боевиками Рижского федеративного комитета дружинники начали систематическую борьбу против полиции и черносотенцев и подготовку к вооруженному восстанию. В декабре 1905 года в знак солидарности с восставшим московским пролетариатом рижские боевики объявили массовый террор против полиции и жандармов³. Им удалось на некоторый срок парализовать деятельность рижских правительственных и полицейских учреждений.

18 декабря 1905 г. в Риге во время нелегального собрания боевая организация при Рижском комитете РСДРП была арестована во главе с ее руководителем Романом Семенчиковым (он был арестован с паспортом на имя Степана Ивановича Захарова).

С помощью провокаторов, шпионов, предателей, полиции и рижской жандармерии удалось создать дело о боевой дружине РСДРП, к которому присоединили много лиц, не имевших отношения к боевикам. Арестованных пропустили через пыточный

¹ Ленинградский партийный архив, ф. И-1, д. 280, «Биографический список политических заключенных нового Шлиссельбурга»; «Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг.». Воспоминания и письма, М., 1956, стр. 293, 297.

² См. «Книга памяти павших борцов революции» (на латышском языке), т. 2, 1907—1917, изд-во «Прометей», 1936, стр. 287.

³ См. «1905. Воспоминания участников революции» (на латышском языке), ч. II, Рига, 1956, стр. 32.

застенок начальника рижского сыскного отделения Грегуса. Двое из них, не будучи закаленными и стойкими революционерами, не выдержали зверских мучений, дали «откровенные показания», в которых было много вымысла.

Следствие велось с чрезвычайной поспешностью. 25 апреля 1906 г. подсудимым был вручен обвинительный акт на 52 страницах, состряпанный военной прокуратурой на основании подтасовок и лживых показаний. Суду предавалось 36 человек. Четверо арестованных были предательски убиты до суда якобы при попытке к бегству при переводе их из одной тюрьмы в другую.

Чтобы подсудимые не успели вызвать нужных им свидетелей, на поиски последних было дано всего 24 часа. Просьба подсудимых продлить этот срок до трех суток была отклонена. В списке 18 свидетелей против подсудимых значились агенты полиции, тайные и явные шпионы. Обвинительный акт был настолько плохо напечатан, что многие места невозможно было прочесть. Не умеющим читать по-русски не дали переводчика. Подсудимым всячески мешали разобраться в обстоятельствах дела. Все это говорило о том, что суд будет жалкой комедией, призванной лишь прикрыть акт классовой мести.

12 мая началось заседание Временного военного суда в Риге по делу Степана Захарова и других. Все подсудимые обвинялись в том, что в ноябре и декабре 1905 года «вступили в революционную организацию, а именно в сообщество, составившееся для насильственного изменения в России установленного основными законами образа правления, каковое общество заведомо для всех обвиняемых имело в своем распоряжении склад оружия, причем обвиняемые участвовали в заседаниях, где обсуждались вопросы всеобщего восстания для ниспровержения правительства в Российской империи, а также устраивали в ноябре и декабре 1905 года в г. Риге собрания с целью привлечения новых лиц в эту преступную организацию, что предусмотрено в отношении каждого из них ч. 2 статьи 102 уг. улож. изд. 1903 года»¹.

Затем шла квалификация обвинения по группам обвиняемых. Степан Захаров, Л. Рубинштейн и другие обвинялись в похищении с парохода «Адольф Агге» на Двине 20 тыс. револьверных патронов с целью «запастись боевыми припасами для борьбы с войсками ради низвержения правительства...»², что каралось по статье 101 Уголовного Уложения 1903 года.

¹ А. Н. Рябинин, Материалы для биографии Р. М. Семенчикова, М., 1922, стр. 35.

² Там же.

Подсудимые Рубинштейн, Верба, Крастынь, Гринберг и другие обвинялись, кроме того, в том, что «ограбили с корыстной целью» (1) несколько магазинов в Риге. И, наконец, другие подсудимые, в частности Степан Захаров, обвинялись в нападении 17 января 1906 г. на городских в Риге «с целью лишить их жизни».

О нелепости многих обвинений можно судить, например, по тому, что Степан Захаров обвинялся в соучастии в преступлении, совершенном 17 января 1906 г., между тем еще 18 декабря 1905 г. он был арестован и находился в тюрьме. В обвинительном акте указывалось, что хотя Захаров и был уже в тюрьме, но ранее имел идейное влияние на людей, совершивших преступление, и склонил их всех путем убеждений и обольщений к убийству чинов полиции¹.

28 мая 1906 г. суд под председательством генерал-майора Арбузова приговорил Степана Захарова (Семенчикова) и четырех его товарищей — социал-демократов к смертной казни через повешение. Остальные получили долгосрочную каторгу.

Процесс велся крайне пристрастно. В ходе его стали известны возмутительные условия содержания обвиняемых в тюрьме, пытки, которым они подвергались, предательские расстрелы обвиняемых до суда, лживость показаний свидетелей. Судом было допущено много грубых нарушений.

Общественное мнение в это время было чрезвычайно возбуждено известиями о зверствах карательных экспедиций в Прибалтике и жестокостях военной юстиции. На заседании I Государственной думы был оглашен протест против главного военного прокурора Павлова. В Рижской центральной тюрьме происходили массовые протесты заключенных.

Все это помогло защитникам добиться кассации приговора в главном военном суде и передачи дела на рассмотрение новому составу суда.

Новый суд, состоявшийся в августе 1906 года, мало чем отличался от предыдущего, однако наказание подсудимым было смягчено. Р. Семенчиков (Захаров), Л. Рубинштейн и другие, приговоренные к смертной казни, получили по 15 лет каторги, остальным был снижен срок каторги. Но и второй приговор был чрезвычайно жесток, ибо на суде выявилась невинность многих подсудимых в предъявленных обвинениях. Некоторые из числа осужденных по этому процессу отбывали каторгу в Шлиссельбурге — Р. М. Семенчиков, Л. Н. Рубинштейн, К. И. Грюнштейн и др.

¹ См. А. Н. Рябинин, Материалы для биографии Р. М. Семенчикова, М., 1922, стр. 35.

§ 10. ПРОЦЕСС «РУИЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

В июне 1908 года военный суд слушал в Ревеле дело о 69 участниках революционного движения в местечке Руиена. Это был один из крупных судебных процессов, организованных царским правительством над участниками революции 1905—1907 годов в Латвии. Все обвиняемые по этому процессу, исключая четырех оправданных, получили суровые каторжные приговоры. Многие из них были брошены царизмом в Шлиссельбургскую крепость, где томились вплоть до Февральской революции. Изученные нами архивные и мемуарные источники позволили внести в список узников Шлиссельбурга 20 имен каторжан-«руиенцев». Судя по воспоминаниям, их было даже больше. Не многие судебные процессы периода 1906—1916 годов дали такое количество узников в Шлиссельбург, как процесс «Руиенской республики».

К сожалению, многотомное судебное дело по интересующему нас процессу разыскать не удалось.

В нашем распоряжении имеется только копия заключения бывшего военно-прокурорского надзора Петербургского военно-окружного суда о вооруженном восстании в посаде Руиена и его окрестностях, памятная записка того же суда и воспоминания отдельных участников революционного движения в Руиене. Но и эти материалы позволяют восстановить ход судебного следствия и самого суда над руиенцами.

Местечко Руиена в 1905 году стало одним из центров революционной борьбы рабочих, батраков и крестьян Латвии. Еще в 1904 году здесь возникла социал-демократическая организация из рабочих ножевой фабрики «Амор» и батраков. Члены ее вели революционную пропаганду среди жителей Руиены, расклеивали и разбрасывали на улицах революционные прокламации. Весной и летом 1905 года организация проводила в лесу массовки с выступлениями приезжавших из Риги партийных товарищей. Летом проведена была забастовка рабочих ножевой и конфетной фабрик. Социал-демократическая организация Руиены была превращена в самостоятельную организацию под названием «Полевой центр «Пламя» («Лиезма») и подчинена непосредственно ЦК ЛСДРП.

Организация «Пламя» готовилась к вооруженному восстанию. Собирались средства на приобретение оружия, устраивались нападения на баронские имения, где забирались оружие. После манифеста 17 октября организация почти вышла из подполья. Часто устраивались общие собрания рабочих, батраков и крестьян. Собрания выливались в единодушные протесты про-

тив «правительства Николая» и его агентов — помещиков и фабрикантов, в отказы перевозить войско и идти на военную службу к царскому правительству.

В конце ноября волей народного собрания в Руиене было смещено волостное собрание и демократическим путем избран Распорядительный комитет. Распорядительный комитет прекратил всякие сношения со старыми правительственными организациями, предложил новобранцам не являться на призывные пункты, организовал сбор средств на оружие. Посад Руиена был преобразован в город. На демократических началах была избрана руиенская «городская дума» и «городской суд».

Организованная из рабочих, батраков и трудящихся крестьян народная милиция образцово охраняла революционный порядок. На дорогах дежурили постовые, передававшие приказанья Распорядительного комитета в волости и местечки. Таким способом в течение часа-двух можно было собрать весь отряд. Отряд Руиенской милиции совершил одиннадцать походов на окрестные баронские имения с целью разоружения помещиков и добычи оружия. Многие помещики в связи с этим выехали в города или за границу.

«Полевой центр «Пламя» держал связь с соседним Салисбургским районом, где организовался конный отряд народной милиции.

Члены руиенской социал-демократической организации активно помогали учреждать новые органы народной власти в окрестных волостях. В волости посылались вооруженные отряды с красными знаменами. Созывались митинги населения, на которых выносились решения о смещении старых властей и замене их распорядительными комитетами. В заключении военно-прокурорского надзора указывалось, что «выборы распорядительных комитетов происходили под наблюдением руиенских революционеров, находивших себе поддержку среди местных крестьян, преимущественно класса батраков...»¹.

Распорядительные комитеты начинали действовать как органы революционной власти в деревне. Руиенский центр «Пламя» развернул кипучую деятельность. Добывалось оружие, устанавливались связи с другими районами, готовилось вооруженное восстание. Эта революционная деятельность была прервана карательной экспедицией.

19 декабря руиенские революционеры узнали о приближении к Руиене войск генерала Орлова. Из центра в связи с этим

¹ ЦГВИА, ф. 9, (Л). 5-е отделение, 1908, д. 15/3, л. 72.

пришла директива: немедленно свернуть подготовку восстания, спрятать оружие и перейти в подполье. Все это удалось сделать до прибытия карательных войск.

По подсчетам генерала Орлова, в руиенской милиции было 12 тыс. кавалерии и 20 тыс. пехоты¹. Руиена была подвергнута артиллерийскому обстрелу. Генерал Орлов грозил стереть местечко с лица земли, если жители не разоружат милицию, не сдадут оружие и не выдадут главарей движения. Убедившись, что отпора не будет, войска вступили в Руиену. Сразу же начались повальные обыски и аресты, поджоги домов, грабеж имущества, свирепые расправы. Карательный отряд вел себя, как в завоеванном неприятельском городе.

В Салисбурге во время расправы карателей было изрублено и застрелено 11 человек, сотни жителей Салисбурга и Руиены подвергнуты экзекуции.

Лишь случайность спасла руководителей Руиенской республики от расстрела карателями. Подполковник Марков — глава карательного отряда Руиенского района, расстреляв в районе Паленгофа несколько десятков рабочих и батраков, запьянствовал, затем застрял на несколько дней в одном из имений. Явившись в Руиену, он уже не застал там никого из «главарей». Они еще раньше вместе с другими захваченными повстанцами были отправлены из Руиены без документов и даже без записи по фамилиям, смешались с другими арестованными и попали в разные тюрьмы и арестные дома². Многие из них избежали ареста, вступили в партизанские отряды, сделавшись «лесными братьями»³.

Попав в Перновскую тюрьму, руиенцы вскоре завели нелегальную переписку с волей, получали оттуда информацию о событиях и даже газеты. Из многих способов связи с волей отметили стрелы, пускаемые из лука. Раза три-четыре в неделю, — вспоминает Р. П. Рейн, — к тюрьме подходили две партийки-псковитянки, «усаживались на скамеечке, находившейся наискось против «централки», и, держа в руках по книге, словно читая, следили за нашим окном; мы же, в свою очередь, по тюремному «телеграфу» — с помощью платка — сообщали, — что даем почту, и, получив от них ответ, что все обстоит благополучно, пускали стрелу с обернутой запиской в стоявшее около скамейки дерево. Уткнувшись в дерево стрела немедленно снималась,

¹ См. Р. П. Рейн, Полевой центр «Пламя», М., 1927, стр. 46. В действительности руиенская милиция насчитывала 600—700 человек.

² См. там же, стр. 70.

³ ЦПА ИМА при ЦК КПСС, ф. 124, д. 2488, л. 2.

с нее сдиралась записка, после чего наши «товарки» отправлялись для доставки ее по назначению»¹.

Следствие по руиенскому делу велось около двух лет. За это время царским властям удалось увеличить список арестованных руиенцев.

Руиенцы, кроме Пернова и Пскова, побывали еще в Рижской пересыльной и Рижской центральной тюрьме, а перед судом содержались в Ревельской следственной тюрьме. В Рижской центральной тюрьме в это время томились сотни участников революции 1905 года. По поручению ЦК ЛСДРП партийные работники в тюрьме обсуждали те или иные вопросы и отсылали в ЦК свои постановления, так как, несмотря на очень строгий режим, связь с волей была хорошо налажена. По свидетельству Р. П. Рейна, дело нелегальной почты было настолько хорошо организовано, что почта доставлялась адресату из тюрьмы на квартиру в Риге не позднее, чем через 12 часов после ее отправления. Нелегальные письма посылались и в другие города. Благодаря тщательной конспирации провалов «почты» не было, и многие товарищи вели регулярную переписку с волей².

По окончании следствия, в декабре 1907 года, был издан приказ временного прибалтийского генерал-губернатора, известного царского сатрапа и палача барона Меллера-Закомельского, о предании Петербургскому военно-окружному суду 69 человек, обвиненных по статье 100 Уголовного Уложения.

С 10 по 22 июня 1908 г. в Ревеле заседал временный военный суд. Председательствовал генерал-майор Арбузов, давно известный своей жестокостью. Прокурором выступал подполковник Павлов, мстивший всем революционерам за убитого в 1906 году отца — главного военного прокурора, отличавшегося особой жестокостью и деспотизмом. Дело слушалось при закрытых дверях.

Все 69 человек обвинялись в том, что в ноябре — декабре 1905 года вошли в состав «Руиенского революционного общества», поставившего целью своей деятельности ликвидацию на части территории Прибалтийского края существующего строя и установление республики. Обвинительный акт подробно описывал революционное движение в Руиене и участие в нем каждого из обвиняемых. Но никто из них виновным себя не признал.

¹ Р. П. Рейн, Полевой центр «Пламя», М., 1927, стр. 74.

² См. там же, стр. 84, 85.

Из 144 свидетелей вызвано было всего 44, явилось же на суд 34. Большинство свидетелей, кроме урядников, отказались от прежних показаний, поставив в затруднительное положение прокурора и членов суда. Перекрестные допросы часто лишь затрудняли для них ведение дела. Защита умело выявляла противоречия и несурасности в показаниях урядников.

Прокурор требовал от суда свыше 20 смертных приговоров. Однако против ожидания суд применил не ч. 1, а ч. 2 статьи 100 Уголовного Уложения, определявшую за предъявленное «преступление» не смертную казнь, а каторжные работы. Вынесение такого приговора объяснялось тем, что «подавление восстания» не вызывало особо специальных мер¹.

65 подсудимых были приговорены к каторге на срок от 4 до 15 лет, 4 оказались оправданными. 65 руиенским революционерам предстояло отбыть в общей сложности 551 год каторги². Разослали их по разным каторжным тюрьмам. Почти половина осужденных по процессу Руиенской республики отбывала каторгу в Шлиссельбурге. Среди них были: А. К. Берзин, К. Я. Бринум, Э. П. Детлов, Э. И. Гарклав, И. М. Данц, Я. Д. Кесперс, С. С. Кукайн, С. Лус, Р. А. Озерс, Р. П. Рейн, Я. Ротис, Э. Э. Сесис, А. К. Скуя, Э. Тиберс и др.³ В Шлиссельбурге руиенцы держались сплоченной массой на протяжении всего срока каторги, находясь в общих камерах четвертого корпуса. Некоторые из них погибли в Шлиссельбурге, не выдержав каторжного режима с карцерами, поркой, издевательствами на каждом шагу. Но многие дождались дня освобождения и вновь включились в революционную борьбу уже за победу социалистической революции.

§ 11. ДЕЛО О ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВАРШАВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Обвинительный акт по делу военно-революционной организации Варшавского военного округа поступил в Варшавский военно-окружной суд 3 ноября 1907 г.⁴ В первых же строках

¹ Р. П. Рейн, Полевой центр «Пламя», М., 1927, стр. 97.

² ЦГВИА, ф. 9, (Л.), 5-е отделение, д. 15/3, 1908, лл. 102, 103.

³ Ленинградский партийный архив, ф. И-1, д. 280, «Биографический список политических заключенных Нового Шлиссельбурга»; «Книга памяти павших борцов революции» (на латышском языке), т. 2, 1907—1917, изд-во «Прометей», 1936, стр. 163—166.

⁴ ЦГВИА, (Л.), 1907, ф. 9, оп. 5/65, св. 24, д. 35/3, лл. 231—236, об. «Обвинительный акт по делу военно-революционной организации Варшавского военного округа».

этого документа отмечались, с одной стороны, успех революционной пропаганды, а с другой — безуспешность репрессивной борьбы с ней. Уже в самом начале 1907 года начальнику Варшавской крепостной жандармской команды начали поступать донесения агентов политического сыска о возрождении революционной организации социал-демократов, которую считали разрушенной в предшествующем 1906 году. Она оказалась не только не ослабленной произведенными арестами, но даже усилившейся притоком в нее новых членов.

Обвинительный акт по названному нами делу представляет большой интерес. Он знакомит нас со страницей революционной работы в польской столице, где реакция после революции 1905 года возглавлялась наиболее ретивыми и жестокими представителями местной администрации во главе с генерал-губернатором Скалоном.

Военно-полевые суды получили в период с 23 августа 1906 г. по февраль 1907 года особое распространение в Варшаве и в других городах Польши, но и они не устрасили революционных социал-демократов, направивших свою деятельность на агитацию в войсках варшавского гарнизона. Обвинительный акт должен был признать настоящее поражение генерала Скалона, когда приводил цифровые и другие материалы об успешной деятельности революционеров. Так, например, за один март пропагандистская литература была распространена в войсках варшавского гарнизона в тысячах экземпляров, а число нижних чинов, посетивших за этот месяц тайные сходки, достигло 460 человек.

Ярким показателем роста силы революции явился перечень в обвинительном акте нелегальных органов печати, предназначенных для распространения в войсках.

Мы нашли указание в этом акте на следующие органы печати: «Солдатский листок» — газета военно-революционной организации социал-демократии Польши и Литвы; «События дня» — газета Рижской социал-демократической организации; «Голос солдата» — газета Рижской социал-демократической военной организации; газета «Солдатская беседа»; газета «Казарма»; газета «Червонный штандарт» и др.

Эти периодические органы были обнаружены при обысках не только в единичных экземплярах, но в десятках и даже в сотнях экземпляров. При этом были найдены нередко серии номеров той или другой газеты. Так, например, «Солдатский листок» был обнаружен: № 14—7 экземпляров, № 15—48 экземпляров, № 19—91, № 21—175, № 22—250 экземпляров. Газеты «События дня» было захвачено: № 24—52 экземпляра, № 28—3,

№ 29—44 экземпляра. Газета «Голос солдата» была конфискована: № 19—17 экземпляров, № 22 и 23 по 13 экземпляров.

Обвинительный акт отмечал, что нелегальные издания, предназначенные для распространения среди войск, были обнаружены в казармах, на учебных плацах, на путях следования воинских команд и распространялись на сходках нижних чинов агитаторами и рабочими.

Успеху агитации содействовала планомерная деятельность участников военно-революционной организации. Варшавский гарнизон для целей агитации и пропаганды был разделен на четыре района. Каждый район (отдел) имел свое представительное бюро. Делегаты на собраниях представляли отдельные воинские части, а в некоторых случаях, например в саперном батальоне, делегаты имелись в каждой роте.

Большая налаженность работы революционной организации сказывалась в наличии явочных квартир в каждом из районов. Ко времени возбуждения судебного дела агентам политического сыска удалось выявить такие квартиры лишь в двух районах, и это является показателем надлежащей конспирации в деятельности организации.

Обнаружение явочных квартир в одном из районов и привело к провалу варшавской военно-революционной организации. Впрочем, не обошлось без проникновения тайных агентов полиции на собрания в явочных квартирах. Жандармерия, заранее оповещенная о предстоящей конференции членов Военно-революционной организации Варшавского военного округа, 15 апреля 1907 г. нагрянула на квартиру и арестовала всех собравшихся в количестве 21 человека. Из этого числа только 4 были штатскими, а остальные 17 человек — нижними чинами воинских частей, расположенных в Варшаве¹. В ходе предварительного расследования раскрылось участие в организации многих других лиц. На скамью подсудимых было посажено 14 человек — 10 штатских и 4 военных. Небольшое число (4) военных, привлеченных к суду, объясняется, вероятно, решением военного начальства расправиться со многими нижними чинами без суда.

Суд состоялся в конце ноября 1907 года в Варшаве. Всем подсудимым было предъявлено обвинение по ч. 1 статьи 102 Уголовного Уложения, а в отношении нижних чинов еще по ч. 1

¹ Из этих 17 нижних чинов было 6 унтер-офицеров и 11 рядовых. ЦГАОР, ф. 102, департамент полиции, 00, 1907, д. 5, ч. 5, «Социал-демократы Варшавской губ.», л. 26. В этом же архивном деле имеется письмо генерала Утгоф, который порадовал департамент полиции за пять дней до описанного нами ареста 17 человек сообщением о раскрытии двух нелегальных типографий, о нахождении 40 пудов шрифта в привислянском складе и 20 — в варшавском (л. 14).

статьи 273 XXII книги Свода военных постановлений 1869 года. Таким образом, все они обвинялись в том, что, «проживая в г. Варшаве и принадлежа в первой половине года к сообществу, именуемому военно-революционной организацией, поставившей себе целью путем народного восстания и восстания среди войск насильственное ниспровержение в ближайшем будущем установленного в Российской империи основными законами образа правления для замены его республиканским строем, они в качестве членов названного сообщества и в интересах последнего устраивали сходки, куда с целью пропаганды заманивали под разными предлогами нижних чинов, распространяли среди них соответствующие их задачам произведения нелегальной литературы, хранившейся у них в складах, и вербовали новых членов».

Обвинительный акт обосновывал предъявленное обвинение главным образом результатами обысков у обвиняемых и нахождением у них обширной нелегальной литературы, в частности номеров периодической агитационной печати. Из органов этой печати приводились выдержки, чтобы определить перед военным судом основную цель военно-революционной организации. Так, была приведена выдержка из газеты «Солдатский листок» (№ 14): «Для того, чтобы начать сразу вооруженное восстание, чтобы вместе с народом обратить наше оружие против кровопийц, чтобы захватить в свои руки город Варшаву и Варшавскую крепость и объявить разбойничьему правительству войну, — нас, сознательных солдат, еще мало, а потому рекомендуется «тревожить врага».

26 ноября 1907 г. состоялся приговор варшавского военного окружного суда по делу Ф. Н. Петрова и других. Из 14 обвиняемых 8 человек были осуждены и 6 оправданы. Все осужденные были приговорены к каторжным работам, наивысший срок которых — семь лет — был назначен Ф. Н. Петрову. Все семь лет он отбыл в Шлиссельбурге. Привлеченные к суду «нижние чины» были осуждены на шесть лет каждый¹.

§ 12. «ГОРЛОВСКОЕ ДЕЛО»

В ноябре — декабре 1908 года временный Одесский военный окружной суд в Екатеринославе слушал дело «о вооруженном

¹ ЦГАОР, ф. 102, департамент полиции, VII делопроизводство, 1907, д. 3111, «По наблюдению за формальным дознанием о задержании тайной сходки военно-революционной организации Варшавского округа».

захвате революционерами линии Екатерининской железной дороги в декабре 1905 г.» Первоначально по этому делу было привлечено более 300 человек. В обвинительном акте в качестве обвиняемых перечислялись 184 фамилии. По сведениям жандармского управления, до суда скрылось 43 человека «наиболее важных обвиняемых». Немало подсудимых погибло в тюрьме. На скамью подсудимых было посажено 132 человека¹. Около половины подсудимых явились в суд по повесткам, так как находились в течение двух лет на свободе и судебные власти их не беспокоили. Надо учесть, что в число обвиняемых входило немало железнодорожных служащих, не являвшихся убежденными революционерами. Захваченные в свое время волной революции, они после ее спада отошли от революционного движения. Одни из них уже почти забыли и о самом деле, и о состоянии под судом. Другие надеялись на полное оправдание или на мягкий приговор. Следствие судебной палаты давало пищу для таких надежд. Следователи предъявляли обвиняемым статьи 129, 132 и 126 Уголовного Уложения, карающие за агитацию, произнесение речей, распространение прокламаций, за принадлежность к «противоправительственному сообществу» заключением в крепость или, в крайнем случае, ссылкой на поселение.

Между тем в это время в стране из края в край продолжал гулять «столыпинский галстук». По выражению В. Г. Короленко, казни стали уже «бытовым явлением». Столыпин, заинтересовавшийся «горловским делом», решил превратить его в один из «ужасных» процессов. Он приказал передать дело в военный суд и рассматривать его по законам военного времени. Столыпин не смущала та «деталь», что события на Екатерининской железной дороге происходили до объявления Екатеринославской губернии и Екатерининской железной дороги на военном положении.

Обвинительный акт составлялся уже в военном суде. В отношении 71 подсудимого обвинение квалифицировалось по 100-й «смертной» статье Уголовного Уложения. Многие обвинялись по статье 102, предусматривавшей каторгу. Однако и после вручения обвинительного акта большинство подсудимых продолжало по-прежнему работать на железнодорожных станциях.

7 ноября 1908 г., то есть спустя три года после событий на Екатерининской железной дороге, открылся суд. Происходил

он в помещении тюрьмы, за толстыми стенами. Власти боялись «беспорядков» в городе и были особенно обеспокоены слухами о намерениях «революционных организаций» освободить арестованных. Слухи эти инсценировались охранкой с целью создать психологическую обстановку, благоприятную для кровавой расправы над подсудимыми.

Председательствовал в суде генерал-майор Лопатин. Он страшно боялся покушений на свою особу, видел в каждом из подсудимых не только врага государства, но и своего личного врага. Он был озабочен только одним: вынести побольше смертных приговоров.

После допроса подсудимых, переключки и приведения к присяге огромного числа свидетелей в течение двух дней читался обвинительный акт, изложенный на 114 страницах. В нем рисовалась искаженная, фальсифицированная во многих моментах картина событий. К причинам широкого революционного движения в районе Екатерининской железной дороги обвинительный акт относил действия революционных организаций и их агитаторов, «безнаказанность» октябрьской забастовки на железной дороге и манифест 17 октября, который помог революционным агитаторам внушить рабочим, что настал момент, «когда можно достичь всего желаемого только путем принятия непосредственного участия в политической жизни страны»¹. В описании событий автором обвинительного акта видно стремление замазать, замолчать массовый характер революционной борьбы, инициативу самих масс.

Разумеется, действительные причины революционных событий в Донбассе были глубже и шире. Полицейско-судебные прислужники царизма боялись сказать правду о причинах революционной борьбы масс. Широкое революционное движение вызвано было здесь теми же общими объективными причинами, которые породили первую русскую революцию.

Сразу же после окончания чтения обвинительного акта помощник военного прокурора Филимонов на основании предложения главного военного суда потребовал новой квалификации обвинения для всех подсудимых, а именно — применения статьи 100 Уголовного Уложения и статьи 279 XXII книги Свода военных постановлений, грозивших смертной казнью.

Требование Филимонова противоречило закону, который не допускал изменения квалификации обвинения в сторону усиления наказания в самом судебном заседании и предъявления дополнительных обвинений по статьям, не указанным в обвини-

¹ См. «Материалы по истории революционных событий 1905 года на территории, ныне входящей в Артемовский округ», Донбасс, 1925, стр. 51, 57. С. Анисимов, Дело о восстании на Екатерининской ж. д., М. — Л., 1926, стр. 9.

¹ С. Анисимов, Горловское дело, Харьков, 1926, стр. 21.

тельном акте. Защита энергично протестовала против изменения обвинения, указывая на его незаконность. Внезапное предъявление нового обвинения означало то же самое, что неожиданное нападение из-за угла или подкарауливание жертвы в засаде.

Тем не менее суд постановил принять новую формулировку обвинения по статьям 100 и 279: «судить всех как мятежников, поднявших восстание с оружием в руках»¹ и ввиду тяжести этого обвинения заключить всех подсудимых в тюрьму. С этого момента и началась трагедия 131 подсудимого. Над каждым из них нависла угроза смертной казни.

Судебное разбирательство длилось 40 дней. Оно не могло дать правильной картины восстания. Многим его активным участникам и руководителям удалось скрыться до суда, другие отрицали свое участие в событиях. В обвинительной речи помощника военного прокурора подполковника Филимонова отдельные эпизоды событий освещались таким образом, чтобы показать наличие единого плана во всех действиях подсудимых и подвести эти действия под понятие «мятежа». Защитники (их было 12 человек), наоборот, отрицали всякую организованность и плановость восстания, заявляя, что все подсудимые — вовсе не революционеры, а обыватели, захлестнутые волной революции, что стихия оторвала их от обычного дела.

Главным предметом судебного разбирательства были события в Горловке в декабре 1905 года. В то время весь Донбасс был охвачен революционным движением. Горловка стала одним из важнейших центров вооруженного восстания трудящихся Донбасса. В Екатеринославе, Луганске, Горловке, Гришино и в других местах осенью 1905 года возникли Советы рабочих депутатов, забастовочные и распорядительные комитеты. Под руководством большевиков шла подготовка к вооруженному восстанию. Организовывались боевые дружины, добывалось оружие, развертывалось боевое обучение рабочих для решительных схваток. После всеобщей октябрьской политической стачки, дружно поддержанной рабочими Донбасса, 8 декабря началась новая политическая забастовка. Она возникла в Екатеринославе, охватила всю Екатерининскую железную дорогу. Стачкой руководили распорядительные и стачечные комитеты. Они захватывали управление отдельными предприятиями, станциями, телеграфом, телефоном, подвижным составом. Во многих местах была разоружена полиция и жандармы. Отбиралось оружие у проезжавших через станцию казаков, офицеров и

¹ С. Анисимов, Горловское дело, Харьков, 1926, стр. 115.

солдат. Рабочие Горловки, Петровского завода, Ясиноватой, Енакиево, Луганска вместе с железнодорожниками усиленно готовились к вооруженному восстанию. Стали учащаться вооруженные стычки рабочих дружин с войсками и полицией.

К середине декабря полиция во многих местах была разоружена, власть почти везде находилась в руках стачечных комитетов, опиравшихся на боевые дружины. Движение разрасталось стремительно и шло к восстанию.

Царские власти, считая Горловку опасным очагом революции, послали туда отряд драгун в 100 человек и три роты пехоты¹. Войска готовились потопить восстание в крови.

Поводом к восстанию явился провокационный расстрел 16 декабря 1905 г. драгунами безоружных рабочих Горловского машиностроительного завода. Таким путем власти хотели подавить забастовку. В ответ на зверский расстрел бастовавших вспыхнуло восстание.

Распорядительный комитет немедленно послал по всей линии Екатерининской железной дороги и по всем рудникам и заводам Донбасса телеграмму о происшедшем в Горловке расстреле рабочих и призвал боевые дружины прийти на помощь горловцам.

Советы и забастовочные комитеты дружно откликнулись на этот призыв. Немедленно по получении телеграммы в Горловку стали съезжаться боевые дружины. Первыми прибыли дружины со станции Харцизск и Енакиево, вслед за ними прибыли дебальцевская, ясиноватская, гришинская и авдеевская дружины — всего около 4000 человек. Несмотря на слабое вооружение, дружинники были полны решимости победить врага. На плакатах и флагах, украшавших поезда, были лозунги «Свобода или смерть». Утром 17 декабря началось наступление на драгунские казармы. Дружины разбились на отряды и окружили казармы, где карательные войска приготвились к обороне. После двухчасового боя пехота и драгуны прорвались и отступили в степь. В двух-трех верстах от Горловки им удалось объединиться с присланной на подкрепление сотней казаков. Совершив обход, объединенный отряд войск внезапно окружил станцию, где находилось в резерве около 300—400 плохо вооруженных дружинников, штаб и санитарный пункт. На территории станции в течение нескольких часов шел ожесточенный бой. Дружинники дрались отважно, но превосходство было на стороне врага.

¹ См. «Материалы по истории революционных событий 1905 года...», Донбасс, 1925, стр. 62.

Войска захватили штаб и резерв боевых дружин. Около 300 человек было взято в плен.

Остальные отряды дружинников с боем прорвались к стоящему на путях поезду и выехали из Горловки. Восставшие потеряли не менее 200 человек убитыми¹. Восстание потерпело поражение².

Карательные войска начали массовые аресты и экзекуции. Многих запарывали насмерть. На Екатерининской железной дороге было объявлено военное положение. Заработала военносудовенная машина.

Царское правительство под нажимом крупных промышленных тузов и французских банкиров, боявшихся нарушения нормальной работы железной дороги и рудников, вынуждено было отложить массовые кровавые репрессии на Екатерининской железной дороге. Особый комитет с участием промышленников и железнодорожной администрации, составленный для разбора виновности арестованных, добился возвращения большинства из них на прежнюю работу. Кроме небольшой группы «явных революционеров», оставленных в тюрьме, все остальные были освобождены под залог до суда.

Вернемся к судебному процессу и его результатам. В используемом нами сборнике материалов и документов по делу о восстании на линии Екатерининской железной дороги имеется донесение в департамент полиции жандармского полковника Шределя о ходе процесса. С. С. Анисимов, бывший защитником на суде, замечает, что Шредель являлся своего рода дополнительным нелегальным судьей, хотя и не сидел за судебским столом. Он сообщал судьям данные Екатеринославской охранки о подсудимых, и благодаря этому многие из них были осуждены без каких-либо улик.

Шредель дал департаменту полиции отзыв о всех подсудимых. «Судом, — писал он, — рассмотрены преступные действия железнодорожных служащих на следующих станциях: Екатеринослав, Нижнеднепровск, Ясиноватая, Авдеевка, Горловка, Никитовка, Енакиево, Алчевская, Дебальцево, Юзовка, Алмазная, Черноухино, Гришино и Чаплино».

Общая картина событий, описанная Шределем в донесении по материалам судебного процесса, не представляет ничего ново-

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 894, лл. 2—3, «Материалы по истории революционных событий 1905 года...», Донбасс, 1925, стр. 72, обвинительный акт. См. также С. Анисимов, Горловское дело, Харьков, 1926, стр. 40.

² Подробно о восстании в Горловке см. Н. Н. Яковлев, Вооруженные восстания в декабре 1905 года, Госполитиздат, 1957, стр. 329—343.

го. Все широкое движение объяснялось им «кознями профессиональных агитаторов». Он клеветнически утверждал, что последним удалось добиться вооружения значительных масс путем обмана и запугивания тем, что железнодорожникам «грозит большая опасность со стороны шахтеров», которые якобы готовы ринуться на железную дорогу для грабежа, что многие примкнули к революционерам «под угрозами насилия и смерти» и т. п. Нет нужды опровергать эти клеветнические измышления классового врага.

Рис. 12. Вооруженное восстание рабочих в Горловке. Донбасс, декабрь 1905 года.

С картины художника М. Саблина

Представляет интерес данная Шределем характеристика подсудимых, составленная не только по материалам суда, но и по данным охранки.

По поводу состава подсудимых на станции Ясиноватая Шредель писал, что «из служащих этой станции на скамье подсудимых находятся три телеграфиста, два слесаря, два стрелочника, два конторщика и один ремонтный рабочий, но большинство мятежников скрылось»¹.

В числе подсудимых по станции Авдеевка были «два машиниста, два телеграфиста, два слесаря, два агента службы

¹ С. Анисимов, Горловское дело, Харьков, 1926, стр. 127.

движения, один торговец, но главные виновники Новиков и его шесть помощников скрылись и не разысканы»¹.

О группе подсудимых со станции Гришино он писал, что все они — машинисты, слесари, телеграфисты². Руководитель движения на станции Гришино учитель Прохор Дейнега был убит во время боя в Горловке 17 декабря 1905 г.

Относительно группы подсудимых по станции Енакиево Шредель доносил, что здесь революционное выступление было подготовлено и проходило под руководством литейщика Петровских заводов Григория Ткаченко-Петренко, которого он называл «главным агитатором».

По этой группе были судимы почти исключительно рабочие и служащие Петровских заводов и соседнего Веровского рудника в числе 18 человек — рабочих, слесарей и литейщиков. 9 «главных виновников», по сведениям Шределя, скрылись³.

Самое большое внимание Шредель уделил описанию событий в Горловке, стоявших в центре судебного процесса. По станции Горловка были привлечены и осуждены, кроме Зубарева-Кузнецова, 2 врача завода, инженер, 3 штейгера, 3 телеграфиста, 5 рабочих, конторщик, фельдшер и 5 крестьян, 8 «мятежников» успели скрыться⁴.

В донесении указывалось, что 43 «главных виновника» скрылись до суда. Из характеристики групп обвиняемых, данной Шределем, видно, что на скамью подсудимых были посажены главным образом «второстепенные лица».

Однако это обстоятельство несколько не повлияло на приговор суда. Ведь правительству Столыпина нужен был «устрашающий» процесс с массовыми смертными приговорами, и суд обеспечил то и другое. Тем более, что для генерала Каульбарса — командующего войсками Одесского военного округа — и председателя суда генерала Лопатина смертные приговоры стали обычным делом. В Екатеринославе военные суды многие месяцы заседали без перерыва, вынося пачками смертные приговоры. По подсчетам С. Анисимова, в Екатеринославе с 1906 по 1910 год только по приговорам военно-окружного суда было повешено 216 человек, не считая казненных по приговорам военно-полевых судов⁵.

¹ С. Анисимов, Горловское дело, Харьков, 1926, стр. 127, 128.

² См. «Материалы по истории революционных событий 1905 года...», Донбасс, 1925, стр. 54.

³ См. там же, стр. 55.

⁴ См. там же, стр. 57.

⁵ См. С. Анисимов, Горловское дело, Харьков, 1926, стр. 133—134.

19 декабря 1908 г. был объявлен приговор. Даже в обстановке столыпинской реакции он поражал исключительной жестокостью. 32 человека приговорены были к смертной казни через повешение. Смертная казнь была определена еще для 12 человек, но вследствие их несовершеннолетия заменена бессрочной каторгой. 48 человек были приговорены к каторжным работам на разные сроки и 39 за недостаточностью улик — оправданы¹.

О том, как суд вырабатывал этот свирепый приговор, пишет С. Анисимов:

«Если сопоставить, сколько приговорено было к повешению, сколько к каторге и сколько оправдано, то станет ясным, что они (судьи. — Ю. К.) разрешили дело, как простейшую арифметическую задачу: из 131 человека они решили сначала приблизительно одну треть оправдать, одну треть приговорить к смертной казни и одну треть приговорить к разным срокам каторги. После такого решения задача судей очень упростилась: надо было только установить общие признаки, которые давали повод зачислять в ту или другую категорию»². Ясно, что при таком «принципе» составления приговора нечего и говорить о соответствии наказания действительной «вине» осужденных.

Приговор ошеломил своей жестокостью и вызвал взрыв негодования среди всех честных людей России. Несмотря на запрет печати сообщать что-либо о процессе, во многих газетах появились заметки о жестокости приговора. В III Государственной думе был внесен запрос правительству. Столыпин, не отказываясь от первоначального плана расправы, все же решил смягчить впечатление от приговора уменьшением числа смертных казней. Генералу Каульбарсу была послана соответствующая телеграмма. Завязалась переписка. И только 30 июля 1909 г. Каульбарс подтверждал приговор, утвердив смертную казнь для 8 осужденных, заменив ее остальным бессрочной и срочной (15—20 лет) каторгой³.

180 дней томились в Екатеринославской тюрьме приговоренные к смертной казни, ежедневно ожидая исполнения приговора. Это были Г. Ф. Ткаченко-Петренко — литейщик, организатор большевиков и боевых дружин в Енакиево и Горловке; Александр («Марк») Зубарев-Кузнецов — фельдшер, популярный среди рабочих деятель социал-демократии; А. Ф. Щербак — электротехник, талантливый агитатор и организатор

¹ См. «Материалы по истории революционных событий 1905 года...», Донбасс, 1925, стр. 106—108, копия приговора.

² С. Анисимов, Горловское дело, Харьков, 1926, стр. 151.

³ См. там же, стр. 200—204, приложение.

большевистской организации на Енакиевском заводе; И. Д. Мигусов — помощник машиниста; В. П. Григоращенко — слесарь, А. И. Ващеев — слесарь, В. В. Шмудевич — слесарь, П. А. Бабич — слесарь. Все они мужественно держались на суде. Ткаченко-Петренко в последнем своем слове заявил: «мы знаем, что вы, палачи, нас повесите, но мы знаем, за что умираем... придет время, что вас, гадов, они (рабочие. — Ю. К.) расстреляют»¹.

Казнь 8 осужденных состоялась ночью 4 сентября 1909 г. Они были повешены на балках пожарного сарая 4-й полицейской части в Екатеринославе, где обычно происходили казни. До нас дошло предсмертное письмо Ткаченко-Петренко, написанное за час до казни. Он писал:

«Здравствуй и прощай, дорогой брат Алеша и все остальные братья, рабочие и друзья!

Шлю вам свой искренний и последний поцелуй. Я пишу сейчас возле эшафота и через минуту меня повесят за дорогое для нас дело. Я рад, что не дождался противных для меня слов от врага... и иду на эшафот с гордой поступью, бодро и смело смотрю прямо в глаза своей смерти, и смерть меня страшить не может, потому что я, как социалист и революционер, знал, что меня за отстаивание наших классовых интересов по головке не погладят, и я умел вести борьбу и, как видите, умею и помирать за наше общее дело так, как подобает честному человеку. Поцелуй за меня крепко моих родителей. Прошу вас, любите их так, как я люблю своих братьев-рабочих и свою идею, за которую я отдал все, что мог. Я по убеждению — социал-демократ, и ничуть не отступил от своего убеждения ни на один шаг до самой кончины своей жизни. Нас сейчас возле эшафота восемь человек по одному делу — бодро все держатся. Постарайся от родителей скрыть, что я казнен, ибо это известие после такой долгой разлуки с ними их совсем убьет»². В этом огромной человеческой силы документе, написанном за несколько минут до смерти, видна негибаемая идейная убежденность и железная воля и величие духа революционера-большевика, бесстрашного борца с царизмом. О таких рабочих-большевиках В. И. Ленин писал в связи с гибелью И. В. Бабушкина: «Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации»³.

¹ Н. Н. Яковлев, Вооруженные восстания в декабре 1905 года, М., 1957, стр. 342.

² «Материалы по истории революционных событий 1905 года...», Донбасс, 1925, стр. 175—176.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 334.

Горловские повстанцы кровью вписали яркую страницу в историю первой русской революции. Удар, нанесенный ими царизму в 1905 году, был одним из тех многих ударов рабочего класса, которые подготовили победу трудящихся России в Октябре 1917 года.

Осужденные на каторгу и в тюрьму участники Горловского восстания перенесли немало физических и моральных пыток и лишений. Многие из них отбывали каторгу в Шлиссельбурге.

§ 13. ПРОЦЕСС СОЛДАТ ВЫБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ (1908 г.)

В сентябре 1907 года в одной из рот 8-го стрелкового полка, находившейся в Вильманстранде (Финляндия), произошел случай, послуживший предлогом для производства следствия в Выборгском гарнизоне и отдачи под суд нескольких десятков солдат. 18 сентября к ефрейтору-инструктору стрелкового дела Осипову явился прибывший из Выборга солдат Илья Трегубов и попросил выдать ему тайно 2—3 тысячи патронов «для нужд социал-демократической партии»¹. Трегубов объяснил Осипову, что членами этой партии состоят многие солдаты Выборгского гарнизона — артиллеристы и стрелки, что они под руководством Комитета готовятся к восстанию. Трегубов предложил Осипову вести агитацию среди солдат полка и добывать патроны. Осипов обещал достать патроны; сговорились о времени и месте встречи. Но Осипов оказался предателем — о разговоре он немедленно доложил начальству. По совету начальства Осипов под видом патронов принес Трегубову ящик со стреляными гильзами. В момент передачи ящика из засады выскочили солдаты с офицером и схватили Трегубова. При обыске у него нашли прокламации. На допросе у командира батальона Трегубов заявил, что принадлежит к социал-демократической партии, собирал для нужд этой партии патроны. Назвать каких-либо других членов партии он отказался.

Все военное начальство было поднято на ноги. Шутка ли сказать: после свирепого подавления восстаний в Свеаборге и Кронштадте была обнаружена подготовка к новому восстанию, да еще возглавляемая социал-демократами.

Для производства следствия в Выборг «по высочайшему повелению» был командирован военный прокурор Петербургского военно-окружного суда генерал-майор Арбузов, о котором

¹ ЦГВИА, ф. 9, (Л.), 5-е отделение, 1908, д. 6/11, л. 78.

нам уже приходилось упоминать. В помощь ему был дан жандармский подполковник Дацевич. Прибыв в Выборг, Арбузов поставил следствие «на широкую ногу». Через следственную камеру были пропущены почти все «нижние чины» и многие из них по несколько раз. Угрозы, запугивания, шантаж, уговоры — все было пущено в ход, чтобы обнаружить и до конца выявить солдатскую организацию. В результате шести месяцев непрерывного следствия накопилось шесть пухлых томов следственного дела, увенчанных «Памятной запиской производящего по высочайшему повелению следствия о чинах Выборгского гарнизона».

Из этой записки и следственных материалов видно, что все старания Арбузова и его подручных выявить организацию и ее руководителей успехом не увенчались. Отрывочные сведения были получены от фельдфебелей, офицеров и отдельных солдат. Обыски в казармах дали большое количество нелегальной революционной литературы. На этом основании к дознанию было привлечено 83 нижних чина, преимущественно артиллеристов, обвиненных как «члены преступного сообщества».

В «Памятной записке» Арбузова и «Заключении военно-прокурорского надзора» читаем, что революционная пропаганда в войсках Выборгского гарнизона заметно усилилась с конца 1905 года. С этого времени, пишет Арбузов, в «казармах стали появляться прокламации, причем иной раз в таких местах, куда они могли попасть только при содействии солдат. Начальство обнаруживало у солдат прокламации, отдавало нижних чинов под суд, но это мало помогало делу»¹. Как видим, сам прокурор признается в бессилии царских репрессий. Революционная пропаганда особенно сильно захватила крепостную артиллерию и крепостной пехотный батальон, слабее — минную роту и стрелковые полки. В этих частях образовались «...кружки тесно сплоченных революционных солдат, являвшихся представителями от своих частей»². Кружки в своих действиях объединялись и получали общие указания от «Выборгского революционного комитета», в заседаниях которого участвовали представители из Петербурга. Укажем, что «Выборгский революционный комитет» — это нечто иное, чем Комитет Выборгской большевистской военной организации, о которой на следствии были получены только общие данные. «Солдатские кружки, — читаем далее у Арбузова, — проводили в своих частях революционные идеи среди нижних чинов с целью увеличить число «сознатель-

¹ ЦГВИА, ф. 11, (Л.), оп. 1, 1907, т. III, д. 8738, л. 174 и т. д.

² Там же, л. 177.

ных», дабы в нужный момент при восстании иметь на своей стороне большинство. Члены солдатских революционных кружков были почти исключительно нижние чины срока службы 1906 года»¹.

Через отдельных солдат-доносчиков военное начальство узнавало о тайной революционной пропаганде в частях и замешанных в ней солдатах. В начале 1907 года 17 наиболее «подозрительных» солдат были отправлены из Выборга в «Особый пехотный батальон» в село Трубиchino. Но революционная работа в гарнизоне продолжалась.

Начальство особенно было встревожено слухами о подготовке солдат к восстанию. Фельдфебель одной из артиллерийских рот Карцев донес о подслушанном им разговоре группы солдат, обсуждавших вопрос о восстании. Солдаты говорили о том, что надо связаться с Кронштадтским гарнизоном и Свеаборгом, подготовить восстание в Выборге и на ближайших островах и выступить совместно².

Однако по этому главному вопросу следствие не дало доказательств. Солдаты во время допросов умели «держат язык за зубами», не признавали себя виновными, отделивались обычным «не могу знать!».

Из «вещественных доказательств», приобщенных к следственному делу, интересны солдатские письма. Интересны они тем, что исходят от самих участников событий, показывают их настроения и чувства.

Солдат крепостной артиллерии М. Жуков в письме родителям высказывал свое возмущение существующим строем и невероятным угнетением и унижением трудового человека в царской России. Сознание этого солдата давно уже проснулось, он видит виновников притеснений и унижений. Это правительство, которое «всеми силами старается как-нибудь опутать, сковать, чтобы не вправе был постоять за себя». Он разъясняет родителям «хитрую механику» царского правительства, которое дерет с крестьян прямые и косвенные налоги, сыновей их забирает на службу и заставляет служить своим палачам. С горечью пишет он о тяжелой доле рабочего человека, который «работает по 18 часов в сутки как каторжник», ему некогда «ни помечтать, ни поразмыслить на свободе». О себе упоминает, что трудится с пяти лет, но еще ни разу даже не наелся хорошо. В заключение он пишет: «...что-нибудь надо предпринять, чтобы улучшить жизнь рабочего человека,

¹ ЦГВИА, ф. 11, (Л.), 1907, т. III, д. 8738, л. 178.

² См. там же, л. 97.

которым держится весь свет, для этого нужно сплотиться в общую партию и дать отпор всем паразитам, заявить свои требования земли и воли, учредительного собрания». Письмо заканчивается словами: «Да сгинет самодержавие, будь оно проклято от моего имени, я не защитник своих палачей, а первый неприятель. Уже пять месяцев, как я попал в круг партии социал-демократов»¹.

В письме к брату М. Жуков с гордостью сообщает о своей революционной работе:

«...Так вот, братище, я тоже берусь за непосильный труд и хочу, хотя немногим, а открыть глаза и объяснить, что так жить больше нельзя, а нужно добиться земли и воли и править миллионной страной нужно не кучке каких-нибудь толстопузых живодеров или кровопийцам, ничего не делающим гулякам. А нужно самим распорядиться добром, которое нажито нашим горбом... У меня заведено знакомство с с.-д. р. партией и выбран я представителем от креп. артиллерии». Жуков сообщает, что он «основал уже кружок сознательных товарищей в числе около 100»².

У канонира Жукова нашли целую библиотечку нелегальной социал-демократической литературы из 81 книги.

В письме другого солдата (Ощепкова) родителям читаем такие строки:

«Когда мы разорвем эти крепкие цепи, в которых сейчас находимся? Очень трудно эти цепи разорвать; когда я был человек темный, все думал, что так и надо, я тогда любил службу, и она мне казалась легкой, а теперь я... вижу правду и неправду... много сажают в тюрьмы, много высылают в ссылку, много расстреливают, все это наше начальство, наши кровопийцы». Но нотки отчаяния сменяются уверенностью в победе. «А все-таки знаю, — пишет Ощепков, — скоро, знаю, разорвутся эти крепкие цепи проклятые, да скоро возрадуется весь мир»³.

Из приведенных писем видно, как далеко шагнуло сознание солдат за годы революции. Это уже не те солдаты, которые в январские дни 1905 года верили, что рабочие хотят разрушить Зимний дворец. Революция и большевистская пропаганда сделали свое дело.

Именно таких солдат и боялся более всего царизм. Ведь он всячески культивировал невежество, темноту и забитость солдатской массы, чтобы легче было держать армию в своих руках.

¹ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, д. 762, 1910, т. III, л. 140, об.

² Там же, л. 139, об.

³ Там же.

Выполняя волю царизма, генерал Арбузов хотел посадить на скамью подсудимых 87 солдат Выборгского гарнизона. Но улики были совершенно недостаточно, не было свидетелей. Волею неволей пришлось согласиться на отдачу под суд только 32 человек, а в отношении остальных ограничиться дисциплинарными наказаниями.

Временный военный суд, проходивший в Выборге с 18 по 23 июня 1908 г. над группой солдат Выборгского гарнизона, признал их виновными в том, что «в 1906—1907 годах они вступили членами в преступное сообщество, составившееся для насильственного ниспровержения установленного в России основными законами монархического образа правления и замены его демократической республикой и для достижения этой цели путем распространения между нижними чинами войска Выборгского гарнизона брошюр противоправительственного содержания и устной пропаганды, старались подготовить этот гарнизон к вооруженному восстанию»¹.

Все солдаты обвинялись по ч. 1 статьи 102 и статье 53 Уголовного Уложения и статье 273 XXII книги Свода военных постановлений. Председательствовал в суде генерал-майор Биршерт, дело рассматривалось при закрытых дверях.

Суд вынес такой приговор: 20 солдат — Жуков, Мышкин, Трегубов, Муравин, Соколов, Ощепков, Локацков и другие отдавались в каторжные работы на срок от 6 до 10 лет, 7 отправлялись в ссылку, 2 — в дисциплинарный батальон, 3 солдата были оправданы².

В октябре 1908 года в Главном военном суде рассматривалась кассационная жалоба защитника группы подсудимых на неправильное ведение судебного процесса. Рассмотрев и проверив жалобу, суд вынужден был признать, что во время заседания суда в Выборге имело место множество вопиющих нарушений. Суд под разными предлогами отказал обвиняемым и защите в вызове свидетелей, показания которых могли опровергнуть многие обвинения. Членом суда являлся офицер, выступавший на предварительном следствии свидетелем против обвиняемых. Тем не менее этот отвод суд отклонил. Другой член суда — подполковник Рочинский — выступал одновременно и в роли свидетеля против подсудимых. При таком составе суда о какой-либо беспристрастности говорить не приходилось. В ходе заседания обнаружились противоречия в письменных и устных показаниях отдельных свидетелей, однако суд не разрешил

¹ ЦГВИА, ф. 545, (Л.) оп. 12, д. 762, 1910, т. II, 38, об.

² См. там же.

защите продолжить допрос свидетелей. Свидетели со стороны обвинения не отвечали на вопросы защиты. Допущены были и другие нарушения законов о судопроизводстве.

Главный военный суд отменил приговор временного военного суда и обязал окружной суд вновь рассмотреть дело в другом составе присутствия. Разумеется, этим решением Главный военный суд нисколько не высказался за смягчение приговора. Он лишь обязал выполнить необходимые формальности судопроизводства, чтобы создавалось впечатление «беспристрастности» царского суда.

Новый суд состоялся 10 декабря 1908 г. под председательством генерал-майора Дона. Дело пересматривалось только в отношении семи подсудимых, за которых была подана кассационная жалоба защитой. И на этот раз подсудимые не признали себя виновными. Всем подсудимым суд оставил прежние сроки наказания: пяти подсудимым по 10 и двум по 6 лет каторжных работ¹.

По собранным нами сведениям, из осужденных на каторгу выборгских артиллеристов семь отбывали ее в Шлиссельбурге — Я. В. Егоров, М. С. Красулин, М. П. Локацков, Г. М. Муравин, К. В. Соколов, А. И. Сорокин, Г. П. Ощепков².

§ 14. ПРОЦЕССЫ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ ПЕТЕРБУРГСКОМ КОМИТЕТЕ РСДРП

В июне 1907 года охранка раскрыла Петербургскую боевую организацию большевиков. Охранке удалось арестовать около 50 активных работников организации во главе с Ем. Ярославским. Было захвачено много «вещественных доказательств». Судебный процесс происходил в ноябре 1908 года в Петербургском военно-окружном суде. Из 50 арестованных по делу боевой организации к моменту передачи дела в суд оставалось 24 человека. Остальные были административно высланы до суда, а некоторые освобождены как совершенно не причастные к делу³.

В числе подсудимых были: Ем. Ярославский (по обвинительному акту М. И. Губельман), Н. А. Вакулин, В. В. Бустрем, Н. Л. Гельфанд, В. К. Воробьев, Р. Ю. Веборн, А. Какс, В. А. Дилевская и др. Всем им было предъявлено обвинение по статье 51 и ч. 2 статьи 102 Уголовного Уложения 1903 года,

¹ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, д. 762, 1910, лл. 172—173.

² Ленинградский партийный архив, ф. И-1, оп. 1, д. 280.

³ См. В. К. Воробьев, Я вспоминаю, М.—Л., 1927, стр. 25.

а 9 человекам — Веборну, Дилевской, Иванову и другим — еще по статье 57 того же Уложения.

Процесс Петербургской организации происходил в момент, когда партия в условиях столыпинской реакции временно свернула деятельность боевых организаций. Он явился своеобразным подведением итога военно-боевой работы большевиков в одном из решающих пунктов борьбы пролетариата с царизмом и капитализмом.

Многотомное судебное дело открывается отношением начальника Петербургского охранного отделения начальнику Петербургского жандармского управления от 26 июня 1907 г. В нем сообщалось о «ликвидации» в ночь с 1 на 2 июня 1907 г. боевой организации при Петербургском Комитете РСДРП и аресте 5 июня в Лесном «Центральной боевой дружины». Далее характеризовались цели и методы работы боевой организации. В списке 55 арестованных против каждой фамилии указывалось, какие обязанности в организации арестованный исполнял. Эти данные были собраны охранкой через провокатора Болеслава Бродского. Появившись в Петербурге в конце 1906 года с раздобытыми где-то рекомендациями в Петербургский Комитет РСДРП, Бродский проник в военную и боевую организации и провалил их. В дальнейшем Бродский провалил большевистскую боевую инструкторскую школу в Куоккала (ныне Репино). С его помощью была арестована также социал-демократическая фракция II Государственной думы и сфабриковано дело о ней. Вскоре после этого жертвой предательства Бродского стал почти весь Петербургский Комитет РСДРП. Будучи затем разоблачен, Бродский с помощью охранки поспешил убраться за границу.

Следствие по делу боевой организации тянулось 17 месяцев. Все это время арестованные содержались в одиночных камерах «Крестов». Дело вели опытные жандармы. Многие допросы производил прокурор Судебной палаты Юревич. Он сделал себе карьеру на политических процессах, ибо умел фабриковать «громкие дела». При допросах Юревич прибегал к самым грубым провокаторским приемам¹. Однако на сей раз Юревичу и жандармам «не повезло». Среди арестованных исключение составил лишь К. Докукин, который не выдержал на допросах и дал «откровенные показания».

Затяжка предварительного следствия приводила к тому, что еще до суда арестованные отбывали «предварительное» наказание, находясь по году, а иногда и больше в тюрьме.

¹ См. В. К. Воробьев, Я вспоминаю, М.—Л., 1927, стр. 22.

Рис. 13. Обложка жандармского дела о боевой организации при Петербургском комитете РСДРП.
Дело хранится в ЦГВИА

В сентябре 1908 года Ем. Ярославский писал прокурору Петербургской судебной палаты о незаконности затяжки

предъявления обвинительного акта после окончания следствия. Жандармское дознание было закончено в апреле 1908 года, тогда же передано прокурору Петербургского окружного суда, но по прошествии четырех с половиной месяцев обвинительный акт все еще не был предъявлен. «При таком положении дела, — писал Ем. Ярославский, — предварительное тюремное заключение превратилось для меня в довольно продолжительное предварительное, до суда, наказание»¹.

Только в октябре 1908 года подсудимым был вручен обвинительный акт, и они были допущены к ознакомлению с делом. Поездки группами в суд были использованы для выработки единой тактики поведения во время процесса.

Относясь критически к таким официальным правительственным документам, как обвинительные акты, следует тем не менее указать, что обвинительный акт по этому делу дает некоторое представление о многообразной деятельности работников боевой, а также военной организаций среди рабочих, солдат и матросов. Это представление усиливается после ознакомления с имеющимися в деле копиями «вещественных доказательств» — листовок, заметок, рукописей и статей, протоколов собраний, программ занятий в кружках и т. п.².

Петербургская боевая организация работала в тесном контакте с Временным бюро военных и боевых организаций, избранным на Таммерфорской конференции военных и боевых организаций РСДРП в ноябре 1906 года. В состав организации входили боевые дружины. В каждом районе назначались боевые организаторы. В районах имелись склады оружия и боеприпасов. Проводилось военное обучение членов боевых дружин. Устраивались партизанские выступления. Боевики вели борьбу с черносотенцами, шпионами и провокаторами. Кроме боевых организаторов, имелись инструкторы (по военному обучению) и пропагандисты. В обвинительном акте указывалось, что задачей инструкторов, пропагандистов и организаторов являлось «подготовление ко дню общего восстания возможно большего числа лиц, умеющих владеть оружием, обучение ведению оборонительного и наступательного боя и ознакомление с саперным и артиллерийским (порча орудий) делом. С этой целью в

¹ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, д. 760, т. I, л. 103.

² Между прочим, избежавшие ареста боевики пытались вырвать из рук жандармерии «вещественные доказательства». По их поручению писарю жандармского управления удалось выкрасть ряд вещественных доказательств, в том числе около пуда печатного шрифта, отобранного при аресте подпольного печатника Круглова. ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, д. 760, 1910, т. I, л. 4; В. К. Воробьев, Я вспоминаю, М. — Л., 1927, стр. 24.

высших учебных заведений (Горный институт, курсы Лесгафта и др.) нелегально читались соответствующие лекции, а для специальной подготовки к изготовлению взрывчатых веществ, снаряжению бомб и закладке фугасов велись в Финляндии, в Куоккала, на даче Шуте и в Хаапала практические занятия, причем практическая стрельба производилась в окрестностях Петербурга и в Финляндии»¹.

В составе организации работала группа латышских боевиков, приехавших в Петербург после поражения восстания в Прибалтике (Р. Веборн, А. Какс и др.).

В обвинительном акте имеется подробное описание «вещественных доказательств», отобранных при арестах и обысках у обвиняемых. Оно и составило главное содержание доказательств обвинения. Так, у Р. Веборна² найдено было множество рукописей, среди которых были письма и корреспонденции солдат и матросов в газету «Казарма», рукопись с обоснованием необходимости всеобщей стачки и вооруженного восстания для свержения самодержавия и указаниями по организации вооруженного восстания, программы занятий в кружках, рукопись о формах и методах пропаганды в пролетарской среде большевистских взглядов на вооруженное восстание, рукопись о ведении партизанской борьбы с правительственными войсками и т. п. У него же были отобраны сотни экземпляров газет «Вперед» и «Пролетарий», большевистских листовок и брошюр³.

Сотни экземпляров нелегальной литературы отобраны были у Б. Колтышева, впоследствии отбывавшего каторгу в Шлиссельбурге⁴.

Суд, начавшийся 3 ноября 1908 г., состоял из председателя генерал-майора Биршерта, двух судей — командиров гвардейских полков и военного прокурора. Дело слушалось при закрытых дверях. Кроме близких родственников подсудимых, в зале суда находились чиновники охранного отделения и слушатели военно-юридической академии.

Один из бывших подсудимых типографский наборщик В. К. Воробьев, отбывавший затем каторгу в Шлиссельбурге, пишет в своих воспоминаниях: «Идя на суд, мы не сомневались ни одной минуты, что все судопроизводство — простая формальность, которую, приличия ради, правительство считало нужным провести по всем инстанциям судового ритуала»⁵.

¹ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, д. 760, 1910, т. I.

² Р. Веборн умер в тюрьме.

³ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, д. 760, 1910, т. I.

⁴ См. там же, л. 14.

⁵ В. К. Воробьев, Я вспоминаю, М. — Л., 1927, стр. 28.

Тем не менее настроение подсудимых было бодрым, поведение — независимым. Они не признали себя виновными в предъявленных обвинениях, не дали ожидаемых судом показаний. Свидетелями со стороны обвинения выступали агенты охраны, шпики и полицейские. Их показания были смесью лжи и невежества. Сам суд старался поскорее от них отделаться. Несколько свидетелей отказались от показаний, данных на предварительном следствии, заявив, что они были вырваны в результате побоев и истязаний¹.

Защита вела напряженную борьбу с военным прокурором и судьями за своих подзащитных, особенно за Ем. Ярославского, руководителя боевой организации. В обвинительном акте Ем. Ярославский ошибочно фигурировал как бежавший с военной службы и задержанный 25 мая 1907 г. в Петербурге солдат 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка М. Губельман (его брат, тоже революционер)². Это обстоятельство подсудимые и защита решили использовать для приостановки суда и выделения дела Ярославского (Губельмана). После зачитания обвинительного акта Ярославский заявил, что он не то лицо, которое упоминается в обвинительном акте. Защита потребовала приостановить слушание дела и затребовать справки о личности подсудимого Губельмана. В распоряжении суда уже имелось письмо командира 18-го Восточно-Сибирского полка, в котором сообщалось, что заключенный Петербургской одиночной тюрьмы Губельман и стрелок полка М. Губельман — разные лица. Стрелок Губельман, указывалось в письме, прибыл в полк 7 мая 1907 г., 12 мая был отправлен для допроса к читинскому воинскому начальнику, вернулся в полк из Читы, до побега все время находился в роте, поэтому не мог быть задержан в Петербурге 25 мая. Несмотря на явную очевидность путаницы в обвинительном акте, суд отказал защите в выделении дела М. Губельмана. «Суд уверен, — заявил председатель, — что судится именно тот Губельман, который допрашивался на дознании и предан суду Главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа, а не его брат»³.

После этого защита предъявила копию приговора Петербургской судебной палаты, оправдавшей Ем. Ярославского по тождественному обвинению. Однако и на этот раз в выделении дела Ярославского было отказано.

Усилиями председателя суда роль защиты была чрезвычайно ограничена. Прокурор основывался в своей обвинительной

¹ В. К. Воробьев, Я вспоминаю, М. — Л., 1927, стр. 32.

² ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, 1910, д. 760, т. II, лл. 154, 291.

³ Там же.

речи не столько на данных следствия или свидетельских показаний, сколько на собственных умозаключениях. Так, в доказательство опасности подсудимых он предлагал суду посмотреть на лица обвиняемых. Ем. Ярославского он представил при этом как типичного «закоренелого революционера». В заключение речи прокурор, показывая по очереди пальцем на каждого подсудимого, прямо предлагал суду сроки осуждения на каторгу¹.

13 ноября 1908 г. был объявлен приговор. Он почти полностью воплотил предложения прокурора. Из 24 подсудимых — 15 человек были приговорены к различным срокам каторги, 6 человек к ссылке на поселение, 3 человека были оправданы. Ем. Ярославский получил 7 лет каторжных работ².

Несмотря на то, что суд происходил при закрытых дверях, он имел слушателей, помимо чиновников охраны и близких родственников подсудимых. Ими были солдаты караула. «Я помню, — пишет Ем. Ярославский, — с какой жадностью и с каким почти восторгом слушали солдаты гвардейских полков, охранявшие нас во время суда, длившегося около десяти дней, документы, которые цитировались на суде по требованию защиты. Солдат приходилось часто сменять, и все же эти десять дней суда были своеобразным кратким курсом политграмоты для солдат, которые присутствовали при судебном следствии»³.

Через неделю после суда приговоренные к каторге товарищи были закованы в кандалы, переведены в Петербургскую пересыльную тюрьму, а затем разосланы по разным каторжным центрам. Несколько человек, в том числе В. К. Воробьев, Август Какс, И. И. Ионов (Бернштейн), Борис Колтышев, отбывали каторгу в Шлиссельбурге⁴.

Через полгода после процесса Ем. Ярославского, в июне 1909 года, в том же Петербургском военно-окружном суде слушалось новое дело, связанное с Петербургской боевой организацией большевиков. На сей раз скамью подсудимых заняли организаторы и участники куоккальской «школы бомбистов».

В обвинительном акте «по делу о группе лиц, принадлежащих к боевой организации при С.-Петербургском комитете

¹ См. В. К. Воробьев, Я вспоминаю, М. — Л., 1927, стр. 33.

² ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, 1910, д. 760, т. II, л. 315.

³ Ем. Ярославский, По поводу процесса военно-боевой организации Петербургского комитета РСДРП 1908 года, «Историк-марксист», 1936, кн. 2, стр. 91.

⁴ Ленинградский партийный архив, ф. И-1, оп. 1, д. 280; В. К. Воробьев, Я вспоминаю, М. — Л., 1927, стр. 111—183.

Рис. 10. Рабочие и солдаты — участники революционных событий 1905—1906 гг., отправляемые на каторжные работы в Сибирь.

Из французского журнала „L'illustration“. Хранится в Центральном Военно-морском Музее в Ленинграде

Рис. 11. Орловский каторжный централ. Общий вид тюрьмы.

С фотографии, хранящейся в Музее Революции СССР.

РСДРП», сообщались сведения Петербургской охранки об организации Петербургским комитетом инструкторской школы и лаборатории взрывчатых веществ «...для подготовки к вооруженному восстанию петербургского пролетариата»¹. Сведения были добыты охранкой через провокатора Бродского, пробравшегося в школу в качестве инструктора Нарвского района.

К организации инструкторской школы-лаборатории петербургские боевики приступили в феврале 1907 года. Дело было поручено двум студентам-химикам Александру Чесскому и Альфреду Нейману. Александр Чесский в московском декабрьском восстании 1905 года обучал дружинников снаряжению бомб и обращению с ними и сам участвовал в баррикадных боях.

Он был схвачен и отправлен в Московскую пересыльную тюрьму, откуда бежал и, перейдя на нелегальное положение, продолжил боевую работу уже в Петербурге. Альфред Нейман в годы революции выполнял немало ответственных и опасных поручений партии по транспортировке оружия. В 1906 году он мастерски организовал побег Д. З. Мануильского из Вологодской тюрьмы.

Для нелегальной школы-лаборатории Чесский и Нейман наняли дачу в Финляндии в Куоккала, по рекомендации финских левых социал-демократов. Уже в марте 1907 года оборудованная ими лаборатория и школа для подготовки инструкторов боевого дела начали работу. Слушателями школы были петербургские рабочие-дружинники, а также латышские боевики, перебравшиеся из Прибалтики в Петербург. Руководили школой и вели занятия Чесский и Нейман.

О содержании занятий в школе мы узнаем не только из программы, составленной организаторами школы, но и из показаний некоторых обвиняемых и свидетелей. Так, в показаниях одного из участников занятий читаем: «Приступая к чтению лекций, Александр Чесский объявил присутствующим, что они как «члены боевой организации» должны быть подготовлены к тому, чтобы при вооруженном восстании руководить другими и поэтому им надо уметь хорошо владеть оружием, начинать бомбы и готовить взрывчатые вещества»². В копии записей, сделанных на занятии одним слушателем-рабочим, наряду с описанием боевых свойств бомб имеется следующая запись: «Безоружный народ и не подготовленный к изучению технически

¹ «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.», Статьи, воспоминания, документы», составитель С. М. Познер, М., 1934, стр. 285, копия обвинительного акта.

² Там же, стр. 297.

владеть оружием, метать снаряды, начинать соответствующим материалом, (то) положение безоружного народа будет плачевное, ибо переход армии на сторону народа не может быть обеспечен, потому что сознательность армии не такова, чтобы взять на себя инициативу вести народ за собой. Руководящая роль в революции должна взять партия, как таковая, и приготовить кадры партийных дружинников, которые, взяв на себя роль дезорганизации правительственной армии, могли бы выполнить ее с успехом»¹.

Из этих и других записей и материалов видно, что практической, технической подготовке боевых кадров для вооруженного восстания были посвящены и лекции и все остальные занятия в школе.

В перечнях «вещественных доказательств» по делу встречается множество записей, заметок, чертежей по теории и практике применения взрывчатых веществ, большое количество книг и брошюр по тем же вопросам. При осмотре самой дачи, внутри ее и в лаборатории были найдены: 1) динамит в корзине; 2) снаряженная бомба с капсюлем и куском зажигательного шнура; 3) оболочки для бомб; 4) в небольшом количестве пироксилин; 5) стеклянный химический шкаф, соединенный трубой с дымоходом; 6) химические весы; 7) много разных химических приборов; 8) разные химические вещества в склянках и лакетах, в виде жидкостей и порошков; найденных готовых взрывчатых веществ хватило бы для начинки, по крайней мере, 14 бомб².

Арест финской полицией 11 боевиков произошел 13 мая 1907 г., а в июне этого же года уже началось слушание дела в финском суде (Хофгерихте)³. На суд сильно давили царские власти, требуя выдачи России «преступников». Судебный процесс тянулся долго. Обвиняемые не признавали свою принадлежность к боевой организации. Создание лаборатории объясняли желанием заниматься «научной химией» в более свободной стране, чем Россия. Чесский давал длинные научные объяснения производимых опытов и еще более длинные письменные возражения на объяснения экспертов. Реакционные петербургские газеты, брызжа ядовитой слюной, негодовали по поводу затяжки процесса. Так, «Новое время» иронически сообщало, что процесс будет продолжаться до тех пор, пока в Финляндии

останется хоть одна писчебумажная фабрика, то есть бесконечно¹.

Пользуясь затяжкой процесса, петербургская боевая организация подготовила побег обвиняемых. Но в последний момент и в это дело сумел включиться провокатор Бродский, и побег провалился.

Финляндский Хофгерихт приговорил обвиняемых «за приготовление к преступлению против верховной власти» к разным срокам заключения в смиренном доме. Максимальный срок — 3 года и 3 месяца получил Альфред Нейман. Александра Чесского суд выдал русским властям как привлеченного к ответственности Московским окружным судом. Но вскоре, после очередного нажима, и другие арестованные были выданы царскому правительству и доставлены в Петербург. Александр Чесский был заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, но, по требованию властей, был препровожден в Москву, где и умер в июле 1909 года.

В это же время в Петербурге жандармское управление вело широкое следствие по делу выданных финскими властями боевиков. Последовали новые обыски, аресты, допросы, пытки и преследования. По делу инструкторской школы и лаборатории привлечено было еще 9 человек. Несколько дел было выделено в самостоятельные.

С 1 по 3 июня 1909 г. Петербургский военно-окружной суд судил группу из 11 человек во главе с Альфредом Нейманом. Обвинялись они в том, что «...в 1907 г. в Петербурге одновременно вступили в образовавшееся в сем городе преступное сообщество, присвоившее себе наименование «боевой организации при Санкт-Петербургском комитете РСДРП», поставившее... целью своей деятельности насильственное ниспровержение путем вооруженного восстания и ряда террористических актов установленного в государстве российском образа правления, с заменой такового демократической республикой»². В обвинительном акте указывалось, что группа имела в своем распоряжении склад оружия и взрывчатых веществ; в специальной инструкторской школе изучались боевые свойства взрывчатых веществ и оружия, шло обучение технике боевого применения бомб и т. п. Слушатели школы готовились в качестве инструкторов принять активное участие в вооруженном восстании. Обвинение квалифицировалось по ч. 2 статьи 102 Уголовного Уложения.

¹ «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.», М., 1934, стр. 237.

² Там же, стр. 286—287.

³ См. там же, стр. 239.

¹ См. «Новое время» 22 сентября 1907 г.

² «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.», М., 1934, стр. 303.

И во время жандармского дознания и на суде все обвиняемые отрицали свою принадлежность к «преступному сообществу». А. Нейман в своих показаниях объяснял устройство лаборатории чисто научными целями, всячески выгораживал товарищей, приписывая организацию лаборатории исключительно себе. Большинство обвиняемых, не отрицая присутствия на занятиях в школе, объясняло это также чисто научными целями. Показания свидетелей мало прибавили нового для обвинения. Несмотря на все старания, суду не удалось установить состава Петербургской боевой организации большевиков. Ни один из обвиняемых не дал таких сведений.

Всех подсудимых, за исключением одного оправданного, суд приговорил к каторжным работам на сроки от 2 лет 8 месяцев до 9 лет. Нейман и Иост получили максимальный срок — 9 лет. Затем для подсудимых, имевших к моменту ареста менее 21 года, сроки каторги были несколько сокращены, а некоторые — заменены ссылкой на поселение¹.

В Шлиссельбурге каторгу отбывали И. А. Иост, А. Мекси, А. А. Нейман и др.². Двухлетнее заключение в тюрьмах, суворый приговор, а затем каторга и ссылка не сломили боевиков.

§ 15. ПЯТЬ ПРОЦЕССОВ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ

Петербургская военная организация большевиков являлась в годы первой русской революции самой крупной и ведущей военной организацией большевистской партии. Возникнув в 1905 году, военная организация в течение второй половины 1905 года и особенно в 1906 и 1907 годах развила энергичную деятельность в войсках Петербургского и Кронштадтского гарнизонов, борясь за переход солдат и матросов на сторону революции. В 1906—1907 годах военная организация при Петербургском комитете РСДРП насчитывала в своих рядах сотни сознательных солдат и матросов. Газета «Казарма», печатный орган военной организации, пользовалась огромной популярностью в солдатской и матросской среде. Организация издавала и распространяла в войсках сотни тысяч экземпляров нелегальных листовок, газет и брошюр. В военной организации наряду с солдатами участвовали революционно настроенные сту-

¹ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, д. 629, 1913, т. I, л. 465.

² Ленинградский партийный архив, ф. И-1, оп. 1, 1905, д. 280.

денты, петербургские рабочие, профессиональные революционеры. Активную работу среди солдат и матросов Петербурга и Кронштадта вели Ем. Ярославский, Р. С. Землячка, В. Р. Менжинский, Д. З. Манульский, И. Ф. Дубровинский и другие видные деятели нашей партии. Борьбу за переход войск Петербургского гарнизона и Кронштадта на сторону революции В. И. Ленин считал важнейшей задачей петербургских большевиков и лично направлял эту работу во время пребывания в Петербурге в 1905—1907 годах.

Царская охранка старалась изо всех сил ликвидировать петербургскую большевистскую военную организацию, она проводила усиленную слежку за солдатами, частые обыски в казармах, засылку провокаторов внутрь организации, аресты и провалы работников.

Первые массовые аресты членов Петербургской военной организации были произведены охранкой в мае, затем в июле 1906 года. Почти весь актив военной организации был арестован 19 июля 1906 г. на нелегальной квартире во время заседания, обсуждавшего вопрос о восстании в Свеаборге.

Первый процесс над членами военной организации при Петербургском комитете РСДРП происходил в Петербурге с 6 по 19 сентября 1907 г. К суду привлечено было 52 человека. Дело разбиралось в Петербургском военно-окружном суде при закрытых дверях. Обвинение было предъявлено по статье 102 Уголовного Уложения, предусматривавшей каторгу или ссылку на поселение за участие в «сообществе», составившемся для «насилованного посягательства на изменение в России установленного основными законами образа правления». Приговор был вынесен 34 подсудимым. Из них признаны виновными по ч. 1 статьи 102 17 человек. 17 человек были оправданы, не явились 16 человек, одно дело было выделено. Во время следствия бежал из-под ареста В. Р. Менжинский. 15 человек были приговорены к различным срокам каторжных работ (от 4 до 8 лет), 2 — к ссылке на поселение¹.

Защитники подали кассационную жалобу, настаивая на применении к подсудимым статьи 126, а не 102 Уголовного Уложения. Мотивировка юридически была вполне обоснована. Тем не менее помощник командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа генерал Газенкамф оставил жалобу без последствий, утвердив приговор с некоторыми смягчениями для отдельных подсудимых.

Через два месяца Особое присутствие Правительствующего

¹ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 13, д. 341, 1914, т. III, лл. 19—20.

сената судило еще 12 членов военной организации при Петербургском Комитете РСДРП вместе с 37 членами II Государственной думы — социал-демократами. Главная задача царского суда на сей раз состояла в том, чтобы, прикрываясь личиной правосудия, обвинить социал-демократическую фракцию в прямых связях с военной организацией, в «военном заговоре». На самом же деле это был заговор Петербургского охранного отделения, осуществленный по указке правительства Столыпина.

Как известно, II Государственная дума не оправдала надежд самодержавия и последнее решило ее распустить так же, как и первую думу. Поводом для роспуска думы и должно было послужить провокационное обвинение социал-демократической фракции в антиправительственном заговоре.

По заданию правительства Столыпина Петербургское охранное отделение занялось фабрикацией документов, которые «доказывали» бы прямое участие социал-демократической фракции в работе военной организации при Петербургском Комитете РСДРП и подготовке вооруженного восстания против существующего строя. Охранка использовала возникшую среди членов военной организации идею составления наказа социал-демократической фракции от военной организации и солдат гарнизона. По поручению охранки провокаторы Шорникова и Бродский взялись организовать подачу солдатами наказа со своими требованиями. Таким путем правительство получало возможность обвинить депутатов — социал-демократов в разложении армии. Без всякого предупреждения социал-демократических депутатов в назначенный день делегация солдат, одетых в штатское платье, приготовленное для них на квартире другого агента охранки, предводительствуемая провокатором Екатериной Шорниковой («Ирина»), отправилась в официальное помещение фракции на Невском проспекте. По плану охранки Бродский должен был принести туда одновременно документы боевой и военной организаций, чтобы иметь «вещественные доказательства». Затем Бродского должны были вместе с другими арестовать, после чего он путем мнимого побега возвращался на свободу, чтобы продолжать творить свое гнусное дело. Но Бродский к назначенному сроку опоздал, делегация и депутаты уже были арестованы, и ему пришлось передать документы прямо в охранку.

«Такова была инсценировка, — писал с гневом В. И. Ленин, — самым тщательным образом подготовленная охранкой и давшая возможность реакции не только осудить и отправить на каторгу представителей пролетариата, но, кроме того, распустить вторую Думу и совершить свой государственный пере-

ворот 3(16) июня 1907 г.»¹. В правительственном манифесте о роспуске думы говорилось, что Дума не осуществляла «намерений» и «предложений» правительства, не санкционировала репрессии против революционных элементов. Провокация охранки против социал-демократической фракции выглядела в манифесте следующим образом: «Свершилось деяние, неслыханное в летописях истории. Судебную власть был раскрыт заговор целой части Государственной думы против государства и царской власти. Когда же правительство наше потребовало временного, до окончания суда, устранения обвиняемых в преступлении этом пятидесяти пяти членов Думы и заключения наиболее уличаемых из них под стражу, то Государственная дума не исполнила немедленно законного требования властей, не допуская никакого отлагательства»².

Государственная дума составила специальную комиссию для рассмотрения представленных Столыпиным документов, которая пришла к выводу, что речь идет не о государственном заговоре социал-демократической фракции, а о заговоре правительства против нее. Но дума была распущена, а кадеты — члены этой комиссии — боялись больше революции, чем реакции, и поэтому предпочли молчать.

К делу социал-демократической фракции, помимо 55 депутатов, были привлечены солдаты Ковалев, Колясников и другие, матрос Архипов, казак Тимофей Долгов, члены большевистской военной организации Сапотницкий, Субботина, Морозова и др.³. Во время жандармского дознания многие из подсудимых подвергались моральным и физическим пыткам с целью получения от них «откровенных показаний». Например, матроса Алексея Архипова допрашивали 12 ночей подряд, не давали ни минуты спать, доводя его до полного физического изнеможения. Таким же пыткам подвергался и солдат лейб-гвардии Атаманского полка Василий Ковалев. Однако большинство подсудимых не давало нужных показаний.

Об их боевом настроении можно судить по сохранившемуся в судебном деле письму Василия Ковалева из Петербургской пересыльной тюрьмы, перехваченному тюремщиками. Он писал товарищу: «Я отказался от всего, хотя и много показаний на меня, но я не унываю, каждый день в тюрьме красный флаг поставлю в окошко и кричим: «Да здравствует свобода»⁴.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 291.

² Цит. по статье В. И. Ленина «О социал-демократической фракции II Думы», Соч., т. 17, стр. 291.

³ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 779, 1907, л. 233.

⁴ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, д. 425, 1910, л. 40.

По распоряжению царя дело о социал-демократической фракции II Государственной думы и военной организации при Петербургском Комитете РСДРП было передано на рассмотрение Особого присутствия правительствующего сената. Суд состоялся в конце ноября 1907 года. Опираясь на агентурные данные, фальсифицированные документы и ложные показания, Особое присутствие признало подсудимых виновными в том, что они составили заговор с целью, путем вооруженного восстания, свергнуть существующий в России государственный строй и установить республику. 10 подсудимых, в том числе Архипов, Ковалев, Сапотницкий и другие, признаны были «виновными в участии» в «преступном сообществе» — военной организации при Петербургском комитете РСДРП. Все эти «деяния» были подведены под статьи 100 и 102 Уголовного Уложения.

25 обвиняемых, в том числе все военнослужащие, получили каторжные приговоры, остальные — ссылку на поселение¹.

Перед началом процесса подсудимые требовали, чтобы дело слушалось при открытых дверях и чтобы народ узнал, что преступники не они, а Петербургское охранное отделение и вдохновлявшее его правительство Столыпина. Но судебный процесс происходил при закрытых дверях.

«Русский пролетариат, — писал В. И. Ленин, — прекрасно понимал, что обвинение против его представителей основано на подлоге; но это было время разгула реакции, и к тому же приговор был вынесен при закрытых дверях, так что налицо не было достаточных доказательств преступления, совершенного царизмом»².

Все факты о гнусных махинациях царской охраны стали известны общественному мнению в 1911 году после признания провокатора Бродского, опубликованного в газете «Будущее» (Париж). Факты, сообщенные Бродским, давали юридические основания для пересмотра судебного дела. Запрос социал-демократической фракции в III Думе по этому делу обсуждался три раза и был отвергнут. Черносотенно-кадетская дума сочла запрос посягательством на престиж правительства.

Вплоть до Февральской революции 1917 года томились в ссылке участники процесса социал-демократической фракции II Думы. Многие из них погибли.

Вскоре после провала в июле 1906 года военная организация возобновила свою работу в войсках. Места вырванных

охранкой работников заняли новые товарищи, деятельность организации вновь расширилась. Однако свирепые преследования реакции в условиях отступления революции все более затрудняли работу в войсках. Десятки агентов охраны, провокаторов охотились за работниками военной организации. В ноябре и декабре 1906 года организация пережила новую полосу арестов. 1 декабря 1906 г. аресту подверглись почти все члены городского комитета, районные организаторы и пропагандисты. Охранка захватила основной архив организации.

Следствие тянулось более полутора лет. Новое дело Петербургской военной организации слушалось в Петербургском военно-окружном суде с 18 августа по 3 сентября 1908 г. На скамье подсудимых сидело 37 человек, из них 23 находились под стражей.

Обвинительный акт построен был на показаниях агентов охранного отделения, «откровенных показаниях» подсудимого Б. Воробьева, оказавшегося предателем, и на описании «вещественных доказательств» (листовок, брошюр, различных записей и т. д.), захваченных при арестах. Обвинение предъявлялось по той же статье 102 Уголовного Уложения.

Приговором от 5 сентября 1908 г. 8 обвиняемых были приговорены к каторжным работам на срок от 2 до 8 лет, 9 человек — к ссылке на вечное поселение, 4 — к заключению в крепость на 1 год, 2 — к 3 месяцам тюрьмы, остальные — оправданы.

Адвокат Зарудный нарисовал в защитительной речи такую яркую картину гнусной работы охраны, так убийственно избразил ее агентов и среду, из которой они вербуются, так охарактеризовал их показания, что произвел большое впечатление даже на суд¹.

Б. Воробьев, давший «откровенные показания», освобожденный до суда под залог, приговорен был к ссылке на поселение. О нем состоялось особое постановление суда: ходатайствовать о смягчении участи ввиду «чистосердечного признания». По конфирмации этот предатель получил всего три месяца крепости с зачетом предварительного заключения, то есть по существу был освобожден от наказания.

Восстановление Петербургской военной организации поручено было большевистским центром Ем. Ярославскому. Несмотря на огромные трудности, эта работа была проделана в сравнительно короткий срок.

¹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 779, 1907, лл. 234—236.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 289.

¹ См. Н. Плюснина, 1905 год в рядах Петербургской военной организации и в тюрьме, «Красная летопись» 1925 г. № 4, стр. 111—112.

В мае 1907 года Петербургская охранка вновь напала на след военной организации. Арест и «откровенные показания» одного из случайных работников организации помогли охране арестовать новую группу работников и более 30 солдат. Раскрылось существование военной организации в 1-м железнодорожном батальоне, обслуживавшем царские и правительственные поезда. Благодаря интенсивной деятельности большевиков в железнодорожном батальоне умножилось число сознательных солдат, шедших за военной организацией, регулярно занимались нелегальные пропагандистские кружки.

Очередной процесс Петербургской военной организации состоялся 22—25 января 1909 г. в Петербургском военно-окружном суде. К суду привлечено было 22 человека, в том числе 16 солдат. Обвинение квалифицировалось по ч. 1 статьи 102 Уголовного Уложения. Суд закончился каторжным приговором, объявленным 25 января 1909 г. 19 подсудимых, признанных виновными, получили ссылку в каторжные работы на срок от 3 до 8 лет, за исключением Е. Александровой, приговоренной к заключению в исправительную тюрьму на 1 год 4 месяца¹.

Новая группа работников военной организации была арестована и осуждена в связи с делом большевистской боевой организации при Петербургском Комитете РСДРП (процесс Ем. Ярославского, описанный выше). Но и на этом не окончилась история военной организации петербургских большевиков. Организация продолжала жить, несмотря на все козни царской охранки. 7 апреля 1908 г. начальник петербургского охранного отделения с прискорбием сообщил своему начальству: «Спустя некоторое время деятельность военной организации, пополненной новыми членами, вновь возобновилась»².

Новые аресты были произведены в марте 1908 года. После полугодового следствия на скамью подсудимых посажено было 38 человек, в том числе весь руководящий состав военной организации. Вторично захвачен был архив организации, в результате чего обвинительный акт рисовал на сей раз более или менее полную картину деятельности военной организации и ее отдельных членов. Дело разбиралось в Петербургском военно-окружном суде с 15 до 25 сентября 1909 г. 11 человек были приговорены к ссылке в каторжные работы на срок от 2 лет 8 месяцев до 6 лет, 20 человек — к ссылке на поселение. По конфирмации приговор был смягчен³.

¹ ЦГВИА, ф. 9, (Л.), оп. 6/66, 5-е отделение, д. 4/11, 1908, лл. 130—147.

² ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, д. 417, 1914, т. I, л. 14.

³ См. там же, л. 21.

Так, царская юстиция совместно с охранкой и жандармерией на протяжении четырех лет наносила удар за ударом сильнейшей военной организации большевиков.

Из числа осужденных по делам Петербургской военной организации большевиков узниками Шлиссельбурга были: М. С. Алексеев, А. П. Архипов, Н. Н. Ильин, И. Ф. Кочнев, И. Х. Лалаянц, В. Н. Мещеряков, И. Е. Мичурин, В. Н. Селицкий, В. А. Соколов и др.¹.

§ 16. СЕМЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НАД АКТИВНЫМИ УЧАСТНИКАМИ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ В ЛАТВИИ

В годы первой русской революции пролетариат Прибалтики, и прежде всего Латвии, шел в первых рядах революционной борьбы трудящихся России. В. И. Ленин отмечал, что Лифляндская губерния стояла на первом месте по настойчивости стачечной пролетарской борьбы. Пролетариат Латвии, руководимый социал-демократами, шел также в авангарде вооруженного восстания в 1905—1907 гг. Он втянул в борьбу широкие массы сельскохозяйственного пролетариата и латышского крестьянства. Во многих местах Латвии партизанская война перешла в вооруженное восстание. Лиелварде, Тукум, Талси, Скриверы и другие пункты явились местами героических боев рабочих и крестьян с царскими войсками и немецкими баронами. В Латвии сильно и ярко проявился массовый характер борьбы пролетариата и крестьянства в 1905 году. «Во время революции, — писал В. И. Ленин, — латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя»².

Действия карательных войск царизма в Прибалтике отличались особенной жестокостью. Каратели творили кровавую расправу над населением, без суда и следствия расстреливали и вешали рабочих и крестьян, поджигали дома и крестьянские усадьбы, грабили, пороли розгами и нагайками. В запросе, внесенном по этому поводу социал-демократами в III Государствен-

¹ Ленинградский партийный архив, ф. И-1, д. 280.

² В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 235.

ную думу (май 1908 г.), говорилось: «С середины декабря 1905 г. по 1 июня 1906 г. карательными отрядами генералов Орлова, Безобразова, Вершинина, Вендта, Солонина и других в одной только латышской части Прибалтийского края, по имеющимся еще далеко не полным данным, без суда и следствия и без всякого к тому повода расстреляно, повешено и убито 1170 крестьян — усадьбовладельцев и батраков, сожжено более 300 крестьянских усадеб с движимым имуществом, стоимостью в общем до двух миллионов рублей, не считая убытков, причиненных поборами, грабежами и другими незаконными действиями карательных отрядов и администрации. Число подвергнутых наказаниям нагайками и розгами не удалось установить в точности, но во всяком случае это число превышает в несколько раз число убитых»¹.

Всего репрессиям в Латвии подверглось около 10 тыс. человек. Всю судебную расправу в Прибалтике, объявленной на военном положении, творили военно-окружные и военно-полевые суды, подчиненные тогда временному прибалтийскому генерал-губернатору, кровавому палачу барону Меллеру-Закомельскому. Около 70—80 человек, приговоренных этими судами к каторге, отбывали ее в Шлиссельбурге. Ниже дается краткое описание семи политических процессов Виленского военно-окружного суда, давших узников в Шлиссельбург.

Дело о нападении на Рижскую тюрьму.

В августе 1909 года в Риге слушалось дело о нападении на рижскую центральную тюрьму и освобождении из нее двух политических заключенных.

В ночь на 7 сентября 1905 г. крупный отряд боевых дружин ЛСДРП (около 60—70 вооруженных дружинников), разделившись на четыре группы, внезапным смелым налетом взял приступом рижскую центральную тюрьму, преодолев сопротивление многочисленной охраны снаружи и внутри тюрьмы. Дружинники, оцепив тюрьму, перерезали телефонные линии. Затем с помощью веревочных лестниц проникли в тюремный двор. Здесь в схватке были убиты два надзирателя и три ранены. Дружинники успели освободить из тюрьмы двух политических заключенных — видных деятелей ЛСДРП — Я. Лациса и Ю. Шлессера, которым угрожала смертная казнь. Спустя полчаса охрана корпуса опомнилась, начала перестрелку и подняла

¹ Цит. по кн. А. М. Панкратовой «Первая русская революция 1905—1907 гг.», Госполитиздат, 1951, стр. 202.

на ноги всю охрану тюрьмы. Дружинники отступили без потерь. При преследовании отряда был убит один агент полиции и ранены несколько полицейских. Все дружинники успели скрыться¹.

Смелое нападение рижских боевиков на огромную тюрьму было ярким эпизодом революционной борьбы трудящихся Латвии. В. И. Ленин в специальной статье «От обороны к нападению» приветствовал героев революционного рижского отряда. «Пусть послужит успех их, — писал В. И. Ленин, — ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России. Да здравствуют застрельщики народной революционной армии!»².

В течение трех с половиной лет царским властям удалось привлечь по делу о нападении на рижскую тюрьму 6 человек: Грюнштейна, Кремера и др. Их судил Временный военный суд в Риге в августе 1909 года. К этому времени двое из подсудимых уже отбывали каторжные работы по другому делу. Суд приговорил 2 человек к 15 годам каторги, 2 человек — к заключению в крепости и 2 оправдал³.

Дело о вооруженном восстании в Тальсенском уезде Курляндской губернии.

25 августа 1906 г. в Митаве сессия Виленского военно-окружного суда судила по статье 100 Уголовного Уложения и статье 279 Свода военных постановлений 33 человека — участника вооруженного восстания в Тальсенском уезде Курляндской губернии, поднятого в ноябре — декабре 1905 года. Отрядами восставших руководил Тукумо-Тальсенский комитет ЛСДРП. Суд приговорил 7 человек к смертной казни, 1 — к каторжным работам без срока, 12 человек были оправданы. В Шлиссельбурге каторгу отбывали отдельные заключенные⁴.

Процесс «Тукумской республики». В феврале 1907 года временный военный суд в Риге слушал дело о вооруженном восстании в г. Тукуме Курляндской губернии в декабре 1905 года. 80 подсудимым было предъявлено обвинение по двум «смертным» статьям — статье 100 Уголовного Уложения и статье 279 Свода военных постановлений. Привлекалось 500 свидетелей.

¹ См. «1905. Воспоминания участников революции» (на латышском языке), ч. II, Рига, 1956, стр. 29—31.

² В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 258.

³ См. «Право» 1909 г. № 35; ЦГАОР, ф. 619, оп. 1, д. 755, л. 25.

⁴ ЦГВИА, ф. 9. (Л.), оп. 5 (65), 1906, д. 582/5, лл. 38—40; Ленинградский партийный архив, ф. И-1, оп. 1, 1905, д. 280, л. 49.

С конца ноября 1905 года в Тукуме начались открытые столкновения вооруженных групп населения с военными патрулями. Уездный начальник барон Роден сбежал из города. 30 ноября власть в городе перешла в руки Революционного комитета. Была организована самооборона. В схватке с восставшими отряд драгун потерял 19 человек убитыми и сдался. Другой отряд войск после боя отступил.

Была арестована и обезоружена полиция, разгромлено полицейское управление, освобождены из тюрьмы политзаключенные. В течение двух дней город находился в руках восставшего народа. Руководили восстанием латышские социал-демократы.

По призыву Тукумской социал-демократической организации на помощь населению Тукума из окрестных местностей прибыло около 3 тыс. батраков и крестьян. Но город был окружен крупным отрядом карательных войск и подвергнут бомбардировке. Во время переговоров восставших с генералом Хорунженковым большинство вооруженных повстанцев успело уйти из города. Остальные были захвачены. В столкновениях с правительственными войсками было убито 120 повстанцев.

Суд приговорил 17 человек к смертной казни через повешение¹. Остальные подсудимые, исключая 12 оправданных, были приговорены к разным срокам каторжных работ — в общей сложности на 336 лет².

Дело о вооруженном восстании в Рижском уезде. С 17 августа по 5 сентября 1907 г. временный военный суд в Риге судил по ч. 2 статьи 102 Уголовного Уложения Яна Кродера, Артура Краузе, Яна Пауля (члены ЛСДРП) и других в числе 63 человек за участие в вооруженном восстании в Рижском уезде в ноябре — декабре 1905 года. К делу были привлечены члены боевых дружин ЛСДРП, действовавших в Рижском уезде. 27 ноября 1905 г. дружинники вместе с батраками сожгли баронское имение Ремерсгоф, разбили в бою под Лиелварде эскадрон драгун, взяли в плен около 60 помещиков, пустили под откос воинский эшелон. Восстание было подавлено карательной экспедицией. Суд приговорил 22 человека к смертной казни, 2 — к бессрочной каторге, 1 — к 20 годам ка-

¹ Среди приговоренных к смертной казни многие были почти непричастны к восстанию. Например, Светулл при встрече с знакомым драгуном сказал: «Как хорошо, что ты жив, многих ваших убили». Прокурор же записал намеренно: «Как хорошо, что многих ваших убили». Эта искаженная фраза явилась единственной уликой для того, чтобы вынести Светуллу смертный приговор. ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, 1905, д. 378, л. 38; ЦГВИА, ф. 9, (Л.), 5-е отделение, 1906, д. 582/5, лл. 463—503, 536—537.

² ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 378, 1905, лл. 7—32.

торги и остальных к разным срокам каторги. 13 подсудимым при конфирмации смертная казнь была заменена бессрочной каторгой. 9 человек были расстреляны.

Осужденные по этому процессу А. Краузе, А. Пурнинь, Я. Пауль, А. Страус, К. Сублис и другие отбывали каторгу в Шлиссельбурге¹.

Дело о членах боевой дружины Рижской организации ЛСДРП. В начале сентября 1907 года временный военный суд в Риге судил по статье 110, ч. 2 статьи 102 Уголовного Уложения и статье 279 Свода военных постановлений О. Андрулайтиса, П. К. Котцер-Калая, К. В. Николаева-Михайловского, С. Ф. Петровича, Б. А. Ясюкевича и других (всего семь человек) за принадлежность к боевой дружине при Рижском комитете ЛСДРП. 13 сентября 1907 г. суд приговорил всех подсудимых к разным срокам каторги. Все они часть срока каторги отбывали в Шлиссельбурге².

Дело о поджоге Дундагского замка барона Остен-Сакена. 18—19 июня 1908 г. временный военный суд в г. Риге судил по ч. 1 статьи 100 Уголовного Уложения 14 крестьян-батраков Дундагской волости Курляндской губернии за участие в аграрных волнениях в ноябре — декабре 1905 года. В обвинительном акте указывалось, что крестьяне-батраки К. Клауберг, П. Одер и некоторые другие по поручению Дундагского революционного комитета 2 декабря 1905 г. подожгли замок барона Остен-Сакена, арестовали урядника, захватили в свои руки власть. Движением руководил Революционный комитет (ЛСДРП). Все подсудимые были приговорены к разным срокам каторги, часть подсудимых (Одер, Клауберг, Вольдемар и др.) отбывали ее в Шлиссельбурге. В «памятной записке» Виленского военно-окружного суда указано, что 7 человек по этому делу были расстреляны карательным отрядом генерала Солонина, 2 человека были приговорены к смертной казни и 8 — к каторжным работам временным военным судом в Либаве по этому же делу³.

Дело о Тукумо-Тальсенском Комитете Латышской социал-демократической рабочей партии. 3 и 4 сентября 1908 г. временный военный суд в Риге

¹ ЦПА ИМА при ЦК КПСС, ф. 124, оп. 1, д. 1864, лл. 5—33; Партархив ЦК КП Латвии, ф. 36, оп. 5, д. 203, лл. 42—43.

² ЦГАОР, ф. 124, оп. 45, 1907, д. 272, л. 1; «Политическая каторга и ссылка, биографический справочник членов о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев». М., 1934, стр. 443, 833.

³ ЦГВИА, ф. 9, (Л.), 5-е отделение, 1908, д. 4/23, т. XI, ч. II, лл. 66—70; Ленинградский партийный архив, ф. И-1, оп. 1, д. 280, лл. 19, 32.

судил по ч. 2 статьи 102 Уголовного Уложения Ф. Рашмана, Ф. Гайле, Я. Брауера, Р. Озоля, К. Преймана, Я. Морица, Я. Эдмана и других (всего 35 человек) за принадлежность к ЛСДРП. В 1906—1907 годах указанные лица состояли членами Тукумо-Тальсенского Комитета ЛСДРП, вели революционную агитацию среди населения, распространяли нелегальную литературу, газеты «Циня», «Голос солдата», «Штык», приобретали оружие и боеприпасы, организовывали кружки, вели революционную пропаганду в воинских частях. Приговором от 4 сентября 1908 г. 5 подсудимых (Янсон, Кодоль, Рашман, Эдман, Прейман) осуждены были к 8 годам каторги, 4 — к 6 годам каторги, 3 — к 5 годам каторги, остальные оправданы.

Я. А. Брауер, А. Я. Зонне, Я. Н. Мориц, Ф. Я. Рашман¹ и другие находились в Шлиссельбурге.

§ 17. ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ШТРЕЙКБРЕХЕРА ВО ВРЕМЯ ЗАБАСТОВКИ НА ЗАВОДЕ «РИЖСКАЯ ПРОВОЛОЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ» (1911 г.)

После трех мрачных лет столыпинской реакции в России начался новый революционный подъем. Он выразился прежде всего в возобновлении и быстром росте стачечного движения. 1910 год дал около 50 тыс. стачечников. В 1911 году в стране участвовало в стачках уже более 100 тыс. человек.

Царское правительство продолжало жестоко расправляться с участниками революционного движения. Однако казни, тюрьма и ссылка стали уже настолько обычными, что перестали пугать народ. Рабочий класс, оправившись от поражения в первой русской революции, вновь поднимался на борьбу под руководством партии большевиков.

Одним из центров стачечного движения была Рига. Здесь в августе 1911 года на заводе «Рижская проволочная промышленность» (она же фабрика Тиллау) началась всеобщая стачка, которая продолжалась около двух месяцев.

Рабочие этого завода подвергались систематическим издевательствам со стороны администрации. Последняя, выпол-

¹ ЦГВИА, ф. 9, (Л), 5-е отделение, 1908, д. 4/24, лл. 160—165; Ленинградский партийный архив, ф. И-1, оп. 1, д. 280. «Книга памяти павших борцов революции» (на латышском языке), т. 2, 1907—1917, изд-во «Прометей», 1936, стр. 163.

няя указания своих немецких хозяев (завод принадлежал акционерному обществу братьев Крупп), начала принимать на работу женщин, которым стали платить по 60 коп. в день, то есть в 3—4 раза меньше, чем мужчинам¹. Одновременно в связи с одним усовершенствованием на 5—6% понизилась зарплата в цехе, где работали мужчины. 17 августа была понижена зарплата работникам отделения по производству цепей и введена сдельная оплата вместо поденной. Все рабочие отделения по производству цепей потребовали сохранить прежние условия и в знак протеста объявили забастовку. Администрация уволила всех 200 рабочих этого отделения. В ответ на это утром 19 августа забастовал весь завод². Забастовкой руководил избранный на общем собрании рабочих стачечный комитет, в который вошли: член Рижского комитета социал-демократической партии Латвии, делегат V съезда РСДРП Я. Рекстынь, член правления «Союза рабочих по металлу» А. Виксе, партийные работники В. Ройзит, Р. Скаман, К. Скранда и др.³.

Во всех цехах рабочие выдвинули свои требования. На их основе забастовочный комитет выработал 17 общих требований, в которые вошли: увеличение заработной платы, отмена штрафов, выплата 50% зарплаты за время болезни, устройство столовой, улучшение вентиляции, бесплатное обучение детей рабочих в начальной школе и др.⁴.

Получив инструкции из Германии, администрация, чтобы устроить рабочих, закрыла завод. Большой наряд полиции не допускал рабочих на его территорию. «Общество фабрикантов и заводчиков» под угрозой штрафа запретило всем своим членам принимать на работу забастовщиков. С предприятий увольняли тех рабочих, которые когда-либо работали на заводе «Рижская проволочная промышленность».

Но забастовщики держались дружно. Материально их поддерживал профсоюз металлистов⁵. В знак солидарности с ними забастовали рабочие нескольких предприятий Риги.

Администрация завода попыталась сломить солидарность бастующих с помощью новых угроз. В приказе дирекции рабочим сообщалось, что в случае продолжения забастовки они будут навсегда уволены с завода. Одновременно было объявлено

¹ Центральный государственный архив Латвийской ССР, ф. 3288, оп. 1, д. 454, лл. 77—78.

² См. Ю. Н. Нетесин, Рабочее движение в Риге в период столыпинской реакции, Рига, 1958, стр. 156.

³ См. там же; ЦГА Латвийской ССР, ф. 3288, оп. 1, д. 454, л. 1.

⁴ ЦГА Латвийской ССР, ф. 104, оп. 1, д. 206, л. 59.

⁵ ЦГА Латвийской ССР, ф. 3288, оп. 1, д. 451, л. 87.

о записи желающих начать работу. Из 700 рабочих 80 согласились встать на работу. В большинстве это были рабочие прокатного цеха, отличавшиеся меньшей сознательностью и слабой партийной прослойкой. 3 октября администрации удалось возобновить работу в одну смену в прокатном цехе.

Чтобы не допустить срыва забастовки, забастовочный комитет принял меры идейного воздействия к несознательным рабочим, согласившимся стать штрейкбрехерами. «На улице собирались рабочие, — говорилось в дознании, — обсуждали положение, увещевали своих товарищей не приступать к работам до исполнения предъявленных требований»¹.

Забастовочный комитет выделил двух товарищей, которым поручалось убедить истопников котельного отделения, а в случае необходимости заставить погасить печи. Однако комитет не ставил целью убийство штрейкбрехеров. «Кровопролитие этим собранием было запрещено», — указывалось в дознании².

В ночь на 5 октября 1911 г. в котельную прокатного отделения явились два человека в масках и потребовали от истопников Эрасмуса и Бреде потушить печи и прекратить работу. Это были члены забастовочного комитета Ян Ругай и Кристоф Адамс. Истопник Бреде бросился бежать, а Эрасмус кинулся с кулаками на Адамса, пытаясь отнять у него револьвер. В это время прозвучал выстрел, которым Эрасмус был убит наповал. Ругай и Адамс скрылись³.

Работа в прокатном цехе вновь прекратилась. Убийство Эрасмуса послужило удобным поводом для полицейского вмешательства. Начались аресты среди рабочих прокатного цеха и членов забастовочного комитета. Тайная полиция арестовала председателя комитета Виксе, который дал «откровенные показания», проще говоря, выдал всех членов забастовочного комитета. Лишь А. Ругаю удалось скрыться за границу.

Но забастовка продолжалась. Тогда администрация начала переговоры с рабочими, обещая удовлетворить их требования полностью или частично. В середине октября работа на фабрике возобновилась. Вскоре выяснилось, что администрация не собирается выполнять основные требования рабочих и отделяется небольшими уступками. Власть распустила профсоюз металлистов. Таким образом, двухмесячная забастовка не дала полной победы рабочим. Но она явилась предвестницей более крупных стачек, которые произошли в Риге в 1912 году.

¹ ЦГА Латвийской ССР, ф. 3288, оп. 1, д. 451, л. 80.

² Там же, л. 94.

³ Там же, д. 454, лл. 1, 2.

Следствие по делу о забастовке на проволоочном заводе и убийстве штрейкбрехера длилось более полутора лет. За это время в Рижской сыскной полиции арестованных рабочих неоднократно подвергали ужасным пыткам, добываясь от них нужных показаний. Пытками руководил сам начальник сыскного отделения садист и палач Грегус. Больше всего пытали Рекстыня, старого боевика-партийца, у которого хранилось оружие еще с 1905 года. Виксе на следствии показал, что у Рекстыня были взяты маузеры, чтобы «попугать» истопников. К. Я. Скранда в своих воспоминаниях писал: «Однажды ночью его (Рекстыня. — Ю. К.) привезли на луг за Ламповой фабрикой и заставили копать себе могилу. Убедившись, что из Рекстыня невозможно что-либо выбить, тайная полиция арестовала его жену, которую пытками довели до смерти. У Рекстыня во время пыток волосы на голове были вырваны вместе с кожей»¹.

После пыток арестованных направляли к следователю по особо важным делам в Окружной суд. Если они не подписывали протокол, их снова пытали. Многие из арестованных в ходе следствия и на суде отказались от первоначальных показаний, заявив, что они даны были под влиянием угроз и пыток со стороны агентов сыскной полиции².

В результате к суду было привлечено 11 человек: К. Адамс (23 лет), А. Виксе (30 лет), Я. Рекстынь (37 лет), К. Скранда (22 лет), Я. Франц (34 лет), Я. Лабренц (23 лет), Я. Дальбин (38 лет), П. Клигер (26 лет), Н. Гринберг (39 лет), В. Ройзит (34 лет), Р. Скаман (23 лет). Адамсу было предъявлено обвинение в убийстве кочегара завода Эрасмуса, остальным — в подстрекательстве к убийству, что предусматривалось 13 и 1454 статьями Уложения о наказаниях³.

Заседание Рижского окружного суда по этому делу происходило 4 и 5 мая 1913 г. Со стороны обвинения свидетелями выступали преимущественно надзиратели и агенты Рижского сыскного отделения во главе с начальником отделения Грегусом.

После зачитания обвинительного акта на вопрос председателя суда, обращенный к каждому обвиняемому, — «признаете ли вы себя виновным?» — последние ответили отрицательно.

В ходе судебного разбирательства известные защитники Беренштам, Врублевский, Шабловский и другие неоднократно с полной очевидностью указывали на ложность и путанность показаний свидетелей — чинов полиции. Защитник Шабловский,

¹ «Книга памяти павших борцов революции», ч. II, стр. 36.

² ЦГА Латвийской ССР, ф. 3288, оп. 1, д. 454, л. 3.

³ Там же, л. 3, об.

слушая показания полицейского надзирателя Рижской сыскной полиции Думпфа, записал: «врет как сивый мерин. Просто подлец»¹.

Прокурор в своей речи потребовал суровой кары для всех обвиняемых, назвав их «палачами».

Однако приговор для большинства подсудимых оказался сравнительно мягким. Было установлено, что К. Адамс явился на завод не с целью убийства, а лишь для прекращения топки котлов и что само убийство произошло случайно и неожиданно, так как Эрасмус, будучи более сильным физически, напал на вошедших к нему². К. Адамса приговорили к 5 годам каторги, Виксе — к 5 годам арестантских исправительных рот. Остальные были признаны виновными лишь «в недоносительстве после совершения виновниками преступления» и приговорены к заключению в исправительные арестантские отделения сроком на 4 года с зачетом полтора лет предварительного заключения. Рекстынь был по суду оправдан.

Прокурор Рижского окружного суда подал протест в Петербургскую судебную палату против мягкости приговора. 25 сентября 1913 г. Петербургская судебная палата отменила решение рижского окружного суда и осудила каждого на 15 лет каторги, за исключением Виксе, которому за «откровенные показания» снизили срок до 10 лет³.

Все 11 обвиняемых по этому процессу отбывали каторгу в Рижской центральной тюрьме, а с началом первой мировой войны были эвакуированы в Шлиссельбургскую крепость. К. Адамс и Я. Лабренц умерли в тюрьме⁴. Остальные были освобождены восставшим народом 28 февраля 1917 г. Я. Рекстынь, К. Скранда, Р. Скаман и другие, несмотря на полученные в тюрьме болезни, продолжали активно участвовать в партийной работе.

§ 18. ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ВОССТАНИИ САПЕРОВ (1912 г.)

В 1912 году стачечное движение развернулось с небывалой силой. Задышающиеся от безземелья и нищеты крестьяне, задав-

¹ ЦГА Латвийской ССР, ф. 3288, оп. 1, д. 454, л. 9.

² Там же, л. 12.

³ Там же, л. 13; «Книга памяти павших борцов революции», ч. II, стр. 37.

⁴ См. «Книга памяти павших борцов революции», ч. II, стр. 158—164.

ленные беспросветным произволом и муштрой «нижние чины» были массовым горючим материалом. Крестьяне, солдаты и матросы поднимались вслед за рабочими. Ленский расстрел (4 апреля 1912 г.) всколыхнул миллионные массы трудящихся, раздул пламя революционного движения по всей стране.

В четвертом томе «Истории царской тюрьмы» читатели уже знакомы с несколькими политическими процессами 1912 года над моряками-революционерами. Революционные выступления матросов Черноморского и Балтийского флотов подтверждали, что в России начался революционный подъем.

В июле 1912 года всю страну облетела весть о крупном вооруженном восстании солдат-саперов в Туркестане. Оно показало, что революционное движение росло везде и даже там, где рабочие и крестьяне были задавлены муштрой казармы.

После Севастопольского военного восстания 1905 года восстание саперов дало новую большую группу узников в Шлиссельбург.

Главным источником роста революционного движения в армии являлся подъем революционного движения в стране. Тяжелые условия службы, скверное питание, грубое обращение и издевательства офицеров были одной из причин, вызвавших вспышку восстания саперов. Даже царский генерал, присланный из Петербурга для расследования причин восстания, вынужден был признать в докладе военному министру, что «кормили людей плохо... допускалась неумеренная и притом бестолковая строгость — нижние чины целыми десятками ставились после утомительной летней работы под ружье за самые ничтожные проступки»¹. Избиения и увечья солдат стали обычным явлением. Суды, аресты, постановка под ружье при палящем зное, издевательства, особенно над солдатами-«иногородцами» — все это усиливало недовольство и ненависть солдат.

Солдаты 2-го Туркестанского батальона во время переезда в летние лагеря из Мерва под Ташкент узнали от железнодорожников подробности кровавых событий на Лене. Это ускорило их открытое выступление.

Среди войск Троицкого лагеря (37 км от Ташкента) велась революционная пропаганда. Департамент полиции признавал, что «в войсках округа шла упорная, но осторожная революционная работа, преимущественно социал-демократическая»².

¹ ЦГВИА, ф. 400, (Л.), оп. 1, д. 26, 1912, лл. 15—16.

² ЦГАОР, ф. 102, ДП, 00, оп. 13, д. 201, ч. 84, лл. 1—2.

Саперы — в значительной части бывшие рабочие и мелкие технические служащие — вели революционную работу среди артиллеристов, стрелков и казаков. При этом приходилось идти на разные ухищрения, так как начальство всячески изолировало саперов от остальных частей. Саперы готовились к восстанию. Оно началось 1 июля 1912 г. Около 8 часов вечера по сигнальному выстрелу саперы разобрали ружья и патроны и с криками «ура» выстроились на передней линейке, откуда открыли частый огонь по офицерским баракам. Большинство офицеров бежало, а оказавшие сопротивление были убиты. Затем восставшим пришлось вести долгий бой со 2-й саперной ротой 2-го саперного батальона, оставшейся на стороне правительства. Восставшие стремились присоединить к себе другие части. С музыкой и с революционными песнями отправились они в расположение 1-го стрелкового полка, однако под организованным огнем не включившихся в восстание частей вынуждены были отступить. Вскоре стрелки и казаки стали цепями окружать саперный лагерь. Восставшие открыли по ним частый огонь, однако долго сопротивляться не могли, отступили в поле и рассеялись. Многие пытались укрыться в окрестностях лагеря. Но с помощью прожектора все убежавшие в поле были обнаружены и задержаны¹. Три стрелковых полка и 5-й Оренбургский казачий полк подавляли восстание двух батальонов. «Партиями и в одиночку, с винтовками и безоружных, хватали обессиленных, дезорганизованных саперов и отводили в баракы стрелковых полков, под усиленную охрану»².

На телеграмме Туркестанского генерал-губернатора Самсонова о восстании Николай II наложил резолюцию: «С виновниками бунта должно быть поступлено беспощадно»³. К таковым было причислено более 200 солдат. 3 июля в лагерь прибыл военный прокурор Туркестанского военно-окружного суда генерал-майор Климашевский с группой военных следователей. Началось следствие. Одновременно царская охранка через своих агентов: торговцев мороженым, булками, папиросами — изо всех сил старалась вывить как можно больше руководителей и участников восстания.

Военные следователи фабриковали следственный материал. Из Петербурга в Ташкент шли телеграммы с требованиями уско-

рить следствие и суд. Уже 16 июля Главное военно-судное управление запрашивало: «Телеграфируйте немедленно каком положении дело беспорядках саперном лагере. Сколько предано суду. Состоялось ли предание суду по дознанию»¹. Генерал-майор Климашевский отвечал: «Следствие заканчивается, все обстоятельства восстания раскрыты, обследованы, идет привлечение, предъявление обвиняемых ожидается около двухсот, не позже 25 июля дело поступит на заключение»². Следствие было закончено к 23 июля.

Таким образом, на допрос около тысячи солдат и сотен свидетелей было затрачено не более 20 дней. Цель такого сверхускоренного следствия была одна: создать некоторую видимость законности расправы над сотнями восставших солдат, заранее обреченных на жестокие репрессии.

В качестве оснований для причисления того или иного солдата к участникам восстания были взяты: свидетельские показания, пороховой нагар в винтовках, местонахождение во время восстания, ранения, отлучки из лагеря. Ясно, что каждое из этих доказательств не могло служить сколько-нибудь веским основанием для обвинения в участии в восстании. Но это несколько не смущало представителей царской военной юстиции. На то она и была царская, чтобы ревностно выполнять волю царя — беспощадно покарать «бунтовщиков».

Черносотенная печать в Петербурге и в провинции, захлебываясь от злости и ненависти к восставшим за свободу солдат, требовала поголовного расстрела всех участников восстания без следствия и суда. Например, черносотенная газета «Гроза» в номере от 20 июля 1912 г. следующим образом наставляла царских судей:

«Нечего смущаться размером насильственного лишения жизни. Генерал Галифе в Париже расстрелял 100 тысяч социалистов-коммунистов во время поднятого ими бунта в осадное время и тем спас Францию, которая в благодарность пригласила его потом на пост военного министра. Тот солдат, который во время бунта не выступил против бунтовщиков, не жалея своей жизни, тот также изменник присяге и также по уставу подлежит за это смертной казни». Подобные палаческие призывы раздавались и со страниц других черносотенных газет — «Русского знамени», «Нового времени» и пр.

Реакция пыталась всячески доказать, что восстание — не закономерное, а случайное явление, результат действий неболь-

¹ ЦГВИА, ф. 9, (Л.), оп. 8 (68), д. 258, 1912, л. 8; там же, ф. 400, оп. 1, д. 26, 1912, л. 1.

² С. Аникин, Восстание саперов. Воспоминания участника, Ташкент, 1927, стр. 30.

³ Там же, стр. 40.

¹ ЦГВИА, ф. 9, (Л.), оп. 8 (68), д. 258, 1912, л. 2.

² Там же, л. 3.

шой кучки «бунтовщиков». Стремясь разжечь шовинизм, черносотенцы приписывали эту роль полякам и евреям. Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками округа генерал Самсонов в рапорте военному министру утверждал, что группа «бунтовщиков» в несколько человек заставила обманом или силой выступить солдат двух батальонов¹.

Однако следствие дало другие материалы. Присланный из Петербурга генерал Звонников доносил высшим властям о том, что «не только в саперных батальонах, но и в других частях было значительное число нижних чинов, сочувствовавших замыслаемому выступлению, в котором они не приняли участия главным образом благодаря отсутствию умелого руководства, неорганизованности действий мятежников, начавших беспорядки без окончательного соглашения со своими единомышленниками в других частях»². Звонников сообщил также, что восстание имело связь с работой революционных организаций.

31 июля 1912 г. открылось заседание военно-окружного суда под председательством генерал-майора Уссаковского — одного из судей-палачей. Важную роль среди судей играл генерал Аффанасович — грязный садист, сам осужденный в 1915 году на каторгу за долготетное истязание и убийство родной дочери с целью получения наследства, доставшегося ей от умершей матери — жены Аффанасовича. Таковы были судьи, вершившие «правосудие».

Дело рассматривалось по законам военного времени. Судили саперов при закрытых дверях.

На скамье подсудимых было 228 человек. Большинству из них предъявлялось обвинение по ч. 2 статьи 110 XXII книги Свода военных постановлений. Обвинение сформулировано было следующим образом:

«На основании изложенного, подлежат обвинению (далее перечисляются фамилии обвиняемых. — Ю. К.) в том, что, согласившись между собою и другими, не обнаруженными следствием лицами, перебить неугодных им офицеров и с оружием в руках заставить начальство исполнить следующие требования: об улучшении пищи, сокращении срока службы, уменьшении времени работ, изменении порядка титулования офицеров и т. п., они в нарушение долга службы, во исполнение этого соглашения, в числе более 200 человек, ночью 1 июля 1912 г., в лагере у села Троицкого, разобрали винтовки и боевые патро-

¹ ЦГВИА, ф. 400, (Л.), оп. 1, д. 26, 1912, лл. 9—10.

² Там же, лл. 13—14.

ны, вышли на переднюю линейку лагеря и открыли стрельбу по 2-й роте 2-го Туркестанского саперного батальона, не участвовавшей в их соглашении и вышедшей во главе со своим командиром — капитаном, а ныне подполковником Жильцовым, для подавления беспорядка, а также и по остальным войсковым частям лагерного сбора, вызванным для той же цели и, кроме того, при указанных выше обстоятельствах выстрелами из винтовок убили 1-го Туркестанского саперного батальона штабс-капитана Похвистнева и 2-го Туркестанского саперного батальона подпрапорщика Филоненко и рядового Калента, нанесли поранения чинам названных батальонов: капитану Жильцову, подпоручикам Шедскому, Крассовскому и Кошценцу, унтер-офицеру Орлову и ефрейтору Колчину, от каковых ран подпоручик Крассовский и Кошценец вскоре скончались»¹.

Выступавший обвинителем военный прокурор требовал осудить всех, даже если бы в числе подсудимых оказались лица, не принимавшие непосредственного участия в восстании. Он призывал судей «откинуть ложное сострадание» и «не смущаться строгостью законов военного времени». Впрочем, судьи не нуждались в таких призывах, чувства сострадания и честности у них давно атрофировались.

Для соблюдения формы на суде выступали и официальные защитники из числа верных царизму офицеров. Роль их свелась к нулю, да и сами они охотнее стали бы обвинять, чем защищать своих подзащитных.

Все обвиняемые, за исключением двух солдат, которые ради спасения своей жизни пошли на предательство, держались на суде мужественно и не склоняли головы перед судьями-палачами. О том, как шло судебное следствие, в воспоминаниях С. Аникина читаем следующее:

«Ни одному из обвиняемых не давали рта раскрыть в свое оправдание, а требовали, вымогали, приказывали сознаться в ряде преступлений, приписанных следователями. Всякий протест, негодование возмущенных наглым ходом предварительного и судебного следствия обвиняемых резко обрывались неумолимыми «превосходительственными» судьями».

«Молчать, как смеешь, руки по швам! — гремело из-за судебного стола»².

Свидетелям со стороны обвиняемых не давали говорить в их защиту. Военный прокурор моментально так поворачивал показания свидетелей, что они обращались против подсудимых.

¹ ЦГВИА, ф. 9, (Л.), оп. 8 (68), д. 258, 1912, л. 40, об.

² С. Аникин. Восстание саперов, стр. 42.

Суд не установил и не доказал виновности каждого подсудимого. Тем не менее приговор, вынесенный 9 августа 1912 г., отличался исключительной жестокостью. 12 солдат и 2 унтер-офицера как «зачинщики и руководители восстания» были приговорены к смертной казни через повешение. Это были Петр Боряев, Андрей Бунин, Павел Волков, Эдмунд Гессен, Иван Жулябин, Берк Котляр, Филипп Нефедов, Иван Онучин, Иван Попов, Станислав Рочинский, Василий Савкин, Михаил Слободской, Федор Тарасов, Владимир Шубин.

Остальные обвиняемые были поделены на шесть групп и получили разные сроки каторги и тюрьмы. 20 человек были приговорены к каторге без срока. 62 обвиняемых получили по 15 лет каторги. Заметим, что для большинства из них доказательством участия в восстании и стрельбы в войска был только пороховой нагар в винтовках. 15 человек были приговорены к 8 годам и 16 человек — к 4 годам каторги. Таким образом, приговоры к каторге получили 112 солдат. 79 солдат были приговорены к отдаче в исправительные арестантские отделения от 4 до 6 лет и 15 человек — в дисциплинарные батальоны¹. Виновность солдат, приговоренных к отдаче в арестантские отделения и дисциплинарные батальоны, не была доказана. В обвинительном акте указывалось только, что одни, будучи без ружей, приняли участие в восстании позднее, а другие, зная о восстании, не донесли начальству.

Вскоре состоялся второй судебный процесс над 40 солдатами, не привлекавшимися ранее к суду; 7 из них были приговорены к каторжным работам от 4 до 6 лет, 6 — к 2 годам дисциплинарного батальона и 27 оправданы как абсолютно невиновные.

В итоге на 228 человек пришлось 15 виселиц, более 2 тыс. лет каторжных работ, арестантских отделений и дисциплинарных батальонов.

Таково было «правосудие» царских прислужников. Суд являлся только ширмой, прикрывавшей страшный произвол и злобную месть сатрапов самодержавия революционным солдатам.

12 августа 1912 г. этот зверский приговор был утвержден командующим войсками округа генералом Самсоновым с незначительными изменениями. «Милость» была проявлена только в отношении 2 осужденных — одному (Шубину) смертная казнь заменялась 6 годами исправительно-арестантских отделений, другому (Ежову) — бессрочная каторга — 4 годами тюрьмы².

¹ ЦГВИА, ф. 9, (Л.), оп. 8 (68), д. 258, 1912, лл. 49, 52—53.

² ЦГАОР, ф. 102, ДП, 00, оп. 13, д. 290, 1912, л. 159.

По поводу приговора Самсонов в рапорте военному министру писал:

«Судимые по законам военного времени подстрекатели и участники вооруженного восстания понесли заслуженную ими кару. Возможно, что часть участников вооруженного восстания 1 июля осталась невыясненной и, наоборот, что некоторые нижние чины, понесшие более легкие наказания, не принимали участия в бунте. Однако в таком тяжком воинском преступлении я считаю лучше покарать десять невиновных, чем оправдать одного виновного, и если судебная ошибка в данном случае и могла иметь место, то только потому, что в отношении многих из подсудимых единственным признаком виновности было задержание их с винтовками. Даже не принимая активного участия в бунте, задержанные с винтовками нижние чины были виновны уже тем, что, имея оружие в руках, не направили его против бунтовщиков»¹.

Как видим, позиция Самсонова ничем не отличалась от позиции черносотенных газет. Самсонов прямо заявлял о полезности максимального «кровопускания» во время подавления восстаний, ибо оно, по его мнению, «укажет революционерам и обществу бесцельность таких выступлений и силу государственной власти»². Самсонов вместе с охранкой считал возможным время от времени провоцировать отдельные военные восстания, топить их в крови, физически истреблять во время подавления революционную часть солдат.

Царь, помещики, царские генералы по-прежнему надеялись беспощадным террором — казнями и тюрьмами — устрешить революционных рабочих, крестьян, солдат и матросов, заставить их отказаться от борьбы. Но надежды эти были тщетны. Массовые казни только разжигали в широких массах ненависть к царскому самодержавию, поднимали на борьбу новые и новые слои трудящихся.

Для устрашения солдат была использована и казнь над 14 солдатами — участниками восстания. Генерал Самсонов приказал выделить по 20 солдат от каждой саперной роты для присутствия во время казни³.

Приговоренные к виселице солдаты томились в одиночных смертных камерах Ташкентской тюрьмы. 12 августа 1912 г. их вывели на казнь. Раненого во время восстания Петра Боряева

¹ ЦГАОР, ф. 102, ДП, 00, оп. 13, д. 290, 1912, лл. 92—93.

² ЦГВИА, ф. 400, (Л.), оп. 1, д. 26, 1912, л. 19, об.

³ Там же.

взяли полуживым из госпиталя. Чтобы довести до виселицы, ему впрыснули морфий. К месту казни его принесли на носилках.

«По одному, то смелой поступью, то с помощью конвоя, осужденные герои поднимались на роковые табуретки.

Палачи с кошачьим проворством набросили на головы длинные мешки и сверху — смертельную скользкую удавку.

Удар ногой по табуретке и... скрытая в мешке жизнь обрывается, давясь и сляясь поймать глоток воздуха. И так одного за другим, на глазах огромной загипнотизированной толпы.

Оборвался грузный Савкин, вскочил и, освободившись из позорного мешка, дал оплеуху растерявшемуся палачу:

— Что же ты, чortов сын, плохо хлеб зарабатываешь, ведь не декабристов давишь, крепче вешай!

И, обводя изумленную толпу гневным взглядом, сам напялил на себя мешок.

Гессен, отказываясь влезать в мешок, возмущенно кричал:

— Если уж вам пули жалко для солдата, то хоть открыто вешайте, что вы собачью ловушку набрасываете!

Но ему силой напялили мешок. Вздернули, толкнули табуретку.

— «Да здравствует революция!» — пронесся его сдавленный крик¹.

14 казненных были похоронены на кладбище прокаженных. После Февральской революции 1917 года состоялись торжественные похороны останков казненных саперов. В похоронах участвовала делегация 2-го Туркестанского саперного батальона, прибывшая с передовой линии Закавказского фронта. Ныне на могиле саперов стоит памятник. Трудящиеся Ташкента свято чтут память героев-солдат.

Саперы, осужденные на каторгу, в октябре 1912 года из Ташкентской тюрьмы были разосланы по 11 каторжным тюрьмам Европейской России, отличавшимся особенно свирепым каторжным режимом. 12 солдат, приговоренных к бессрочной и 15-летней каторге, отбывали ее в Шлиссельбурге².

Среди них были: Борисов Л. В., Дехант Р. К., Жигаловский В. А., Першуков К. И., Рыбалкин Х. Я., Трембас Ф. Т., Файнштейн Л. А., Федоров П. И. и др.³.

¹ С. Аникин, Восстание саперов, стр. 55.

² ЦГАОР, ф. 102, ДП, 00, оп. 13, д. 290, 1912, л. 185.

³ Ленинградский партийный архив, ф. И-1, оп. 1, д. 280.

§ 19. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ПЕТРОГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП (1915 г.)

Из нескольких политических процессов военных лет (1914—1916 гг.), давших узников в Шлиссельбург, удалось разыскать архивный материал о группе работников Петроградской большевистской организации, осужденных Петроградским военно-окружным судом в 1915 году. В фонде департамента полиции сохранилось жандармское дело, именуемое «По наблюдению за формальным дознанием о группе социал-демократов: Маргарите Цапенко, Вас. Румянцеве и др.».

30 августа 1914 г. начальник петроградской охраны сообщил начальнику губернского жандармского управления об аресте в течение августа 1914 года двумя приемами 28 «представителей и членов местной организации РСДРП, занимающихся выпуском и распространением партийных листов против войны».

Первая группа лиц была арестована в период с 4 по 9 августа 1914 г. Однако вскоре в городе вновь появились социал-демократические антивоенные листовки. В ночь на 27 августа было арестовано еще 22 человека, за которыми охранное отделение вело наблюдение. При обыске у разных лиц были обнаружены листовки, нелегальная марксистская литература, конспиративная переписка, различные рукописи. Агентурными данными охранка установила, что В. Д. Румянцев, М. П. Ремезов и другие являлись активными работниками Петроградской большевистской организации¹.

При военном положении в городе дознание прошло весьма быстро. Уже 8 октября 1914 г. дело было передано Петроградскому военно-окружному суду.

11 ноября 1915 г. военно-окружной суд рассматривал дело В. Румянцева, М. Ремезова и других, обвиненных по ч. 1 статьи 102 Уголовного Уложения. Дело слушалось при закрытых дверях.

Суд признал, что в течение 1914 года по день ареста все подсудимые принимали участие в «преступном сообществе, именуемом РСДРП», хранили и распространяли прокламации с идеями «сообщества и против войны», участвовали в партийных собраниях, занимались пропагандой своих идей среди рабочих и членов культурно-просветительного общества «Источник света и знания».

В. Д. Румянцев был признан виновным, кроме принадлежности к РСДРП, в том, что состоял секретарем «городского

¹ ЦГАОР, ф. 102, ДП, 7-е делопроизводство, 1914, д. 1790.

коллектива» Петроградской организации большевиков, организовывал связь Петроградского комитета РСДРП с заводами, вел агитацию против войны (почти все эти сведения были получены через провокатора), хранил партийные документы. М. П. Ремезов обвинялся в принадлежности к РСДРП, где он входил в Выборгский районный комитет от завода «Новый Лесснер», в составлении, хранении и распространении антивоенных прокламаций. Другим подсудимым были предъявлены обвинения в принадлежности к РСДРП и агитации против войны.

11 ноября 1915 г. был вынесен приговор. Все подсудимые получили по несколько лет каторжных работ. Восьмилетний срок каторги получили В. Д. Румянцев и М. П. Ремезов, отбывавшие его в Шлиссельбурге¹.

* * *

Мы имели возможность рассказать здесь с разной степенью полноты только о части судебных процессов, связанных с политическими узниками Шлиссельбурга. Но и эта часть является убедительным свидетельством огромного размаха освободительной борьбы народа в годы первой русской революции, доказательством глубокой революционности рабочего класса и крестьянства России.

Рассмотренные процессы иллюстрируют главную особенность первой русской революции, заключающуюся в том, что в авангарде революционной борьбы народа шел пролетариат, который вел за собой массы угнетенного крестьянства. Пролетарии, одетые в шинели и бушлаты, были душой военных восстаний. Представители рабочего класса выступали вдохновителями, а часто руководителями крестьянских восстаний. Лучшие сыны рабочего класса входили в военные и боевые организации большевистской партии, процессы по которым дали также немало узников в Шлиссельбург. Именно представители рабочего класса мужественно и стойко вели себя перед царским судом, не сгибаясь под тяжестью репрессий. Большинство рассмотренных нами процессов связано с деятельностью большевистской партии, что отражает ее руководящую роль в революции как пролетарского авангарда.

¹ См. «Пролетарская революция» 1924 г. № 12, стр. 338—339; Ленинградский партийный архив, ф. И-1, св. 26, л. 280; «Политическая каторга и ссылка, биографический справочник», М., 1934, стр. 816.

Глава четвертая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ В 1907—1917 ГОДАХ

§ 20. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОЛДАТЫ И МАТРОСЫ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

БОЕВАЯ рабоче-крестьянская молодежь составляла основную массу политических узников Шлиссельбурга. Она смело вступила в бой с тюремной администрацией за лучшие условия «каторжанской жизни». Борьба была тяжелой и упорной, требовала железной стойкости и терпения. Победа реакции над революцией немедленно отозвалась в Шлиссельбурге, как и в других тюрьмах, резким ухудшением режима. В тюрьмах снова стали применяться розги, побои и всевозможные издевательства над политзаключенными. Правда, в Шлиссельбурге дикий произвол тюремщиков не проявлялся так чудовищно и обнаженно, как, например, в Орле. Но зато здесь широко применялись всевозможные формы утонченного и более замаскированного издевательства над заключенными, рассчитанные на постепенное моральное и физическое уничтожение последних. Один из бывших шлиссельбуржцев в своих воспоминаниях пишет об этом следующее:

«Нагайки и плети не свистели в Шлиссельбурге, зубы не сыпались из каторжанских челюстей и кровь не текла из носов

под кулаками администрации. Но на карцерах, на удлинении кандалного срока, на систематических переводах из камеры в камеру, из корпуса в корпус, на моральных унижениях, на целом ряде с виду мелочных лишений игра велась очень хитро и подло, доводя многих до тихой незаметной смерти, а других до какой-то жуты, от которой хотелось самому как угодно, но разорвать эту липкую паутину тюремной законности или добиться перевода в другую тюрьму»¹.

Несмотря на огромное неравенство сил, большинство каторжан вело почти непрерывную борьбу с тюремной администрацией. Она выражалась в коллективных протестах, бойкоте тюремщиков, неподчинении режиму и, наконец, в организованных голодовках. В условиях реакции борьба на каторге стала особенно тяжелой. Не было теперь поддержки ее массовой народной борьбой с воли, как это было в годы революции, когда даже стены Шлиссельбурга сотрясались от мощных ударов пролетариата по царизму. Борьба эта стоила революционерам многих жертв. Однако она не прошла даром, дала свои результаты. Они заключались не только и не столько в том, что организованные, дружные действия политических заключенных нередко давали и победу над тюремщиками в решении того или иного вопроса тюремного быта. Борьба в тюрьме рассматривалась революционерами как средство политических демонстраций против царизма. Она помогла многим участникам революционного движения, будучи пленниками царизма, сохранить свое лицо революционера и революционный пафос, закалить свою волю, остаться и в тюрьме борцами против царизма и капитализма. Участие в этой тюремной борьбе помогло многим в условиях реакции сохранить себя от политического и морального разложения. Совместная борьба воспитывала товарищескую солидарность.

* * *

Одними из первых «поселенцев» нового Шлиссельбурга были матросы и солдаты — участники Севастопольского восстания 1905 года. Они пришли в Шлиссельбург в январе 1907 года тесной, спаянной группой из Смоленского каторжного централа. С тех пор ежегодно в Шлиссельбург группами и в одиночку прибывали солдаты и матросы, приговоренные к каторжным работам. Это были участники восстаний в Кронштадте и на крейсере «Память Азова» (июль 1906 г.), члены военных организа-

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 231, лл. 11—12 (воспоминания В. Н. Левтонова).

ций большевистской партии, участники восстания саперов 1912 года, отдельные солдаты-«бунтари», попавшие на каторгу «за отказ от военной службы», за сопротивление начальству, «оскорбление офицеров» и другие «воинские преступления».

Нам удалось собрать сведения о 49 солдатах и 35 матросах — шлиссельбуржцах 1907—1917 годов. Несомненно, в Шлиссельбурге за период между двумя революциями побывало значительно больше солдат и матросов. Из 84 известных нам каторжан больше половины получили каторжные приговоры за «явное восстание и неповиновение» и «за участие в преступном сообществе», то есть в революционных организациях в период первой русской революции.

Народная революция 1905—1907 годов ознаменовалась несколькими крупными военными восстаниями и множеством других революционных выступлений в армии и флоте. Более 200 восстаний и волнений солдат и матросов за два с половиной года революции — таков итог участия солдатских и матросских масс в революционной борьбе народа в славные годы первой русской революции. Многие солдатские и матросские восстания отличались массовостью. Неудивительно, что «нижние чины» армии и флота составили 40 процентов осужденных на каторгу «за политические преступления», совершенные в период революции. По имеющимся подсчетам, сделанным на основании статистики бывшего Главного тюремного управления, только за 7 лет, с 1905 по 1912 год, по политическим делам в каторжные работы было осуждено 7532 человека, из них солдат — 2495 и матросов — 518 человек¹.

Матросы и солдаты — каторжане — представляли собой революционную молодежь. Свою боевую спайку, коллективизм и боевой задор они сохранили и в тюрьме в борьбе с тюремной администрацией и с уголовной стихией, требуя к себе элементарного уважения и справедливости. Но тюремная администрация смотрела на них, как на лишенных всяких человеческих прав нижних чинов, «серую скотинку», вышедшую из повиновения, не признавала в них «политических». Обращение с солдатами и матросами было особенно унижительным, издевательским.

Матросы и солдаты, сильные революционным духом, не сдавались на милость тюремному начальству. Правда, не всем им, попавшим в Шлиссельбург, оказалась под силу эта «школа» угнетения и изощренного издевательства над человеком. Часть

¹ См. «Царский флот под красным стягом, документы и воспоминания об участии матросов в революционном движении», М., 1931, стр. 186.

солдат и матросов тюрьма сломила, многие погибли в неравной борьбе с царскими тюремщиками, отдельные, давшие себя запугать, примирились с тюремным режимом. Однако большинство устояло в этой борьбе, закалило свою волю и решимость бороться с врагами народа. Многих тюрьма закалила и политически, расширила кругозор, сделала убежденными революционерами и большевиками.

Среди большой группы узников — участников ноябрьского Севастопольского восстания 1905 года — выделялись своим стойким революционным духом и постоянной борьбой с администрацией матросы Н. С. Симоненко, А. Х. Конуп, И. В. Письменчук, М. В. Прудкой, З. С. Циома и др.

Неутомимым протестантом в Шлиссельбурге 1907—1909 годов был Николай Симоненко. Призванный во флот с машиностроительного завода в Николаеве, где он работал слесарем, Симоненко сразу же включился в борьбу матросов с «драконами» — всякого рода начальством. Ноябрьские события в Севастополе застали его машинистом на миноносце «Зоркий». Симоненко без колебаний решил примкнуть к восстанию. Сгитированная им команда захватила в свои руки миноносец и присоединилась к «Очакову». Симоненко поднял на «Зорком» красный флаг. Команда избрала его депутатом в Совет матросских депутатов¹. Во время подавления восстания он пытался спастись, но был схвачен и вместе с другими предан суду.

Когда начался суд, Симоненко решительно выступил за его бойкот. «Докажем драконам, — агитировал он своих товарищей, — что не признаем ихнего суда, что не верим в ихнее правосудие. Ведь кто они такие, эти судьи?.. Ведь судьи эти и есть те самые враги, против которых мы восстали! Как же они могут быть судьями в своем собственном деле?»². Агитация Симоненко убедила многих колеблющихся. Подсудимые бойкотировали суд.

Симоненко приговорен был к бессрочной каторге. Он не покорился и в тюрьме. На репрессии начальства отвечал бойкотом, голодовками и иным сопротивлением. В Смоленске он выступил одним из организаторов «голового бунта» и за это был переведен в Шлиссельбург «на исправление».

Как раз в это время режим в Шлиссельбургской тюрьме резко ухудшился, что было связано с разгоном II Думы и временной победой реакции в стране. Начальник тюрьмы

Зимберг по малейшему поводу сажал в карцер, лишал прогулок, переписки с волей и т. д. Участились случаи применения розог. Шесть политических заключенных — зачинщиков «волынков» он перевел в еще пустовавший первый корпус — «зверинец», лишив общения с товарищами. Среди них были Симоненко и его товарищ по всем «волынкам» и стычкам с администрацией матрос-кочегар Антон Конуп¹. И здесь они продолжали войну с начальством, так как были убеждены, что только так должен себя вести революционер. Конупа наказали розгами. Симоненко вновь бросили в сырой и темный карцер.

Симоненко объявил бойкот Зимбергу и всей администрации. Перестал отвечать на вопросы начальства и вставать при его приходе, ни за чем не обращался, не разговаривал и т. д. Зимберг пытался сломить его волю карцерами. Симоненко из них почти не выходил. А в короткие промежутки между карцерами он сидел в особом изоляторе — тесной, похожей на клетку камере без окна, без всякой мебели.

От непрерывных карцеров и голодовок Симоненко ослабел, еле держался на ногах, но продолжал борьбу. Увидев бесполезность всех мер, Зимберг зачислил Симоненко в разряд «неисправимых» и добился перевода его в Орел. Симоненко отправлен был туда в июне 1909 года. Борьба, голодовки, непрерывные издевательства и истязания в Орловской тюрьме вконец подорвали его силы. Однако страшные избиения и пытки не сломили его стойкости и твердости в борьбе со своими врагами. Не желая сдаваться орловским палачам, Симоненко уморил себя голодом².

Матрос Антон Конуп — товарищ Симоненко — оставался в Шлиссельбурге до 1912 года. После перевода Симоненко он продолжал участвовать в общих протестах, сблизился с большевиками, начал страстно учиться. В июне 1912 года он активно участвует в организованном протесте политкаторжан против издевательства и грубостей администрации. После 30 суток карцера его в числе 14 наиболее активных протестантов перевели в Орел, откуда он был освобожден Февральской революцией 1917 года. В годы гражданской войны Антон Конуп погиб в боях с белогвардейцами³.

Матроса Ивана Письменчука заключенные любили за веселый нрав, общительность, за смелость в обращении с админи-

¹ ЦГАВМФ, ф. 766, д. 169, л. 143, об., заключение прокурора военно-морского суда.

² И. И. Генкин, Среди политкаторжан, М., 1930, стр. 55.

¹ ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 78, л. 13.

² Ленинградский партийный архив, ф. И-1, оп. 1, д. 280, л. 40; И. И. Генкин, Среди политкаторжан, М., 1930, стр. 59—64.

³ Ленинградский партийный архив, ф. И-1, д. 280, л. 20.

страцией. Это был один из матросов-большевиков. В революционное движение втянулся задолго до ноябрьского восстания в Севастополе. Накануне 1905 года успел побывать в дисциплинарном батальоне за стычки с начальством, узнал «преlestи» плавучей тюрьмы, подвергался телесным наказаниям. В 1905 году Письменчук вновь в Севастополе, ведет революционную работу среди матросов флотской дивизии.

Как активному участнику восстания, Письменчуку грозила каторга. В апреле 1906 года он бежал из-под ареста и скрывался в Очакове, где жил до призыва во флот. Крымский комитет РСДРП снабдил его чужим паспортом на имя мещанина Глушкова и поручил вести работу среди солдат Очаковской крепости. 22 мая 1906 г. Письменчука-Глушкова арестовали в то время, когда он агитировал на улице патрульных солдат повернуть винтовки против своего начальства¹.

Письменчук был посажен на скамью подсудимых с прибавлением нового обвинения — побега из-под стражи и агитации среди солдат. Его приговорили к 8 годам каторги, из которых почти 6 лет он успел отбыть в Шлиссельбурге. Здесь он долгое время сидел в одной камере с Борисом Жадановским, руководителем киевского восстания саперов в ноябре 1905 года. Письменчук проявлял трогательную заботу о здоровье Жадановского, привязался к нему всей душой. От Жадановского он почерпнул много знаний, расширил свой политический и культурный кругозор. Вместе с ним Письменчук участвовал в коллективном протесте 1912 года и в массовой голодовке, окончившейся для него, как и для многих участников протеста, трагически. Он умер после тридцатисуточных ужасов карцера и голодовки в августе 1912 года².

В ходе протеста в числе 14 в Орел был переведен и матрос Захарий Циома. В заключении прокурора военно-морского суда по делу о восстании в ноябре 1905 года он характеризовался как «главный» зачинщик мятежа на броненосце «Пантелеймон». Матросами «Пантелеймона» он был избран депутатом в «Совет депутатов от народа». Циома активно участвовал в восстании на «Пантелеймоне», руководил арестом офицеров и кондукторов, лично поднял на броненосце красный флаг. После перехода броненосца в руки восставших принял командование над ним и до конца остался преданным делу восстания³.

¹ ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 78, л. 107; И. П. Вороницын, Из мрака каторги, Харьков, 1922, стр. 139—140.

² Ленинградский партийный архив, ф. И-1, оп. 1, д. 280, л. 35; В. С. Мононов, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 89.

³ ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 78, л. 142.

После подавления восстания Циома вместе с другими захваченными повстанцами содержался под арестом на учебном судне «Прут», превращенном в плавучую тюрьму. 31 июня 1906 г. судовой врач «Прута» доложил командиру судна о том, что арестованный З. Циома начал голодовку и в течение двух дней не принимает никакой пищи. Врач просил немедленно списать Циому в госпиталь. Командир судна доложил об этом адмиралу Чухнину. На рапорте Чухнин наложил следующую резолюцию: «Ничего особенного в данном случае не вижу, ежели желает себя человек уморить»¹. Комментарий к ней лишен. В таком зверском отношении к голодовкам заключенных, являвшимся формой протеста против вопиющей бесчеловечности и жестокости, царский адмирал был не одинок. В дальнейшем тюремщики получили официальный документ, облегчивший им борьбу с голодовками. Это было «разъяснение» Главного тюремного управления, гласившее: «Ввиду того, что отказ арестанта от пищи является актом совершенно добровольного характера и не может быть предупрежден мерами, зависящими от тюремного начальства, последнее не может подлежать ответственности за последствия такого отказа, хотя бы голодовкою была вызвана сама смерть арестанта»².

В приговоре суда З. С. Циома был выделен особо как участвовавший в восстании сознательно с целью «ниспровержения существующего в России государственного строя» в отличие от прочих матросов, выступивших, по мнению суда, «с целью противиться начальству»³.

Циома приговорен был к смертной казни, замененной затем бессрочной каторгой⁴. Умер он в Орловском центре.

В 1908—1916 годах в Шлиссельбурге отбывали каторгу отдельные матросы — участники военных восстаний 1906 года на Балтике. В 1907 году в Шлиссельбург из Смоленска за «голый бунт» был переведен матрос Митрофан Меркулов, осужденный Особой судовой комиссией военно-морского министерства по делу о вооруженном восстании на крейсере «Память Азова» 20 июля 1906 г. Обвинительный акт характеризовал Меркулова как активного участника этого восстания, за которое царский суд вынес 18 смертных приговоров. Как сигнальщик, он, по указанию повстанческого судового Комитета, давал сигналы другим военным судам с призывами присоединиться к восстанию.

¹ ЦГАВМФ, ф. 766, оп. 1, д. 91, 1917, л. 25.

² «Тюремный вестник», 1908, стр. 403.

³ ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 78, л. 106.

⁴ Там же, л. 92.

В числе пяти матросов Меркулов был приговорен к 20 годам каторжных работ¹. Из Шлиссельбурга Меркулова перевели в Тобольский централ. По дороге он бежал из Тюменской пересыльной тюрьмы, но вскоре был вновь арестован и вторично осужден на 15 лет каторги с продолжением срока, то есть в общем к 35 годам каторжных работ.

После «голового бунта» в Смоленском центре в Шлиссельбург на «исправление» попал и матрос-большевик Егор Смелков, активный участник июльского восстания 1906 года в Кронштадте. Смелков работал в большевистской военной организации вместе с Д. З. Мануильским, встречался с В. И. Лениным и получал от него указания по организации революционной работы в Балтийском флоте². 19 июля 1906 г. он поднял на восстание свою роту в 4 флотском экипаже. По его команде: «Одевайся в черное, снимай чехлы и выходи во двор», многие матросы экипажа примкнули к восстанию. Обвинительный акт отмечает, что среди восставших Смелков был с револьвером в руках. Осужденный на 20 лет каторги, он несколько лет провел в Шлиссельбурге.

Комендор Егор Панчишин отбывал в Шлиссельбурге 18-летний каторжный срок за участие в «беспорядках» на крейсере «Богатырь» (Либава). Беспорядки выразились в том, что 31 мая 1906 г. команда крейсера добивалась освобождения из карцера арестованного за революционную пропаганду матроса. Затем матросы потребовали улучшить пищу и удалить с крейсера систематически издевавшегося над ними старшего боцмана. За эти справедливые и весьма скромные требования матросы были арестованы, преданы суду. Организаторы выступления, в том числе Панчишин, получили суровые приговоры³.

За аналогичное «преступление» отбывал каторгу в Вологодском центре, а затем в Шлиссельбурге матрос Балтийского флота Василий Ватажников. Он был осужден в 1907 году военно-морским судом Кронштадтского порта по делу 39 матросов с крейсера «Рында», обвиненных в попытке восстания 30 июня 1906 г.⁴ В Вологодском центре за «неповиновение» он был выпорот розгами и сидел в темном карцере. В карцерах он часто сидел и в Шлиссельбурге.

В массе матросов и солдат в Шлиссельбурге выделялся матрос Гвардейского экипажа Алексей Архипов, приговоренный

к каторге по делу социал-демократической фракции II Государственной думы. До военной службы он работал на заводе в Москве, где примкнул к социал-демократам — большевикам. В 1904 году его призвали во флот и за высокий рост определили в Гвардейский экипаж. В то время там уже имелась социал-демократическая организация. Архипов включился в революционную пропаганду, распространял в экипаже нелегальную литературу. Он участвовал в собраниях Петербургской большевистской военной организации. В 1907 году помогал составлять наказ «нижних чинов» Петербургского гарнизона социал-демократической фракции II Государственной думы и входил в делегацию солдат, явившуюся 5 мая 1907 г. для вручения наказа в помещение социал-демократической фракции¹. История с подачей наказа описана нами в параграфе о процессах Петербургской военной организации. Алексей Архипов выдержал суровый режим Шлиссельбургского, Владимирского и Ярославского централов и в 1911 году был водворен на поселение в Иркутскую губернию. Однако здесь он попал под влияние эсеров, вступил в их боевую дружину, был арестован и Иркутским военно-окружным судом приговорен еще к 6 годам каторги, которую отбывал в Александровском центре.

В годы столыпинской реакции и нового революционного подъема царское правительство водворяло в Шлиссельбург отдельных матросов, особенно опасных с его точки зрения. Так, с 1910 года в Шлиссельбурге отбывал 10-летний срок матрос Муратов, осужденный за то, что, придя в казарму, разрубил икону и обругал царя. Сюда же был переведен из Бобруйского дисциплинарного батальона матрос Калашников, приговоренный за восстание в батальоне к смертной казни. Вместе с другими арестованными он бежал, был пойман, вновь осужден и приговорен к 20 годам каторги². Здесь же отбывал 4-летний срок каторги матрос Белов, осужденный за революционную пропаганду во время заграничного плавания в 1912 году³.

* * *

О солдатах — узниках Шлиссельбурга — мы располагаем еще более скудными данными, чем о матросах. Из 49 известных нам солдат — каторжан Шлиссельбурга — 23 человека являлись участниками военных восстаний и членами военно-революционных

¹ ЦГАВМФ, ф. 766, д. 169, 1904—1906, лл. 34—346.

² ЦГАОР, ф. 619, оп. 1, д. 2750, л. 2.

³ ЦГАВМФ, ф. 766, д. 169, 1905—1906, л. 383; Ленинградский партийный архив, ф. И-1, д. 280, л. 36.

⁴ Там же, л. 467.

¹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 779, 1907, л. 13.

² Ленинградский партийный архив, ф. И-1, д. 280, л. 17.

³ Там же, л. 4.

организаций периода первой революции, а 26 были осуждены за «преступления», совершенные в 1908—1915 годах. Сюда входили 15 солдат — участников восстания саперов 1912 года и солдаты, осужденные за побег с военной службы или отказ от нее и за «оскорбление» офицеров. Два солдата осуждены в этот период за принадлежность к революционным организациям.

В числе 23 солдат — участников революции 1905—1907 годов — преобладали большевики или примыкавшие к ним. Это были главным образом члены Петербургской и Финляндской военных организаций большевиков. Многие из них не были новичками в революционной работе.

§ 21. УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГА — БОЛЬШЕВИКИ

Борьба с общим врагом — царизмом и его тюремщиками — сближала и объединяла политкаторжан. Но вместе с тем состав «тюремного населения» Шлиссельбурга, как и других царских тюрем тех лет, отличался большой пестротой политических взглядов и настроений. Это и понятно. Революция 1905—1907 годов всколыхнула и подняла к политической жизни самые широкие слои народа. В эти годы наряду с большевиками — закаленными пролетариями — участниками революции стали люди, недостаточно искушенные в политике, новички-революционеры с еще неустоявшимися политическими взглядами. Были и временные попутчики пролетариата, захваченные революционной волной, а после ее спада потерявшие веру в революцию.

Среди заключенных — рабочих, матросов и солдат преобладало влияние большевиков. Здесь было немало членов большевистской партии, главным образом участников боевых и военных организаций. Многие крестьяне — участники аграрных волнений попали под влияние эсеров. В среде интеллигентов, кроме большевиков — профессиональных революционеров, были также анархисты, эсеры, меньшевики. Они выступали против царского самодержавия, но их теория и тактика были чужды революционному марксизму и объективно приносили вред развитию революции и политическому воспитанию масс.

Большевистская партия могла гордиться своими представителями в стенах «русской Бастилии». Несмотря на поражение революции 1905 года, большевики приходили в Шлиссельбург, как и в другие тюрьмы, с твердой верой в грядущую победу пролетариата. Тюрьму они считали временным препятствием на пути революционной борьбы. Кровно связанные с революционным авангардом народа — пролетариатом, большевики черпали в нем силу и энергию. «Погодите, снова придет пятый год!» —

говорили на воле рабочие вновь распоясавшимся капиталистам. «Не торжествуйте, революция повторится и сметет вас», — смело бросали в лицо тюремщикам большевики. Своей верой в неизбежность новой народной революции, в неминуемость свержения царизма, помещиков и капиталистов большевики воодушевляли массу политкаторжан.

В годы реакции большевики вели в тюрьме идейную борьбу с теми, кто после поражения революции отрекся от нее, не верил в возможность нового революционного подъема. Большевики доказывали, что понесенные жертвы не напрасны, царизм надломлен, его устои расшатаны, что революция дала богатейший опыт рабочим и крестьянам, который надо изучать, извлекая уроки для новой революции.

Упадочные настроения были особенно распространены в среде меньшевиков и эсеров. Дискуссии и ожесточенные споры нередко продолжались по нескольку дней и недель в общих камерах, на прогулках, заочно путем переписки. В этих спорах большевики отстаивали революционный марксизм, закалялись идейно, завоевывали новых сторонников большевистской партии.

В воспоминаниях бывших политкаторжан отмечается идейная сплоченность большевиков. «Только большевики, — писал В. Гончаров, — имели без сговора между собой единую линию, тогда как все остальные «партии» не могли похвалиться своей сплоченностью в масштабе каторжной тюрьмы»¹.

Весь тюремный режим Шлиссельбурга был рассчитан на то, чтобы скорее подкосить здоровье заключенных, сделать их абсолютно неспособными к сопротивлению, к дальнейшей борьбе.

Вот почему наряду с идейной очень важна была и физическая закалка политкаторжан. Большевики стали инициаторами борьбы за поддержку здоровья заключенных. В камерах начали заниматься гимнастикой, обтиранием, обливанием холодной водой и т. д.

Большевики были душой «коммун», которые организовывались в общих камерах. Коммуны спланировали заключенных, помогали поддерживать физически слабых товарищей, становились боевыми организациями в борьбе с тюремной администрацией. «Физически оторванные от всего мира, — писал большевик Д. А. Трилиссер, — закованные по рукам и ногам, мы стремились создать свой особый духовный мир, свою общественную жизнь, которая так много помогла в борьбе с тюремной администрацией, с упадочным настроением, с преодолением нудносерых дней, похожих один на другой, и это изо дня в день, в течение ряда лет»².

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 267, лл. 18, 20.

² ГАОРСС АО, ф. 507, оп. 1, д. 11, л. 7.

Администрация всячески препятствовала сплочению заключенных, особенно опасаясь влияния большевиков. Тюремщики переводили заключенных из корпуса в корпус, старались не дать окрепнуть коммуна.

Нет возможности перечислить всех большевиков, заточенных царизмом в Шлиссельбургскую крепость за 10 лет (1907—1917 гг.). Здесь побывали и видные деятели партии и многие рядовые члены ее — активные участники первой русской революции и подпольной работы в период первой империалистической войны. Среди них были выдающийся деятель большевистской партии и Советского государства Г. К. Орджоникидзе; член партии с 1896 года, профессиональный революционер впоследствии видный советский общественный и научный деятель Ф. Н. Петров; один из пионеров марксизма в Иваново-Вознесенской губернии, а впоследствии видный боевик партии Р. М. Семенчиков; участник революционного движения с конца XIX века, соратник В. И. Ленина в борьбе за создание большевистской партии, один из организаторов военной работы большевистской партии в годы первой революции И. Х. Лалаянц; видные партийные работники, профессиональные революционеры братья М. А. и Д. А. Трилиссы; один из организаторов Советской власти в Карелии П. Ф. Анохин; участники военной и боевой работы партии Р. К. Ауре, В. К. Воробьев, И. К. Гамбург, Э. П. Детлов, Л. Звирбулис, Н. Н. Ильин, В. Я. Ильмас, В. И. Калашников, А. Краузе, В. И. Клименко-Чекмарев, М. П. Локацков, П. И. Мардалейшвили, В. Н. Мещеряков, А. А. Нейман, А. Н. Николаев, Я. К. Пауль, В. Д. Румянцев, Л. Н. Рубинштейн, В. Н. Селицкий, К. С. Скранда, В. А. Соколов, Н. Т. Тимофеев, Ф. А. Шавишвили, Я. М. Штейн; активный участник революционного движения на Украине И. С. Имханицкий и многие другие.

К сожалению, мы располагаем очень скудными архивными и мемуарными материалами о шлиссельбургском периоде жизни перечисленных и не перечисленных здесь большевиков. Одни из них скончались много лет назад, не успев написать свои воспоминания, другие стали жертвами произвола в период культа личности Сталина, третьи и не задавались целью писать воспоминания, у четвертых память сохранила очень немного. Из политических узников Шлиссельбурга — борцов с царизмом — в настоящее время здравствуют всего лишь несколько человек¹.

¹ Ф. Н. Петров, И. К. Гамбург, В. Я. Ильмас, Ф. А. Шавишвили, Г. М. Муравин, А. К. Кукобин, И. С. Мельников, И. А. Емельянов, В. В. Колосовский, И. Я. Сорокин, Б. М. Бруммер.

Нам удалось собрать материал только о части большевиков — узников Шлиссельбургской временной каторжной тюрьмы.

Более 10 лет провел на каторге В. И. Клименко-Чекмарев — член РСДРП с 1901 года, по профессии рабочий-столяр. Кроме Смоленска и Шлиссельбурга, он побывал в самых мрачных каторжных тюрьмах Сибири — Акатуе, Кутомаре и Горном Зерентуе.

С 1901 года Клименко-Чекмарев — «искровец», затем большевик, энергичный и умелый организатор партийной работы в Твери, Петербурге, Екатеринославе, Одессе. Эмигрировав в Швейцарию, он работал там под руководством В. И. Ленина в экспедиционном бюро при газете «Пролетарий». В конце октября 1905 года заграничный центр ЦК РСДРП направляет Клименко-Чекмарева через Румынию в Севастополь для подготовки вооруженного восстания на Черноморском флоте. Он ведет революционную пропаганду среди матросов, солдат и рабочих порта. А когда в Севастополе вспыхивает восстание, принимает участие в руководстве повстанцами. Схваченный карателями, Клименко-Чекмарев был приговорен судом к 15 годам каторги.

В Шлиссельбурге Клименко-Чекмарев упорно учился, воевал с тюремщиками. В первые же дни Октябрьской революции он стал членом Военно-революционного комитета на Невьянских заводах¹.

В 1907 году из Смоленского централа прибыл в Шлиссельбург на «исправление» Михаил Абрамович Трилиссер — член большевистской партии с 1901 года. В 18 лет Трилиссер стал профессиональным революционером. Он был членом Астраханского, Казанского и Петербургского комитетов РСДРП, организовывал революционную работу среди солдат и матросов. Весной 1906 года партия направила М. А. Трилисера в Финляндию, где в это время началась подготовка крупного вооруженного восстания. Он руководил военной организацией большевиков и ее нелегальной газетой «Вестник казармы», возглавлял военно-боевой центр по подготовке восстания, а затем, когда в Свеаборге внезапно вспыхнуло вооруженное восстание солдат и матросов, руководил боевыми действиями повстанцев.

В ноябре 1906 года, на первой конференции военных и боевых организаций большевистской партии, Трилиссер под фамилией Мурского выступил с докладами о деятельности Финляндской военной организации большевиков и о Свеаборг-

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 873; ЦГАОР, ф. 619, оп. 1, д. 1336, лл. 1—7.

ском восстании. Конференция избрала его председателем временного бюро военных и боевых организаций. В августе 1907 года М. А. Трилисера и его брата Д. А. Трилисера, Л. П. Воробьева и некоторых других членов Финляндской военной организации выдал пробравшийся в ее ряды провокатор.

В сентябре 1909 года М. А. Трилисер был приговорен Петербургским окружным судом к 8 годам каторжных работ. В Шлиссельбурге он находился в числе «бунтарей» — инициаторов коллективных протестов против произвола администрации. За это часто попадал в карцер. Круглый год Трилисер ходил без шапки, чтобы не снимать ее перед тюремщиками.

В годы империалистической войны вплоть до Февральской революции Трилисер был в ссылке в селе Малышевке Иркутской губернии. После октября 1917 года и до 1921 года он работал в Сибири членом обкома Амурской области и редактором областной газеты. С 1921 года М. А. Трилисер работает в Москве в ЦК партии, затем заместителем председателя ВЧК ОГПУ, заместителем наркома РКИ, членом Центральной контрольной комиссии. С 1935 года он был членом Секретариата Исполкома Коминтерна. Его жизнь, полностью отданная большевистской партии, трагически оборвалась в 1939 году в результате произвола в период культа личности Сталина.

Д. А. Трилисер вступил в большевистскую партию в 1902 году. Пять лет пробыл он в Шлиссельбурге, являясь членом большевистской «фракции» и активным протестантом. После Октябрьской революции Д. А. Трилисер был секретарем Петроградского губисполкома, а затем находился на партийно-хозяйственной работе. Он возглавлял Шлиссельбургское землячество в Ленинградском отделении Общества политкаторжан.

Из числа солдат-большевиков необходимо назвать имя Михаила Павловича Локацкого, осужденного по делу Выборгской военной организации. Наследственный пролетарий, он с 10 лет работал на Миньярском заводе Златоустовского округа учеником, а затем токарем по металлу. В 1905 году вступил в большевистскую организацию РСДРП в Миньяре. Как пишет сам М. Локацкий, «в партийных кружках он получил первые элементарные понятия о задачах партии, о классовой борьбе»¹.

В 1906 году Локацкий был взят на военную службу и направлен в Выборгскую крепостную артиллерию. Здесь он включается в партийную работу и вскоре становится организатором и пропагандистом в своем батальоне. В работу вносит боль-

шую энергию и боевой дух, который он воспринял у уральских большевиков. В феврале 1906 года Локацкого арестовали за связь с Миньярской организацией РСДРП. Однако через полтора месяца выпустили: улики для суда оказались недостаточны. Локацкий продолжает революционную работу. Новый арест, на этот раз прямо на солдатской массовке. После трех месяцев заключения его в числе 16 революционных солдат отправили в «неотделимый учебный батальон при 85-м пехотном полку» в село Трубиchino Новгородской губернии. Батальон представлял собой, по существу, тюрьму.

Во время пребывания Локацкого в «учебном» батальоне в Выборгской крепостной артиллерии открылось существование военно-революционной организации, в которой он состоял. В июле 1908 года военно-окружной суд приговорил Локацкого к 6 годам каторжных работ (судебный процесс по этому делу нами описан выше).

Шлиссельбуржец, года полтора ходивший вместе с Локацковым на прогулку, характеризует его в своих воспоминаниях как последовательного и стойкого большевика, не уступавшего ни на йоту эсерам и меньшевикам и выходявшего победителем в спорах. Тюремный режим и особенно карцер сильно отразились на Локацкове, он стал больным человеком. Но несмотря на болезни и сильную истощенность, он не терял в тюрьме даром время: усиленно занимался самообразованием в области теории марксизма, политэкономии и общеобразовательных предметов¹.

В 1914 году Локацкий кончил срок каторги и был сослан в село Манзурку Иркутской губернии. В ссылке он продолжал партийную работу. Участвовал в Февральской и Октябрьской революциях, был красногвардейцем, а после установления Советской власти находился на ответственных постах партийной и государственной работы. С 1926 года по день смерти М. П. Локацкий был членом ЦКК и работал в аппарате Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР². Умер он в 1928 году. Находясь на ответственных партийных и советских постах, М. П. Локацкий с успехом использовал партийный опыт, знания и революционную закалку, полученные им в борьбе с царизмом не только на воле, но также в Шлиссельбургской тюрьме и в ссылке.

Большевиком пришел в Шлиссельбург солдат Яков Наумов, происходивший из крестьян Вятской губернии. Находясь на

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 124, д. 2166, л. 5.

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 267, лл. 22—23.

² ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 124, д. 2166, лл. 5—6.

военной службе в 178-м Венденском пехотном полку в Либаве, он втянулся в революционную работу и стал членом большевистской военной организации. Прочитывал все нелегальные брошюры, попадавшие ему в руки. Много нужного для революционного солдата он почерпнул из большевистской военной газеты «Казарма». Осужденный на 8 лет каторги по процессу Либавской военной организации, он пришел в 1908 году в Шлиссельбург уже хорошо подкованным политически. Анархисты и эсеры, с которыми Наумов сталкивался на прогулочной дорожке, не могли одолеть его в полемике¹.

Иосиф Карлович Гамбург 17-летним юношей вступил в ряды большевистской партии и выполнял опасные поручения. В 1906 году он возглавлял Либавскую военную организацию и редактировал нелегальную газету «Солдат». В ноябре 1906 года участвовал в первой конференции военных и боевых организаций в Таммерфорсе. В марте 1907 года он был арестован на нелегальном солдатском митинге и осужден по процессу Либавской большевистской военной организации.

6 лет каторжных работ Гамбург отбывал в Смоленске, Пскове и Шлиссельбурге. Переводы из тюрьмы в тюрьму мотивировались его «плохим поведением». За протесты против режима часто сидел в карцерах. В Шлиссельбурге Гамбург был заключен со строгой изоляцией в одиночке третьего корпуса. Однако путем перестукивания ему удалось познакомиться с соседями и даже вести беседы.

Подружившись в сибирской ссылке с М. В. Фрунзе, И. К. Гамбург с тех пор работал рука об руку с ним. Он был заместителем Фрунзе в городской милиции Минска в 1917 году, ответственным секретарем Иваново-Вознесенского губисполкома в 1918 году, начальником снабжения 4-й Армии войск Южного фронта в 1919—1920 годах.

В период мирного строительства партия поручает И. К. Гамбургу ответственные посты в военном ведомстве и в органах ВСНХ СССР. В годы Великой Отечественной войны И. К. Гамбург пошел добровольцем в Советскую Армию и служил в ее рядах до 1946 года. В послевоенные годы он работал заместителем директора издательства Большой Советской Энциклопедии, а затем заместителем директора Всесоюзной государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Большевик с 1904 года Иван Софронович Имханицкий провел в Шлиссельбурге 10 лет. Слесарь по профессии, он

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 264, л. 24, ЦГВИА, ф. 9, (Л.), 5-е отделение, д. 4/22, 1908, л. 256.

с 1902 года активно участвовал в революционном движении на Украине. В 1907 году за участие в вооруженном выступлении был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой¹. В Шлиссельбурге Имханицкого все годы держали в одиночке с кандалами на ногах и руках. Несмотря на тяжелую болезнь, он занимался самообразованием. За протесты его не раз жестоко избивали.

В годы гражданской войны Имханицкий по поручению партии вел подпольную работу в тылу белогвардейских армий Деникина и Врангеля, не раз подвергаясь смертельной опасности. Только приход советских войск в Крым спас его от врангелевских палачей.

Среди узников-большевиков значительную группу составляли латышские большевики.

С 1910 по 1912 год в Шлиссельбурге находился Людвиг Звирбулис (Скабайс) — член ЛСДРП с 1903 года, один из организаторов революционного движения в Тукуме и Риге. В 1908 году Временным военным судом в Риге он был осужден на 12 лет каторги за участие в работе подпольной типографии². По отзыву газеты «Циня», это был один из самых твердых и самых любимых массами партийных руководителей. «Людвиг Звирбулис, — писала «Циня», — был революционный социал-демократ с несокрушимой убежденностью и верой в борьбу. Он был всегда готов пожертвовать собой ради товарищей, у которых всегда завоевывал дружбу и доверие»³.

В общей камере крепости Людвиг Звирбулис организовал коммуны политзаключенных и кружок самообразования. Будучи смертельно болен туберкулезом, он не прекращал борьбы, вместе с товарищами участвовал в протестах, переносил один карцер за другим. Обладая мягким характером, Звирбулис был в то же время несокрушимым бойцом, таким он остался до последних минут своей жизни. В его предсмертном письме — письме прощания с жизнью — были слова: «Жить — это значит побеждать». Людвиг Звирбулис скончался в апреле 1912 года. В некрологе газета «Циня» писала: «Пролетариат России победит, если в его рядах будут такие борцы»⁴.

Ян Карлович Пауль, член ЛСДРП с 1904 года, отбывал в Шлиссельбурге четырехлетний срок каторжных работ с марта

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 124, оп. 1, д. 873; ЦГАОР, д. 619, оп. 1, д. 1336, лл. 1—7.

² См. «Книга памяти павших борцов революции» (на латышском языке), т. 2, 1907—1917, изд-во «Прометей», 1936, стр. 164.

³ «Циня» № 124 за 1912 г.

⁴ Там же.

1908 по 1911 год за участие в вооруженном восстании и в работе революционного комитета в Рижском уезде¹. В тюрьме он неоднократно участвовал в коллективных протестах. В начале 1909 года Пауля и его товарищей (всего 50 человек) посадили на 30 суток в карцер за отказ здороваться по форме с тюремной администрацией, то есть «здравия желаем, Ваше благородие»². За участие в протестах его перевели в одиночную камеру третьего корпуса. В своих воспоминаниях Я. К. Пауль писал о том, что в крепости он вместе с товарищами продолжал заниматься самообразованием: усердно учил языки, математику, много читал³. В 1911 году Пауля отправили в ссылку в Иркутскую губернию. После Октябрьской революции он работал в качестве комиссара на водном транспорте в Сибири.

За стенами Шлиссельбурга находились многие участники революционного движения в Закавказье и на Кавказе, среди которых были большевики.

«Для них всех, — вспоминает В. Симонович, — Шлиссельбургский остров по климатическим условиям был погребелью. Нельзя описать все те муки и страдания, которые перенесли в этой тюрьме кавказцы». Только утонченной мстостью правительства можно «объяснить отправку кавказцев в холодный, сырой Шлиссельбург»⁴.

Не удивительно, что в крепости наибольшая смертность была среди заключенных-кавказцев. «Они так быстро таяли, — продолжает Симонович, — что многих мы не успевали даже увидеть, как следует разглядеть и узнать. Можно с уверенностью сказать, что в Шлиссельбурге их погибло не менее девяноста процентов»⁵.

Царские власти отлично это знали и тем не менее ежегодно направляли в Шлиссельбург новые и новые партии политкаторжан с Кавказа и Закавказья.

«Нам было намного труднее других переносить климат Ладоги в сырых казематах Шлиссельбурга, — вспоминает старый большевик Ф. А. Шавишвили, — но теплое отношение к нам сокамерников, товарищей по борьбе, их трогательная забота о здоровье южан помогали нам держаться, а некоторым — помогли дожидаться светлого дня освобождения».

¹ Партархив ЦК КП Латвии, ф. 36, оп. 5, д. 167, л. 16, д. 203, л. 42.

² ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 124, д. 1864, л. 7.

³ Партийный архив ЦК КП Латвии, ф. 36, оп. 5, д. 203, лл. 44, 48—49.

⁴ В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 38.

⁵ Там же, стр. 38—39.

Во время первой мировой войны в Шлиссельбург был заключен Павел Иосифович Мардалейшвили — член большевистской партии с 1904 года. По заданиям партии он вел революционную работу в Чинатурах среди крестьян. В Тифлисе в 1906—1907 годах Мардалейшвили был членом боевой группы, руководимой Камо. В последующие годы продолжал подпольную работу. В 1914 году за попытку освободить из тюрьмы политзаключенных Мардалейшвили приговорили к бессрочным каторжным работам.

Вернувшись в 1917 году в Грузию, П. И. Мардалейшвили работал военным инструктором Тифлиссского комитета РСДРП(б), снабжал оружием боевую группу большевиков, неустанно боролся против меньшевистского правительства.

Летом 1920 года он был арестован меньшевиками и брошен в тюрьму. 10 марта 1921 г., когда Красная Армия уже подходила к Тифлису, меньшевики подвергли Мардалейшвили и его боевого товарища большевика И. В. Иванова зверским пыткам. Затем их вывели тайком в лес на расстрел. Раненных несколькими пулями, но еще живых большевиков палачи связали, обложили хворостом, облили керосином и сожгли. Два обуглившихся трупа были найдены в лесу спустя несколько дней, когда над Грузией уже развевалось красное знамя.

П. И. Мардалейшвили посмертно награжден орденом Красного Знамени Грузии. Его имя носят улицы в Тбилиси и Кутаиси.

Почти одновременно с П. И. Мардалейшвили в Шлиссельбург был переведен из Харьковской каторжной тюрьмы его земляк Федор Амбакович Шавишвили, участник революционного движения в Грузии и на Кубани с 1904 года. Будучи наборщиком, Ф. А. Шавишвили в 1906 году по заданию большевистской организации участвовал в создании подпольной типографии в Армавире, печатал в ней большевистские листовки, программу РСДРП и другую революционную литературу. Одновременно входил в боевую дружину, добывал оружие, участвовал в вооруженных столкновениях с черносотенными бандитами и в крупных террористических актах.

Арестованный в 1907 году, Шавишвили три года находился в следственной тюрьме. В 1910 году был приговорен к 15 годам каторги. В тюрьме использовал малейшую возможность для учебы. «Попав в тюрьму, мы, рабочие юноши, — вспоминает Ф. А. Шавишвили, — за отдельными исключениями, жадно взялись за самообразование, и тюрьма для нас оказалась своеобразным университетом.

Когда меня арестовали, мне не было и 18 лет.

Невзирая на жестокий тюремный режим, я взялся за изучение русского языка, которым владел плохо, русской и иностранной литературы, с которыми вовсе не был знаком. Изучил историю России, древнего мира, средневековья, буржуазной эпохи, историю революционного движения. Хорошо изучил программы политических партий и в итоге стал грамотным марксистом».

Ф. А. Шавишвили освободила из крепости Февральская революция 1917 года. Он сразу же стал одним из организаторов и руководителей боевой дружины на пороховых заводах. После Октябрьской революции Ф. А. Шавишвили в течение многих лет находился на ответственной работе в партийных органах и органах юстиции. Как активный участник первой русской революции Шавишвили награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В числе других имен узников Шлиссельбурга — большевиков привлекает внимание имя Романа Матвеевича Семенчикова — революционера, вышедшего из самой глубины народных масс. Юношей он включился в дело революции и отдал ему всю свою жизнь. Его светлую память и поныне особенно чтут ивановские текстильщики, среди которых он начал свою революционную деятельность, и трудящиеся Риги, где он руководил военно-боевой организацией рижских большевиков в 1905 году.

Роман Матвеевич Семенчиков родился в 1877 году в крестьянской семье. Он рано начал свой трудовой путь, на первых порах «в людях», а затем рабочим ситценабивной фабрики в селе Кохме. Здесь он встал в ряды борцов за освобождение рабочего класса. Роман Семенчиков вел агитацию среди рабочих, активно участвовал в работе тайного рабочего союза. С 1898 года он в Иваново-Вознесенске продолжает революционную работу. В этом же году — первый арест и заключение в тюрьму. Затем четырехгодичная военная служба, закалившая волю и решимость посвятить свою жизнь делу революции.

По возвращении с военной службы Р. М. Семенчиков становится профессиональным революционером. В июне 1904 года во время рабочей массовки в лесу близ Иваново-Вознесенска Семенчиков был схвачен налетевшими казаками, жестоко избит и брошен в тюрьму. Находясь в Шуйской, а затем в Ковровской тюрьме, он занимается самообразованием, пишет дневник. Он стремится стать образованным марксистом, чтобы нести в рабочую среду идеи марксизма и сознательно бороться за их торжество.

В декабре 1904 года Р. М. Семенчикова выпускают до приговора из тюрьмы под надзор. Через некоторое время он бежит из Иваново-Вознесенска и полностью переходит на положение нелегального революционера. С февраля 1905 года Семенчиков — в Петербурге, а затем — в Риге, где сразу же включается в работу большевистской фракции РСДРП. С тех пор он уже не Семенчиков, а Степан Иванович Захаров с партийной кличкой «Марк». Р. М. Семенчиков по заданию Рижской организации РСДРП организует рабочие дружины на предприятиях Риги, добывает оружие, обучает рабочих владеть им. В мае 1905 года Степана Захарова — Семенчикова арестовывают и заключают в Рижскую центральную тюрьму. В тюрьме он пробыл до амнистии по манифесту 17 октября.

Очутившись на свободе, Степан Захаров вновь отдался боевой работе. Рижский большевистский комитет РСДРП назначил его руководителем военно-боевого отдела Комитета. Он организует в Риге боевую дружину РСДРП и становится ее первым начальником. Благодаря своей смелости, таланту организатора и агитатора Семенчиков завоевал огромный авторитет среди латышских и русских рабочих в Риге.

Одним из работников рижской большевистской организации В. Колышкевич в своих воспоминаниях о Р. Семенчикове писал: «За свою пятилетнюю подпольную работу в Риге я видел деятелей разного масштаба. Однако ни одному из них не удавалось достичь такой популярности, какую завоевал Марк среди рабочих Московского района Риги... Он был исключительно простым и отзывчивым. В нем не было ни малейшего намека на какое-либо самомнение или сознательное подчеркивание своего организаторского веса и влияния. Его открытому, справедливому и благородному характеру были абсолютно чужды самовлюбленность и самомнение. К этому всему надо добавить его безграничную веру в победу рабочего класса и его безграничную, не знающую никаких преград, смелость»¹.

18 декабря 1905 г. Семенчиков — Захаров — вновь арестован на нелегальном собрании вместе с другими боевиками и приговорен к каторге.

Р. Семенчиков и его товарищи в декабре 1906 года начали отбывать каторгу в Смоленском каторжном центре. Сразу же по прибытии в Смоленск они включились в «голый бунт» смоленских каторжан, чтобы добиться изменения исключительно плохих условий для заключенных Смоленской тюрьмы. За это

¹ «Книга памяти павших борцов революции» (на латышском языке), т. 2. 1907—1917, изд-во «Прометей», 1936.

Семенчикова вместе с другими активными участниками бунта в январе 1907 года перевели в Шлиссельбург.

О пребывании Р. М. Семенчикова в Рижской центральной тюрьме и в Шлиссельбурге мы узнаем из надежного первоисточника — его писем, опубликованных А. Н. Рябининым в 1922 г. Читая тюремный дневник и письма Р. М. Семенчикова, ярко представляешь себе образ этого незаурядного человека.

Время в заключении Р. М. Семенчиков использует для самообразования, для углубленного изучения марксизма.

Перед нами дневник Р. М. Семенчикова, который он вел в Рижской центральной тюрьме. На первой странице эпиграфы. Первыми поставлены слова Маркса о том, что в революции, как и на войне, необходимо смело наступать. Той же мысли посвящен и второй эпиграф: «Революции могут только тогда рассчитывать на успех, когда они придерживаются решительного наступления»¹.

Наряду с описаниями условий заключения и тюремной жизни в дневнике много мыслей о революции, о ее будущем. И здесь видна уверенность в неодолимости освободительного движения. С победой реакции оно как будто остановилось. «Но природа не терпит остановок, — пишет Р. М. Семенчиков, — а потому и продолжаться так не может: ведь фабрики и заводы работают. Значит и капитализация и пролетаризация совершаются, стало быть, и рабочее движение, этот источник революции, пробуждается»².

Семенчиков знает — пощады ему не будет, но о смерти не хочет думать. В торжестве идеи он уверен: «Стало быть — все хорошо!». С радостью встречает в тюрьме день 1 Мая. Кругом поют «Марсельезу» и «Варшавянку» на русском и латышском языках, не обращая внимания на угрозы; то и дело слышатся крики «ура» и «браво», «ура за свободу, за народ, за социализм». Ах, какой у нас сегодня подъем духа, — сообщает он на волю, — потребуйся сейчас же идти на смерть, и мы пошли бы все до единого. Хорошо, славно, даже в предчувствии гроба чувствуешь себя захваченным могучей волной жизни»³.

Вместе с тем дневник и письма Р. М. Семенчикова полны гнева и ненависти к царским сатрапам, заливающим Россию кровью лучших сыновей и дочерей народа. Гневно, с уничтожающей иронией Р. М. Семенчиков описывает комедию следствия и суда над ним и его товарищами.

В письмах на волю Семенчиков живо откликается на политические события. В связи с разгоном Государственной думы он клеймит позором кадетов за «их ужимки перед кликой Трепова и К^о». Революция не окончена, пишет он, ибо ее задачи не разрешены. Установилось затишье перед бурей. События 1905 г. повторятся в больших размерах¹. Длительное господство реакции в России невозможно, читаем в другом письме, надо ждать новой, последней «трепки самодержавия».

Р. М. Семенчиков высказывается о необходимости готовиться в тюрьме к новым будущим схваткам с самодержавием. Надо «точить свое теоретическое оружие, сделать так, чтобы время заключения сыграло роль университетской подготовки для революционеров». «Здесь, — пишет Р. М. Семенчиков, — имеется полная возможность углубиться в социализм, как научную теорию, и проверить имеющимся практическим опытом, насколько эта теория соответствует действительности, то есть практическому применению к жизни»².

В Шлиссельбургской каторжной тюрьме Р. М. Семенчикова всячески притесняют и провоцируют на «бунт», чтобы получить повод для кровавой расправы с ним. Его переводят в худшую камеру, отнимают все книги и письменные принадлежности. Но он не сдается. «Пусть давят, — пишет он на волю товарищу, — черт бы побрал всех этих гг, насильников. Чем больше посеют, тем обильнее будет жатва...».

Сохранилось несколько писем Р. М. Семенчикова из Шлиссельбурга. Крепость с ее высокими и крепкими стенами произвела на него гнетущее впечатление. Семенчикова поместили в старую тюрьму, отличавшуюся особенно антигигиеническими условиями. В первом письме на волю 5 февраля 1907 г. он писал: «Вероятно, в Шлиссельбурге придется оставаться долго; не знаю, будет ли он для меня школой или могилой... Режим здесь очень суров. Да и сама тюрьма не навеивает радостных мыслей»³.

Однако это настроение держалось недолго. Вскоре он вновь начинает заниматься теорией: диалектикой, историческим материализмом, а также естественными науками. Его интересуют вопросы о происхождении и изменении видов, диалектический переход количества в качество. И мрачный Шлиссельбург и террор Столыпина не отняли у него веры в конечное торжество дела революции. Революционеров, павших от руки царизма, он

¹ А. Н. Рябинин, Материалы для биографии Р. М. Семенчикова, М., 1922, стр. 16.

² Там же, стр. 17.

³ См. там же, стр. 17, 36—37.

¹ См. А. Н. Рябинин, Материалы для биографии Р. М. Семенчикова, М., 1922, стр. 42.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 47.

называет вестниками будущего. «Пусть это будет не скоро (новая революция. — Ю. К.), что за беда — ведь все-таки будет. Этого утешения отнять у меня не в силах никто...» В следующем письме читаем: «Иногда чувствую такой подъем духа, что удивляюсь, как эти проклятые стены не упадут под его напором»¹.

Р. М. Семенчиков усиленно изучает исторический материализм, критически разбирает эмпириомонизм Богданова. В письме на волю просит прислать ему все вышедшие книги по философии. Из писем видно, что книги он получил и засел за их изучение. Сидя в одной камере с севастопольским матросом Симоненко, Семенчиков всячески помогал ему в самообразовании. Они подружились и часто коротали время в беседах.

Семенчиков участвует в партийных дискуссиях и спорах. Социал-демократам приходилось особенно много сражаться с анархистами. Теоретическая вооруженность и практический опыт позволяли Семенчикову каждый раз разбивать доводы анархистов, среди которых многие называли себя коммунистами. В спорах многие товарищи осознавали слабость своих теоретических познаний и с еще большим упорством садились за книги, доставляемые тайно с воли.

«Вся тюрьма превратилась в школу, — писал Р. М. Семенчиков 26 августа 1907 г., — хотя и не особенно хорошо обставленную»².

Действительно, в противовес стараниям тюремщиков подавить политзаключенных морально и физически, последние в стенах самой царской тюрьмы готовились к борьбе, к уничтожению режима, породившего эту тюрьму. Оглядываясь в письмо на прошедший год каторги, Р. М. Семенчиков замечает, что он дал ему очень многое для расширения умственного горизонта, несмотря на исключительно трудные, тяжелые условия. Он считает, что вырос за год в этом отношении не меньше, чем за предыдущие 10 лет. У него сильное желание дальше и дальше «учиться, учиться и учиться», пока есть возможности.

В конце 1908 и начале 1909 года Р. М. Семенчиков пережил глубокий душевный кризис. Здоровье ухудшилось, энергия уменьшилась, надежд на близкое освобождение никаких, измучила непрерывная борьба с администрацией в тюрьме. Возникло и терзало сомнение, — для чего жить и стоит ли жить в таких условиях. Однако сильный характер Семенчикова, воля револю-

ционера взяли верх. Товарищи помогли справиться с душевным кризисом. Он вновь интересуется политическими вопросами, посылает товарищам на волю свои суждения о диктатуре пролетариата и крестьянства. Возобновились занятия по геологии и другим наукам.

В Шлиссельбурге Р. М. Семенчиков провел три с половиной года. Летом 1909 года он был отправлен в Алгачинскую каторжную тюрьму в Сибири, откуда через год был переведен в Горный Зерентуй.

Условия Алгачинской каторги, куда он попал, были еще более тяжелыми. «Много я видел тюрем, — сообщил оттуда Семенчиков, — но такой отвратительной, как алгачинская, еще не встречал. Процент смертности здесь чрезвычайно высок: за 5 месяцев умерло 34 человека. Врач бывает здесь не каждый месяц, да и он не заслуживает своего названия: он груб, циничен, осматривает невнимательно. На просьбу больного о расковке отвечает: «Перед смертью расковываю и еще тогда, когда ноги покрыты ранами, а ревматизм хорошо лечить кандалами». Если заключенный обратится к врачу 2—3 раза, то врач сажает его в карцер»¹.

Р. М. Семенчиков настойчиво стремился обеспечить себе и товарищам хоть сколько-нибудь сносные условия существования, однако это удавалось плохо. Здоровье его становилось все хуже. Приблизительно через день, писал он, я болен так, что валяюсь под нарами... Больному приходится оставаться там же, где и здоровому. Теснота². Однако интерес к жизни не пропадал. Он просит товарищей на воле присылать ему больше книг, по-прежнему интересуется естественными науками, много читает.

В ноябре 1910 года в Горном Зерентуе произошел крупный протест группы политических заключенных против убийственных условий каторги. После двукратной голодовки в знак протеста против невыносимых условий Р. М. Семенчиков, истощенный каторжным режимом, заболел тифом, а после выздоровления внезапно скончался 13 апреля 1911 г. от паралича сердца³.

«Мне нужна жизнь-подвиг», — записал Р. М. Семенчиков в своем дневнике. Жизнь его действительно была подвигом в борьбе за дело рабочего класса.

¹ А. Н. Рябинин, Материалы для биографии Р. М. Семенчикова, М., 1922, стр. 59.

² См. там же.

³ См. «Книга памяти павших борцов революции» (на латышском языке), т. 2, 1907—1917, изд-во «Прометей», 1936, стр. 288.

¹ А. Н. Рябинин, Материалы для биографии Р. М. Семенчикова, М., 1922, стр. 48, 49.

² Там же, стр. 51.

Большим авторитетом среди политзаключенных Шлиссельбурга пользовался большевик Федор Николаевич Петров, осужденный по делу варшавской военно-революционной социал-демократической организации¹.

Бывшие политкаторжане в своих воспоминаниях называют его «неутомимым протестантом Шлиссельбурга». В товарищах по заключению Ф. Н. Петров неизменно вызывал чувство глубокого уважения своею стойкостью революционного борца и в повседневной жизни каторжной тюрьмы.

Ф. Н. Петров родился в 1876 году в Москве в семье рабочего-слесаря. Уже в начале 90-х годов XIX века, юношей, он начал революционную деятельность в социал-демократических марксистских кружках. С 1903 года Ф. Н. Петров — на нелегальном положении. Работает под кличками «Борис», «Доктор» как организатор и пропагандист в военно-революционной организации в Варшаве и Лодзи.

В бурные годы первой русской революции Ф. Н. Петров — один из активных участников борьбы с царизмом. В 1905 году находится на нелегальной работе среди солдат как член военно-революционной организации. Одновременно ведет пропаганду среди рабочих киевского арсенала. В Киеве Ф. Н. Петров принял участие в восстании саперов 18 ноября 1905 г. Залпом войск, стрелявших по восставшим саперам и народу, он был сбит на землю, ранен двумя пулями в грудь. Только быстрая помощь товарищей, унесших и укрывших от розысков полиции тяжело раненого Петрова, спасла его на этот раз от суда. Из двух пуль, засевших в области груди, одна была вынута тогда же путем операции, вторая осталась до сих пор, так как хирургическое извлечение ее было признано невозможным.

Ф. Н. Петрову удалось тогда скрыться от царских ищеек. По выздоровлении он едет в Варшаву, где вновь включается в работу военно-революционной организации Варшавского военного округа, став ее ответственным организатором. Обвинительный акт по делу этой организации наиболее часто упоминает фамилию Ф. Н. Петрова, называя его роль в военно-революционной организации «первенствующей». Свидетели обвинения указывали при допросах на активность Петрова во время сходов на конспиративных собраниях, на его беседы с нижними чинами и на возможность получения от него нелегальной литературы «в любом количестве».

В создании и работе Варшавской военно-революционной организации деятельное участие принимал Феликс Эдмундович

Дзержинский, руководивший революционной борьбой пролетариата Польши и Литвы. Ф. Н. Петров вспоминает о своих частых встречах с Ф. Э. Дзержинским, входившим в Комитет военной организации в качестве представителя социал-демократов Польши и Литвы. Ф. Э. Дзержинский регулярно присутствовал на всех заседаниях Комитета, помогал решать текущие вопросы. От него Ф. Н. Петров получал деньги, которые Комитет социал-демократов Польши и Литвы выделял для военно-революционной организации.

15 апреля 1907 г. Ф. Н. Петров был арестован в Варшаве во время конференции социал-демократов Польши и Литвы.

После ареста Ф. Н. Петров был заключен в десятый павильон той самой александровской цитадели, которая была для Варшавы таким же местом заточения по делам о государственных преступлениях, каким Петропавловская крепость в Петербурге. В цитадели Ф. Н. Петров сидел более семи месяцев, находясь под следствием. В те дни каждую ночь уводили кого-нибудь на расстрел.

К сожалению, не удалось разыскать в архивах судебное дело Варшавского военно-окружного суда по обвинению Ф. Н. Петрова и его товарищей. Нам лишь известно, что на его долю выпало отбывать наиболее суровое наказание — семилетнюю каторгу в Шлиссельбургской крепости.

Закованного в кандалы Ф. Н. Петрова в 1908 году переслали в Шлиссельбург. В Шлиссельбургской каторжной тюрьме Федор Николаевич провел 7 лет и 3 месяца, из них 3 года — в кандалах «за плохое поведение». Под «плохим поведением» тюремное начальство подразумевало постоянную борьбу Ф. Н. Петрова за признание человеческих прав заключенного. «Он не позволял себя «тыкать», — пишет в своих воспоминаниях В. Симонович, — а требовал вежливого к себе обращения, отказывался снять шапку перед начальством, не желал отвечать на приветствие начальства — «здравия желаем, ваше высокоблагородие!»¹.

Тюремному начальству особенно не нравилось стремление Петрова находиться в общих камерах, где он обучал заключенных грамоте и революционной политике. Его пытались сломить прежде всего карцерами. За 7 лет Ф. Н. Петров просидел в карцерах 378 суток. Его лишали переписки с родными, права выписки продуктов и т. п. Но Ф. Н. Петров оставался стойким борцом, несмотря на свою болезнь. Он активно участвовал в политическом просвещении рабочих, солдат и матросов, сидев-

¹ См. § 11 настоящего тома.

¹ В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 32.

ших в тюрьме, изобретал новые и новые способы связи с товарищами по партии на воле, вел неистощимую войну с тюремным начальством.

В тюрьме Федор Николаевич не только учит других, но прежде всего много и упорно учится сам. Он штудировал философию, историю, естествознание. В стенах Шлиссельбурга окончательно сложилось его научное революционно-марксистское мировоззрение.

О деятельности Ф. Н. Петрова в Шлиссельбурге в области учебы и тюремной журналистики мы еще будем говорить в следующей главе.

По окончании семилетнего срока каторги Ф. Н. Петров был отправлен на вечное поселение в село Манзурку Иркутской губернии. В Манзурке Ф. Н. Петров отбывал ссылку вместе с М. В. Фрунзе, И. К. Гамбургом и другими большевиками. Вместе с ними он вновь арестовывался по делу Манзурской политической кассы взаимопомощи.

После Февральской революции Федор Николаевич работает врачом в г. Иркутске и активно участвует в работе Иркутской большевистской организации. С конца 1917 года он становится председателем Знаменской районной организации РСДРП(б) г. Иркутска.

В годы гражданской войны и интервенции Ф. Н. Петров участвовал в партизанских отрядах, боровшихся против Колчака, был членом Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), заместителем председателя Совета Министров Дальневосточной республики. С 1923 года он является крупным работником культурного фронта. Его перу принадлежат работы по вопросам истории науки и культурного строительства в СССР. За активное участие в революционном движении и многолетнюю научную и общественно-политическую деятельность Советское правительство наградило его тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

В июле 1961 года Ф. Н. Петрову в связи с 85-летием со дня рождения и за большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1910—1912 годах в Шлиссельбурге отбывал срок наказания социал-демократ П. Ф. Анохин, впоследствии один из организаторов Советской власти в Карелии. Петр Федорович Анохин родился в 1891 году в Петрозаводске, в семье рабочего Александровского завода. Шести лет остался без отца. В двенадцатилетнем возрасте поступил упаковщиком в губернскую типографию. Революционная волна 1905 года целиком захва-

тила молодого рабочего. Петр Анохин жадно читает нелегальную революционную литературу, участвует в собраниях, митингах и демонстрациях. Вскоре ему поручают распространение нелегальных листовок и брошюр. В 1908 году Петр Анохин становится членом Петрозаводской организации РСДРП и получает задание организовать политические кружки среди рабочих и учащейся молодежи города.

Полиции удалось разгромить городскую социал-демократическую организацию. Многие ее работники были отправлены в ссылку. Оставшиеся молодые социал-демократы не сумели восстановить организацию.

После разгрома организации Анохин не упал духом, не отошел от революционной борьбы. Но, не имея правильного руководства, встал на путь индивидуального террора. В августе 1909 года он совершил неудачное покушение на жандармского унтер-офицера, был арестован и предан Петербургскому военному окружному суду.

Анохин заявил, что действовал самостоятельно, с революционной организацией не был связан¹.

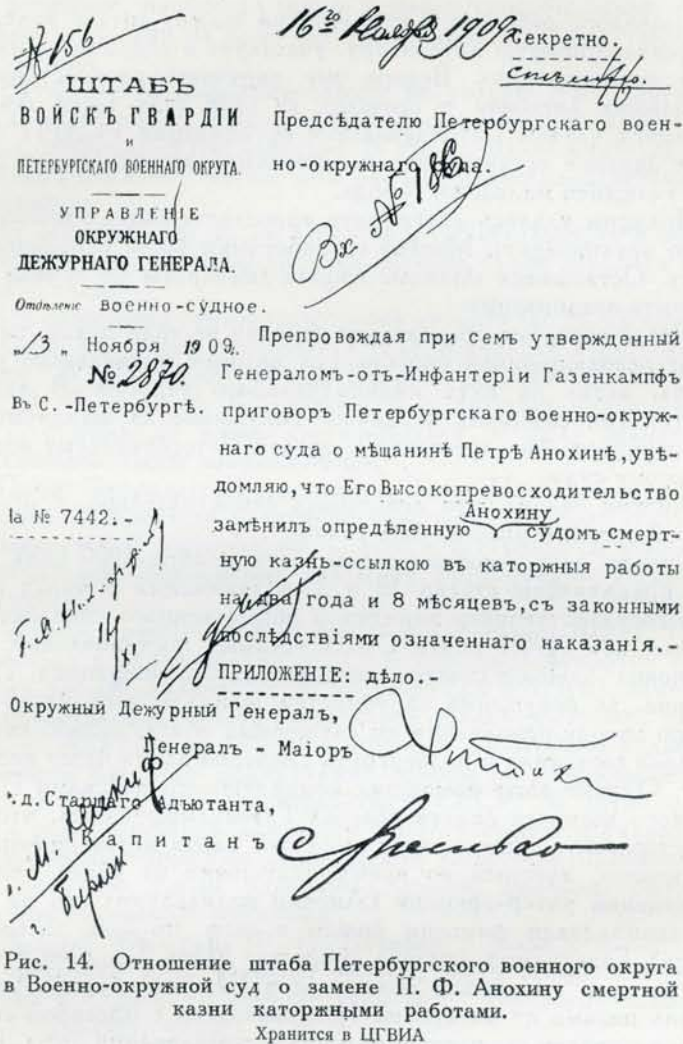
Суд по делу Анохина состоялся в ноябре 1909 года. Ему были предъявлены статьи 18 и 31 «Положения о мерах охранения государственного порядка и общественного спокойствия» и статья 279 XXII книги Свода военных постановлений. Суд постановил: «Подсудимого, петрозаводского мещанина Петра Анохина, за покушение на убийство жандармского унтер-офицера по поводу исполнения им служебных обязанностей, лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение»². Однако даже помощник командующего войсками Петербургского военного округа генерал Газенкамф нашел, что суд «перестарался», приговорив к смертной казни несовершеннолетнего юношу, который во время покушения не нанес никаких повреждений унтер-офицеру (Анохин подкараулил его на улице, ударил сзади финским ножом в шею, но нож застрял в одежде). Газенкамф заменил смертную казнь 2 годами 8 месяцами каторги³. Отбывая наказание в Шлиссельбурге, Анохин получил письмо от матери из Петрозаводска с просьбой согласиться на подачу ею прошения царю о помиловании сына. В ответе матери Анохин писал из Шлиссельбурга:

«Дорогая мама, письмо твое я получил. Ты имеешь в виду подать прошение о моем помиловании и просишь моего согласия. Я категорически против этого. Просить пощады у того,

¹ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 12, д. 221, 1910, л. 54.

² Там же, л. 33.

³ Там же.

против кого я боролся, не буду, и тебе не советую. Но если ты все же прошение подашь, то как бы я тебя ни любил, после этого не считай меня своим сыном. Но я уверен, что ты этого не сделаешь»¹.

¹ Х. Г. Дорошин, Большевик П. Ф. Анохин, Петрозаводск, 1957, стр. 15—16.

В 1912 году Петра Федоровича Анохина отправляют из Шлиссельбурга на поселение в Иркутскую губернию. Вернувшись в январе 1918 года в Петрозаводск закаленным тюрьмой и ссылкой большевиком, П. Ф. Анохин целиком отдается партийной и советской работе.

В апреле 1918 года трудящиеся избирают его председателем Олонецкого губисполкома. Анохин ведет беспощадную борьбу с врагами Советской власти, разоблачает козни и провокации меньшевиков и эсеров, добывается изгнания левозерских авантюристов и контрреволюционеров из органов Советской власти в Карелии. Он принимает самое активное участие в разгроме интервентов и белогвардейцев в Карелии в 1919 году.

«Всегда жизнерадостный и простой, но в то же время требовательный к себе и к другим, Петр Федорович был любимцем петрозаводских рабочих. Они называли его не иначе как «наш Анохин», произнося эти слова с гордостью. Большим авторитетом пользовался Петр Федорович у всех членов партийной организации. Он единогласно избирался делегатом на восьмой, девятый и десятый партийные съезды. На VIII Всероссийском съезде Советов Анохин был избран членом ВЦИК»¹.

В 1921 году Центральный Комитет партии командировал П. Ф. Анохина на Дальний Восток в качестве члена Дальневосточного бюро ЦК.

22 мая 1922 г. П. Ф. Анохин был зверски убит бандитами в окрестностях Читы.

Всю свою недолгую жизнь П. Ф. Анохин отдал делу освобождения рабочего класса. Юношей вступив на путь революционной борьбы, он прошел суровую школу подполья, каторги, ссылки, стал одним из руководителей большевиков и первых Советов в Карелии. Трудящиеся Карелии бережно хранят память о П. Ф. Анохине.

* * *

Среди политкаторжан, не являвшихся членами большевистской партии, было немало таких, на которых повседневное общение с большевиками в Шлиссельбургской временной каторжной тюрьме оказало большое влияние. Среди таких политических заключенных были сторонники анархизма, члены партии эсеров и др. Некоторые из них под влиянием большевиков уже в тюрьме отказались от своих ошибочных взглядов, по выходе

¹ Х. Г. Дорошин, Большевик П. Ф. Анохин, Петрозаводск, 1957, стр. 42.

из крепости стали под знамена большевистской партии и беззаветно сражались за власть Советов. К ним относились Б. П. Жадановский, В. О. Лихтенштадт, П. Ф. Виноградов и другие.

В опубликованных и неопубликованных рукописных воспоминаниях бывших узников Шлиссельбургской каторжной тюрьмы нет ни одной работы, в которой не упоминалось бы имя Бориса Петровича Жадановского. Его перевели в Шлиссельбург 11 января 1907 г. в качестве наказания за организацию «голового бунта» в Смоленской каторжной тюрьме и вывели в 1912 году из Шлиссельбурга в порядке наказания в Орловскую каторжную тюрьму за активное участие в протесте с требованием отмены телесных наказаний. Следует еще добавить, что все воспоминания, из-под чьего бы пера они ни выходили, говорят о нем с удивительной теплотой. Среди всех политических заключенных Жадановский был, пожалуй, наиболее любимым. Может быть несколько странно звучат слова «самый любимый» каторгою заключенный. Однако этот термин вполне правильный. У каторги, начиная с известных описаний Достоевского и Мельшина и кончая днями ее существования перед Февральской и Октябрьской революциями, были свои любимцы. По отношению к ним каторжное население проявляло особую сердечность и чуткость. В общении с ними даже язык становился каким-то другим, вместо грубых и жестких слов находились другие — осторожные и мягкие. Любимцем шлиссельбургских каторжан Жадановский был в течение всего времени пребывания в Шлиссельбурге, то есть пять с половиной лет. Известно, что в некоторых случаях не требуется особенно продолжительного времени для приобретения симпатий со стороны окружающих людей: они рождаются очень быстро, чуть ли не при первых встречах, а затем растут и крепнут. Жадановский был именно таким человеком, симпатии к которому не были кратковременными. Они сопровождали его с одной каторги (Смоленской) на вторую (Шлиссельбургскую), а со второй на третью (Орловскую). Собственная мягкость, подкрепленная готовностью к действию вплоть до самопожертвования, была самым притягательным качеством в этом человеке, начавшем свою жизнь революционера участием в восстании батальона саперов 18 ноября 1905 г. в Киеве и кончившем ее геройской смертью в бою с белогвардейцами в Ялте в 1918 году.

Жадановский был сыном офицера. Окончив Полтавский кадетский корпус, он поступил в Николаевское военно-инженерное училище в Петербурге. По окончании училища Жадановский был назначен в чине подпоручика в третью саперную бригаду

в г. Киеве. Он начал свое ознакомление с марксистской литературой еще в военно-инженерном училище. За время своего пребывания в Шлиссельбурге много занимался дальнейшим своим марксистским развитием.

Авторы воспоминаний о Шлиссельбурге согласно отмечают одну внешнюю особенность Жадановского. Он был очень маленького роста и выглядел совсем юным, чуть ли не четырнадцатилетним мальчуганом с ясными глазами, полными привлекательности. По внешнему виду он выглядел самым юным каторжанином в Шлиссельбурге. Но в этом маленьком человеке были великая сила духа, революционная стойкость, постоянная готовность идти в первом ряду при протестах, бесстрашие перед репрессиями, безграничное стремление прийти на помощь товарищам по заключению. «Мы всегда поражались, — писал старый большевик Д. А. Трилиссер, — откуда в этом маленьком хрупком теле такая сила воли, столько упорства, стойкости, выдержанности и смелости... Человек культурный, образованный, неплохой марксист, он форменным образом горел, все хотел знать, работал над собой, делился знаниями с другими»¹.

С полным основанием и очень удачно Градский называл этого маленького ростом каторжанина «гигантом Шлиссельбурга». Другой автор воспоминаний (Шарапа) о Жадановском рассказывал, что каторжане звали его вместо Бориса Петровича именем «Борис Петрович». Жадановский на это отвечал: «Я и так борюсь»². Заключенные, обращаясь к Жадановскому «Борис Петрович», тем самым отмечали постоянное состояние борьбы его с тюремной администрацией.

В воспоминаниях о пребывании Жадановского в Шлиссельбурге отмечалась его большая склонность не только к научным занятиям, но и к преподавательской деятельности. Свои небольшие деньги, получаемые с воли, он целиком тратил на учебники и учебные пособия. Он учил грамоте тех, кто не знал ее. Его учениками становились осужденные из крестьянской, рабочей и солдатской среды, а также осужденные за общеуголовные преступления. Преподавание грамоты переходило в политическую пропаганду, уголовные получали политическое воспитание и отрешались от уголовщины. Такой результат для царизма был совсем нежелательным: он предпочитал, чтобы бандиты и воры оставались верными избранной специальности, лишь бы не превращались в будущих политических борцов против него.

¹ ГАОРСС Ленинградской области, ф. 507, оп. 1, д. 11, л. 8.

² Музей Революции СССР, архив «Каторга и ссылка», коробка 10, рукопись, Воспоминания Шарапы о Шлиссельбурге.

«Среди каторжанской массы, — пишет в своих воспоминаниях В. Симонович, — было много рабочих и крестьян, которые, не будучи охвачены никаким партийным влиянием, считались «дикими». Благодаря т. Жадановскому и другим из них выковывались энергичные борцы за свободу, с определенными политическими взглядами, принимавшие активное участие во всех протестах»¹.

В протесте 1912 года Жадановский играл большую роль, являясь одним из самых активных его участников. Он в числе первых попал в карцер четвертого корпуса (18 июля 1912 г.).

В ночь с 17 на 18 июля 1912 г. Жадановского вместе с некоторыми другими вывели из карцера, а 18 июля он с тринадцатью товарищами, участвовавшими в протесте, был уже по пути в Орловскую временную центральную каторжную тюрьму. У конвоя была на руках подписанная начальником каторги Зимбергом отрицательная характеристика Жадановского. К этой характеристике были приложены два листа о дисциплинарных наказаниях Жадановского. В первом из них от 16 сентября 1910 г. значилось, что за дерзкие ответы помощнику начальника инспектора был приговор к 25 ударам розгами, замененный (вследствие заключения врача) содержанием в карцере на 30 суток. Во втором «дисциплинарном» листке от 8 июля 1912 г. был подведен итог количеству суток, проведенных Жадановским по различным карцерам Шлиссельбургской тюрьмы. В итоге оказалась цифра в 118 дней. С такими «похвальными» листами Жадановский прибыл в Орел, где ему предстояло перенести еще большие мучения, чем в Смоленске и в Шлиссельбурге.

В Орле Жадановский пробыл полтора года, после чего с самой отрицательной характеристикой от начальника Орловского центра был переведен в Херсонскую тюрьму.

Февральская революция 1917 года освободила его из каторжной тюрьмы. В начале 1918 года как тяжело больной туберкулезом Жадановский был направлен на лечение в Ялту, где, несмотря на свою болезнь, принял активное участие в строительстве новой жизни. Когда в Крыму в апреле началось контрреволюционное движение, в Ялте организовалась «социалистическая дружина», в состав которой вошел преимущественно бывшие политические каторжане. Борис Жадановский встал во главе этой дружины и погиб, как уже упоминалось выше, на боевом посту 27 апреля 1918 г. близ Алушты при столкновении социалистического отряда с белогвардейцами.

¹ В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 30.

Владимир Осипович Лихтенштадт провел в Шлиссельбургской каторжной тюрьме время с весны 1908 года и до конца этой тюрьмы в 1917 году. Мы встречаем его имя у всех авторов, оставших свои воспоминания об этой тюрьме. При этом имя Лихтенштадта упоминается ими не вскользь и не мимоходом, а по несколько раз и всегда с большой любовью и с уважением к нему. В некоторых случаях авторы давали и характеристику Лихтенштадта, много говорили о его кипучей энергии, о широкой общественной работе среди заключенных.

Я располагаю для очерка о пребывании В. О. Лихтенштадта в Шлиссельбурге таким материалом, которого, к сожалению, не имею в отношении других заключенных этой каторжной тюрьмы. Я сожалею об этом тем более, что среди этих узников имеются умершие и здравствующие, которые внесли свой большой вклад в дело революции.

Мои материалы о Лихтенштадте заключаются в выписках из его дневников и писем, хранящихся в архиве Музея Революции СССР. Они охватили не только годы его пребывания в Шлиссельбурге, но и время, проведенное им в каземате Трубецкого бастиона. Таким образом, он был узником двух важнейших тюрем царизма. О нем департамент полиции сохранил в своих архивах дело, в результате которого Лихтенштадт в свое время предстал перед Петербургским военно-окружным судом и был приговорен к смертной казни, замененной пожизненными каторжными работами.

Он был заключен в Петропавловскую крепость по делу об экспроприации в Фонарном переулке через две недели после того, как по приговору военно-полевого суда были повешены восемь осужденных. Эта спешка с исполнением казни лишила жандармерию возможности повесить по этому же делу также и Лихтенштадта. Протоколами предварительного следствия была установлена принадлежность Лихтенштадта к максималистам, была выяснена деятельность по изготовлению им снарядов для взрыва дачи Столыпина и для экспроприации в Фонарном переулке.

Участие Лихтенштадта в террористических актах было лишь кратковременным эпизодом его жизни до его перехода к большевикам. Этот переход протекал постепенно, но уже ясно выражался в 1912 году. Завершением такого пути была подача освобожденным из крепости Лихтенштадтом заявления о принятии его в партию большевиков. Характерна его запись в дневнике от 24 мая 1918 г.: «Красному Питеру грозит опасность. Я рвался в армию полгода назад, когда враг был далеко, я подал заявление в этом духе в партию, и вот сейчас, в минуту

действительной, близкой опасности — я сижу спокойно в домашней обстановке... Правда, сейчас я уже не просто «солдат большевизма», я большевик душой и телом, большевик до могилы...».

Лихтенштадт был готов отдать свою жизнь для защиты красного Петрограда.

Царское правительство старалось путем установления соответствующего режима в тюрьмах, чтобы годы, проведенные в местах лишения свободы, были годами не жизни, а умирания. Часть заключенных не выдерживала этого режима, у многих появлялись болезни, ускоренно приближалась старость и далеко не редко наступала преждевременная смерть. Ничего подобного не произошло с Лихтенштадтом. Наоборот, на фоне тюремного заточения еще ярче разгорались его энтузиазм, кипучая энергия, любовь к творческой работе, к науке и к жизни. Один из его товарищей по заключению в Шлиссельбургской крепости передает сказанные ему самим Лихтенштадтом слова, что его нисколько не страшил неизбежный приговор к смертной казни. Ожидание смерти лишь подгоняло его поскорее закончить начатый им в Петропавловской крепости перевод научной книги. Подтверждением правильности такой характеристики Лихтенштадта, той любви к жизни, которая не ослабевала у него в тюремной камере даже накануне приговора к смерти, служат его слова в письме к жене, отправленном из Петропавловской крепости (13 ноября 1906 г.). Отмечая тюремную тишину, которая порождает мысль, не умер ли мир, он сейчас же энергично опровергает такую мысль и говорит: «Везде жизнь, всегда жизнь. И разве здесь смерть? Но послушай только, послушай! Где-то падают капли воды, откуда-то доносятся глухие шаги, вот хлопнула дверь, голубь заворковал у окна... Разве это не жизнь? И часы размеренным меланхолическим боем напоминают, что есть еще время: четверть часа, и еще четверть часа, и еще, и еще — так проходит жизнь...»¹.

Каждая четверть часа, приближавшая Лихтенштадта к виселице, вливала в него новые силы жизни, и он бодро продолжал свою работу над книгой и тетрадями, хотя она протекала в чetyрех стенах одиночки, при полном разобщении с людьми.

Перевод Лихтенштадта в каторжную тюрьму Шлиссельбурга в 1908 году вернул его к людям. Открывалась возможность работы не только над книгой, но и с людьми и для людей.

¹ Музей Революции СССР, архив «Каторга и ссылка», коробка № 9, Воспоминания о Шлиссельбурге. Дневники и письма В. О. Лихтенштадта.

Все мои последующие ссылки на Лихтенштадта взяты из названного источника.

Узника ни в какой степени не смущает приговор к пожизненному заключению. Он ни разу об этом не упоминает. Он весь отдался самой разнообразной работе. С первых же месяцев своего заключения в Шлиссельбургской крепости он отдается делу организации тюремной библиотеки. В моем очерке о библиотеке на Шлиссельбургской каторге приведены не один раз выдержки из писем Лихтенштадта к матери с перечнем книг для приобретения в эту библиотеку. Марина Львовна Лихтенштадт явилась деятельною помощницей политзаключенных в организации этой библиотеки. В результате их трудов библиотека насчитывала к 1917 году до десяти тысяч экземпляров. Следует иметь в виду, что сам же Лихтенштадт был одним из библиотекарей и составителем карточного каталога. Среди заключенных неустанно велась конспиративная работа по распространению нелегальной литературы и книг, запрещенных тюремной цензурой.

Через год после начала созидательной работы по библиотеке Лихтенштадт начинает еще и другую большую работу. Он создает в Шлиссельбурге цветоводство и огородничество. Начиная с 1909 года и до февраля 1917 года он засыпает мать поручениями о присылке преysкурантов по огородничеству и цветоводству, о выевке семян.

Все эти дела, душой которых являлся В. О. Лихтенштадт, для многих облегчали каторгу.

Человек с большими познаниями и с высоко развитым интеллектом, он и в тюрьме продолжал искать и приобретать новые знания. Изучал там итальянский, испанский и датский языки, хотя уже владел немецким, французским и английским; много занимался переводами, имел склонность к лингвистике. Переведенный в виде репрессии в камеру с общеуголовными арестантами и с аграрниками, он интересуется собиранием у них материалов о различных наречиях по губерниям. Со словарем Даля Лихтенштадт сумел заинтересовать вопросами лингвистики и этих своих сокамерников. Он сблизился с ними, обучая их грамоте и арифметике. С годами его знала вся тюрьма и звала просто и коротко Владимиром.

В самом Владимире происходили большие перемены. Он эволюционировал от идеализма к марксизму.

Перелом в философском миросозерцании Лихтенштадта начался в 1908 году и завершился к 1911 году. Одним из свидетелей этого является написанная им в Шлиссельбурге книга «Борьба Гете за материалистическое мировоззрение». Книга вышла в свет в 1920 году.

Огромное влияние на Лихтенштадта, на формирование его марксистских взглядов оказал Г. К. Орджоникидзе. Я привожу здесь запись из дневника Лихтенштадта от 3 октября 1915 г. Она важна нам не только для характеристики автора дневника, но и для характеристики его товарища по каторге — Г. К. Орджоникидзе. Эти слова показывают, что отправлявшийся в сибирскую ссылку ближайший соратник В. И. Ленина, Г. К. Орджоникидзе, оставлял глубокий след своего трехлетнего пребывания в Шлиссельбурге.

Лихтенштадт, прощаясь в своем дневнике с Орджоникидзе, писал: «Сегодня уехал Орджоникидзе. Это большая потеря для меня. Какой живой открытый характер, сколько энергии, отзывчивости на все. И главное — человек все время работает над собой. С ним... можно было потолковать серьезно по теоретическим вопросам, побеседовать о прочитанной книге...»¹ При таком отношении Лихтенштадта к Орджоникидзе есть все основания говорить о большом влиянии на него в тюрьме этого крупного представителя большевистской партии.

Так Шлиссельбургская каторга стала школой политического воспитания. Вступая в партию в 1917 году, Лихтенштадт записал в дневнике: «Вне коммунизма я не вижу выхода».

В Шлиссельбурге с 1912 года Лихтенштадт начал усиленно заниматься историей. Своими впечатлениями об этом он делится в письмах. Читая Ключевского, Лихтенштадт записал: «Удивительно цельную, яркую и образную картину дает Ключевский, хотя с научной точки зрения, конечно, не безупречную и во многом субъективную, но это лучше чисто профессорской бесстрастной «объективности», которая ценна лишь как сводка чуждых мнений».

Я подчеркиваю, что Лихтенштадт не согласен с Ключевским в освещении исторических событий. Он также против «профессорской бесстрастной объективности». Он хочет политической заостренности, он находит ее в работах Маркса и с жаром приветствует ее. В своем дневнике на следующий день после отъезда Орджоникидзе он записал: «Только что перечел «18 брюмера» и другие «исторические работы», относящиеся к 48 году. Как изумительно сочетаются здесь исторический объективизм со страстностью политического деятеля! Беспощадный бич гнева и негодования, убивающий смех презрения — и в то же время тонкий анализ момента, далекий от догм, трафаретов и огульных осуждений». В этой горячей, пылкой оценке

творения Маркса чувствуется вся страстная натура узника Шлиссельбургской каторги.

Пребывание В. О. Лихтенштадта в тюрьме закончилось 28 февраля 1917 г. Он первым был освобожден восставшим народом, но не устремился немедленно к любимой матери в Петроград. Неровным почерком, дрожащей от волнения рукой он послал ей с нарочным записку: «Здравствуй мама! Здравствуйте все друзья! Только пара слов — голова идет кругом — полетел бы к вам, но дела так много, что надо сидеть здесь, помочь вышедшим, помочь выйти еще сидящим. Володя». Так бывший каторжанин начинал свою жизнь на свободе; забывая свои личные интересы, он всегда отдавал себя служению людям, товарищам по заключению, а теперь таким же, как он, «бывшим каторжанам».

Вступив после освобождения в партию большевиков, В. О. Лихтенштадт стал работать над книгой о большевизме. План книги остался среди его бумаг. С момента образования III Интернационала он работал в его издательстве. «Не сплю несколько ночей, — записывает он в дневнике, — последнюю ночь не выходил из типографии — 42 часа непрерывной работы — но чувствую себя превосходно».

В момент смертельной опасности над Петроградом В. О. Лихтенштадт пошел добровольцем на фронт и погиб в боях с бандами Юденича на посту комиссара 6-й дивизии. Прах его покоится на Марсовом поле в Ленинграде.

В воспоминаниях шлиссельбуржцев 1909—1916 годов мы встречаем имя Павлина Виноградова, упоминаемое всякий раз с большим уважением. В. Гончаров называет Виноградова «выдающимся самородком» и причисляет к группе шлиссельбуржцев-большевиков¹. Укажем, что ни тогда, ни в последующие годы Павлин Виноградов формально не принадлежал к большевистской партии. Но он был смелым революционером, бесстрашно боровшимся за свободу и счастье трудового народа. Участник подпольной революционной работы в царский период, пламенный агитатор, красногвардеец, бравший штурмом Зимний дворец в дни Октябрьского восстания, организатор первых отрядов Красной Армии на Северном фронте в 1918 году, один из выдающихся руководителей борьбы с интервентами на Севере — такова самая краткая характеристика деятельности Павлина Федоровича Виноградова — беспартийного большевика, погибшего смертью героя в боях за социалистическую Родину.

¹ В. Лихтенштадт, Из черновой тетради № 18. Запись от 3 октября 1915 г.

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 267, л. 21.

Павлин Федорович Виноградов родился в 1890 году. Девяти лет он лишился отца, умершего от туберкулеза. Мать с четырьмя малолетними детьми осталась без средств к существованию. Павлину и его старшему брату пришлось бросить учебу в начальной школе и начать трудовую жизнь. Матери удалось пристроить Павлина учеником на Сестрорецкий оружейный завод. От мастера, обучавшего его, он вдоволь натерпелся побоев, обид и унижений. Из Сестрорецка Павлин перешел на Семяниковский завод, работал вначале учеником слесаря, а затем поступил в чертежную мастерскую. Здесь, за Невской заставой, в гуще питерских рабочих и началось его революционное воспитание. Читая «запрещенные» книги, Павлин начинал понимать окружающую жизнь и проникаться ненавистью к угнетателям трудового люда. Революционные брошюры, прокламации призывали к борьбе, и Павлин скоро отдает ей весь свой юношеский пыл и энергию. Он участвует в подпольном кружке, хранит и распространяет прокламации. Во время октябрьской стачки 1905 года он уже выполняет важные поручения подпольного кружка на заводе. В массовой демонстрации рабочих Семяниковского завода 7 октября 1905 г. он идет в первых рядах, неся красное знамя с надписью «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!»¹.

После поражения революции, в годы глухой реакции, Павлин Виноградов продолжает вести революционную работу. Он упорно занимается самообразованием, поступает в Смоленскую вечернюю рабочую школу. Под влиянием социал-демократов, работавших в школе преподавателями, он не только пополняет свое образование, но и развивается политически. Несмотря на усиленную слежку шпиков и полиции, Смоленская школа продолжала быть очагом революционной пропаганды. Она сыграла большую роль в формировании Павлина Виноградова как революционера.

В 1911 году Павлина Виноградова призвали в армию. Однако Виноградов не намерен был служить царю. Он отправляет обратно повестку и письменно заявляет, что отказывается от военной службы, так как «поступлением в армию он только затормозил бы наступление более разумной и справедливой жизни»². Сразу после этого Павлин Виноградов переходит на нелегальное положение. Под фамилией Заянского он ведет

¹ См. А. Копылов, Павлин Виноградов, Госполитиздат, 1959, стр. 12.
² ЦГВИА, ф. 9, (Л.), оп. 6/68, д. 192, 1912, л. 2.

подпольную революционную работу среди рабочих Путиловского завода¹.

Через полицию Павлина Виноградова разыскивали и под конвоем направили в казарму.

5 апреля 1912 г. Виноградов в числе молодых солдат полка должен был принимать присягу. Вместо присяги он, находясь в строю, заявил, что по политическим убеждениям присягу принимать не будет². Вызванный после этого из строя, Виноградов объявил командиру полка: «Форма присяги для меня неприемлема, т. к. там сказано, что «я клянусь именем божьим служить верой и правдой царю и России», а я России служить хочу и буду, а царю служить не буду, т. к. я его не признаю»³. По словам некоторых очевидцев Виноградов еще сказал, что «находит царя вредным для Родины»⁴.

Виноградов был предан Петербургскому военно-окружному суду по обвинению «в преступлении», предусмотренном ч. 2 статьи 103 XXII книги Свода военных постановлений.

В связи с этим в большевистской газете «Правда» 6 июня 1912 г. помещена была следующая заметка:

«На прошлой неделе привезли из Нарвской гауптвахты арестованного солдата Павлина Виноградова, обвиняемого в том, что он отказался дать присягу. Следствие окончено и в конце июня состоится суд. Обвинение сформулировано по 2 пункту 103 статьи. В данное время Виноградов находится в Комендантском управлении».

Суд состоялся 28 июля 1912 г. Дело слушалось при открытых дверях. Павлин Виноградов держался смело, виновным себя не признал. Он был приговорен к отдаче в дисциплинарный батальон на 6 лет с переводом в разряд штрафованных⁵. К отдаче в дисциплинарный батальон на такой большой срок в прошлой практике суд почти не прибегал. Царские судьи решили подвергнуть Виноградова каторге, оставив на военной службе. Они хотели тем самым заставить его служить царю, несмотря на отказ, рассчитывая, что в дисциплинарном батальоне у Виноградова отобьют волю к сопротивлению.

Однако Виноградов не сдавался. В Медведковском дисциплинарном батальоне он вновь заявил, что служить из-под палки царю не станет. Его пытались сломить розгами, карце-

¹ См. А. Копылов, Павлин Виноградов, Госполитиздат, 1959, стр. 16.

² ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 13, д. 375, 1912, л. 83.

³ Там же, л. 90.

⁴ Там же.

⁵ Там же, лл. 50, 55.

ром, побоями. Не было дня, чтобы он не подвергался тем или иным притеснениям и наказаниям.

Виноградов и в батальоне вел революционную пропаганду, где почва была чрезвычайно благоприятной. В феврале 1913 года он был вновь предан Петербургскому военно-окружному суду. На этот раз ему было предъявлено обвинение по статье 106 XXII книги Свода военных постановлений, предусматривающей каторгу¹.

Из дела видно, что Виноградов настаивал на вызове свидетелей с его стороны ввиду сознательного искажения следователем его показаний с целью обвинить в физическом сопротивлении распоряжениям начальства. Суд под разными предлогами отказал в этом требовании. Отказано было также в свиданиях с близкими.

Павлин Виноградов не принял казенного защитника, заявив, что «будет защищать себя сам». Для подготовки к защите он просил прислать в камеру некоторые части Свода законов².

Суд состоялся 13 апреля 1913 г. Судил генерал-майор Дон, уже отправивший на виселицу и на каторгу немало солдат. Павлин вновь не признал себя виновным. В своих речах как подсудимый и как защитник он смело разоблачал ухищрения суда, открыто заявлял о своих революционных убеждениях. В этот же день был объявлен приговор — 4 года 11 месяцев и 13 дней каторжных работ «за умышленный отказ из-за убеждений от несения военной службы и за умышленное в двух случаях сопротивление приведению в исполнение приказаний начальства»³.

Весной 1913 года Павлин Виноградов начал отбывать каторгу в Шлиссельбурге. Поместили его в одиночную камеру. Но и здесь Виноградов не сдавался. Он включился в общую борьбу заключенных с тюремной администрацией за человеческие условия существования. Вместе с другими его сажали за протесты в карцер, лишали прогулок и самого главного — книг, заполнявших пустоту тюремных будней. Виноградов очень любил книги, жаждал к ним он принес и в тюрьму. Но в тюрьме характер чтения изменился. Чтение целиком подчиняется задачам самоподготовки к грядущей революции. На пребывание в тюрьме Павлин смотрит как на временный отрыв от революционной борьбы, который нужно максимально использовать для пополнения своих знаний, особенно политических. И Павлин со свойственным ему напором и настойчивостью стал изучать философию, политэкономию, немецкий язык. Он начинает участвовать в партийных дискуссиях, настойчиво добивается

¹ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 13, д. 757, 1913, л. 15.

² Там же.

³ Там же.

Рис. 15. Обложка судебного дела о П. Ф. Виноградове.

Дело хранится в ЦГВИА

истины. Частые беседы и споры во время прогулок на тюремном дворе с большевиками Михаилом Локацковым, Альфредом Нейманом, Яковом Наумовым и другими помогают ему освободи-

диться от налета бунтарского индивидуализма и выработать правильные взгляды на задачи и способы революционной борьбы. Этому помогает также общение с заключенными солдатами и матросами — участниками массовых военных восстаний.

В 1916 году Павлина Виноградова перевели в Сибирь, в Александровский централ, откуда его освободила февральская революция в 1917 году. После 5 лет заключения он возвращается в Петроград, где вновь ведет революционную работу.

В дни подготовки октябрьского штурма он организовывал боевые отряды рабочих, а затем участвовал в штурме Зимнего дворца. В первые месяцы после революции работал по обеспечению петроградских рабочих продовольствием. В марте 1918 года Советское правительство направило его в Архангельск для организации продовольственной помощи трудящимся Петрограда. Павлин весь отдается этой работе. Его исключительная энергия, организаторский талант, преданность делу революции особенно ярко проявились в борьбе с англо-франко-американскими интервентами и белогвардейцами. Будучи заместителем председателя Архангельского губисполкома, он становится фактически во главе обороны города. Выполняя директиву В. И. Ленина, Павлин Виноградов быстро сформировал и возглавил Северо-Двинскую речную флотилию, которая вместе с сухопутными отрядами преградила путь интервентам на Котлас. В многократных боях с интервентами и белогвардейцами он являл пример мужества и революционной отваги, действуя как опытный и смелый руководитель. 8 сентября 1918 г. во время боя в устье реки Ваги Виноградов был смертельно ранен осколком вражеского снаряда. Тело его было перевезено в Петроград и похоронено с революционными почестями на Волковом кладбище. Трудящиеся Архангельской области свято чтут память героя боев на Северной Двине. Виноградовским назван район, где сражался и погиб Павлин Виноградов. Его именем названа центральная улица в Архангельске. По Северной Двине ходит пароход, названный в честь героя — «Павлин Виноградов».

9 лет провел в Шлиссельбурге Иустин Петрович Жук — один из руководителей черкасской группы «анархистов-коммунистов». При аресте в 1908 году он оказал вооруженное сопротивление, пытаясь бомбой взорвать себя и жандармов. Киевский военно-окружной суд приговорил его к смертной казни, которая была заменена пожизненной каторгой.

Огромного роста и богатырского телосложения, Жук отличался железной волей, исключительной храбростью и лютой не-

навистью к угнетателям. В Шлиссельбурге он был в числе самых ярых протестантов.

Попав после освобождения из крепости в атмосферу пролетарской борьбы, он вместе с большевиками активно боролся за победу социалистической революции. На митинге рабочих порохового завода 28 февраля 1917 г. Иустин Жук призывал создать боевую дружину. «Не надо строить иллюзий, — говорил он. — Буржуазия без боя не сдаст своих позиций. Нам придется пролить немало крови, прежде чем мы укрепим за собой политическую власть»¹.

Иустин Жук стал популярным вожаком рабочих. Не будучи коммунистом, он постоянно выполнял задания большевистской партии, организовывал производство на Шлиссельбургском пороховом заводе, снабжение и быт его рабочих. По его инициативе и проекту на заводе начали осваивать производство винного сахара из древесных опилок.

Жук одним из первых с отрядом бывших шлиссельбуржцев ушел на фронт защищать пролетарский Питер. Он погиб во время боя 25 октября 1919 г., будучи членом Военного Совета Карельского участка Петроградского фронта.

Уже после смерти Жука Петроградский Совет получил записку от В. И. Ленина: «...Говорят, Жук (убитый) делал сахар из опилок? Правда это? Если правда, надо обязательно найти его помощников, дабы продолжить дело. Важность гигантская»².

Именем Жука называется одна из улиц Петрокрепости³.

§ 22. Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

В январе 1912 года в Праге проходила VI Всероссийская партийная конференция РСДРП. В истории партии совершилось событие огромной важности. Конференция изгнала из РСДРП меньшевиков-ликвидаторов и их защитников, укрепила партию как общероссийскую организацию, определила политическую линию и тактику партии в условиях нового революционного подъема.

На конференции в состав ЦК РСДРП были избраны большевики, доказавшие своей предшествующей работой, что именно им по праву должна быть предоставлена руководящая роль в

¹ «Вместо венка на могилу павших. Шлиссельбург», изд-во Шлиссельбургского порохового завода, 1922, стр. 22.

² В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 365.

³ Так с 1944 года стал называться г. Шлиссельбург.

дальнейшей деятельности партии, ее борьбе за победу пролетариата. Среди них были: В. И. Ленин, Ф. И. Голощекин, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарьян. Самым молодым по возрасту (всего 26 лет), но уже с десятилетним революционным стажем был Серго Орджоникидзе.

В 1903 году Г. К. Орджоникидзе вступает в РСДРП и с тех пор всю свою жизнь посвящает борьбе за дело рабочего класса. В годы первой русской революции Г. К. Орджоникидзе — один из руководителей боевой работы большевиков в Закавказье. Он создает вооруженные отряды из рабочих, выполняет опасные поручения по транспортировке оружия, ведет большую подпольную революционную работу в Баку. За этот промежуток времени за плечами у него оказалось уже два обвинительных приговора судебной палаты, осуждение к заключению в крепости и к ссылке в Сибирь на поселение с лишением всех прав состояния. Он успел уже за эти годы побывать в нескольких царских тюрьмах и в далекой ссылке, успел выполнить нечто еще более трудное — бежать из ссылки и эмигрировать за границу. По предложению В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе в 1911 году едет в Россию и проводит там огромную работу по подготовке созыва VI Всероссийской партийной конференции.

После выборов Г. К. Орджоникидзе на Пражской конференции в ЦК для работы в России он уже в начале февраля 1912 года в Петербурге выполняет возложенные на него важные, но вместе с тем и опасные организационные поручения. Из Петербурга он выезжает в ряд городов (Москва, Баку, Тифлис, Киев), где выступает с докладами о Пражской конференции.

10 апреля 1912 г. Орджоникидзе снова в Петербурге. Но выданный провокатором Малиновским, он был 14 апреля 1912 г. арестован на улице и посажен в Дом предварительного заключения. Через шесть месяцев, 9 октября 1912 г., Петербургский окружной суд, признав его виновным в побеге из Сибирской ссылки и в проживании по чужому паспорту, приговорил на основании ч. 1 статьи 313 Уложения о наказании, п. 4 § 11 статьи 242 Устава о ссыльных, изд. 1909 года, статьи 977 Уложения о наказании, п. 2 статьи 238 Устава о ссыльных и п. 2 § 11 статьи 264 Устава о ссыльных к 3 годам каторжных работ и вечной ссылке.

Арест Орджоникидзе на улице Петербурга агентами политического сыска был большой удачей для столичной охраны. Виднейший работник большевистской партии уже через два месяца после его тайного прибытия в Россию оказался под замком за тюремными стенами. Впрочем, большой заслуги самого охранного отделения в «изъятии из обращения» этого

Исполнено по вх. № 1549, 4/16

Совершенно секретно.

75

23 мая 12

Кавказское Районное Охранное

Отделение доносит Вашему Превосходительству, что участвовавший в Праге на конференции членов Р.С.Д.Р.П. большевистского направления делегат от гор. Тифлиса "Серго" является Сергѣй ОРЖАНИКИДЗЕ, арестованный в минувшем апрѣлѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербурѣ, подъ именемъ жителя Тифлисской губерніи Аслана Наврузъ оглы ГУСЕЙНОВА, опознаннаго по карточкѣ, присланной Начальникомъ С.-Петербургскаго

Рис. 16. Донесение Кавказского охранного отделения директору департамента полиции по особому отделу, удостоверяющее личность Серго Орджоникидзе.

Документ из архива Г. К. Орджоникидзе

революционера не было: арест Серго Орджоникидзе был легко достигнут ценой предательства наемного провокатора. Первое время Орджоникидзе, арестованный под чужой фамилией, отказывался сообщить свое настоящее имя, но вскоре был вынужден назвать себя. К этому времени жандармы уже обладали документальными данными о личности арестованного¹.

Кавказское районное охранное отделение 23 мая 1912 г. сообщало директору департамента полиции, что Серго Орджоникидзе, арестованный в Петербурге под именем жителя Тифлисской губ. Аслана Навруз оглы Гусейнова, опознан. Опоз-

¹ Документы о слежке за Г. К. Орджоникидзе и его аресте, «Красный Архив» 1938 г. № 1(86).

нение достигнуто по фотографической карточке агентурой начальника Бакинского охранного отделения.

Кавказское районное охранное отделение подчеркивало в своем донесении, что Серго Орджоникидзе участвовал «в Праге на конференции членов РСДРП большевистского направления и являлся делегатом от г. Тифлиса»¹.

Месяца через три после отправки по назначению приведенного нами документа Кавказского районного охранного отделения Петербургская охранка также поспешила поделиться с соответствующими властями загадкой, кто именно из революционеров был известен под кличкой «Серго». Эта кличка была обнаружена при производстве по делу Е. Д. Стасовой. Упоминаемый нами документ не упускал случая подчеркнуть «известность» Серго Орджоникидзе в социал-демократической организации. Документ добавлял, что дело об Орджоникидзе по обвинению его в побеге с места ссылки передано Петербургским охранным отделением прокурору Петербургского окружного суда.

Департамент полиции и прокуратура предпочли ограничиться обвинением Орджоникидзе в побеге из Сибири, не возбуждая нового дела по обвинению его в той организационной партийной работе, которую он успел широко провести за время до его петербургского ареста. Практической надобности в этом и не было: каторжные работы были гарантированы ему за побег из ссылки. Несомненно, что Петербургский окружной суд знал, что он имеет перед собою не просто беглеца из сибирской ссылки. Суд был вполне осведомлен, что перед ним — большой работник РСДРП(б), участник Пражской конференции 1912 года, имевший уже за собою два приговора к наказаниям. В моем исследовании не могут быть обойдены молчанием эти два приговора. По первому из них Орджоникидзе был признан виновным по ч. 1 статьи 126 Уголовного Уложения². Приговор по второму делу признал подсудимого виновным по ч. 1 статьи 129 Уголовного Уложения³. В действительности судебный приговор

¹ Из личного архива Г. К. Орджоникидзе.

² «Виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов, наказывается: каторгою на срок не свыше восьми лет или ссылкой на поселение».

³ «Виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих: 1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя, наказывается: за возбуждение, пунктами первым или вторым сей статьи предусмотренное, — ссылкой на поселение».

по второму делу повторял обвинение, уже содержавшееся в первом деле. Таким образом, здесь был нарушен основной принцип закона — не подвергать дважды ответственности за одно и то же преступление. В обвинительном акте «преступления» Орджоникидзе были описаны так: «Григорий Орджоникидзе, как установлено рядом свидетельских показаний на дознании, ранее выступал неоднократно в качестве профессионального оратора на митингах и пропагандиста революционных идей. Он публично говорил речи, в которых указывал, что существующий порядок управления никуда не годится, что надо все устроить так, чтобы не платить податей, не давать правительству рекрутов, что надо уничтожить помещиков и администрацию, всю землю поделить поровну между всеми и что народ должен управлять без царя, который ни к чему не нужен и является первым врагом народа. Орджоникидзе, заканчивая свою речь, говорил, между прочим: «Долой Николая II».

Кроме этого обвинения, ему было поставлено в вину также активное участие в доставке оружия для целей вооруженного восстания. Орджоникидзе в полном согласии с принятой тактикой отрицал свою виновность, но Тифлисская судебная палата признала его 27 марта 1908 г. виновным в предъявленных ему обвинениях и приговорила к ссылке на поселение с лишением всех прав состояния. Несмотря на такой приговор, выездная сессия особого присутствия той же Тифлисской судебной палаты 19 октября 1908 г. признала Г. К. Орджоникидзе виновным в произнесении на бульваре в местечке Гудауты Сухумского округа на проходивших осенью 1905 года митингах множества речей, призывающих к ниспровержению существующего в государстве общественного строя.

Петербургский окружной суд вынес свой приговор по делу Орджоникидзе, как было указано, 9 октября 1912 г. Этот приговор не был обжалован осужденным. Очевидно, Григорий Константинович считал бесполезным апеллировать в судебную палату.

Главное тюремное управление, от которого зависел выбор места для отбывания каторжных работ, остановилось на Шлиссельбургской каторжной тюрьме. Выбор именно этой тюрьмы объясняется очень просто. Руководящий орган тюремного ведомства имел определенный взгляд на Шлиссельбургскую каторжную тюрьму, как тяжкую по своему режиму, как на прямую наследницу упраздненной государственной тюрьмы внутри стен Шлиссельбургской крепости и особенно, как на вполне надежное место для заточения тех, побег которых признавался особенно опасным. Кроме того, говоря о заточении Г. К. Ор-

джоникидзе именно в Шлиссельбург, надо иметь в виду, что правительство вообще стремилось отправлять революционеров-кавказцев в холодные, сырые места, намеренно создавая условия для их быстрой гибели. Для этой цели Шлиссельбург был наиболее подходящим местом. По свидетельству В. Симоновича в Шлиссельбурге погибло не менее 90% присланных туда кавказцев¹.

5 ноября 1912 г. Серго Орджоникидзе, закованный в ножные кандалы, был доставлен в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму. Он начал отбывание назначенного срока в четвертом корпусе тюрьмы.

Осужденные по доставлении их в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму подвергались стрижке головы наголо и переодевались в арестантское платье общеустановленного образца. Для зимнего времени это платье, сшитое из грубого серого солдатского сукна, состояло из короткой однобортной куртки с пуговицами и брюк; обувью служили так называемые «коты», то есть мягкие туфли, вместо чулок или носок употреблялись портянки. Верхним платьем служили суконная шинель и стеганая куртка, а головным убором — шапка-бескозырка вроде матросской. Нижнее носильное белье шилось из очень грубого полотна, натиравшего тело, пока неоднократная стирка не смягчала его. Летняя одежда изготовлялась из этого же полотна и оставалась на заключенных до самых холодных месяцев года. Ко времени открытия Шлиссельбургской каторжной тюрьмы в 1907 году уже были отменены нашивки так называемого «бубнового туза» на спине верхнего платья и бритые половины головы.

Г. К. Орджоникидзе, доставленный в тюрьму, как мы говорили, в ноябре, был переодет в зимнее пальто и наголо острижен. Один из авторов тюремных воспоминаний видел его таким: «с короткими усиками, живым и подвижным, с нервной походкой, но в то же время спокойным и вдумчивым»².

Четырехмесячное пребывание в четвертом корпусе было менее суровым, чем последующие заключения в изоляционном отделении, а потом в третьем корпусе. Заключенные четвертого корпуса, и в том числе Г. К. Орджоникидзе, имели возможность общения между собой на работах в мастерских и на наружных

работах при подвозке угля, колке дров, очистке снега и заготовке льда для продажи. Этими видами труда занимался и Г. К. Орджоникидзе. Среди заключенных были как уголовные, так и политические. Прибытие в тюрьму нового политического узника всегда привлекало к себе внимание всех ранее осужденных по политическим делам. На этот раз прибытие Орджоникидзе вызвало особое внимание к нему товарищей по заключению. Стало известным, что вновь прибывший принадлежит к социал-демократам — большевикам, что он был за границей, принимал участие в Пражской конференции и встречался с В. И. Лениным. Один из заключенных, бывший свидетелем рассказов Г. К. Орджоникидзе, сообщал в своих неопубликованных воспоминаниях, какое сильное впечатление производили на слушателей эти выступления «Серго» и в особенности его слова, относившиеся к В. И. Ленину. Хотя автор воспоминаний записал их несколько лет спустя после своего освобождения из Шлиссельбурга, он вновь живо переживал прежние впечатления и вспоминал, как им, слушателям Г. К. Орджоникидзе, хотелось под влиянием его рассказов «увидеть своими глазами этого гениального вождя большевистской партии и пролетариата всего земного шара»¹.

За время пребывания Г. К. Орджоникидзе в четвертом корпусе произошло крупное событие, повлекшее за собою перевод его в дисциплинарное отделение, носившее название «изолятора». 11 марта 1913 г. несколько каторжан занимались разгрузкой тюков шерсти с катера. В числе работавших был уголовный каторжанин Алтунов, осужденный в 1910 году к 10 годам каторги за убийство с целью грабежа². Этого арестанта постоянно преследовал своими придирками славившийся жестокостью тюремный надзиратель Сергеев, бывший унтер-офицер одного из гвардейских полков и участник нескольких карательных экспедиций. Алтунов, вытаскивая тюк из трюма катера, увидел Сергеева, стоявшего на борту катера. Ударом в лоб он сбил Сергеева в воду, а когда Сергеев вынырнул из воды, прыгнул на него и увлек его ко дну. Усилиями одного из надзирателей и при помощи каторжанина, находившегося на катере, Сергеев был извлечен из воды. Был извлечен из воды багром и Алтунов. Первыми словами этого спасенного были: «Теперь

¹ См. В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 38—39.

² Из личного архива Г. К. Орджоникидзе. Воспоминания Едвабника, записанные 1 февраля 1939 г. Гурвичем.

¹ Музей Революции СССР, Рукописный материал воспоминаний Ша-рапы.

² Музей Революции СССР, материалы бывшего Общества политических каторжан и ссыльных, коробка 21: Орловский каторжный централ, дело Алтунова.

бейте». Так было записано в следственном деле военно-окружного суда, но там не было записано, что произошло зверское избиение Алтунова¹. Надзиратели тут же на берегу били его, топча ногами. Сведения о происшествии и о беспощадном избиении надзирателями Алтунова распространились по тюрьме и вызвали волнения заключенных. «Серго» выступил инициатором протеста. Он потребовал прихода к нему в камеру начальника тюрьмы, которому и заявил протест заключенных и требование их об увольнении Сергеева. В ответ последовал немедленный перевод Г. К. Орджоникидзе в карцер изолятора. Мне не удалось установить, сколько именно времени Орджоникидзе содержался в изоляторе, но есть основания предполагать, что пребывание это не было кратким. Нам удалось найти несколько воспоминаний политических каторжан об этом времени заточения Г. К. Орджоникидзе в Шлиссельбургской крепости. Первое из них записано Шарапой и охватывает пребывание Г. К. Орджоникидзе в изоляторе со дня перевода сюда и Шарapy. Шарапа вспоминал, как он из карцера в башне был переведен в «заразное отделение», то есть в изолятор. Здесь он встретил Ф. Н. Петрова и вскоре сюда же доставили Г. К. Орджоникидзе и Энгельгарта. На прогулку выпускали всех их четверых одновременно. Петров и Орджоникидзе садились на скамейку и вели разговоры.

Шарапа записал в своих воспоминаниях строки, посвященные Григорию Константиновичу и относившиеся к интересующему нас времени пребывания «Серго» на каторге:

«Товарищ Орджоникидзе тоже меня поразил своей простотой и доступностью. С ним легко можно было говорить, он с большой охотой давал ответы на вопросы, задаваемые ему по интересовавшим меня вопросам.

Товарищ Орджоникидзе с невниманием только относился к своим ногам, и посему у него почти всегда подкандалники были расстегнуты и железные кольца кандалов часто терли ему голые ноги, а он ходит, беседует, доказывает и не замечает этого неудобства. Бывало скажешь:

— Товарищ Орджоникидзе, подкандалники расстегнулись!
— А ну их! Ладно уж. Как-нибудь догуляю.

¹ ЦГВИА, ф. 545, (Л.), оп. 13, 1913, д. № 386, л. 403. Дело С.-Петербургского военно-окружного суда. О лишении всех прав состояния Саркиса Петросова Алтунова (дело о Саркисе Петросове Алтунове, обвиняемом в покушении на убийство надзирателя Шлиссельбургской каторжной тюрьмы). Заседание военного суда происходило на выездной сессии 7 июня 1913 г. Суд приговорил обвиняемого к смертной казни, замененной каторгой без срока.

И снова спокойно продолжает свой разговор»¹.

Во время одной из прогулок по тюремному двору произошел инцидент, в котором Орджоникидзе играл первенствующую роль и выступил с протестом против произвола администрации. Когда несколько заключенных «заразного отделения» совершали их обычную прогулку, надзиратели проводили через двор трех заключенных. Кто-то из совершавших прогулку обратился к этим заключенным с просьбой дать табаку. Один из проходивших бросил мешочек с табаком. Наблюдавший за прогулкой надзиратель немедленно увел со двора в карцер троих из числа совершавших прогулку. В виде протеста против этого произвола тюремной администрации политические заключенные «заразного отделения» по предложению Орджоникидзе перестали выполнять требование вставать при входе надзирателя в камеру. В результате они были посажены в карцер на две-три недели каждый. Вероятно, именно к этому событию относится запись Г. К. Орджоникидзе на странице 184 его тюремной тетради, выданной ему в Шлиссельбургской каторжной тюрьме: «На три недели в карцер (24.X—14.XI 1913 г.) за невставание на проверку». Если мое предположение правильно, то можно сделать и второе предположение, что в «заразном отделении» «Серго» пробыл до перевода его в карцер, то есть до 24 октября 1913 г.

На тетради, в которой сделана приведенная нами запись рукою «Серго» об его заключении в карцер, имеется надпись о выдаче ее Григорию Орджоникидзе 3 мая 1913 г. Кроме того, на этой же странице наложены две овальные печати. На первой из них значится: «Шлиссельбургская каторжная тюрьма, проверено 13.XII—1913 г.» а на второй: «Шлиссельбургская каторжная тюрьма от 23.IV». В самой тетради имеются сделанные рукою Г. К. Орджоникидзе записи о времени отправки корреспонденции, кончая открыткой с видом Шлиссельбургской крепости от 8 февраля 1915 г. Очень близко к этой дате подходит и другая с записью «Серго» о заключении его в карцер «с 30.1—2.II—1915 г. за надзирателя». Лаконичность этой записи не дает возможности выяснить, в чем именно состоял дисциплинарный проступок Орджоникидзе. По-видимому, здесь было какое-либо неповиновение тюремному надзирателю. Впрочем, дисциплинарные проступки могли быть совсем странного содержания. Так, «Серго» записал в своей тюремной тетради: «Две недели

¹ Музей революции СССР, из архива бывшего Общества политических каторжан и ссыльных, коробка № 10, Воспоминания Шарapy о Шлиссельбурге.

в карцер (10. IV—24. IV—1914) за неснятые брюки во время обыска».

Приведенные нами хронологические записи из тюремной тетради дают некоторый материал для изучения пребывания Орджоникидзе в Шлиссельбургской каторге. Названная нами тетрадь значится под № 2. Предшествующая тетрадь № 1, бесследно пропавшая, должна была быть выдана Григорию Константиновичу вскоре после его прибытия в тюрьму и оставалась у него до времени выдачи тетради № 2—3 мая 1913 г., то есть эта первая тетрадь охватила первые полгода пребывания Орджоникидзе на каторге. Приходится очень сожалеть о гибели этого документа, особенно важного для изучения условий пребывания Орджоникидзе в Шлиссельбурге за время с 5 ноября 1912 г. и до 3 мая 1913 г.

В тетради № 2 записи заканчиваются фразой «Отправлен 8. X—1915 г.». Это был последний день пребывания Орджоникидзе в Шлиссельбурге. Таким образом, тетрадь № 2 была вместе с тем и последнею, в которой Г. К. Орджоникидзе делал разнообразные записи. Впрочем, особенно разнообразными они не могли быть в силу самих условий тюремной жизни. Заключение не был полновластным хозяином тетради. Он обязан был вернуть ее в целости тюремной администрации, только в таком случае он получал новую тетрадь. На каждой тетради стоял штамп, предупреждающий узника: «Вырвавшие листы и уничтожавшие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получить новую тетрадь для занятий или книгу для чтения».

К записям в тюремных тетрадях приходится относиться с большою осторожностью или, правильнее сказать, с настороженностью. Автор записей знал, что выданная ему тетрадь может быть в любой момент просмотрена тюремной администрацией. Такой просмотр производился не только в целях удостовериться в наличии всех заранее пронумерованных страниц, но и в целях ознакомления с характером произведенных записей с точки зрения их соответствия тюремной цензуре. Поэтому не приходится искать в этих тетрадях жалоб на тюремный режим или отображения в какой бы то ни было степени тюремных событий. Едва ли по тюремным тетрадям можно ознакомиться и с настроениями заключенных. Мысль, что с движением души может ознакомиться тюремный надзиратель, останавливала перо или карандаш узника от попыток быть откровенным и поведать бумаге свои переживания, мечты и даже воспоминания.

В моих руках было очень мало тюремных тетрадей из Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Все авторы таких тет-

радей воздерживались от всяких откровенностей, от попыток самоанализа, от экскурсов в область повествования своих чувств и даже от описаний тюремного быта. Их содержание сводилось в основном к записям из прочитанных книг, отчасти к критическим замечаниям о прочитанном, но и при этом приходилось прибегать к различным хитростям и уловкам. Так, в тетради Орджоникидзе были записи и выписки из книг о происходившей империалистической войне 1914 года, но они были искусно замаскированы. Дело доходило до того, что такие записи не делались целиком, а по удачному выражению жены Орджоникидзе «были законспирированы и вмонтированы в инородный текст». Одной из таких записей была, например, следующая большая запись: «Когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культуры и национального развития, они лгут. Они лгут, ибо австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая угнетает датчан, поляков, французов в Эльзас-Лотарингии, ведя наступательную войну против Бельгии и Франции ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который им казался наиболее удобным для использования их последних усовершенствований в военной технике накануне проведения так называемой большой военной программы Россией»¹.

Еще более интересный образчик «вмонтированных» записей приведен названным автором из той же тюремной тетради Г. К. Орджоникидзе на тему о войне. Запись разбита на несколько фраз, разделенных между собою страницами текста на иные темы. Первые строки выписок оборваны даже на полуслове и продолжают лишь через две страницы с тем, чтобы вновь оборваться и быть законченными лишь через 12 страниц. Ввиду того, что эта запись была так хорошо замаскирована, не будет лишним воспроизвести ее. Она интересна для нас, как доказательство большевистских ленинских взглядов Г. К. Орджоникидзе на войну. «Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазно-империалистической войны. Борьба за рынки и за грабеж стран, стремление одурачить, развести, перебить пролетариат всех стран, натравить наемных рабов одной страны против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное значение войны. Поведение вождей германской с.-д., голосовавших за военные кредиты и повторяющих буржуазно-шо-

¹ З. Орджоникидзе, Путь большевика, Госполитиздат, 1948, стр. 118.

винистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, означает частичный идейный крах этого интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелкобуржуазного оппортунизма, его буржуазность, коего на опасность давно указывали лучшие представители пролетариата всех стран. Оппортунисты давно готовили крах II Интернационала, отрицая социальную революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отрицая классовую борьбу с ее необходимым в известные моменты превращением в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов, проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая азбучную истину...»¹.

Сравнивая два этих отрывка с тезисами о войне, написанными В. И. Лениным в конце 1914 года в Берне, мы убеждаемся в том, что в тюремной тетради Г. К. Орджоникидзе была сделана запись знаменитых ленинских тезисов о войне. Известно, что эти тезисы после принятия их на совещании группы большевиков в Берне были немедленно направлены В. И. Лениным нелегальным путем в Россию для обсуждения русской частью Центрального Комитета партии, партийными организациями и думской фракцией большевиков. По свидетельству Б. Волина тезисы были спрятаны в каблуке сапога рабочего депутата Государственной думы Ф. Самойлова, который отправлялся окружным путем через юг Италии и Черное море в Россию.

Петроградский Комитет партии переправил этот документ в Шлиссельбург для Г. К. Орджоникидзе.

Тюремной администрации не удалось обнаружить этих замаскированных строк из нелегальной литературы, хотя наложенные на тетрадь штампы показывают, что она дважды проверялась членами этой администрации.

Если тюремные тетради не позволяют судить о режиме Шлиссельбургской каторги и узнавать о событиях тюремного быта, то они дают ценный материал для суждения об умственной жизни авторов этих тетрадей, об их читательских запросах и об их интересах к научным проблемам и литературным темам.

В октябре 1915 года Г. К. Орджоникидзе этапным порядком был отправлен на вечное поселение в Сибирь. Он был водворен на поселение в с. Покровское Якутской губернии. В Якутской ссылке Г. К. Орджоникидзе был вплоть до февральской буржуазно-демократической революции. За 15 лет своей под-

¹ З. Орджоникидзе, Путь большевика, Госполитиздат, 1948, стр. 118—119.

польной революционной деятельности он пробыл в тюрьмах, на каторге и в ссылках около 8 лет.

С июня 1917 года Г. К. Орджоникидзе в Петрограде. Под руководством В. И. Ленина, как его верный ученик и соратник, Орджоникидзе принимает активное участие в подготовке и проведении вооруженного восстания, в борьбе за победу социалистической революции во всей стране. Всю свою славную, героическую жизнь Г. К. Орджоникидзе отдал делу рабочего класса, делу коммунизма. К сожалению, он прожил недолгую жизнь. Когда в период культа личности Сталина Г. К. Орджоникидзе понял, что он не сможет дальше нормально работать, потому что начал постоянно сталкиваться со Сталиным, когда он узнал о беззакониях, которые стал допускать Сталин, он покончил жизнь самоубийством.

«Образ товарища Орджоникидзе, его беззаветная борьба за пролетарскую революцию, за строительство социализма в нашей стране, — говорилось в извещении ЦК ВКП(б) по поводу смерти Г. К. Орджоникидзе, — вдохновит всех трудящихся, всех партийцев, всех работников хозяйственного фронта на дальнейшую борьбу за победу социализма, за новые завоевания советской промышленности, за новый подъем всего нашего социалистического народного хозяйства»¹.

В следующей главе мы вновь встретимся с именем Серго Орджоникидзе, когда будет идти речь о руководящей роли большевиков в организации политических кружков для узников Шлиссельбурга, о борьбе за право чтения прогрессивной литературы. Записи Орджоникидзе помогут нам составить общее впечатление о содержании библиотеки Шлиссельбурга.

¹ «Правда» 19 февраля 1937 г.

Глава пятая

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СТЕНАХ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ С ЦАРИЗМОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

§ 23. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ УЗНИКАМИ- БОЛЬШЕВИКАМИ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ и в тюрьмах умели работать на революцию. Еще в конце 90-х годов XIX века создатель партии большевиков В. И. Ленин, попав за тюремную решетку, показал образец того, как нужно использовать тюремное время в интересах революции. «...В тюрьмах... мы учились марксизму, — говорил В. И. Ленин в 1921 году, — истории революционного движения и пр. С этой точки зрения очень многие просидели в тюрьмах не даром»¹.

В общих камерах четвертого корпуса Шлиссельбургской каторжной тюрьмы узники-большевики организовали кружковые

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 80.

занятия, втягивая в них солдат, матросов, рабочих. Как сообщил нам Ф. Н. Петров, в 1908 году на одной из общих прогулок большевики разработали план политического самообразования. Этот план включал также историю, литературу и ряд других общеобразовательных предметов. Лекторами и руководителями занятий выступали Ф. Н. Петров, Б. П. Жадановский, В. О. Лихтенштадт, Р. М. Семенчиков, В. Малашкин и др. Большевики усленно изучали экономическую теорию и вопросы философии. Прилежно изучались также промышленная техника, сельское хозяйство. Многие занимались иностранными языками, математикой. В политических занятиях большое место отводилось освоению уроков и опыта первой революции.

Тюремное начальство первое время не ставило особых преград для учебы, считая ее делом аполитичным. Тут часто помогало невежество тюремщиков. Один из них, например, заявил в разговоре с заключенными, что «Капитал» Карла Маркса является пособием для людей, готовящих себя к коммерческой деятельности. Но начальник тюрьмы Зимберг и его помощники вскоре поняли вред учебы для устоев самодержавия и стали ей препятствовать. Одним из средств к этому была частая переброска политических, занимавшихся с заключенными, из корпуса в корпус, из камеры в камеру, чтобы лишить их общения с другими каторжанами. Такая мера часто применялась к Ф. Н. Петрову, Б. П. Жадановскому и др.¹. Особенно много препон ставилось при выписке и получении книг. Но и здесь заключенным удавалось разными средствами обманывать бдительность тюремного начальства, получать с воли нужные книги, а затем переплетать их вместе с «житиями святых» или под обложку каких-либо других книг с разрешительным штампом.

«Тюремный» или «романовский» университет, как называли часто заключенные свою учебу, функционировал в необычайно трудных условиях. Учеба велась в ножных и ручных кандалах, в переполненных до отказа камерах, с вонючими парашами, на голодный желудок.

Требовалось колоссальное напряжение, чтобы в условиях тюремного каторжного режима заниматься систематически и упорно.

Учеба шла успешно, ибо «ученики» думали о том, чтобы вернуться к революционному делу твердо подкованными в теории революции, идейно окрепшими, более знающими людьми.

¹ См. В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 29—33.

Известно, что многие рабочие, крестьяне, солдаты и матросы пришли в Шлиссельбург неграмотными или малограмотными, с очень слабой политической подготовкой. Благодаря учебе многие из них, пройдя годы каторги и ссылки, становились не только грамотными, но и политически развитыми людьми, убежденными большевиками, зрелыми борцами за дело революции.

В числе их были П. Анохин, В. Воробьев, Э. Детлов, И. Имханицкий, А. Мазин, А. Макаров, П. Мокров, А. Николаев, А. Архипов, В. Ватажников, Е. Дорофеев, А. Конуп и многие другие.

Рабочий Сестрорецкого завода большевик П. С. Мокров, восемь лет носивший ножные и ручные кандалы, писал в своих воспоминаниях: «Мы жили, боролись и верили в конечную победу над самодержавием, а пока, вынужденные бездействовать, учились. Жили надеждой, ждали выхода на поселение, готовились к тому моменту, когда можно будет снова принять участие в борьбе и работе. И за эти долгие годы много товарищей, пришедших в тюрьму полуграмотными, вышли из нее образованными и теоретически подкованными революционерами»¹.

Таким образом, учеба на каторге для многих политзаключенных являлась средством подготовки к будущим боям с царизмом. С помощью большевиков из рабочих, крестьян и солдат выковывались стойкие борцы за дело революции, твердо уверенные в ее полной победе.

За толстыми стенами Шлиссельбурга в камерах политических часто кипела идеологическая борьба. В годы реакции большевики-шлиссельбуржцы вели борьбу с перерожденцами-меньшевиками. Многие из меньшевиков и эсеров отреклись от революции, ударились в идеализм и мистику. Ожесточенные споры происходили по итогам революции 1905 года. Меньшевики и эсеры не видели завоеваний революции, пессимистически оценивали ее итоги. «Среди большевиков, — говорит Ф. Н. Петров, — не было упадочничества. Большевики доказывали, что революция дала огромный опыт партии, рабочим и крестьянам и что ее надо повторить на основе уроков и опыта 1905 года».

В эти годы среди политзаключенных наблюдалось сильное увлечение вопросами философии. В тюрьму проникли почти все новинки философской литературы. Большинство политзаключенных-меньшевиков стояло на идеалистических позициях, много было богдановцев. Большевики же отстаивали революционный марксизм, материалистическую философию. Горячие споры и

дискуссии по этим вопросам длились днями и неделями. В спорах с тюремными махистами и эмпириомонистами большевики опирались на книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», доставленную в тюрьму. Составилась длинная очередь желающих прочесть это ленинское произведение.

После начала первой мировой войны среди части политкаторжан возникло и распространилось оборонческое течение. Политическая каторга разделилась на две части: пораженцев, к которым относились большевики и примыкавшие к ним, и оборонцев, совсем потерявших революционное чутье. Ядро и основную массу оборонцев составили меньшевики и эсеры. Большевики, возглавляемые Орджоникидзе, повели ожесточенную борьбу с оборонцами. В. Гончаров пишет, что когда прочли статью Плеханова и Авксентьева из «Призыва», поднялась такая буря разногласия мнений, «какой Шлиссельбург не видел со дня штурма его Петром Великим»; Плеханову и его компании устроили «головомойку»¹.

Вскоре в тюрьму попала статья В. И. Ленина о войне, вернее выдержки из статьи, переданные в нелегальном письме. После этого число противников войны сразу возросло. Один из политкаторжан так описывает в воспоминаниях этот момент: «Но вот, наконец, кажется, Лихтенштадт вынес на прогулку записку, в которой был голос Ленина о войне. Все окружили Лихтенштадта и с затаенным дыханием стали слушать о том, что говорит Ленин о войне».

Когда он дочитал до места, где говорилось, что война — самая обыкновенная, буржуазная, грабительская война и что ее необходимо возможно скорее прекратить и заменить войной гражданской, я и все мои единомышленники облегченно вздохнули: «Наконец-то! Вот кто разобрался по-настоящему»².

В течение всего времени существования Шлиссельбургской временной каторжной тюрьмы тюремное начальство изо всех сил старалось изолировать каторжан от политической жизни в стране, но, несмотря на все старания, ему это не удавалось.

Какими же путями политические заключенные налаживали и поддерживали связь с волей, с революционным подпольем?

Нелегальные письма на волю иногда удавалось передавать через уходящих по этапу в другую тюрьму или ссылку. В этих письмах инструктировали, как иносказательно писать о поли-

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 267, л. 105

² Архив Государственного Музея Революции СССР, фонд политкаторжан, папка Шарапы.

¹ ГАОРСС ЛО, ф. 507, оп. 1, д. 11, л. 15,

тических делах. В одной из таких «инструкций» по именам братьев, сестер, дядей, теток, племянников обоего пола были распределены классы, политические партии, формы борьбы и т. д.¹

Из сохранившихся писем на волю Бориса Жадановского видно, как применялась эта «инструкция». Тюремщики, проверяя его письма, только удивлялись, какие огромные родственные связи у этого арестанта. Им в голову не приходило, что «маленькая Домна» означает Государственную думу, «Семен Дмитриевич», «Степан Рудольфович» и «Константин Дмитриевич» — социал-демократическую, социал-революционную и кадетскую партии, «дядя Петя Столыпинский» — это премьер Столыпин, «Черновы» — «союз русского народа» и вообще черносотенцы. Надо сказать, что шлиссельбургские тюремщики не отличались сообразительностью. Вычеркивая часто совершенно невинные фразы, они пропускали в письмах Жадановского такие, например, места: «До сих пор мне никто не пишет, как поживает маленькая Домна... На днях ее должны были перевести к вам в Питер. Как она вообще чувствует себя? Прорезались ли у нее зубки, говорит ли она что-нибудь? Мне раньше писали письма, что у нее плохо действует левая ручка?» (Письмо сестре от 18 февраля 1907 г.).

«Живет ли дядя Петя Столыпинский все еще на Кабинетской улице? Мне кажется, что кто-то писал, что он хочет переехать со всей семьей с этой квартиры... Ты писала, что Семен Дмитриевич и Степан Рудольфович устроились довольно хорошо, хотя жалование по 45 руб... (ты говорила, кажется, по 45 руб.), конечно, не велико, но при их таланте они зарабатывают в десять раз больше. Напиши мне номер квартиры Константина Дмитриевича, а то я забыл». (Письмо от 4 марта 1907 г.).

«Бросил ли дядя Петя пить (вино и др. напитки)? Если бросил, напиши, я его хочу поздравить. Кажется, он обещал до пасхи бросить». (Письмо от 1 апреля 1907 г.) Человеку, знакомому с политической обстановкой, было ясно, что в этих отрывках говорилось о созыве думы, о составе и численности политических партий, об ожидаемой отставке кабинета Столыпина, о приостановке действия военно-полевых судов (пить вино и др. напитки — т. е. кровь). Ответы с воли приходили в том же духе.

По воспоминаниям старого большевика И. К. Гамбурга, ему удавалось в течение более 2 лет (1912—1914 гг.) получать политические новости...из Лондона. В Лондоне находилась в

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 267, л. 49.

эмиграции его товарищ по революционной борьбе Маруся Кузнецова. Под видом сестры в письмах с невинным содержанием симпатическими чернилами между строк она сообщала Гамбургу политические новости. Последний, находясь в одиночке третьего корпуса, проявлял эти письма нашатырем, раздобытым у фельдшера для растирания ног, и тут же по «тюремному телеграфу» передавал товарищам из соседних камер полученные сведения. Спустя короткое время весь корпус уже знал, что происходит не только в России, но и в мире. Таким путем Гамбург впервые узнал о ленских событиях и широком забастовочном движении в стране.

О событиях тюремной жизни, которые надо было сделать достоянием гласности на воле (издевательства тюремщиков, коллективные протесты и пр.) Иосиф Карлович сообщал родным и знакомым тайнописью на внутренней стороне конверта (соком лука или лимона). В таких случаях в письме была фраза: «Передайте привет дяде Файеру» («файер» означает огонь). Полученный конверт с письмом расклеивался, слегка подогревался на лампе и на нем появлялись черно-желтые слова с нелегальным текстом. Таким способом из крепости пересылались в социал-демократическую фракцию Государственной думы материалы о жестокостях тюремной администрации и выступлениях против них политкаторжан. Отправляясь в марте 1914 года из Шлиссельбурга в ссылку, И. К. Гамбург передал весь секрет переписки своему близкому товарищу Г. М. Муравину и познакомил его со своей «сестрой» Марусей Кузнецовой.

В воспоминаниях В. Ф. Гончарова, Ф. Н. Петрова отмечается, что обширную информацию о положении дел в партии привез Серго Орджоникидзе, водворенный в Шлиссельбург в 1912 году.

Через Серго Орджоникидзе, имевшего адреса большевиков — членов социал-демократической фракции Государственной думы, удалось послать им нелегальное письмо. В письме большевики просили регулярно снабжать их сведениями о внутренней и международной жизни по вопросам: «1) деятельности Государственной думы и отношения к ней населения, 2) движения среди рабочих, войск, крестьянства и студенчества, 3) деятельности политических партий, особенно социалистических, 4) международного социалистического движения, 5) общего международного положения, 6) новинок социалистической литературы, 7) обзора журнальной печати и 8) деятельности правительства»¹.

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, д. 267, лл. 49—50.

В письме указывалось, что способ передачи информации сообщит подательница письма. Взаимная информация была налажена, но начавшаяся первая мировая империалистическая война и арест социал-демократической фракции прервали эту работу.

Петербургский комитет большевиков выделил специальную группу для помощи заключенным товарищам и для налаживания связей с ними. Опытные партийные работники П. И. Кулябко, Л. М. Книпович, А. Б. Барамзина, Е. И. Широких и другие поддерживали связь с тюрьмой «Кресты», пересыльной тюрьмой и Шлиссельбургом¹. Большую роль играл так называемый подпольный Красный Крест, которым руководила мать заключенного Владимира Лихтенштадта — М. А. Лихтенштадт. В этой организации работали П. А. Красиков, Л. И. Браудо, П. Н. Ариан, С. З. Марголина и многие другие. Из воспоминаний Л. Н. Рубинштейна известно, что в течение 2 лет связь с волей поддерживалась через одного из надзирателей Шлиссельбургской тюрьмы, который согласился выполнять эту опасную работу за довольно высокую плату.

Благодаря нелегальным связям с волей, с большевистским подпольем политкаторжане были в курсе не только общеполитических событий, но и партийных дел как в области теории, так и в тактических вопросах.

§ 24. БИБЛИОТЕКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ И ИХ БОРЬБА ЗА ПРАВО ЧТЕНИЯ ПРОГРЕССИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В мартовские дни 1917 года после освобождения из тюрьмы всех ее заключенных революционный комитет, образовавшийся на Шлиссельбургском заводе (на берегу реки против крепости), решил сжечь здание каторжной тюрьмы, вывезя оттуда разнообразное тюремное имущество и тюремную библиотеку. Все книги были переданы в общественную библиотеку г. Шлиссельбурга. Однако, к глубокому сожалению, эта библиотека, накопленная узниками Шлиссельбургской тюрьмы, не сохранилась до наших дней. По полученным мною от председателя Шлиссельбургского городского Совета сведениям гитлеровцы во время Великой Отечественной войны полностью уничтожили среди других культурных ценностей города также и городскую библиотеку.

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 124, оп. 1, д. 1034, л. 6.

Ознакомление с книжным составом библиотеки каторжной тюрьмы на острове Шлиссельбурге представило бы большой интерес. О библиотеке Шлиссельбургской крепости народовольческого периода имеются лишь отрывочные сведения в воспоминаниях старых узников этой крепости Морозова, Новорусского и др. Если бы эта библиотека сохранилась, хотя бы с пополнениями, происшедшими после ее перехода в каторжную тюрьму, представилось бы возможным заполнить важный пробел в наших сведениях о государственной тюрьме Шлиссельбурга. Гибель общественной городской библиотеки Шлиссельбурга лишила нас возможности выявить ту «духовную пищу», которая поддерживала существование узников Шлиссельбургской крепости и заключенных каторжной тюрьмы.

Однако от бывшего заключенного Шлиссельбургской каторжной тюрьмы Ф. Н. Петрова получены очень ценные материалы, проливающие свет на состав книг тюремной библиотеки. За семь лет своего пребывания в одиночной камере Шлиссельбургской тюрьмы Ф. Н. Петров не только перечел огромное количество книг тюремной библиотеки, но и заполнил выписками из прочитанных книг более четырех десятков тетрадей типа так называемых «общих тетрадей». По своему объему эти тетради были довольно толстыми. Новая тетрадь выдавалась заключенному взамен использованной им, обычно пропадавшей в недрах тюремного архива. По счастливой случайности Ф. Н. Петрову удалось при его освобождении из тюрьмы в 1914 году тайно вынести с собою две тетради. В этих тетрадях даны названия до 300 прочитанных им книг.

Аналогичный материал на эту же тему о библиотеке Шлиссельбургской каторжной тюрьмы мне удалось извлечь из записной тетради другого шлиссельбургского узника — выдающегося революционера Г. К. Орджоникидзе¹.

Тетради обоих названных узников очень сходны между собою внешне. На обложках их стоят штампы администрации каторжной тюрьмы с указанием времени выдачи тетради и количества страниц в ней. На тетрадях Ф. Н. Петрова указано: время выдачи первой тетради — 24 июня 1909 г., просмотрена — 15 октября 1913 г., 313 листов; время выдачи второй — 10 мая 1910 г., просмотрена — 15 октября 1913 г. На тетради Г. К. Орджоникидзе отмечена дата выдачи — 3 мая 1913 г., просмотрена — 13 декабря 1913 г.

¹ От З. Г. Орджоникидзе, вдовы Серго Орджоникидзе, мне известно, что сам Орджоникидзе не выносил из Шлиссельбурга означенной тетради и что она была доставлена ему уже несколько лет спустя после Октябрьской революции. В ней 194 страницы.

Указанные нами хронологические даты дают нам основание сказать, что Ф. Н. Петров мог составить свои записи о книгах из тюремной библиотеки не позднее 1914 года, а Г. К. Орджоникидзе — вплоть до 1915 года.

Записи прочитанных книг делались обоими заключенными не на память, а с обложек книг или из каталога. При этом Петров всегда указывал инвентарный номер записанного сочинения. К сожалению, ни тот, ни другой из цитируемых мною авторов тюремных записей не отмечали, как общее правило, год и место издания записанной книги. Это последнее обстоятельство сделало невозможным определить, хотя бы предположительно, какие из книг в библиотеке Шлиссельбургской каторжной тюрьмы перешли в нее «по наследству» из библиотеки Шлиссельбургской крепости периода до 1905 года. Несомненно, что такие книги были, как это говорил нам и Ф. Н. Петров.

История царской тюрьмы показывает, что в местах заточения обвиняемых и осужденных по делам о государственных преступлениях велась постоянная борьба узников за право чтения прогрессивных книг. Царизм усматривал в хорошей книге нередко такого же своего врага, какого видел в самом политическом заключенном. Царизм считал, что в места лишения свободы должна была иметь доступ в первую очередь, или даже исключительно книга религиозного содержания — священное писание, «Ветхий и Новый заветы», «Жития святых» и т. п. Как раз именно такая литература не только не интересовала политических заключенных, но даже возбуждала у многих из них отвращение, когда тюремная администрация пыталась перевоспитывать их этой литературой. Впрочем, добровольного спроса на книги этого раздела почти не было. Увеличению числа читателей богословских и духовных книг не помогала и усердная рекомендация этой литературы известной в то время дамой-патронессой Вороновой, воспоминания о надоедливой пропаганде и о ханжестве которой попали и на страницы мемуаров бывших политических узников Шлиссельбургской каторги.

Воронова вела усердную религиозную пропаганду среди заключенных не только «живым словом», но и посредством распространения брошюр и книг «духовно-нравственного и богословского содержания». Она сама поставляла в библиотеку и свои собственные произведения на религиозные темы.

Воронова, избравшая ареной своей проповеднической деятельности тюрьмы, известного успеха достигала лишь в тюремных больницах у коек умиравших арестантов и в камерах смертников.

Она была живым олицетворением того отдела тюремной библиотеки, который содержал книги духовно-религиозного и богословского характера и который никаким успехом у заключенных не пользовался.

Борьба, происходившая за право чтения прогрессивной книги внутри тюремных стен, принимала такие формы, которые могли иметь место только в местах лишения свободы. Борьба за прогрессивную книгу становилась борьбой за жизнь, за сохранение рассудка, за умственное и идейно-политическое развитие.

Сведения, которые мне удалось извлечь из записок и воспоминаний бывших заключенных Шлиссельбургской каторжной тюрьмы в период 1907—1917 годов, показали, как успешна была борьба политических каторжан за книгу.

Чем объяснить успех борьбы шлиссельбуржцев за право чтения прогрессивной литературы? Можно предположить, что здесь оказали свое влияние новые политические условия в стране и изменение характера революционной борьбы. Они ярко сказались на самой Шлиссельбургской крепости, на составе тюремного населения, его численности, его партийности. Внутри крепостных стен вместо двух тюрем на какие-то четыре десятка заключенных вырос целый город тюрем. Число каторжан достигало чуть не тысячи человек. Вместо одиночек-революционеров теперь были спаянные между собою участники массового революционного движения. Тут были осужденные за восстания на кораблях, в полках, в городах, за пропаганду восстаний, «за участие в сообществах для свержения существующего государственного и общественного строя». В глазах самой тюремной администрации проникновение к таким заключенным книг, изъятых из Трубецкого бастиона: сочинений Горького, Золя, Салтыкова-Щедрина, Брандеса и др., уже не казалось чересчур опасным. Ведь это были читатели ленинской «Искры», «Казармы», «Пролетария», прокламаций партийных организаций.

Библиотека Шлиссельбургской каторжной тюрьмы состоялась из книг, приобретенных по инициативе политических заключенных. Какая-то часть ее перешла из библиотеки народо-вольческой тюрьмы, но не удалось выяснить ни объема этого «наследственного» имущества, ни его содержания. Есть большие основания предполагать, что значительная часть библиотеки заключенных народо-вольцев осталась в руках департамента полиции. Так, из журналов, получавшихся шлиссельбуржцами до 1905 года, не встретилось в наших материалах 1907—1917 годов упоминаний таких периодических изданий, как «Нива», «Звезда», «Живописное обозрение», «Природа и люди», сати-

рические журналы «Будильник» и др. Казалось бы, что авторы воспоминаний о Шлиссельбургской каторге должны были бы отметить наличие на каторге книг, перешедших от народовольцев, но они этого не сделали. Библиотека Шлиссельбургской каторги, как сообщил 15 февраля 1928 г. Вороницын, первоначально размещалась на площадке лестницы третьего тюремного корпуса и находилась в заведовании старшего тюремного надзирателя.

Итак, библиотека начинала свое существование даже без собственного помещения, приютившись на какой-то площадке лестницы, без специального библиотекаря, в роли которого выступал тюремный страж. По воспоминаниям того же Вороницына, относящимся, безусловно, к первому периоду его пребывания в Шлиссельбурге (1907—1909 гг.), библиотека перекочевала в одну из тюремных камер нижнего этажа, где находилась переплетная мастерская. Большим шагом вперед библиотечного дела был переход заведования библиотекой от тюремного надзирателя к заключенным, работающим в переплетной мастерской. Конечно, организация библиотеки самими узниками открывала возможность ее дальнейшего пополнения, более правильной выдачи книг с учетом интересов каждого заключенного, установления своевременного возвращения литературы и пр. Не надо забывать, что тюремная библиотека на Шлиссельбургской каторге начала свое существование в третьем тюремном корпусе, в котором в одиночных камерах были размещены преимущественно осужденные за государственные преступления. Такой состав заключенных был очень важным условием, благоприятствовавшим снабжению тюрьмы книгами.

Если от политических заключенных исходил спрос на книгу, то им же принадлежала заслуга удовлетворения этого спроса почти исключительно собственными силами.

Интересно проследить историю создания тюремной библиотеки во временной Шлиссельбургской каторжной тюрьме. Такой историй никто не занимался, не исключая и тех бывших шлиссельбургских каторжан, которые оставили свои воспоминания в печати или в рукописях. Однако у некоторых из них разбросаны в разных местах их мемуаров те или иные строчки, имеющие прямое отношение к истории книги на Шлиссельбургском острове за период 1907—1917 годов. Мне хотелось бы теперь же подчеркнуть, какая громадная заслуга принадлежит тем шлиссельбургским каторжанам, которые создали тюремную библиотеку. Судить о ее достоинствах мы можем не только по списку книг, но также и по отзывам о ней бывших ее читателей из числа каторжан Шлиссельбурга.

Надо было обладать неиссякаемой энергией и огромным запасом творческих сил, чтобы за короткий промежуток, в девять лет, собрать значительное число книг по различным отраслям знаний. Я объясняю это прежде всего тем, что за крепостными стенами оказались узниками люди, отдававшие на свободу все свои силы, готовые пожертвовать жизнью за дело служения народу. Великим общественным служением этих политических заключенных было и создание библиотеки для многих сотен каторжан. Собранные на полках книжных шкафов творения лучших представителей русской и иностранной литературы и науки того времени позволили сохранить и развить умственные и нравственные силы многим заключенным. Они дали возможность другим узникам почерпнуть в тюрьме знания, которых у них ранее не было, превращали общие камеры тюрьмы в своеобразные учебные классы, в лаборатории для самообразования. Благодаря подбору книг и воспитательному влиянию более развитых товарищей Шлиссельбургская каторжная тюрьма выпустила заключенных хорошо подготовленными к борьбе за народное дело. В отдельных случаях происходило политическое перевоспитание заключенных и переход их под влиянием общения с заключенными-большевиками в ряды марксистов. Самым выдающимся примером в этом отношении был Лихтенштадт. Он вошел под своды Шлиссельбурга в 1908 году как максималист, приговоренный к смертной казни, с заменой ее пожизненной каторгой. Он вышел из каторжной тюрьмы в 1917 году убежденным марксистом и погиб коммунистом, сражаясь в рядах Красной Армии.

В библиотеку проникали и такие книги, которые открыто и легально ни в каком случае не были бы в нее допущены. Прямое указание на это имеется в мемуарах Шарапы. Он провел в Шлиссельбурге все время существования этой каторжной тюрьмы начиная с года ее открытия и до Февральской революции 1917 года. Таким образом, на его глазах прошла вся история тюремной библиотеки. Характеризуя эту библиотеку как «превосходную, заставляющую забывать все невзгоды», он отметил и организацию нелегальной библиотеки, созданной политическими заключенными, работавшими в качестве библиотекарей.

Довольно подробные сведения о пополнении библиотеки такой запрещенной литературой дал И. П. Вороницын. Для этих целей была использована переплетная мастерская, в которую поступали заказы с воли. В числе заказчиков была и мать Лихтенштадта, исполнявшая роль поставщицы, будто бы для переплета, такой литературы, которая не допускалась тюремной цен-

зурой. По установившемуся обычаю книги поступали в переплетную мастерскую не по подробным спискам их заглавий, а лишь по общему подсчету их количества. Таким же порядком, то есть общим счетом выполненных переплетов, они сдавались заказчикам. Переплетная же мастерская замаскировывала запрещенные книги обложками с книг вполне цензурных. Таким же «переодеванием» книг и такой их «гримировкой» пользовались также для составления отдельных сборников статей, вырванных из различных журналов¹. Конечно, запрещенная литература выдавалась только заключенным, посвященным в тайны «книжного мастерства».

Градский вспоминал, что маскировка книг была распространенным явлением в тюремной библиотеке Шлиссельбурга. Например, сочинения Герцена были переплетены в обложки сочинений Тургенева. Многие книги были замаскированы обложками книги «Трехсотлетие дома Романовых», составляя продолжение этого «патриотического» сочинения. В таком случае на корешке запрещенной книги ставился особый приметный знак в виде бубнового туза. Бубновый туз показывал, что книга не должна предъявляться какому-либо ревизору².

Пополнение тюремной библиотеки запрещенной литературой протекало вполне благополучно почти до февраля 1917 года, когда ее провалил уголовник де-Ласси, к которому ошибочно попала одна такая подпольная книжка³.

Указания на проникновение в тюрьму сведений из запрещенной литературы мы встретили уже в воспоминаниях о первых годах существования каторжной тюрьмы. Вороницын, вспоминая первые годы своего пребывания в Шлиссельбурге, писал, что велась интенсивная переписка с волей. Корреспонденты с воли знакомили узников с новыми произведениями литературы, не останавливаясь перед перепиской на десятках страниц почтовой бумаги наиболее важных мест из этих произведений. Корреспонденты прекрасно учитывали всю силу потребности узников знать новости из нелегальной литературы, знать факты из области политической борьбы. Они шли навстречу удовлетворению этой насущной потребности политических заключенных, пользуясь в письмах симпатическими чернилами⁴.

¹ См. И. П. Вороницын, Из мрака каторги. 1905—1917, Харьков, 1922, стр. 142.

² См. В. Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое» 1925 г. № 1, стр. 151.

³ Музей Революции СССР, «Каторга и ссылка», коробка № 10, Воспоминания о Шлиссельбурге Шарапы.

⁴ См. И. П. Вороницын, Из мрака каторги. 1905—1917, Харьков, 1922, стр. 70.

Проникновение в каторжную тюрьму если не произведений нелегальной печати, то, по крайней мере, запрещенных в тюрьме книг отметил в своих воспоминаниях Симонович. Он констатировал эти факты за те годы Шлиссельбургской каторги, когда заведование тюремной библиотекой перешло от тюремного надзирателя к заключенным, работавшим в переплетной мастерской: они устраивали «в библиотеку и разные запрещенные книги»¹.

По-видимому, заведование тюремной библиотекой перешло из рук политических заключенных, работавших в переплетной мастерской, на какое-то время в руки некоего Молодого, бывшего чиновника, осужденного за подделку монет. Этот переход заведования оставил о себе недобрую память: «от этого уголовного арестанта нельзя было получать даже тех книг, которые значились в каталоге». После отправки Молодого из Шлиссельбурга на поселение библиотека снова вернулась в заведование политических, и широко развернулась работа по заполнению библиотеки книгами, по улучшению организации всего библиотечного дела².

Стоит остановиться на росте библиотеки Шлиссельбургской каторги и на роли в этом деле Лихтенштадт — матери заключенного.

По словам Генкина, одного из первых узников нового Шлиссельбурга, первоначально администрация тюрьмы разрешала для чтения книги лишь строго научного и религиозного содержания. Очевидно, тюремное начальство новой тюрьмы в старой крепости решило следовать политике первых лет существования «Государевой тюрьмы» в Шлиссельбурге, но смягчив ее допущением, кроме религиозных книг, также и строго научных. Другой узник прямо утверждал, что в первые годы Шлиссельбурга власти запрещали доступ к заключенным беллетристики за некоторыми небольшими исключениями. Однако такой запрет продолжался лишь короткое время — до второго года существования вновь открытой тюрьмы.

В 1908 году, 21 марта, из Петропавловской крепости был переведен в пересыльную тюрьму, а затем в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму Владимир Лихтенштадт. К этому времени и относится начало быстрого развития библиотечного дела на острове Шлиссельбурге.

Старейший узник Шлиссельбурга Шарапа связывает начало библиотеки на Шлиссельбургской каторге со временем прибытия

¹ В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 132.

² См. там же, стр. 130.

Лихтенштадта на этот остров. М. А. Лихтенштадт начала доставлять сыну большое число книг научного содержания и беллетристику. Шарапа перечислил в виде примера появление в тюрьме сочинений Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина, Некрасова, Гете, Шелли, Шиллера, Байрона, Диккенса, Шекспира и др.

Обращаясь к вопросу о создании тюремной библиотеки и, в частности, о роли в этом деле матери Лихтенштадта, я нашел в одном из писем первого года его пребывания в крепости (21 сентября 1908 г.) указание на разнообразие литературы, требовавшейся для заключенных третьего корпуса, где находились в то время почти исключительно политические, и для заключенных первого и второго корпусов, где пребывали преимущественно уголовные. Он писал, что в эти два корпуса «нужны учебники, особенно по арифметике и языкам (французскому и немецкому), и книги более популярные».

Цитированное мною письмо Лихтенштадта не было первым, отправленным им матери после его заключения в Шлиссельбургскую крепость. Еще ранее, за полтора месяца до этого (10 августа 1908 г.), Лихтенштадт предупреждал мать о составлении заключенными третьего корпуса списка желательных для них книг. Он писал матери, что составленный список будет передан ей по просмотре его администрацией, но, как добавлял автор письма, нет необходимости придерживаться этого списка в точности: «Он должен указать только общий характер требуемых книг», но желательно приобретать в первую очередь книги, стоящие в начале этого списка.

Перечень книг, желательных для приобретения их в тюремную библиотеку, дан Лихтенштадтом в количестве 47 в упомянутом выше письме от 21 сентября 1908 г.¹

¹ Может быть, небезынтересно остановиться на этом перечне литературы, поскольку делались лишь первые шаги по пути организации начинания очень большого социального и политического значения.

В этом списке совсем нет книг по беллетристике. Она была в то время запретным плодом. Первое место по количеству заняли книги по географии, в том числе с описанием знаменитых путешествий. Сюда вошли как серьезные научные исследования, так и популярная литература. Можно указать в виде примера на заказ таких книг, как Стэнли — «Иллюстрированный очерк путешествий и открытий», «Знаменитый русский путешественник Пржевальский»; Крубер, Григорьев и др. — «Африка», «Азия», «Австралия»; Серошевский — «Дальний Восток», «Корея»; Сибиряков — «Очерки Забайкальской жизни»; Герштейкер — «Очерки речной и лесной жизни Западной Америки» и др.

Второе по численности место занял заказ на книги по истории. Требовались большей частью не сочинения по общей истории, а специальные исследования по отдельным проблемам и при этом иногда узко специальным.

Разумеется, на приобретение такого большого количества книг нужны были денежные средства. Если вспомнить размеры, которых достигло шлиссельбургское книжное хранилище, то легко себе представить, в какую сумму определилась стоимость тюремной библиотеки к концу существования Шлиссельбургской каторги. Сами Лихтенштадты не были обладателями таких денежных средств, но М. А. Лихтенштадт широко использовала готовность самих авторов и издательств направить в библиотеку тюрьмы на Шлиссельбургском острове экземпляры своих сочинений и своих изданий. Наибольшая часть книг приобреталась закупкой их в книжном магазине Вольфа, журнал которого «Книжные известия» выписывался в Шлиссельбурге. Один из авторов воспоминаний о Шлиссельбургской каторжной тюрьме, желая отметить большое количество книг, приобретаемых в магазине Вольфа, не без юмора вспоминал, что этот магазин, рекламировавший себя, что он является «поставщиком двора его величества», одновременно являлся, и при этом в еще большей степени, поставщиком Шлиссельбургской каторжной тюрьмы.

Заслуживает быть отмеченной неослабная энергия Лихтенштадтов в деле пополнения тюремной библиотеки. Так, в одном из писем сын сообщал матери радостную для тюрьмы весть о поступлении для библиотеки сразу книг на 400 руб., то есть на очень крупную сумму, и добавлял: «Не так-то просто раздобыться в таком ворохе книг — проверить по накладной, определить, кто что выписывал, предъявить книги выписавшим, записать их куда надо и т. д.».

Сами заключенные были не только заказчиками тех или других книг, но и библиотекарями. До нас не дошли правила

Среди затребованных книг преобладали такие, которые были посвящены истории общественного движения. В виде примера можно указать на следующие книги: Базаров и Степанов — «Общественное движение в Германии в средние века и в эпоху Реформации»; те же авторы — «Общественные отношения во Франции в XVII и XVIII столетиях»; Петрушевский — «Очерки по истории средневекового общества и государства»; Капфмейер — «Очерки по истории немецкой культуры»; Будми — «Развитие государственного и общественного строя Англии»; Алабин — «Картины из жизни государства Афинского в V веке»; Петрушевский — «Общество и государство у Гомера».

Десяток заказанных книг относился к биологии в широком смысле. Сюда вошли: Тимирязев — «Жизнь растений», «Чарльз Дарвин и его учение»; Бельше — «От бациллы до обезьяны»; Эспинас — «Социальная жизнь животных»; Гельмгольц — «О взаимодействии сил природы».

Более популярный характер носили заказанные биографические очерки из серии «Жизнь замечательных людей», изд. Павленкова: Герцен, Конфуций, Магомет, Лютер, Меттерних, Гарибальди, Аввакум и др.

пользования книгами тюремной библиотеки, но мы почерпнули некоторые сведения по этому вопросу из воспоминаний самих заключенных.

Библиотека имела свои каталоги. Сравнительно рано книги были разбиты по их содержанию на 14 отделов. Перед самым концом существования тюрьмы была произведена большая, сложная работа по составлению карточного каталога. В этом деле большое участие принимал Лихтенштадт. Книги выдавались для чтения в одиночные и общие камеры всех четырех тюремных корпусов. Обмен книг производился пять раз в неделю. Один из шести рабочих дней недели (четверг) был выделен для внутренней работы в книгохранилище.

Должен быть отмечен большой энтузиазм «библиотечных работников». Это особенно видно из многих писем и записей в тетрадях Лихтенштадта. В одной из этих записей мы прочли: «С головой в библиотечных делах — ни читать, ни писать невозможно — живешь, как голодный среди изобилия пищи, и не можешь насытиться»¹.

Нетрудно понять переживания тюремных библиотекарей — политических узников Шлиссельбургской каторги. Оторванные от непосредственного участия в политической борьбе, запертые за крепостными стенами, они испытывали лишения, терзались вынужденным перерывом постоянной связи с товарищами по партии. Работа же у библиотечных шкафов по удовлетворению запросов читателей-каторжан давала им нравственное удовлетворение. Если же вспомнить, что библиотека была в некоторой степени собранием недозволенной литературы и даже произведений нелегальной печати, то можно догадываться и о еще более высоком чувстве их нравственного удовлетворения: они и за стенами Шлиссельбургской каторги оставались партийными пропагандистами.

Тюремные библиотекари использовали книги библиотеки для общения между заключенными всех четырех корпусов тюрьмы. Автор книги «В новом Шлиссельбурге» с большим удовлетворением вспоминал эту деятельность библиотекарей: «Огромное значение имели для нас получавшиеся через библиотечкарей, искусно запрятанные ими в переплетах, писанные на папиросной бумаге записки, которые сообщали как тюремные, так и внетюремные новости и события»².

Мне уже приходилось отмечать, что «секретные фонды» тюремной библиотеки были обнаружены вследствие предательства

уголовника из высшей аристократии О'Бриена де-Ласси (незадолго до февраля 1917 года). Это было страшным ударом по библиотеке. Не к этому ли печальному событию относится встречаемая мною в дневнике Лихтенштадта запись 6 января 1917 г.: «Печально начался новый год: 4 января останется в анналах Шлиссельбургской крепости, как один из дней траура — не по человеку — по книгам — и по каким книгам! Жалко старого, жалко оставаться в будущем на прежнем положении — отрезанные от живого слова. И не хочется даже гадать, что принесет нам 17-й год. Здесь не мешает доля здравого пессимизма. Да и что же мечтать попусту — надо устраивать текущие дела, координировать разные тенденции»¹.

Думается, что я не ошибаюсь, делая предположение об изъятии из тюремной библиотеки запрещенной литературы. Недаром автор дневника объявляет 4 января днем траура по лучшим книгам. Но автор дневника не складывает рук, не падает духом и уже решил «устраивать текущие дела». Он был не мечтателем, а человеком действия.

К этому времени относится зарождение у политических заключенных — активистов плана устройства на каторге тюремной школы. Она должна была заменить в известной степени пропагандистскую работу через посредство запрещенной книги. Попыткам осуществления плана устройства тюремной школы посвящено письмо Лихтенштадта, отправленное матери из Шлиссельбургской каторги почти перед самой революцией. Во всяком случае, это было его последнее письмо, помеченное 5 февраля 1917 г.

Близкого прекращения существования Шлиссельбургской каторги никто из заключенных не предвидел и не подозревал об этом даже накануне свержения царизма. Поэтому не прекращалась и работа по дальнейшему развитию библиотеки, по заполнению пробелов в ней литературой более ранних лет и по закупке новых изданий. Показательным в этом отношении является заказ на книги, сделанный 28 августа 1916 г., то есть за полгода до закрытия Шлиссельбургской тюрьмы. Он содержит в себе свыше пятидесяти названий, в том числе несколько журналов.

Что касается читательских интересов тюремного населения, то заказ имел в виду удовлетворить спрос на сочинения по беллетристике. Таковыми явились почти все заказанные книги. При

¹ Музей Революции СССР, Из тетради Лихтенштадта, 1916, тетрадь 18.

² В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 131.

¹ Музей Революции СССР, Из тетради Лихтенштадта, 1917, тетрадь 18.

этом заказ особо подчеркнул повышенный спрос на исторические романы.

Книги библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы были распределены, как уже указывалось, по 14 отделам, в которых значились книги духовно-нравственного и богословского содержания, по медицине, экономике и социологии, по истории, биологии, на иностранных языках, художественная литература, журналы, книги по астрономии и математике, физике и химии, географии, геологии и т. д.

Это наименование отделов библиотеки шлиссельбургских каторжан показывает очень большое разнообразие отраслей знаний, по которым имелись в библиотеке книги.

Мы сделали попытку определить число книг в каждом отделе на основании некоторых сведений, извлеченных нами из двух тетрадей Ф. Н. Петрова, которые ему удалось вынести из Шлиссельбурга при его освобождении из тюрьмы. Он записывал в этих тетрадях не только фамилии авторов и заглавия прочитанных им книг, но и библиотечный номер, под которым каждая книга была зарегистрирована и хранилась на полках библиотечных шкафов.

В каждом отделе была своя нумерация, начинавшаяся с № 1. Ф. Н. Петров за семь лет пребывания в Шлиссельбургской каторжной тюрьме перечитал сотни книг. В двух вывезенных им тетрадях записаны номера и названия книг из всех отделов библиотеки, кроме двух, и при этом последними записанными номерами оказались: во II отделе — 190, в III — 270, в IV — 256, в V — 461, в VI — 479, в VII — 470, в VIII — 537, в IX — 531, в XI — 258, в XII — 229, в XIII — 227 и в XIV — 140. Конечно, эти последние в каждом отделе номера не означали, что это были и последние книги данного отдела. Последние приведенные нами номера книг лишь означали наиболее высокий номер книги, прочитанной автором из данного отдела.

Не будет преувеличением предположить, имея в виду приведенные нами номера прочитанных книг, что средним числом в каждом отделе библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы было около 300 книг, а во всех 14 отделах — свыше 4 тыс. экземпляров.

При определении общего количества книг в тюремной библиотеке необходимо учитывать, что в библиотеке было много книг одного и того же названия, в нескольких экземплярах. Это особенно наблюдалось по отделу беллетристики. Один из авторов воспоминаний о Шлиссельбургской каторге сообщал, что «пользовавшиеся большим спросом Тургенев, Достоевский,

Толстой, Гоголь, и др. были в нескольких изданиях и по несколько экземпляров каждого».

По-видимому, автор этих воспоминаний сам был одним из тюремных библиотекарей. Основанием для такого предположения является большая подробность сведений, сообщенных им о тюремной библиотеке. Показательными для роста библиотеки являются две цифры, приведенные Градским¹ о количестве книг в отделе беллетристики перед уходом Молодого на поселение и перед революцией 1917 года. Количество книг в этом разделе с 119 «перевалило за тысячу номеров». Общее же количество книг в библиотеке достигло ко времени Февральской революции 1917 года, по определениям названного автора, 10 тыс. экземпляров. Ф. Н. Петров, оставивший каторжную тюрьму в 1914 году, не считает эту цифру преувеличенной: почти три года после его высылки на поселение в Сибирь продолжался рост библиотеки. Приведенные же нами из тетради этого бывшего узника Шлиссельбурга последние номера прочитанных им книг из разных разделов показывают, что наши вычисления были основаны на очень близких к действительности данных. И можно предположить, что они скорее были преуменьшены, нежели преувеличены.

§ 25. ЖУРНАЛИСТИКА В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

Может быть, слово «журналистика» и Шлиссельбургская каторжная тюрьма не совсем между собою вяжутся. Однако это действительно так: каторжане издавали свои журналы. Известно, что издание журналов политическими заключенными в царских тюрьмах совсем не было редким явлением. Оно порождалось самими условиями тюремного заключения, прежде всего стремлением к взаимному общению, обмену мыслями по вопросам общественной политики в стране. Такие условия были налицо и на Шлиссельбургской каторге, и они породили журналы заключенных в различных корпусах этой тюрьмы. Эти журналы, издававшиеся в стенах Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, являлись одной из форм идеологической борьбы с царизмом, которую продолжали вести политические заключенные.

В нашей печати до сих пор не появлялось никаких сведений о журналах заключенных Шлиссельбургской каторжной тюрьмы.

¹ В. Градский, Шлиссельбургская каторга, «Былое» 1926 г. № 1(29), стр. 152.

Но я имею возможность сообщить сведения о журналистике Шлиссельбургской каторги, полученные мною от двух бывших узников этой каторги.

Два журнала, выходившие на Шлиссельбургской каторге, не походили один на другой по своему содержанию. Один из них был исключительно сатирически-юмористическим, а другой был разнообразнее, уделял место в особенности прозаическому и стихотворному творчеству узников. Название первого из этих двух журналов подчеркивало назначение его служить забаве, веселью, смеху заключенных каторжан. Пусть не кажется чем-то противоестественным и совсем невероятным этот смех целой камеры каторжан под звон не только ножных, но у многих и ручных кандалов. Этот смех заглушал даже звон кандалов, и в этом была его сила. Возраст громадного большинства узников Шлиссельбурга, как уже указывалось выше, был молодым, а молодости не пристало отказываться от жизнерадостности и отступать без боя перед тюремным режимом. Журнал носил юмористическое название «Параша». Напоминаю, что парашей назывался выносной ушат, ставившийся в камеры для отправления естественных потребностей арестантов. Неизвестно, какими путями мысль узников пришла к решению именно так называть плод своего коллективного умственного творчества. А. К. Кукобин, характеризуя этот журнал, писал мне, что журнал от первой до последней строки был сплошным юмором. Журнал оживлял настроение всех заключенных камеры, где он издавался, и тех камер, куда удавалось его передавать. Под названием журнала стояли фамилии всех заключенных камеры, и при этом каждому из них присваивалась та или другая роль его специального участия в этом издании. Тут оказывались поэты, прозаики, философы, специалисты по различным отраслям науки. Такое превращение заключенных в представителей различных специальностей по участию в журнале было лишним основанием для создания в камере веселого настроения. Журнал прочитывался вслух под общий смех заключенных. Все произведение в этом журнале, прозаические и стихотворные, были посвящены юмору и сатире. Тематика же была самая разнообразная вплоть до дружеского высмеивания фантастических, придуманных похождений. Издание этого журнала относится ко времени до 1912 года.

О другом журнале, издававшемся в третьем корпусе, рассказывал Ф. Н. Петров. Название этого журнала не сохранилось в его памяти, но зато в вывезенных им тетрадях из Шлиссельбурга сохранились тексты трех его статей и двух стихотворений, помещенных в журнале. Это дало нам возможность самим

ознакомиться с их содержанием и частично воспроизвести здесь для ознакомления наших читателей с тюремным журналом.

Содержание двух прозаических статей из общего числа трех и содержание обоих стихотворений, несомненно, вызвано самою тюрьмою. В той или другой степени они знакомят нас в литературной форме с картинами жизни на Шлиссельбургской каторге и с переживаниями ее узников. В этом их значение для историка царской тюрьмы. Как и предупреждал автор, мы подходили к ним не с точки зрения художественной оценки, а с точки зрения их соответствия бытовой и психологической сторонам Шлиссельбургской каторги. Они в прозе и стихах дорисовывают наши научные исследования. Сам автор дал двум своим очеркам подзаголовки «Наброски с натуры». Сила впечатления от прочитанных этих очерков особенно возрастает, когда вспоминаешь, что их писали не за письменным столом, не в уютном кабинете, а в одиночной тюремной камере, на крохотном столике или, может быть, просто на коленях, прячась от глаз тюремного надзирателя. Для нас их автор прежде всего и больше всего — свидетель этих набросков с натуры. Сила впечатления возрастает, когда вспоминаешь, что автор был не каким-то сторонним наблюдателем описанных им картин с натуры, но их участником.

Много лет прошло со времени их написания. Казалось, за эти годы должна была бы притупиться острота пережитых настроений, но не происходит этого у читателя. Он как будто видит самого автора у койки умирающего товарища в тюремной больнице, знакомясь с негодяем-врачом, задается вопросом, не был ли автор одним из тех пациентов, у которых не поворачивался язык величать тюремного эскулапа «ваше высокоблагородие».

Один из очерков носит заглавие «Врач Ширгунд». Я воспроизведу из него вторую часть, в которой описывается прошлое этого человека до получения им должности тюремного врача. Врач этот был типичным карьеристом, которого ни в какой степени не интересовала его профессия. Он смотрел на нее лишь с точки зрения получения чинов и денег. Вот он явился в тюрьму и готовится начать прием больных: «Вводите, вводите! — приказывает он, нервно потирая руки. — Тебе что?» — вдруг набрасывается он на худого длинного арестанта. Тот пятится назад и испуганно бормочет: «Грудь болит, ваше высокоблагородие...» — «Ну, садись, послушаю». Ширгунда титул «высокоблагородие» приводит в приятное расположение. Он одобрительно смотрит на больного и заключает: «Худой ты, братец, надо тебя подкормить». — «Кашель очень большой, ваше высоко-

благородие, и грудь очень ломит, прямо сил нет». Ширгунд от второго титула совершенно размяк, он почти добрым голосом говорит: «Я возьму тебя, братец, в больницу, полежишь, поправишься». — «Покорнейше благодарю, ваше высокоблагородие», — кланяясь, благодарит больной. «Ну, иди, иди с богом, я уж тебе самое лучшее лекарство назначу, запишите, — обращается он к фельдшеру, — по одному порошку три раза в день. Ну, следующий там». Входит низенький, толстенький больной. «Что тебе?» — выжидательно спрашивает Ширгунд. «Живот болит, господин доктор, есть ничего не могу». Ширгунд морщится и недовольным голосом говорит: «Подними рубашку». Больной поднимает. Врач тычет двумя пальцами в живот и говорит: «Покажи язык». Больной показывает. «Ну да, язык чистый. Ничего у тебя нет, ступай». — «Господин доктор, я совершенно болен, прошу меня осмотреть как следует и назначить должное лекарство». Ширгунд вскипает: «А, ты меня еще учить вздумал! Пошел вон, а то в карцер отправлю». Больной уходит, бормоча: «Тоже еще доктором называется, а кричит хуже надзирателя...».

Ширгунд зол и бегаёт по кабинету, нервно переставляя предметы с места на место. Вводят целый ряд новых больных. Ширгунд уже не осматривает их, а быстро спрашивает: «У тебя что, ты зачем?» и, не выслушав их, говорит: «Этому опий, этому касторку, этому иодом смазать...». Приводят еще целую партию больных. В это время арестант-повар приносит пробный обед с больной кухни. Ширгунд ему ласково улыбается и спрашивает: «Что сегодня, котлеточки?» — «Так точно, ваше высокоблагородие», — ответил тот по-военному. — «Ну спасибо, спасибо братец. Слушайте, — обращается он к надзирателю, — ведите назад арестантов, мне сегодня некогда, завтра приму». Все недовольные уходят, причем двоих, тяжело больных, уносят на руках; их тоже некогда было осмотреть врачу.

Лицо у Ширгунда делается маслянистым, глазки начинают прожорливо блеснуть; из аптеки ему приносят рюмку спирта, предназначенного для настоя лекарств. Он быстро выпивает и, смакуя каждый кусочек, съедает всю пробу, бормоча: «Им ли, арестантским мордам, есть такую пищу... на капусте бы заморил их всех, тогда небось никто не захотел бы лезть в тюрьму!». Съев все, Ширгунд одевается в шубу и отправляется своей скачущей походкой домой.

В этом наброске с натуры встает перед читателями образ не какого-нибудь одного врача Шлиссельбурга, а типичный образ тюремного врача.

За десяток лет существования Шлиссельбургской каторжной тюрьмы здесь сменилось четыре врача. Из них только один

(Эйхгольц) пользовался расположением к нему заключенных. Двое же врачей (Шерман и Аксенов) вызывали к себе настоящее отвращение и ненависть узников. Их даже бойкотировали. В воспоминаниях бывших узников Шлиссельбурга мы находим страницы, посвященные этим врачам и напоминающие до удивительности приведенные нами выдержки из «Наброска с натуры» Ф. Н. Петрова.

Например, автор книжки «В новом Шлиссельбурге»¹ описывает сцены приема врачом больных арестантов так похоже на очерк Петрова, что могла бы возникнуть мысль, не использовал ли он статью своего товарища по заключению в тюремном журнале. В действительности оба автора писали совсем независимо один от другого. Сходство нарисованных ими характеристик тюремных врачей лишь подтверждает, что в их очерках не было никакого преувеличения, что они правдиво отображали тяжелую действительность. Администрация Шлиссельбурга ни в какой степени не была озабочена лечением арестантов, сохранением здоровья и продлением их жизни. Доказательством всего этого была практика заключения в карцеры, в эти места разрушения здоровья и приближения к смерти. Прямым следствием такой дисциплинарной практики в Шлиссельбурге было развитие туберкулеза и высокая смертность от этой болезни.

Если приведенный нами очерк Ф. Н. Петрова познакомил нас с амбулаторным приемом врача в Шлиссельбурге, то во втором его очерке, появившемся в тюремном журнале, содержится описание тюремной больницы. Он производит еще более сильное впечатление, чем первый. В нем автор зарисовал с натуры картины из жизни в тюремной больнице Шлиссельбурга. Было бы правильнее сказать, что это картины не жизни, а смерти в больнице каторжной тюрьмы. Может быть, Петрову больше чем кому-либо другому из заключенных надлежало написать об этом, ведь он был по своей специальности врачом. Поэтому можно сказать, что в своей статье он выступал не только как очевидец-свидетель, но и как медик-эксперт. Мы воспринимаем его статью как протест не только политического борца, но и возмущенного специалиста, на глазах которого творилось черное дело умерщвления каторжан, то быстрое, скоротечное, то медленное, длившееся годами. Эта вторая статья в тюремном журнале озаглавлена: «В больнице. В палате № 2 (набросок с натуры)».

¹ См. В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 96—100.

Автор описывает наступление раннего утра в больничной палате. Здесь пять коек заняты туберкулезными больными. Они помещены сюда в самом тяжелом, безнадежном состоянии. Дни их сочтены. Только один из них находится в лучшем состоянии, чем остальные. В палате невыносимо холодно, и больные не могут отогреться. Несмотря на безнадежное положение больных, они в кандалах, а один даже и в наручниках. Тюремный врач не пользуется предоставленным ему правом снимать оковы с тяжелобольных арестантов. Больные почти все осуждены по политическим делам, и один из них попал в больницу после 30-дневного пребывания в карцере, где и начался его смертельный недуг — скоротечная чахотка. Центральной фигурой рассказа является бессрочный каторжанин, участник восстания саперов в Киеве поручик Жданов. Этой фамилией назван в очерке общий любимец каторги Жадановский. Немногими, но очень теплыми словами обрисован этот узник Шлиссельбурга, не перестававший и в больнице проявлять заботу о больных товарищах, и те его душевные качества, которые снискали к нему расположение уголовных и политических каторжан. Кульминационным пунктом рассказа является та его часть, где автор описывает, как Жданов обнаруживает, что закрывшийся с головою арестант, неподвижно лежавший на больничной койке, оказался не только умершим за ночь, но уже и похолодевшим трупом.

Этот очерк должен был производить тем большее впечатление на арестантов-читателей, что Шлиссельбургская каторга наградила очень многих из них неизлечимыми болезнями и что им грозила опасность разделить участь своих товарищей в тюремной больнице.

Однако тяжелый рассказ далек от упадочнического настроения. Это было бы не по-большевистски, а автор вошел в тюрьму, осужденный за большевистскую пропаганду среди солдат, и оставался большевиком во все время каторги и после нее. Рассказ «В больнице» должен был не только возбуждать в читателе грустное настроение и жалость к преждевременно умиравшим товарищам, но и укреплять ненависть к загубившему их политическому строю.

Отсюда понятным является основной мотив и тюремной поэзии с его верой в победу революции и с его призывами к борьбе за эту победу. Именно таким произведением явился написанный Ф. Н. Петровым в стихах ответ товарищу, простучавшему через тюремную стену поздравление с Новым годом.

И печален и мрачен я был:
И так сердце томилось во мне,

Ты приветом прибавил мне сил
И снова готов я к борьбе.
И так мощны Свободы призывы,
Вот уж бурей клокочут во мне,
Баррикадные слышу мотивы,
Весь горю я в священном огне!
Пусть бушует неправда и зло,
И эти мрачные тюрьмы стоят,
Пусть бичуют и гонят добро
И терзая пусть мучат, казнят.
Нам недолго осталось терпеть:
Я уж вижу рассвета зарю,
Будем песни Свободе мы петь,
Приближаясь к ее алтарю.
И навстречу идущему году
Клики бодрые бросим борцов:
Мы зовем на борьбу за Свободу,
За свержение буржуев, царей и купцов!
Пусть же будет идущий к нам год,
Не тем годом царящих цепей,
В этот год пусть восстанет народ,
И пусть сбросит он власть богачей!

Повторяю, что статьи, появившиеся на страницах тюремного журнала, представляют для историка царской тюрьмы интерес не только с точки зрения их литературных достоинств или недостатков, а как материал для суждения о настроениях их автора в стенах Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. В связи с этим следует отметить, что автор стихотворения, находившийся уже пять лет в Шлиссельбурге, не сломен ее режимом. Он по-прежнему готов к революционной борьбе и зовет к ней товарищей по заключению. Они знали, что Петров был участником восстания саперов в Киеве, когда восставшие солдаты вышли на улицу с винтовками в руках под звуки духового оркестра и когда грудь Петрова была поражена пулями усмирителей. Поэтому особое значение приобрели в устах автора строки о баррикадных мотивах:

И так мощны Свободы призывы,
Вот уж бурей клокочут во мне,
Баррикадные слышу мотивы,
Весь горю я в священном огне.

Автор выполнил свое намерение «петь песни Свободе» в другом стихотворении, носящем название «Песнь Свободе». В нем со всей силою страсти раздается призыв к свободе. Поэт-каторжанин непоколебимо уверен, что желанная Свобода придет в тюрьму вместе со свободой во всей стране.

Глава шестая

УГОЛОВНЫЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

§ 26. ПОХИТИТЕЛЬ «ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ»

«В ДВУХЭТАЖНОМ КОРПУСЕ одиночной тюрьмы в Шлиссельбургской крепости по обеим сторонам коридора нижнего и верхнего этажей тянулись двери одиночных камер. Все эти двери были до 1909 года совершенно одинаковые: в каждой были большие квадратные форточки, маленькие кружки так называемых глазков и надежные крепкие замки. В названном году одна из дверей резко выделилась из всех остальных: на ней появился новый крепкий добавочный замок, а в одиночной камере за этой дверью был водворен новый неизвестный заключенный.

Были приняты чрезвычайные меры полной изоляции нового заключенного.

Только надзиратель мог подавать через форточку пищу неизвестному заключенному. Нового узника стража выводила в баню и на прогулку одного. Для прогулки выбирали такое место, где его никто не мог бы видеть. За всякую попытку кого-либо из заключенных вступить в общение с неизвестным узником назначались строгие наказания. Этот неизвестный был Варфоломеем Стояном, он же — Чайкин. Его перевели в Шлиссельбург из Ярославского исправительного арестантского отде-

ления, где он содержался за похищение и сожжение в г. Казани из Богородицкого девичьего монастыря чудотворной иконы «казанской божьей матери»¹.

Дело Чайкина представляет политический интерес. Недаром департамент полиции хранил в своем архиве два обширных тома под названием: «О похищении в г. Казани из девичьего монастыря чудотворной иконы казанской божьей матери». Они охватывают период с 1910 по 1917 год.

Похищение и уничтожение иконы «казанской божьей матери» наносило серьезный удар по материальному благосостоянию монастыря, в котором хранилась икона. В монастырь обильно притекали пожертвования. Еще Иоанн Грозный одел икону в ризу червонного золота, а Екатерина II в 1767 году при посещении монастыря надела на икону бриллиантовую корону. Вельможи и купцы соревновались в украшении иконы драгоценными камнями и жемчугом.

Но монастырь богател и наживался не только от этих даров, а и от тех многих десятков тысяч рублей, которые несли к нему полуголодные бедняки, жертвы темноты и невежества, отдававшие монастырю свои трудовые гроши.

Названные мною два тома дела департамента полиции содержат в подлинниках или в копиях самые секретные документы, исходившие от высших представителей гражданской власти и православного духовенства. Авторы были уверены, что их телеграммы и письма, тайные поручения и рапорты никогда не сделаются предметом гласности.

Мало сказать, что документы двух изученных мною томов исходили от высших представителей гражданской и духовной власти; они исходили от тех из них, которые оставили о себе особенно черную память в русском народе как ярые реакционеры, как душители гражданской свободы, культуры и прогресса.

Вот их имена: председатель совета министров Столыпин, министр юстиции Щегловитов, министр внутренних дел Хвостов, товарищ министра Белецкий, товарищ министра внутренних дел и командующий отдельным корпусом жандармов Курлов, директор департамента полиции Виссарионов, член государственного совета, камергер двора князь Ширинский-Шихматов,

¹ По-видимому, Чайкин попал в Ярославское исправительно-арестантское отделение не сразу после его осуждения в Казани в ноябре 1904 года. В одном архивном деле встретилось указание на сообщение харьковского охранного отделения в департамент полиции об аресте в Харькове Чайкина и о препровождении его снова в Мариупольскую тюрьму, откуда он бежал 22 октября 1905 г. посредством подкупа. ЦГАОР, департамент полиции, VII делопроизводство, 1908, № 1, ч. 67.

начальник Главного тюремного управления, московский генерал-губернатор Гершельман, губернаторы казанский и курский, князь Оболенский, начальник московской сыскной полиции, московский градоначальник, великая княгиня Елизавета Федоровна и представители духовенства (Гермоген — епископ Саратовский, Иоанн — епископ Читинский, иеромонах Иллиодор, епископ Казанский Антоний, архиепископ Волынский).

Перечисленные лица принимали то или иное участие в интересующем нас деле. Некоторые из них были его вдохновителями или руководителями. Одни из них были особенно активны, другие ограничивались тем, что давали свои подписи там, где это требовалось. Наш перечень имен министров, губернаторов не был бы полным, если бы мы не добавили еще имена уголовных преступников — Кораблева, Блинова.

Они были осуждены за грабежи и убийства к пожизненной каторге. Оба исполняли в событиях главные роли, дублируя один другого, и проявили настоящие «talанты», сумев возбудить полное доверие к их мошенническим проделкам в таких вершителях судьбы российских граждан и самого российского государства, какими были эти министры, епископы, губернаторы, жандармы и полицейские сыщики.

Чайкин же почти все время остается во время этой трагикомедии за кулисами, хотя его имя и его преступления не сходят с языка всех перечисленных нами участников разыгравшихся событий за целый десяток лет. Этими кулисами были стены каторжной тюрьмы Шлиссельбургской крепости. Сам Чайкин появляется на сцене лишь к концу спектакля. И надо признать, что этот вор-рецидивист возбуждает к себе некоторую симпатию читателя объемистых томов дела департамента полиции.

Ранним утром 29 июня 1904 г. в церкви Богородицкого девичьего монастыря в г. Казани было обнаружено похищение со взломом церковных дверей двух икон, а именно: старинной чудотворной иконы «казанской божьей матери» и «нерукотворного образа спасителя». Немедленно после обнаружения кражи начались многочисленные обыски и аресты и через пять месяцев перед судом предстало шесть обвиняемых.

25 ноября 1904 г. перед зданием окружного суда в Казани уже с семи часов утра собирались толпы народа. В этот день начиналось рассмотрение судебного процесса о похищении икон из Богородицкого девичьего монастыря. На скамью подсудимых были посажены шесть человек. Первые два места были отведены молодому крестьянину Чайкину-Стояну (28 лет) и крестьянину Комову (30 лет). Они оба были непосредственными

виновниками преступления. Церковный сторож Захаров обвинялся как соучастник этой кражи, замаскировавший свое участие будто бы насильственным заключением его в подвал под папертью. Ювелиру Максиму было предъявлено обвинение в содействии краже и в покупке золота и жемчуга с украденных икон. Кучерова, сожительница Чайкина, и мать ее Шиллинг обвинялись в укрывательстве участников кражи и похищенных ценностей. На предварительном следствии и в судебном заседании выяснилась личность Чайкина. Детство его было очень тяжелым. Чайкин не выдержал такой жизни и сбежал из родного дома в город. В городе началась его преступная «карьер»: он занялся карманными кражами, а позднее специализировался на церковных кражах.

Ему ставились в вину следующие кражи: 1) В 1903 году в Казани из мужского Спасского монастыря похищены митры и другие церковные вещи, 2) в 1903 году в Коврове из кладбищенской церкви похищена риза с иконы, 3) в феврале 1904 года в Рязани из Семеновской церкви украдена риза с иконы, 4) в марте 1904 года в Туле из церкви похищена риза с иконы «казанской божьей матери» стоимостью в 20 тыс. руб., 5) в апреле 1904 года в Ярославле в монастыре украдена жемчужная риза. При всех этих кражах он не похищал самих образов, а сдирал с них ризы из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями и жемчугом.

В стенограмме процесса имеется запись сообщения защитника Чайкина, что этот обвиняемый в продолжение двух месяцев содержался в ручных и ножных оковах.

Вообще на судебном заседании раскрывались картины зверских приемов розыска и допросов. Так, обвиняемый Максимов показывал на суде, что его признание вынуждалось побоями полицейских агентов, поваливших и душивших его.

Чайкин был приговорен к 12 годам каторжных работ, Комов к 10 годам, Максимов был приговорен к 2 годам 9 месяцам исправительных арестантских отделений. Кучерова и Шиллинг были осуждены на 5 месяцев 10 дней тюремного заключения. Церковный сторож Захаров был оправдан.

Сам Чайкин на предварительном следствии и на заседаниях суда не признавал себя виновным в уничтожении обеих похищенных икон. Он отрицал их уничтожение, несмотря на то, что его сожительница и ее малолетняя дочь и мать показывали на суде, что они видели, как Чайкин разрубил иконы на мелкие щепки и как сжег их в печке. При обыске в квартире Чайкина были найдены в печи: четыре обгорелые жемчужины, загроутовка с позолоты, две проволоки, два гвоздика, 17 петель, ко-

торые, по показаниям монахини-свидетельницы, находились на бархатной обшивке иконы. По показанию матери сожительницы Чайкина, пепел с сожженных икон был брошен в отхожее место, где и был обнаружен¹.

Казалось бы, что факт сожжения «чудотворной» иконы и «нерукотворного образа» являлся установленным. Что касается отрицания самим Чайкиным такого уничтожения, то оно легко объясняется желанием избежать отягощения своей ответственности по приговору суда. В настоящее время мы располагаем несомненным доказательством сожжения Чайкиным иконы. Это подтверждается его показанием при допросе в Шлиссельбургской крепости 29 июня 1912 г. Однако поиски утраченной иконы не прекращались и после осуждения Чайкина.

В найденном нами деле департамента полиции первый документ помечен 12 ноября 1909 г. Он представляет собой секретный, очень обширный доклад товарищу министра внутренних дел чиновника особых поручений при министерстве. Чиновник был командирован в Казань для принятия на месте всех необходимых мер, если подтвердятся дошедшие до министерства «серьезные сведения о сохранности чудотворной иконы казанской божьей матери».

Министерство внутренних дел, основываясь на докладе чиновника особых поручений, взяло на себя все дело по розыску иконы. Душитель освободительного движения генерал-майор Курлов, товарищ министра внутренних дел и вместе с тем командующий отдельным корпусом жандармов, отстранил казанского губернатора и начальника казанского жандармского управления от розыска иконы, доверив расследование автору доклада Прогнаевскому. В помощь к нему «известный» начальник московской сыскной полиции по предложению Курлова командировал в Казань двух наиболее опытных агентов сыска. Один из них, очень быстро донося о первых результатах сыска, сообщал в Москву своему начальнику о продаже старообрядцам чудотворной иконы с ведома игуменьи девичьего казанского монастыря за полтора миллиона рублей. Этот московский сыщик в определении продажной стоимости похищенной иконы «несколько» разошелся с петербургским жандармом, определившим эту сумму всего в 18 тыс. руб.

Дело розыска начало все более и более запутываться. В этом была повинна сама администрация, обратившаяся за содействием

¹ ЦГАОР, департамент полиции, № 1062, 1904, «О похищении из Казанского богородицкого монастыря чудотворной иконы «казанской божьей матери» и «образа спасителя».

к ворами и другим представителям преступного мира и к арестантам. Она поручает одному заключенному, содержащемуся в Ярославской тюрьме за растрату, войти в сношение с отбывавшим там наказание Чайкиным и узнать от него о судьбе иконы «казанской божьей матери». Это поручение выполняется, и арестант доносит следователю о подтверждении Чайкиным сожжения им чудотворной иконы. Однако прокуратура хотела услышать не о сожжении иконы, а, наоборот, об ее сохранности. Поэтому показания арестанта-растратчика, вынужденного прерваться в сыщика, не остановили на себе внимания администрации.

Слухи о возобновлении агентами уголовного розыска поисков пропавшей иконы распространяются по тюрьмам Российской империи. Среди арестантов находят охотники попытаться извлечь для себя пользу из сложившихся обстоятельств. Такие охотники оказались в нескольких тюрьмах.

Иеромонах Иллиодор получил письмо от одного из арестантов саратовской тюрьмы с извещением, что находящийся в этой тюрьме арестант Кораблев знает местонахождение казанской иконы. Иллиодор немедленно встретился с Кораблевым, а этот последний вступил в контакт и с епископом Гермогеном. Кораблев обещал им отыскать икону, в похищении которой он будто бы и сам принимал участие вместе с Чайкиным, заявляя обоим служителям церкви о своей готовности раздобыть икону, так как сочиненная Чайкиным история продажи старообрядцам похищенного чудотворного образа стала достоянием гласности. Каторжанин познакомил их и со своим планом возвращения иконы. По его словам, икона находилась в старообрядческой молельне в одной из губерний и могла быть изъята оттуда лишь путем преступления, притом не исключалась возможность и совершения убийства. За свои услуги вор и убийца требовал смягчения его участи путем «высочайшего милосердия», а условием своей деятельности ставил перевод его из саратовской тюрьмы постепенно в тюрьмы целого ряда других городов: Царицына, Казани, Москвы, Рыбинска для того, чтобы он имел возможность вступить там в сношение с известными ему арестантами и воспользоваться их помощью в задуманном деле.

В виде аванса Кораблев получил от Гермогена в два приема 1000 руб. для вознаграждения участников задуманной кражи из старообрядческой молельни и на покрытие расходов по начатому якобы подкосу под молельню.

Уже известный нам жандармский ротмистр Прогнаевский, командированный в Саратов, не разделял того доверия, которое

питали к Кораблеву Иллиодор и Гермоген. Однако епископ не допускал никакого вмешательства сыскной полиции в дело розыска иконы, ссылаясь на свое обещание арестанту не мешать его работе каким-либо вмешательством агентов полиции.

Между арестантом саратовской тюрьмы и епископом саратовской епархии установились близкие отношения. Оба они оказались членами одной и той же группы по совершению кражи иконы с той разницей, что арестант прекрасно знал всю вздорность замысла похитить несуществующую икону, а епископ лелеял мечту, что эта кража совершится и притом «по возможности без пролития крови».

Спустя некоторое время, жандарм Прогнаевский убедился, что Кораблев не располагает никакими сведениями об иконе и готовится совершить побег. Напрасно он пытался поколебать доверие епископа к арестанту-мошеннику. Священнослужитель горел желанием вернуть «чудотворную» икону и не хотел делить с полицией лавры, которые должны были увенчать его за совершение «великого» дела. Вот почему Гермоген торопил министерство внутренних дел телеграммой на имя генерал-майора Курлова разрешить перевод Кораблева из саратовской тюрьмы в тюрьму г. Рыбинска. Епископ подкреплял свою просьбу выражением своей уверенности, что действия Кораблева «не будут обманными, преступными».

Эта телеграмма вызвала переписку Курлова, министра юстиции Щегловитова и самого Столыпина. Она неожиданно оборвалась. Прогнаевский установил, что письма, представлявшие Гермогену Кораблевым как полученные им от участника подкупа под старообрядческую молельню, в действительности писались арестантом той же саратовской тюрьмы и были от начала до конца мистификацией. 20 марта 1911 г. жандарм телеграфировал об этом Курлову и получил от него по телеграфу же приказание прекратить сношение с Кораблевым и вернуться из командировки.

Так закончился саратовский период розысков иконы и наступил московский период. Действующими лицами в этот период оказались, кроме Кораблева, Иллиодора и Гермогена, московский генерал-губернатор Гершельман, московский губернский тюремный инспектор и некоторые другие.

Особый интерес представляет в этом периоде обширное письмо Гершельмана в министерство внутренних дел Белецкому. Из него мы узнаем, что Кораблев вел письменное и устное сношение с целым рядом лиц, удачно укрепляя в них надежду на отыскание иконы. Он переписывался с Гермогеном и Иллиодором с разрешения московской администрации. Было удовлетворено

его требование разрешить ему пять личных свиданий с его сестрою, а также и с матерью под предлогом, что через них он ведет переговоры с обладателями чудотворной иконы, будто бы уже похищенной от старообрядцев. Сам губернатор писал Белецкому о предоставлении им Кораблеву некоторых льгот по его пребыванию в тюрьме. Однако выяснилось, что командированный в Москву Гермогеном священник Востриков завязал с Кораблевым при содействии сестры из тюремной больницы, фельдшера и тюремных надзирателей нелегальные сношения и тайную переписку. Губернатор немедленно уволил со службы всех виновных, запретил священнику Вострикову доступ в тюрьму.

Гершельман в своем письме от 26 мая 1912 г. Белецкому отметил два интересных факта. Оба они стоят один другого. Во-первых, Гершельман заручился на одной из аудиенций у Николая II его согласием на смягчение участи Кораблева, если при его содействии «чудотворная» икона будет найдена. Во-вторых, московский генерал-губернатор приводил слова, услышанные им непосредственно от Иллиодора. Эти слова раскрывают перед нами настоящую подоплеку всего дела по розыску иконы. Я привожу их с буквальной точностью: «Услышав непосредственно от Иллиодора, что для него и для православных не так важно, будет ли получена действительно украденная икона или какая-нибудь другая, а важно восстановить святыню, я имел в виду, предоставляя временно некоторые льготы Кораблеву, раз навсегда решить вопрос об иконе и не дать возможности создавать из этого дела какую-нибудь историю»¹.

Итак, Иллиодор раскрывал с полной откровенностью свою циничную политику: пусть Кораблев обманет и передаст вместо настоящей иконы поддельную, а верующие получают эту икону как подлинную.

В это время начался петербургский период розысков. Департамент полиции решил проверить не совсем для него ясные сведения — цела или сожжена чудотворная икона — путем новых допросов самого Чайкина-Стояна. Как мы уже знаем, он в течение нескольких лет находился в строгом заточении во временной Шлиссельбургской каторжной тюрьме. Допросы производились в этой каторжной тюрьме. Их было два, один из которых имел место 29 июня 1912 г., а другой — 6 июля того же года. Оба допроса производил жандарм Прогнаевский, введенный к тому времени в чин подполковника.

¹ ЦГАОР, департамент полиции, ф. 102, 1910, оп. 11, № 182, т. II, «О похищении в 1904 году в Казани из женского монастыря чудотворной иконы «казанской божьей матери», л. 268.

Показания Чайкина производят впечатление большой искренности. Со времени приговора суда в Казани прошло уже более восьми лет. Минуло уже более трех лет его пребывания в одиночном корпусе Шлиссельбургской тюрьмы, и Чайкин сам отмечает происшедшую в нем перемену и приписывает ее тому, что, научившись немного грамоте, «кое-что читал и много думал». Именно такими словами он и начал свое показание, далекое от смиренного покаяния и от униженной мольбы о помиловании. Наоборот, он безбоязненно объявляет себя неверующим. Из многочисленных воспоминаний бывших шлиссельбуржцев известны попытки разных лиц получить от Чайкина показания о целостности чудотворной иконы. По словам некоторых заключенных, ему обещали за такое показание смягчение его участи. Но он не хотел кривить душой и твердо стоял на своем показании о сожжении им иконы. Снова и снова подтверждая уничтожение иконы, Чайкин заканчивал свое вторичное показание в Шлиссельбурге 6 июля словами, которые попадали не в бровь, а в глаз не только мошенникам и вора-каторжанам, но и кое-кому другому. Он говорил: «Мне не хочется, чтобы непорядочные люди шантажировали моим именем и вводили в заблуждение утверждением, что иконы целы».

Вспоминая уничтожение иконы, Чайкин объяснил и мотивы своего поступка. Он показывал 29 июня: «Мне ужасно хотелось тогда доказать всем, что икона вовсе не чудотворная, что ей напрасно поклоняются и напрасно ее чтут, что я сожгу ее и никакого не случится чуда: сгорит и все».

В показаниях Чайкина прозвучала еще одна нота. Он сам отмечал происшедшие в нем за годы заточения перемены. Вспоминая, как при ограблении одного монастыря он пытался, но неудачно, вытащить из так называемой раки мощи какого-то святого и выбросить их прочь, он добавил: «Теперь бы я всего этого и не подумал бы сделать. Хотя я и неверующий, но я понимаю, что ничего не стоящая для меня вещь может быть для других святыней»¹.

Однако и после подобного, казалось бы, не вызывающего сомнения показания Чайкина власти не отказались от поисков иконы.

Наступил курский период розысков иконы, удивительно напоминавший саратовский. Действующими лицами здесь оказываются каторжанин Блинов, Читинский епископ, уже известный нам жандарм Прогнаевский, князь Ширинский-Шахматов, великая княгиня Елизавета Федоровна и др.

¹ Названное архивное дело, лл. 312—315.

Можно сказать, что каторжник читинской тюрьмы был дублером каторжника Кораблева. Находясь в кутомарской каторжной тюрьме, Блинов сообщил тюремному священнику (Златковскому), что ему известно местонахождение иконы «казанской божьей матери» и что он может вернуть ее верующим. По его требованию он был переведен в тюрьму г. Читы и здесь убедил администрацию в том, что для успеха розыска должен быть переведен в Курск. Великая княгиня Елизавета Федоровна была поставлена в известность о новой стадии поисков иконы и приняла живейшее участие в розыске. В Курске в половине декабря состоялось особое совещание в присутствии великой княгини, читинского епископа, местного губернатора и вице-губернатора, камергера Ширинского-Шахматова, Прогнаевского и др.

Подробный доклад об этом совещании представил 19 декабря 1915 г. в министерство внутренних дел князь Ширинский-Шахматов. На совещании выступил читинский епископ Иоанн, требовавший выполнить условия каторжанина Блинова по розыску святой иконы, предоставить ему гражданское платье, снабдить его деньгами и дать возможность лично искать икону сначала в Курске, а потом в Сычевке. Епископ, вполне доверяя Блинову, отвергал возможность его побега, а если бы такой побег и произошел, то, по мнению владыки, большой беды от этого не было бы, так как на «воле гуляет много убийц». Хотя личная беседа Ширинского-Шахматова и Прогнаевского с Блиновым в тюрьме убедила их, что в лице последнего они видят подражателя и продолжателя каторжанина Кораблева, тем не менее взяло верх предложение епископа, поддержанное великой княгиней¹. Конечно, поиски Блиновым иконы ни к чему ни привели, а бежать ему не удалось. Он снова был закован в кандалы и признался, что предполагал выдать за настоящую икону лишь копию с нее. Для изготовления же копии он получил с воли на папиросной бумаге два карандашных контура иконы. Один из этих рисунков он прятал в своем сапоге, а другой — в поясе шаровар (акт № 2 от 5 января 1916 г.). Оба рисунка были предъявлены им при составлении протокола его допроса.

¹ В архивном деле имеется копия письма от 31 января 1916 г. Елизаветы Федоровны к Ширинскому-Шахматову. Письмо призывает на помощь розыскам царицу небесную, божью мать, архангела Михаила, подобного Серафима. Одновременно она посылает адресату «иконки казанской божьей матери и архангела Михаила». Она надеется, что адресат Блинов раскрыл всю правду, а если он сбежит, «то что же делать». ЦГАОР, департамент полиции, ф. 102, 1910, оп. 11, № 182, т. II, «О похищении в 1904 году в Казани из женского монастыря чудотворной иконы «казанской божьей матери», л. 183, об.

Казалось, что это показание Блинова заканчивает курский период поисков иконы, но конец еще не наступил. 9 января 1916 г. Блинов обратился с письмом к великой княгине Елизавете Федоровне и снова подавал надежду найти образ «казанской божьей матери».

В это же самое время Ширинский-Шахматов отправил (8 января 1916 г.) подробный доклад министру внутренних дел. Он сообщал в нем о своем полном убеждении во лжи Блинова, побег которого не осуществился. По словам автора доклада, успеху арестантского шантажа много содействовали слишком доверчивые священники. В виде примера он указывал на письмо к Блинову Варвары — игуменьи казанского девичьего монастыря. Она называла Блинова «Боголюбивым Михаилом Ивановичем» и обещала ему своими молитвами «насколько возможно постараться освободить от уз адовых».

В этих словах Ширинского-Шахматова, обвиняющих священников, много верного, но он должен был бы в равной степени эти слова отнести и в адрес епископов, министров, губернаторов и самого департамента полиции. Все они страстно хотели быть увенчанными лаврами за возвращение правительству и церкви похищенных икон.

Несмотря на все принятые официальными органами, церковниками и должностными лицами царизма меры, поиски чудотворной иконы оказались безуспешными. За эти шесть лет в особом отделе департамента полиции набралось два обширных тома документов, которые раскрывают перед нами любопытные картины внутренней политики царизма.

§ 27. АРИСТОКРАТ — УБИЙЦА

Дело по обвинению О'Бриена де-Ласси было одним из самых крупных уголовных процессов царизма в XX веке. В свое время оно давало неистощимые материалы для периодической печати. На судебном разбирательстве публика сверх всякой меры переполняла зал суда, и, по словам одного из корреспондентов, здесь было «обилие изящно, по последней моде, разодетых дам». Он мог бы добавить, что это были так называемые великосветские дамы и представительницы той аристократии, к которой принадлежали и главный обвиняемый, и жертва его преступления. К началу судебных прений на местах позади кресел судей разместилось до сотни высших чинов судебного ведомства, в том числе министр юстиции.

Внимание высшего круга столичного общества к процессу де-Ласси вполне понятно. Главный обвиняемый был для них

свой человек, плоть от их плоти, кровь от их крови. Раскрывавшиеся на суде картины представляли особый интерес для этой избранной публики не потому, что они были для нее новы, а именно потому, что были ей очень знакомы и родственно близки.

Судебный процесс об отравлении сына миллионера Бутурлина О'Бриеном де-Ласси в погоне за миллионами в известной мере разоблачал нравы служителей золотого тельца, крупных финансистов, так называемой золотой молодежи и темных дельцов, готовых на всякое грязное дело.

Однако в многочисленных отчетах судебных репортеров, в статьях публицистов того времени мы не находим даже и намека на отмечаемое нами социально-политическое значение этого судебного процесса.

Наоборот, буржуазная периодическая печать того времени изображала О'Бриена де-Ласси как какого-то выроodka своего класса, как чудовищное явление на общем фоне социального уклада. Так, автор статьи в газете «Новое время» видел в де-Ласси лишь дегенерата.

В качестве обвиняемых были привлечены трое: Патрик О'Бриен де-Ласси, 47 лет, доктор Владимир Панченко, 60 лет, и вдова корнета Екатерина Муравьева, 41 года. По происхождению все трое принадлежали к числу потомственных дворян. К высшей родовой аристократии принадлежал и отравленный Василий Бутурлин, 26 лет. Он был сыном генерала от инфантерии Дмитрия Бутурлина, обладателя огромного состояния — около трех миллионов рублей. От брака генерала Бутурлина с графиней Бобринской было двое детей — дочь Людмила и сын Василий. Семейные узы Бутурлиных не отличались прочностью. Жена генерала Бутурлина, урожденная графиня Бобринская, обладательница миллионного состояния, развелась с мужем, вступив во второй брак. Дочь Бутурлина — Людмила, вступившая в брак со своим двоюродным братом Бутурлиным, также развелась и вступила во второй брак с Патриком О'Бриеном де-Ласси.

Василий Бутурлин принадлежал к так называемой золотой молодежи Петербурга и служил офицером в гвардейском Преображенском полку. Он вступил в брак с артисткой одного из столичных кафе-штанов. Некоторое время такой неравный брак осуждался высшим кругом и отцом Бутурлина, но затем с этим примирились, и молодой Бутурлин зажил семейной жизнью, которая не оказалась прочной. В 1910 году, во время пребывания его жены в гостях в имении его отца, он снова сделался посетителем различных увеселительных заведений. Эти посещения происходили в компании с О'Бриеном де-Ласси и доктором Панченко, человеком с сомнительной репутацией.

О'Бриен де-Ласси был сыном предводителя дворянства. Он учился в Англии, в лондонском политехникуме. После смерти отца получил имение в Гродненском уезде и открыл здесь судостроительный завод, но обанкротился. После этого построил новый завод, однако не на свое имя, а на имя сестры, чтобы избежать уплаты долгов кредиторам. К этому времени его долги достигли 100 тыс. руб. Раздобывал он деньги, учитывая фиктивные безденежные векселя. Позднее была установлена подложность части этих векселей.

После брака с Бутурлиной де-Ласси получал безденежные векселя, пользуясь ее именем. Но задолженность де-Ласси была огромна, достигая к этому времени уже 400 тыс. руб., и безденежные векселя жены не открыли пути к спасению от кредиторов. Еще до вступления в брак с дочерью миллионера этот аферист, подделыватель векселей, знал, что его будущая жена является наследницей части огромного состояния и что эта часть в несколько раз меньше наследственной доли ее брата Василия Бутурлина. До совершения своего преступления де-Ласси прожил в браке с Бутурлиной менее полутора лет. За эти месяцы он не только высасывал из нее все денежные средства и безденежные векселя, но и выработал план своего обогащения путем отравления ее брата, а затем ее отца и матери.

Де-Ласси нашел в лице доктора Панченко исполнителя своих преступных планов. Панченко был сыном подполковника, окончил медицинский факультет Харьковского университета. По характеристике обвинительного акта Панченко ставил свою фамилию на флаконах косметического препарата Энглунда, ручаясь за чистоту этого препарата, а между тем в действительности лишь фиктивно числился заведующим лабораторией этой фирмы. Он распространял «Спермин Пеля», получая гонорары от пациентов, которых лечил от полового бессилия, рекламировал так называемый «индийский бальзам» Аврахова, несмотря на признание этого средства вредным для здоровья. В погоне за деньгами Панченко согласился быть редактором «Всемирного юмора» и «Иллюстрированных анекдотов» и был трижды приговорен окружным судом к денежному штрафу за помещение статей и рассказов, явно противных нравственности и благопристойности. По приглашению де-Ласси он согласился за 10 тыс. руб. отравить молодого Бутурлина путем впрыскивания в его организм яда. Вслед за этим убийством должно было быть совершено отравление старика Бутурлина, за что де-Ласси обещал уплатить 50 тыс. руб. Этот гонорар повышался до полумиллиона за отравление матери Людмилы и Василия Бутурлиных.

Кроме двух мужчин, на скамье подсудимых сидела женщина — Екатерина Муравьева. Ранее она была богатая женщина, привыкшая, по словам прокурора, ничего не делать. Еще при жизни мужа она вступила в связь с Панченко, который переехал на жительство в квартиру Муравьевых. Вскоре после этого муж Муравьевой скончался. Панченко отдавал Муравьевой все, что ему удавалось заработать. Но этот заработок не удовлетворял женщину, привыкшую к более обеспеченной жизни. Ей было предъявлено обвинение в укрывательстве преступления де-Ласси и Панченко.

Процесс об отравлении Бутурлина рассматривался в петербургском окружном суде с участием присяжных заседателей в течение 18 дней. Такая продолжительность судебного разбирательства объясняется большой сложностью этого судебного процесса. Де-Ласси упорно отрицал свою виновность, несмотря на целый ряд косвенных улик. Доктор Панченко не раз менял свои объяснения. Начав с полного признания своей вины и с подробного выяснения роли де-Ласси как подстрекателя и организатора отравления, Панченко неожиданно в середине процесса взял свое признание обратно. Третья обвиняемая — Муравьева — отрицала всякую причастность к преступлению.

В процессе выступали 11 представителей столичной адвокатуры. Сложность процесса создавалась не только запирательством одного обвиняемого и отказом от своих признаний другого, но также и сложностью судебно-медицинской экспертизы. В качестве экспертов выступили несколько врачей и в том числе профессора военно-медицинской академии. Им предстояло ответить на вопрос, последовала ли смерть В. Бутурлина от отравления, и в случае утвердительного ответа на этот вопрос, был ли введен в организм Бутурлина путем впрыскивания дифтерийный токсин. Перед экспертами на суде имелись результаты трех вскрытий трупа, из которых два последних были произведены уже после похорон. Эксперты ответили на поставленные вопросы утвердительно.

Судебное разбирательство, кроме юридической стороны, представляло большой психологический и социологический интерес. В заседаниях одна за другой раскрывались картины жизни того высшего круга, к которому принадлежали обвиняемые, потерпевший и многие свидетели.

Выяснившиеся на суде подробности дела привели присяжных заседателей к решению признать де-Ласси виновным в инкриминируемом ему преступлении, а суд — к назначению осужденному наиболее сурового наказания без всякого смягчения.

Де-Ласси был приговорен к каторжным работам пожизненно. Слова судебного приговора «пожизненно», «навсегда», «вечно» едва ли были пережиты осужденными с тем чувством, безнадежного ужаса, которые они внушают всякому человеку. У де-Ласси оставалась надежда, что эти страшные слова не для него писаны. Он возлагал надежду, что ему помогут, во-первых, деньги, а во-вторых, его связи с родовой аристократией.

Де-Ласси прекрасно знал силу капитала. Он познал ее на собственной практике в погоне за миллионами. Он то продавал, то покупал, закладывал и перезаклаживал, то выдавал векселя, получал и проживал приданое своих жен. За деньги и за обещание щедрой расплаты он купил в лице доктора Панченко убийцу. Он пытался купить себе свободу у тюремных надзирателей дома предварительного заключения. Когда подкуп не удался и он попал в Шлиссельбург, у него оставалась надежда, что на помощь к нему придут его родственные связи «с сильными мира сего». Нет никакого сомнения, что родственные связи помогли де-Ласси попасть для отбывания наказания именно в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму, а не в далекую Сибирь, не в какие-либо другие отдаленные центры. Направление его в каторжную тюрьму за 60 километров от Петербурга не прерывало его связей со столицей.

Аристократ О'Бриен де-Ласси поступал в Шлиссельбург на особых условиях. Показательным в этом отношении является опубликование в печати беседы газетного репортера немедленно после приговора с чиновником тюремного ведомства.

Общий характер беседы с чиновником столичной тюремной инспекции был самый успокоительный. Он прежде всего воздал хвалу гуманности своего высшего начальника — руководителя Главного тюремного управления. Затем он нарисовал картину современной каторги. Говорил, что работа в рудниках отошла в область прошлого, что на каторжанина смотрят, как на «человека», что тюрьмы, как вновь строящиеся, так и уже выстроенные, вроде Шлиссельбургской, отвечают всем требованиям «гигиены, современной техники и удобствам» и т. д. Вместе с тем он намекнул на возможность отправки де-Ласси именно в Шлиссельбургскую тюрьму, куда направляется громадное большинство каторжан и «где они находятся в самых лучших гигиенических условиях»¹.

Такое похвальное слово царской тюрьме произносилось тюремным чиновником в том самом 1911 году, когда передовая

¹ «Каторга на Руси», беседа корреспондента «Петербургской газеты» с помощником тюремного инспектора г-ном Н. Н. де-Рошефор, «Судебные драмы», Дело об отравлении Бутурлина, 1911, стр. 321—323.

общественность уже хорошо знала о тюремном режиме, который проводился царизмом в местах лишения свободы.

Я отмечаю не столько содержание беседы чиновника тюремной инспекции в защиту тюремного ведомства, сколько самый факт появления в «Петербургской газете» интервью на тему о каторге. Он знаменателен. Петербургский окружной суд и военный суд ежегодно приговаривали к каторжным работам большое число осужденных. Они посылали на каторгу осужденных за государственные и общеуголовные преступления. На каторгу шли революционеры за пропаганду и борьбу против господствовавшего социального уклада. Однако столичная буржуазная печать не поднимала вопроса о том, что представляла собою тогда каторга. Массовые приговоры не привлекали к себе внимания господствующих классов. Это было в порядке вещей, но внимание «высшего круга» столичного населения всколыхнулось, когда на каторгу должен был пойти один из представителей аристократии и крупного капитала.

Когда чиновник тюремного ведомства всячески смягчал режим царской каторги, он оказался по отношению к О'Бриену де-Ласси пророком. Тюремная администрация Шлиссельбургской каторги разглядела «человека» в этом убийце-отравителе скорее, чем в каком-либо другом узнике этой каторжной тюрьмы. Очень скоро инженер де-Ласси стал чем-то вроде консультанта при разрешении различных вопросов по строительству в тюрьме, где он был заключен.

Конечно, участие в деле тюремного строительства открыло перед де-Ласси возможности выгодного для него общения с тюремной администрацией. Он становился для нее своим человеком и старался оправдать оказанное ему доверие: недаром он поспешил выдать начальнику тюрьмы случайно обнаруженную им тайну пополнения тюремной библиотеки запрещенными книгами, замаскированными обложками благонадежной религиозной литературы.

В то время как в Шлиссельбургской каторжной тюрьме стоял неумолчный звон кандалов, в которые были закованы на разные сроки каторжане, убийца О'Бриен де-Ласси поступил в тюрьму без всяких оков. Такое освобождение от кандалов не было актом какого-либо особого снисхождения тюремной администрации к заключенному. Оно было предписано самим уголовным законом, установившим эту льготу для преступников привилегированного класса. Де-Ласси был потомственным дворянином, принадлежавшим к высшей родовой аристократии и ведшим свое происхождение от ирландских королей.

Пребывание де-Ласси на каторге было много легче, чем других, не только потому, что его руки и ноги были освобождены

от тяжелых оков. Наличие знатной и богатой родни несло к нему в тюрьму разные льготы и в том числе такое питание, какого другие заключенные не знали. Он скоро получил разрешение выписывать за свой счет белый хлеб и молоко. Ему разрешили увеличить выписку продуктов из тюремной лавочки. Со свиданий с родственниками он приносил в свою камеру конфеты, шоколад, лимоны, апельсины.

Лишь в первое время после заключения в тюрьму к де-Ласси были применены меры строгой изоляции. Его камера находилась под особым надзором и охраной, не допускалось общение с другими заключенными. Можно предположить, что тюремная администрация опасалась повторения им попытки побега. Через некоторое время были отменены меры изоляции де-Ласси. Он совершал совместные прогулки с другими заключенными. Ф. Н. Петров вспоминал в своих разговорах со мною, какое отвратительное впечатление производил О'Бриен де-Ласси с лицом, покрытым реденькой растительностью и напоминавшим скопца. Он вызывал у заключенных вообще самое неприятное чувство. Оно не было ошибочным и подтвердилось гнусной выдчей этим отравителем начальнику тюрьмы запрещенной книги, замаскированной в виде религиозного журнала.

Положение де-Ласси в тюрьме еще более улучшилось с началом русско-германской войны. Изливая свой патриотизм, он предложил создать усовершенствованную подводную лодку. Ему это было разрешено, но, испортив значительное количество материала, де-Ласси ничего не создал¹.

Предательство О'Бриена де-Ласси показывает, что этот заключенный был готов зарабатывать доверие к нему начальства какими угодно средствами. Это было в полном соответствии с основными чертами характера этого человека, проявившимися в его преступлении.

«Вечник» О'Бриен де-Ласси пробыл в Шлиссельбурге всего шесть лет. Он вышел на свободу, когда революция 1917 года разрушила и сожгла ту самую тюрьму, в строительстве которой де-Ласси принимал участие в качестве консультанта. Дальнейшая судьба его нам не известна.

¹ Здесь имеется разногласие в воспоминаниях Симоновича и Вороницына. В то время как Симонович говорит о строительстве подводной лодки и о неудаче этого опыта, Вороницын пишет о постройке О'Бриеном де-Ласси моторной лодки. И. П. Вороницын, Из мрака каторги, 1905—1917, Харьков, 1922, стр. 128; В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 129.

Глава седьмая

КОНЕЦ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

§ 28. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ НАРОД ОСВОБОЖДАЕТ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХ УЗНИКОВ В ПЕРВЫЕ ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГА не знали, что в февральские дни 1917 года в Петрограде уже разворачиваются революционные бои, что царизм отсчитывает свои последние часы. Шлиссельбургская администрация сумела сохранить в тайне эти события.

О полной неожиданности освобождения свидетельствуют воспоминания тех политических заключенных, которым выпало счастье дожить до этого дня и быть участниками знаменательного события.

Симонович, бывший заключенным третьего одиночного корпуса, в своих воспоминаниях остановился и на описании 27 февраля 1917 г., то есть кануна освобождения первой группы политических заключенных. Он отметил, что этот день ничем не отличался от всех предшествовавших дней за много лет заточения: «Те же тюремные щи, та же каша, те же надзирательские на цыпочках шаги и подсматривание в «волчок». Царила обычная мертвая тишина. Только звон кандалов нарушал ее». Как всегда, Симонович шагал из угла в угол по камере. Также

шагал по ней и его товарищ по заточению, совершая свой путь взад и вперед. Такое хождение сменялось сидением за столиком. Голова склонялась на руки, опиравшиеся на столик. В мозг лезли обычные тюремные мысли о близких, об оставленной любимой на свободе, о воле. Рождались мечты о свободе, но быстро умирали: вокруг не было ничего, что давало бы жизнь этим зародившимся мечтам.

Наступила ночь на 28 февраля. Как и постоянно, она несла заключенным некоторое успокоение. Она была лучше дня уже потому, что меньше грозила опасностями столкновений с надзирателями. Как и всегда, в 6 часов утра раздался свисток дежурного тюремщика. Это приказ немедленно встать с койки, убрать ее, облечься в костюм каторжника и начать каторжный день, похожий, как две капли воды, на многие сотни уже прошедших дней и на все будущие дни. В обычное время подали в камеру хлеб и кипяток, а через несколько часов — обед. В одиночных камерах жизнь идет и время исчисляется от утреннего кипятка с куском хлеба — до обеда, от обеда — до ужина и от ужина — до вечерней поверки. На этот раз такая программа была выполнена лишь кончая обедом.

Так же описывает первую половину дня 28 февраля 1917 г. и И. С. Мельников, который содержался в одиночной камере четвертого этажа четвертого корпуса. Он свидетельствует, что еще утром 28 февраля они «жили обычной тюремной жизнью». Как всегда, в положенное время их вывели на прогулку.

Первое отступление от общего распорядка дня произошло сейчас же после окончания прогулки. Вместо того чтобы вести заключенных на работы, их развели по камерам. Такой порядок имел место лишь в праздничные дни, а были будни. По словам Мельникова, около трех часов дня тюремный надзиратель предложил одному из политических заключенных собирать вещи — это означало выход на свободу. Однако приглашенный решительно отказался исполнять приказание, предполагая, что вместо свободы его отведут в карцер.

Последующие события разыгрались с молниеносной быстротой. Шарапа рассказывает в своих воспоминаниях, как по предложению Лихтенштадта, простучавшего ему через стену камеры, он начал глядеть в окно своей камеры на четвертом этаже. Окно выходило на Неву, скованную крепким февральским льдом. Через верхнее стекло Шарапа увидел далеко на льду черную полосу. Она показалась ему как будто черною дорогою, а так как она не была неподвижной и неровно двигалась, то походила и на реку. Скоро он разглядел: это была огромная толпа народа, двигавшаяся с берега Невы от расположенных там пороховых

заводов и рабочего поселка. Можно было видеть колыхавшиеся над толпою и раздуваемые ветром знамена. Толпа шла в направлении к крепости. Она подошла к ней, грозная своею численностью.

В корпусах тюремных зданий начались шум и беготня, совсем непонятные для заключенных. Отпирались двери отдельных камер. Из них куда-то уводили узников. По воспоминаниям Мельникова, явилось подозрение о переводе заключенных куда-то в другие камеры. Начался бешеный стук в двери камер. Отовсюду раздавались крики с требованием объяснить причину увода товарищей. Явившийся помощник начальника Шлиссельбургской каторги объяснил, что заключенных отпускают на свободу по требованию народа.

По-видимому, одним из первых был освобожден Лихтенштадт. По воспоминаниям Шарапы, он слышал, как в камеру Лихтенштадта кто-то вошел, как выведенный из камеры смертник отдавал приказания тюремному надзирателю освободить названных им товарищей, как обещал немедленно составить список с перечнем фамилий политических узников для их освобождения.

Трудно представить себе, что произошло тогда в камерах Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Лишь некоторое представление об этом дают следующие строки Симоновича. При известии об освобождении у него произошло как будто затемнение сознания. Когда он очнулся, перед ним стоял помощник начальника тюрьмы, объявлявший ему, что он освобожден, что за ним пришли делегаты от рабочих. Автор продолжает: «В коридоре корпуса царствовал полнейший хаос: надзиратель с ключами в руках стоял неподвижно в углу с испуганным лицом, с опущенной вниз головой и оторопелым взглядом, точно забитый петух на чужом дворе. Везде валялись сор, комки бумаги, клочья соломы, как после погрома. Двери одиночек открыты, оставшиеся в них плачут, рыдают, а внизу обнимаются, целуются, ликуют...»¹

Освобождение 28 февраля первой группы политических заключенных, 66 человек, было описано с наибольшей подробностью Симоновичем, одним из этих 66. Он вспоминал, как его с товарищами вели из одиночного корпуса в контору. На лестнице им попался начальник каторги Зимберг, властелин крепости за все время существования каторги. Как мало похож он на прежнего неограниченного владыку! С расстегнутым воротом рубахи, с бледным осунувшимся лицом и сгорбленный, он

¹ В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 186.

казался сразу постаревшим. В конторе столпилось уже много освобождаемых, у них взволнованные, радостные лица. Тут же несколько человек из пришедшей толпы. Один из них, в рабочей одежде, распоряжается всем. Это был, как пишет Симонович, рабочий с пороховых заводов.

Другой, освобожденный из крепости также 28 февраля, описывая минуты пребывания его и товарищей в конторе, вспоминал слова рабочих делегатов, обращенные к узникам: «Мы пришли вам сказать от имени 12 тысяч рабочих Шлиссельбургского порохового завода, они окружают крепость и ждут нас вместе с вами на воле. Муки ваши кончились! Идемте, товарищи, на волю!». Делегаты торопили узников, говоря, что рабочие могут начать штурм крепости, и от нее не останется камня на камне. Задержка происходила лишь из-за кандалов, сковывавших ноги заключенных.

Призванный кузнец сбивал оковы, много лет натиравшие ноги заключенных. Ноги уже свободны от кандалов, но сами освобождаемые еще внутри тюремного двора, и тяжелые крепостные ворота еще замкнуты. Вот открывают их. Но пусть говорит сам Симонович:

«Громадные, тяжелые ворота, «откуда раньше выносили», теперь открываются, и мы выходим из «государевой» на волю... Нас встречает многотысячная толпа народа с красными знаменами и революционными песнями и криками: «Ура!» Какое-то невыразимое, непередаваемое радостное чувство овладело мною, сердце сильно забилося, оно готово было разбиться на части и улететь, обнять всю массу людей и не расставаться с ними, слиться с ними, быть маленькой незаметной частью ее. Народ одет в праздничные одежды, лица радостные, веселые и неумолкаемо раздаются революционные песни и крики: «Ура!» Да здравствует революция!» Тысячи людей открывают нам свои объятия, обнимают, целуют, жмут наши руки, и кто дает пальто, кто шапку, кто платок, кто шаль, наперебой стараются нести наши вещи»¹.

Шестьдесят шесть освобожденных узников Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, конечно, не исчерпывали всего числа политических заключенных этой тюрьмы. Не так трудно представить себе переживания людей, не попавших в первую очередь освобожденных. И если у самих освобожденных не было полной уверенности в прочности их освобождения, то тем сильнее были тревожные сомнения тех, кто, провожая товарищей на свободу, оставался за решетками, внутри тюремных и крепостных стен.

¹ В. Симонович, В новом Шлиссельбурге, М., 1934, стр. 187.

Это прекрасно понимал чуткий Лихтенштадт, общепризнанный руководитель всего процесса освобождения заключенных. Он вернулся с пороховых складов в Шлиссельбургскую крепость уже переодетый в черный пиджак и, подбегая к камерам, успокаивал товарищей, укрепляя в них уверенность в наступлении через несколько часов дня их свободы.

Наступала последняя ночь существования Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Шли последние часы каторжной неволи. Конечно, сейчас она очень мало походила на прежнюю. Кандалы были уже сбиты, двери тюремных камер остались незапертыми. Раздавались революционные песни. Один из переживших эту последнюю ночь в Шлиссельбурге вспоминал, как заключенные металась по камерам и по коридору. Он писал: «Не надо думать, что возбуждение охватывало лишь неосвобожденных политических каторжан. Может быть, оно еще сильнее переживалось уголовными арестантами. Еще при первом выходе на свободу 66-ти узников уголовные кричали им из-за решеток окон: «Не забудьте же и нас! Смотрите же, не забудьте!»

Вопрос об освобождении из Шлиссельбурга уголовных арестантов был разрешен в положительном смысле самим революционным народом.

Освобожденные 28 февраля нашли самый сердечный приют у рабочих пороховых заводов в Шереметевке. В помещении чайной рабочие принимали своих необычных гостей, которых ранее никогда не видали. Но они постоянно видели перед собою высокие стены знаменитой Шлиссельбургской крепости, за которыми томились борцы революции. Они принимали их, как самых дорогих и близких друзей, как родных.

Настало утро 1 марта.

Заключенные в тюремных корпусах крепости ждали наступления часа их освобождения. Большинство из них было лишено всякой возможности что-либо видеть, кроме стен своих камер. Они могли лишь услышать прибытие народа-освободителя к крепостным стенам. Только заключенные верхнего этажа четвертого корпуса могли теперь беспрепятственно глядеть через окна на Неву. Они прильнули к тюремным решеткам, не спуская глаз с открывавшегося ледяного простора реки.

На дворе тюрьмы с утра 1 марта было необычное оживление. Группами стояли заключенные. Возили сани с необычным грузом — арестантскими делами из архива тюрьмы. Большими охапками передавали их в котельную и здесь бросали в топки котлов. Такое уничтожение архивного материала наполняло радостью сердца узников.

Однако вместе с тем пропадали ценнейшие материалы для истории каторги на Шлиссельбургском острове.

Заключенные собирались у помещения конторы. Они стояли здесь в количестве до 800 человек и ждали. Один из авторов воспоминаний отметил удивительный факт. Многосотенная толпа заключенных, готовившихся выйти на свободу, хранила глубокое молчание: «Восемьсот узников стояло около конторы крепости с котомочками на плечах, не двигаясь, не шевелясь, но с обращенными в одну сторону взорами. Кругом все замерло, ни звука, ни шелеста».

Чем объяснить это молчание сотен людей? Очевидец даже сравнивал этих безмолвных и неподвижных людей с покойниками, вышедшими из своих могил. В эти минуты и на самом деле в них умерло все, кроме одного желания — свободы. Еще не было уверенности, что они выйдут на волю. Мысли напряжены до крайности. Ни о чем другом, кроме освобождения, арестанты не могли думать. Среди них имелись «вечники», немало осужденных на очень долгие сроки, пережить которые они не надеялись. Освобождение явилось неожиданно. Один из узников признавался, что, даже уже выйдя из крепости и шагая с ликовавшим народом по льду реки, он спрашивал у себя, не грезит ли он, не видит ли он тот же самый сон, который не раз видел, засыпая на тюремной койке.

Приготовления к выходу закончены. Раздался голос Лихтенштадта, но он почти сейчас же оборвался. Волнение не дало ему возможности продолжать речь. Оборвалась речь и того освобожденного, который пытался заменить Лихтенштадта. Несколько напутственных слов были сказаны тюремным врачом Эйхгольцем, пользовавшимся расположением каторжан.

Шествие тронулось в путь. Обоз с больными шел впереди. Больных, способных идти, вели под руки. Участник этого исключительного в истории торжественного марша вспоминал:

«Затрепетали в воздухе знамена, росли крепили звуки революционных песен.

Мы медленнодвигаемся к городу Шлиссельбургу, где на берегу нас ждут жители и рабочие...

Все слилось в могучем, волнующем потоке. Люди обнимались, целовали друг друга, плакали, некоторые стояли в каком-то оцепенении.

В арестантских халатах, в стоптанных котлах, с жалким своим имуществом мы вызывали сочувствие толпы. Нас зазывали на квартиры, давали теплую одежду, обувь, шапки, перчатки».

Я назвал бы это шествие из Шлиссельбургской крепости триумфальным. Триумфаторами были бывшие каторжане

центральной государственной тюрьмы. Это место заточения, признававшееся твердыней царизма и его оплотом, пало без штурма, без единого выстрела и даже без какого-либо акта насилия со стороны народа и его представителей.

§ 29. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

На пороховых заводах в Шереметевке был образован революционный комитет. Он был составлен из рабочих этих заводов и освобожденных политических заключенных Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Комитет взял в свое ведение дела, требовавшие срочного выполнения, например выплату освобожденным денег, заработанных ими в мастерских тюрьмы, или снабжение освобожденных каторжан особыми удостоверениями. Текст таких удостоверений представляет несомненный интерес, тем более, что он не появлялся в печати. Я воспроизвожу его по материалам Шарапы: «Удостоверение № 101 от 7 марта 1917 г. Дано сие гражданину Козловскому Ивану Андреевичу, лет 25, Могилевской губ., Оршанского уезда, в том, что он волею восставшего народа освобожден из Шлиссельбургской крепости. В чем подписью и приложением печати удостоверяется.

Член исполнительного комитета
при революционном комитете
шлиссельбургского порохового завода

С. К. Богусhevский»

Революционный комитет принял решение сжечь тюремные корпуса Шлиссельбурга, вывезя оттуда все ценное имущество, оружие, продовольственные запасы, орудия труда и тюремную библиотеку. В печати нет никаких сведений о подробностях обсуждения и принятия этого важного решения. В рукописных воспоминаниях Шарапы имеется указание, что тюрьма была сожжена «самовольно» двумя бывшими заключенными, предварительно облившими ее нефтью.

Имущество, подлежавшее вывозу из крепости, было, конечно, очень большое. Очевидцы рассказывали, как потянулись из крепости подводы, груженные продуктами, книгами, кожей, сапогами, как гнали стадо свиней.

Один из авторов воспоминаний о Шлиссельбурге определенно указал не только день, но и час начала разрушения огнем пожара Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Это произошло

в час ночи с 4 на 5 марта. Имеются сведения о поджоге не всех тюремных зданий, а лишь некоторых. Так указывалось на разрушение четвертого корпуса, верхний этаж которого, как мы уже знаем, был даже выше крепостной стены. Имеются воспоминания об особо тщательном уничтожении здания конторы и квартиры начальника каторжной тюрьмы. Колосов, описывавший пожар в Шлиссельбургской крепости, отметил наибольшее разрушение огненной стихией первого и четвертого корпусов. Распространению огня в четвертом корпусе способствовало наличие в нем мастерских, в том числе столярных. Он указал и на пожар во втором корпусе с его деревянными полами. Этот автор, однако, отметил наименьшее повреждение огнем второго и третьего корпусов. Сам я при посещении Шлиссельбургской крепости осенью 1925 года не нашел следов пожара в третьем корпусе.

Пожар тюремных зданий Шлиссельбурга длился не одни сутки. Языки пламени пожирала высокий четвертый корпус у всех на виду. Предварительное обливание зданий нефтью вызвало быстрое распространение огня с густым черным дымом.

Пожар в Шлиссельбургской крепости представлял собою знаменательное зрелище. Тюрьма, еще недавно гордо возвышавшаяся на неприступном острове, грозная, как символ императорской власти, теперь быстро разрушалась и погибала в дыму и пламени. Никто не шел к ней на помощь, и с далекого расстояния можно было видеть это страшное, а вместе с тем и такое радостное пожарище. Хорошо сказал о конце Шлиссельбургской тюрьмы Вороницын. «Несколько ночей огромным красным факелом, освещающая ладожские дали, горела старая тюрьма. Символический маяк на грани уходящего в мрак забвения старого мира...»¹.

Этот же автор закончил свою книгу воспоминаниями о том, как он через несколько дней после взятия народом Шлиссельбургской крепости посетил ее вместе со своими товарищами и фотографом. Автор обратил внимание, что на том самом месте над входными воротами крепости, где протягивал свои когти двуглавый орел и где красовалась надпись «государева», он увидел на красном фоне торжественную надпись: «Вечная память борцам, погибшим за свободу». Входявшие в крепость невольно обнажали свои головы.

Уже на второй день по освобождении тюремные надзиратели указали освобожденным революционерам места погребения казненных в крепости. Могилы были за крепостной стеною.

¹ И. П. Вороницын, Из мрака каторги. 1905—1917, Харьков, 1922, стр. 150.

Тогда же революционеры новых поколений отметили могилы своих предшественников маленькими деревянными крестиками из лучины и тоненьких палочек с надписями на них фамилий.

Спустя несколько дней после конца Шлиссельбурга в крепость почтить память погибших прибыла из Петрограда многотысячная толпа народа, у дорогих могил духовой оркестр играл «Вы жертвою пали». Люди стояли с обнаженными головами. Этот гимн погибшим борцам революции исполнялся с глубоким чувством. Он был первой гражданской панихидой по тем, кто расстался с жизнью внутри крепостных стен, кто умирал на эшафоте с призывами к революции.

Заканчивая описание конца Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, мне хочется привести эпизод, который символически завершил двухвековую историю Шлиссельбургской крепости.

Узник Шарапа, девять лет проведенный на каторге, после освобождения из одиночной камеры был поставлен товарищами стражем у ворот крепости. Описывая освобождение заключенных, он отметил в своей тетради:

«Когда освобождение подходило к концу, толпа принялась кричать: «Долой двухглавого! Несколько молодых парней вскарабкались на крепостные ворота и начали ломать орла. Орел зашатался и вскоре по частям был разорван на куски. Сначала отломали ногу со скипетром, потом с державой и, наконец, скрутили одну и другую головы. Черная корона бессильно наклонилась и ухнула под ноги радостно крикнувшей толпе: «У-р-ра-! У-р-ра! Ломай его, бей, руби голову!». Внизу толпа быстро разломала орла еще на мелкие куски и с криком «Ура!» понесла, кто ногу, кто когти, кто голову, а кто только частичку короны».

Стоя на страже у крепостных ворот, Шарапа вспоминал, как в 1907 году, входя в ворота, он увидел этого двуглавого орла и подумал: «Вот он, тот самый, который своими хищными когтями растерзал уже столько смелых наших товарищей. Вот он! Растерзает он, наверное, и нас»¹.

Теперь, в 1917 году, он был свидетелем гибели орла. На его глазах государственный герб императорской России был уничтожен революционным народом, сынов которого так долго терзал царизм в стенах Шлиссельбурга.

¹ Музей Революции СССР, архив «Каторга и ссылка», коробка № 10, Воспоминание Шарапы о Шлиссельбурге.

Глава восьмая

ОРЛОВСКИЙ КАТОРЖНЫЙ ЦЕНТРАЛ

§ 30. СТРОИТЕЛЬСТВО ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ В ОРЛЕ

ВРЕМЕННАЯ каторжная тюрьма в Орле, называвшаяся в просторечии «Орловским каторжным централом», являлась одним из звеньев той цепи каторжных тюрем, которые были созданы в России после разгрома первой русской революции.

Оправившись от пережитых потрясений и страхов за свою судьбу, царизм приступил к беспощадно жестокой расправе со своими классовыми врагами. И хотя царскому правительству пришлось отказаться в марте 1907 года от военно-полевых судов, но на смену военно-полевой юстиции пришли военно-окружные, военно-морские суды и судебные палаты.

Именно при посредстве этих судебных установлений торжествовавшая свою победу реакция и осуществляла подавление революции 1905—1907 годов, чему немало способствовала неизвестная ранее массовая политическая каторга.

В эпоху столыпинской реакции судебная машина царизма работала безотказно. Смертные и каторжные приговоры, особенно в первые годы после подавления революции, сыпались, как из рога изобилия. Наглядным доказательством карательной деятельности царских судов за этот период является

следующая таблица, опубликованная в «Журнале Министерства юстиции» за 1915 год № 10 (см. таблицу 11).

Необычайно быстрый рост численности политических каторжан, особенно за период с 1906 по 1908 год, привел к тому, что тюремное ведомство было поставлено в затруднительное положение, так как не имело в своем распоряжении достаточного количества каторжных тюрем.

До 1905 года царское правительство располагало, помимо Нерчинской каторги, еще семью каторжными тюрьмами на Сахалине, где размещалось пять с половиной тысяч человек. С отпадением Сахалина после русско-японской войны была утрачена возможность использовать эти места.

Таблица 11

ОСУЖДЕНО В КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Годы	Суды военно-окружные	%	Суды военно-морские	%	Суды гражданские	%	Итого
1905	162	51	107	35	45	14	314
1906	1133	76,5	296	20	52	3,5	1481
1907	1286	86,5	80	6	111	7,5	1477
1908	1464	88,4	—	—	192	11,6	1656
1909	792	82,4	—	—	169	17,6	961
1910	411	74,5	—	—	141	25,5	552
1911	268	53	—	—	241	47	509
1912	315	57,6	—	—	232	42,4	547
Всего . .	5831	77,7	483	6,6	1183	15,7	7497

Нерчинская же каторга и сибирские каторжные тюрьмы к тому времени были переполнены до отказа, главным образом уголовными каторжанами. Перед Главным тюремным управлением встала неотложная задача возместить в возможно короткий срок утрату, понесенную с отпадением Сахалинской каторги.

Для решения этой задачи Главное тюремное управление приступило к спешной организации каторжных тюрем в пределах Европейской России. Притом наряду с созданием новых тюрем шло преобразование некоторых губернских в так называемые «временные каторжные тюрьмы». К разряду последних и относилась «Орловская временная каторжная тюрьма», стяжавшая себе известность ужасного царского застенка.

Годом основания орловской каторги является 1908 год. К этому первому году существования каторжной тюрьмы относятся наиболее ранние воспоминания, встреченные мною в рукописных материалах архива Музея Революции СССР у Дьяконова. Он уже 25 марта 1908 г. был переведен из Орловской губернской тюрьмы в Орловскую каторжную тюрьму. При нем началось быстрое заселение этой тюрьмы. Каждую неделю поступало в тюрьму по две-три партии каторжан. По его определению, в общей массе каторжан в 1000—1200 человек было до 100—150 политических, большую частью рабочих, матросов и солдат, и всего 15—20 интеллигентов¹.

Уже этот автор, пробывший в Орле два с половиной года, отмечал наличие пяти тюремных зданий. Это были: 1) главный корпус на 734 человека, 2) так называемый «крепостной» корпус, получивший это название по причине содержания в нем до 1908 года приговоренных к заключению в крепость; он был рассчитан на 117 человек, 3) одиночный корпус, предназначенный для содержания в течение некоторого времени вновь прибывших каторжан; число мест в нем определялось цифрой 184, 4) больница на 70 человек, 5) так называемый «новый корпус» на 218 заключенных.

При моей работе в областном архиве г. Орла над фондами бывшей каторжной тюрьмы и губернской тюремной инспекции я нашел документ, относящийся к 1915 году и исчерпывающе полно описывающий тюремные здания Орловской каторги². Нет необходимости воспроизводить его весь от начала до конца. Я ограничиваюсь обработкой этого материала с приведением лишь части цифровых сведений из названного документа. Они представляют особый интерес, так как до настоящего времени не были опубликованы, и знакомят нас с размерами тюремных зданий, давая измерение и вместимость помещений с большою точностью.

Так называемый главный корпус был наиболее обширным из числа четырех зданий, занятых общими и одиночными камерами. Он был разбит на четыре отделения, из которых три содержали по семь камер, а одно — восемь. Число мест в камерах было очень разнообразно, начиная от 8 и кончая 36, а чаще

¹ Музей Революции СССР, архив «Каторга и ссылка», коробка 21, рукопись Б. М. Дьяконова об Орловском центре.

² О преобразовании в Орле исправительно-арестантских отделений в каторжную тюрьму в 1908 году говорит также Я. Янсон в сборнике «Орловский каторжный централ», М., 1929, стр. 7.

³ Государственный архив Орловской области, фонд Орловской губернской тюремной инспекции за 1914—1915 гг., № 1467, лл. 50—51.

всего на 31—36 человек и на 20—28. При почти одинаковой высоте потолков в камерах кубатура воздуха в отдельных помещениях зависела от степени их обширности. Так, например, в самой обширной камере на 36 арестованных объем воздуха исчислялся в 41,50 куб. саж., а в камере на 8 человек — 9,38 куб. саж. Не следует упускать из внимания, что в действительности тюремные камеры были переполнены сверх установленной нормы, а потому объем воздуха на каждого узника значительно уменьшался.

Следующим по размерам за главным корпусом был так называемый «новый корпус». Он был в два этажа с восемью камерами в каждом из них. Эти камеры были одинаковой величины, рассчитаны каждая на 13 заключенных и с объемом воздуха 14,54 куб. саж.

Наименьшим зданием был одиночный корпус с его 184 одиночными камерами, из которых каждая была в длину всего 1,65 саж., а в ширину 1 саж. В таких одиночках было 1,91 куб. саж. воздуха на человека, но в действительности были часты случаи помещения в одну камеру двоих арестованных.

Четвертый корпус тюрьмы был известен под именем «крепость». Как было уже сказано ранее, он был предназначен для содержания в нем приговоренных к крепостному заключению. В нем было три этажа, но в найденном мною документе сведения даны лишь о втором и третьем этажах, в которых было 11 общих камер с вместимостью от 4 до 21 человека (чаще всего на 9 заключенных). Поскольку в цитированном мною документе нумерация камер начинается во втором этаже с номера 7, можно предположить наличие в первом этаже шести камер.

Тюремная больница была устроена на 70 человек в два этажа.

В трех палатах первого этажа предполагалось размещать 31 больного, а во втором 39 больных, причем заразное отделение на 6 человек находилось на том же втором этаже. Кубатура воздуха в больнице была выше, чем в тюремных камерах.

Указание на переполнение Орловской каторжной тюрьмы сверх нормы подтверждается и официальной статистикой. Так, по отчетам Главного тюремного управления за 1909—1915 годы наивысший однодневный состав всегда, кроме двух лет, превышал число мест в тюрьме.

В корпусе, где размещались рабочие помещения, были мастерские: слесарная, кузнечная, по изготовлению кроватей, столярная, токарная, обувная, ткацкая по изготовлению грубого холста и серого арестантского сукна, пошивочная по изготовлению арестантского белья и верхнего платья, переплетная, багет-

но-рамочная, паркетная, мебельная. На дворе, под навесом, была расположена хлопко-трепальная мастерская.

Мастерские Орловской каторжной тюрьмы изготавливали ножные кандалы и наручные цепи не только для надобностей Орловской тюрьмы, но и на всю империю.

Эксплуатация труда заключенных производилась, употребляя терминологию Главного тюремного управления, по так называемой смешанной системе, то есть «хозяйственным способом» и в порядке подрядов или откупов.

При «хозяйственном способе» сама администрация тюрьмы являлась организатором труда заключенных и почти исключительным потребителем продуктов этого труда. При системе подрядов фактическим хозяином в мастерской являлся частный подрядчик с его наемными мастерами.

Царивший каторжный режим превращал рабочих каторжан в настоящих рабов. Частные предприниматели охотно заключали выгодные для них договоры об использовании арестантского труда, потому что были вполне гарантированы от забастовок, от предъявления им требований увеличения заработной платы, об улучшении условий труда: тюремная администрация с ее надзирателями мастерских превращалась в самого энергичного и бесстыдного помощника откупщиков при эксплуатации труда заключенных. При таких условиях ни сама администрация, ни подрядчики-откупщики нимало не были заинтересованы в облегчении труда заключенных путем его механизации. Технический прогресс в производстве не проникал за тюремные стены. Поэтому оборудование различных мастерских было сравнительно с фабриками на воле первобытным.

В руках частных предпринимателей оказывались наиболее крупные в тюрьме производства: паркетное, мебельное, обувное, багетно-рамочное, переплетное, хлопко-трепальное и др.

Всего ярче сказалась эксплуатация труда каторжан в хлопко-трепальной мастерской. Мы имеем некоторые сведения об ее устройстве и оборудовании. Инициатором ее создания явился один из орловских подрядчиков. Он мог осуществить свой план только при условии эксплуатации арестантского труда за высокими тюремными стенами, куда не проникал бы надзор фабричной инспекции. Работа в трепальной мастерской началась в 1909 году. Подрядчик начал ее, установив первоначально один пресс, одну щипалку и несколько хлопко-чесальных машин. Большие барыши этого нового предприятия позволили очень скоро увеличить число машин до 14. Вся работа совершалась на тюремном дворе под навесом при помощи сотни каторжан. Их труд состоял в верчении тяжелых машин. Работа была тем

более изнурительной, что машины не ремонтировались. При работе поднималась густая ядовитая пыль, от которой каторжане задыхались. Им приходилось работать вне помещения на дворе в зимнюю стужу и в летний зной. Главным надсмотрщиком мастерской был надзиратель Ветров, не расстававшийся с плеткой. Плетка, заканчивавшаяся узлом, постоянно была в употреблении, и удары сыпались беспощадно на рабочих-каторжан. Так, в каторжной тюрьме XX века воскресла картина эксплуатации рабского труда.

Условия работы «на хлопке» были таковы, что человек, проработавший там в течение нескольких месяцев, обычно тяжело заболел и становился калекой. Отправить арестанта работать «на хлопок» звучало в устах орловских тюремщиков, как страшная угроза.

Издевательством над действительностью и откровенным цинизмом проникнута докладная записка подрядчика Граевского, адресованная орловскому тюремному инспектору фон Кубе, с просьбой поддержать его ходатайство об ассигновании ему из казны кредита до 15 тыс. руб. в целях расширения хлопко-трепальной мастерской. Аппетиты алчного дельца возрасли, и он проектировал поставить в качестве дополнительного оборудования еще 40 кардолентных машин, чтобы занять на этом производстве уже не 100, а 500 арестантов. Свое ходатайство Граевский мотивировал особой полезностью этих работ «для оздоровления тюрьмы», так как эти работы производятся «на открытом воздухе, а не в корпусах и сопряжены с неустойчивым и всем доступным по своей простоте физическим трудом»¹.

Получив отказ в предоставлении кредита, Граевский не отказался от дальнейших притязаний на эксплуатацию каторжного труда заключенных. В январе 1910 года, то есть ровно год спустя после начала работы в хлопко-трепальной мастерской Орловского центра, Граевский обратился с новым ходатайством — теперь уже с просьбой продлить договор на срок до 1 марта 1920 г.

§ 31. СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАСЕЛЕНИИ ОРЛОВСКОЙ ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

Временная Орловская каторжная тюрьма по объему и численности ее каторжного населения занимает среди остальных

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, № 242.

центральных каторжных тюрем царизма одно из первых мест. В отчетах Главного тюремного управления даны сведения о количестве мест и о количестве каторжан за период 1908—1915 годов. Мы взяли из этих отчетов¹ сведения о всех центральных каторжных тюрьмах, находящихся в пределах Европейской России (см. таблицу 12).

По специально интересующей нас временной Орловской каторжной тюрьме мы даем сведения по более широкой программе, нежели в таблице 12, а именно мы добавляем еще и цифры о количестве общих камер и числе мест в них и о количестве одиночных камер за период 1908—1915 годов (см. таблицу 13).

Рассматривая приведенную на стр. 261 таблицу, следует подчеркнуть, что в ней объединены сведения о приговоренных к каторжным работам со сведениями о числе осужденных в исправительно-арестантские отделения. Именно в таком разрезе приведены среднесуточные цифры приговоренных к тем и другим наказаниям, а высший однодневный состав дан общей цифрой для тех и других. Объяснение этому лежит в том факте, что оба вида лишения свободы отбывались в помещениях за одними и теми же тюремными стенами под управлением одной и той же администрации.

За исследованный период число общих камер в Орловской каторжной тюрьме возросло с 48 до 69 (1914—1915 гг.). Число мест в общих камерах возросло с 888 до 1184. На 1915 год пришлось наивысшее число присужденных к каторжным работам 1086.

Приведенная мною таблица 13, составленная на основании отчетов Главного тюремного управления, дала нам сведения о росте тюремных помещений и о количестве каторжного населения в них. Учитывая важность этих сведений, мы не остановились перед попыткой собрать некоторые сведения о каторжанах собственными силами.

Мы обратились для собирания этих сведений к выборочному методу, извлекая те или другие материалы из подлинных дел Государственного областного архива в Орле о каторжанах Орловской временной каторжной тюрьмы. Эти дела хранятся там по двум фондам: по фонду временной каторжной Орловской тюрьмы и по фонду Орловской губернской тюремной инспекции. Были заполнены 365 карточек сведениями о наименовании судебного органа, вынесшего приговор к каторжным работам, о месте, где происходил суд, о преступлении, за которое

¹ Отчеты Главного тюремного управления за 1908—1915 гг.

Таблица 12
СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕ МЕСТ И ВЫШЕМ ОДНОДНЕВНОМ
СОСТАВЕ В КАТОРЖНЫХ ТЮРЬМАХ ЦАРИЗМА
В 1908—1915 ГОДАХ

Название тюрьмы	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Варшавская								
Высший однодн. состав . .	—	—	1291	340	1411	1358	1602	—
Наличность на 1/1 следующего года	—	—	—	1291	75	1303	1353	717
Число мест	—	—	—	954	1279	1279	1279	1373
Владимирская								
Высший однодн. состав . .	800	1066	1044	1023	967	896	1235	1184
Наличность на 1/1 следующего года	—	733	996	1023	967	823	873	1162
Число мест	711	—	1028	1028	1028	1028	1028	939
Вологодская								
Высший однодн. состав . .	—	838	584	660	659	629	660	1336
Наличность на 1/1 следующего года	—	—	583	561	659	612	601	658
Число мест	—	—	596	596	630	646	646	663
Рижская								
Высший однодн. состав . .	—	—	1392	1219	1184	1183	1800	853
Наличность на 1/1 следующего года	—	—	—	1133	1012	1173	1000	561
Число мест	—	—	—	778	1001	1001	1001	1001
Моск. центр. каторж. отд.								
Высший однодн. состав . .	—	—	1469	1428	1458	1461	1887	3298
Наличность на 1/1 следующего года	—	—	—	1306	1428	1455	1359	1523
Число мест	—	—	—	1246	1246	1246	1246	2205
Николаевская								
Высший однодн. состав . .	533	554	619	624	570	631	604	587
Наличность на 1/1 следующего года	—	533	538	619	529	555	602	583
Число мест	507	—	492	548	548	548	548	554

Продолжение

Название тюрьмы	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Орловская								
Высший однодн. состав . .	—	1105	1061	1250	1225	1186	1211	1408
Наличность на 1/1 следующего года	—	1018	1018	1034	1002	1155	1081	1151
Число мест	—	1072	1072	1072	1072	1072	1072	1368
Псковская								
Высший однодн. состав . .	—	897	990	834	811	836	807	890
Наличность на 1/1 следующего года	—	—	897	792	755	776	792	734
Число мест	—	—	927	927	1059	1059	1059	816
Шлиссельбургская								
Высший однодн. состав . .	341	340	367	907	908	899	899	936
Наличность на 1/1 следующего года	—	340	200	367	906	854	748	879
Число мест	333	378	378	870	870	870	870	795
Саратовская								
Высший однодн. состав . .	—	—	1500	1309	1327	1323	1404	1413
Наличность на 1/1 следующего года	—	—	—	1308	1283	1297	1291	1401
Число мест	—	—	—	754	125	1063	1063	1160
Смоленская								
Высший однодн. состав . .	677	894	855	857	804	764	831	971
Наличность на 1/1 следующего года	—	640	722	852	802	645	740	811
Число мест	642	—	820	820	820	820	820	844
Херсонская								
Высший однодн. состав . .	—	—	826	1422	1515	1561	1549	1599
Наличность на 1/1 следующего года	—	—	—	820	1392	1489	1516	1479
Число мест	—	—	—	815	1226	1406	1406	1328
Ярославская								
Высший однодн. состав . .	—	—	1101	1365	1095	1121	1454	1387
Наличность на 1/1 следующего года	—	—	—	858	1008	1064	1811	1124
Число мест	—	—	—	734	734	957	957	1011

Таблица 13

СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕ ОБЩИХ И ОДИНОЧНЫХ КАМЕР И МЕСТ В НИХ ВО ВРЕМЕННОЙ ОРЛОВСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ, О СРЕДНЕСУТОЧНОМ И ВЫСШЕМ ОДНОДНЕВНОМ СОСТАВЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЭТОЙ ТЮРЬМЕ В 1908—1915 ГОДАХ

Год	Число общих и больничных помещений на 1/1 след. года			Содержание как в общих, так и в больничных помещениях				
	общих камер	мест в общих камерах	одиночных камер	среднесуточный состав арестантов				
				присужден в исправ. арест. отд.	присужден к каторжным работам	всего	высший однодн. состав арестантов	наличность на 1/1 след. года
1908	—	—	—	—	—	—	—	—
1909	48	888	184	—	—	972	1105	1018
1910	48	883	184	157	884	1041	1061	1034
1911	48	888	184	239	780	1019	1250	1002
1912	48	888	184	263	835	1098	1225	1155
1913	48	883	184	161	933	1099	1186	1081
1914	69	1184	184	169	904	1073	1211	1151
1915	69	1184	184	174	1086	1260	1408	1300

последовало осуждение, и о назначенном сроке каторжных работ. Последнее из перечисленных сведений удалось пополнить исчерпывающими сведениями из найденного в Орловском областном архиве дела бывшей каторжной тюрьмы этого города. Разработка 365 архивных дел¹ выяснила, что Орловская каторжная тюрьма была каким-то сборным пунктом каторжан со всех концов России. Оказалось, что эти осужденные были приговорены военными или гражданскими судами в 70 городах России. Здесь были представлены города центра страны и ее окраин — Украины, Белоруссии, Кавказа, Польши, Прибалтики и даже городов Азии. Местами осуждения были Петербург, Москва, Киев, Харьков, Рига, Варшава, Владикавказ, Баку, Тифлис, Ревель, Новая Бухара, Самарканд, Екатеринбург, Астрахань, Эривань, Орел, Курск и многие другие. По численности первое место заняли каторжане, осужденные в г. Орле (45 человек). Это высокое число вполне понятно: направление в Орловскую

¹ Из 365 архивных дел, взятых без какого-либо отбора, пришлось по времени прибытия в Орловскую каторжную тюрьму на 1908 год — 48, 1909 — 37, 1910 — 42, 1911 — 53, 1912 — 86, 1913 — 54, 1914 — 24, 1915 — 26 дел.

каторжную тюрьму осужденных в самом г. Орле освобождало администрацию от пересылки осужденных в другие пункты и от связанных с этим расходов и административных мероприятий. Однако дальность расстояния не останавливала, например, пересылки из Варшавы в Орел (21 человек). Одним из решающих оснований для выбора Орловской тюрьмы местом отбывания каторжных работ являлось не расстояние, а стремление отяготить для осужденного его каторжный режим. В Орловскую каторжную тюрьму переводили из других каторжных тюрем часто в виде репрессивной меры. Напомним, что даже из Шлисельбурга перевели в Орел участников протеста 1912 года.

Таблица, составленная на основании разработки 365 карточек, дала возможность получить некоторое представление о распределении осужденных по преступлениям и по судимости их военными или гражданскими судами. Несколько неожиданным было наличие среди заключенных в Орловской каторжной тюрьме очень большого числа приговоренных военными судами, а именно 160 человек из общего числа 365. Этот факт был следствием необычайного расширения судебных функций военных судов и объявления отдельных местностей на положении усиленной охраны, на военном положении и т. д.

Таблица 14

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПО ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПО ПОДСУДНОСТИ

Название преступлений	Осужденны военным судом	Осужденны граждан- ским судом	Осужденны судебной палатой	Всего
Революционное сообщество	27	1	7	35
Разбой и грабеж	55	93	7	155
Убийство	26	96	5	127
Истязание с увечьем	1	11	1	13
Поджог	3	3	2	8
Побег	1	4	1	6
Шайка	2	—	2	4
Подделка денег	—	2	—	2
Изнасилование	1	1	—	2
Вооруженное сопротивление	9	2	—	11

Эта статистическая сводка, давая некоторое представление о составе каторжан Орловского централа, не дает никакого ответа на очень важный вопрос, какой процент составляли в общей массе каторжан политические, осужденные за государственные преступления.

Было бы глубоко ошибочно определять количество политических заключенных в Орле исходя из показателей одной графы «революционное сообщество». Революционное движение периода 1905—1907 годов было богато выступлениями «партизанского» характера.

При судебном разбирательстве очень часто затушевывался подлинный характер совершенного акта и стиралась грань между революционером и простым уголовным преступником.

Вследствие этого, желая выяснить количественное соотношение между политическими и уголовными каторжанами Орловского централа, приходится пользоваться воспоминаниями бывших орловских политкаторжан. В своих воспоминаниях последние удостоверяют, что прослойка политических среди общеуголовной массы не превышала обычно 20%. Эти 20% представляли в основном типичную «массовую политическую каторгу», которая комплектовалась из рабочих, матросов, солдат и крестьян, втянутых в водоворот революционного движения могучим подъемом народной волны против царизма в 1905—1907 годах. Представители интеллигенции и лице учащейся молодежи и работников умственного труда, а также революционеров-профессионалов составляли в этой массе меньшинство. Но зато наряду с подлинно революционными элементами к этому же разряду «политических» причислялись также люди, весьма далекие от всякой революционной и политической борьбы, «случайные люди» в революции, но формально осужденные за государственные преступления. Наличие этой группы лиц среди политических ухудшало положение последних, так как подрывало их моральный авторитет в общеуголовной массе. Тюремщикам же эти люди облегчали стремление уничтожить всякое различие между политическими и уголовными заключенными.

Если мы не в состоянии дать более или менее точную цифру политических заключенных Орловского централа, то тем более неразрешимую задачу составляет статистическое определение их партийной принадлежности. Но суммарная политическая характеристика состава политкаторжан в Орле вполне возможна именно потому, что это была «массовая политическая каторга», комплектовавшаяся из толщи народных масс.

Массовая каторга была ответом царизма на растущее мощное движение только что проснувшихся и вовлеченных в активную политическую жизнь и борьбу широких слоев трудового народа. Поднятые на гребне революционной волны 1905—1907 годов эти массы не всегда еще разбирались в программах политических партий, но на штурм самодержавия шли единым

фронтом. Среди политических каторжан этого периода мы встречаем представителей всех революционных партий и группировок того времени, начиная от социал-демократов — большевиков и кончая беспартийными крестьянами-аграрниками.

На вопрос о национальном составе политических заключенных Орловского централа дают ответ воспоминания бывших политических каторжан. Разумеется, этот ответ дается не в виде цифровой сводки, а лишь в обобщающей характеристике национального состава заключенных. Здесь наряду с русскими, украинцами и белорусами были поляки и евреи, латыши и эстонцы, татары и узбеки, грузины и армяне, а также представители других национальностей. Необходимо отметить, что участь «инородцев», не знавших и не понимавших русского языка, была особенно тяжелой. Последние подвергались иногда жестоким истязаниям только за то, что не понимали команды или приказания начальства, а вследствие этого и не исполняли их.

Усугублялись также страдания «иноверцев», которых усердный тюремный «батюшка» усиленно обращал в православие.

Такова в общих чертах характеристика заключенных Орловского централа.

§ 32. РЕЖИМ И РЕПРЕССИИ В ОРЛОВСКОМ КАТОРЖНОМ ЦЕНТРАЛЕ

В Орловском каторжном центреле понятие «тюремный режим» и понятие «система репрессий» неотделимы друг от друга. Это был тюремный режим, целиком, во всех деталях проникнутый жесточайшей, мучительной, циничной репрессией, которая обрушивалась царской тюремной администрацией на головы каторжан-заключенных. Когда перед нами разворачиваются кошмарные картины физических пыток и моральных истязаний, которым систематически подвергались заключенные в Орловском центреле, невольно встает вопрос — почему, в силу каких условий мог возникнуть именно в Орле этот чудовищно-террористический режим. Ведь Орловский централ был всего лишь одной из рядовых «временных каторжных тюрем». Никто не вырабатывал для Орловского централа какого-то особого устава или положения, как то делалось для «Государевой тюрьмы» — Шлиссельбургской крепости до революции 1905 года. Наоборот, Главное тюремное управление направляло начальнику Орловского централа те же самые инструкции и «разъяснения», какими оно снабжало все остальные каторжные тюрьмы.

Спрашивается, в чем же заключалась причина, породившая именно в Орле этот страшный застенок, с полным основанием названный «камерой пыток».

Наше недоумение рассеется, если мы вспомним, что всякое дело решается прежде всего не предписаниями и инструкциями, а живыми людьми. А люди, которые создавали и определяли тюремный режим в Орле, люди, от которых в первую очередь зависело здоровье и жизнь заключенных — как уголовных, так и политических каторжан — отличались особыми качествами. Орловские тюремщики, если иметь в виду верхушку тюремной администрации в лице тюремного инспектора, начальника тюрьмы и его помощников, были не просто черносотенцами, которые не за страх, а за совесть служили царскому престолу. Это были люди, лично пострадавшие в большей или меньшей степени от революционной бури 1905—1907 годов. Эти люди питали звериную ненависть к революционерам и были буквально опьянены жаждой мести. Вот почему, если режим Орловского централа был чрезвычайно тяжел для уголовных каторжан, то он был неизмеримо ужаснее для политических.

Помимо этого, орловские тюремщики принадлежали к той категории людей, которые не боялись никаких нарушений закона, не боялись даже прямых преступлений, ибо были уверены в том, что за свои злодеяния они не понесут никакого возмездия, что их преступления не станут достоянием широкой общественной гласности, в результате чего они могут быть привлечены к ответственности.

Каковы же были те люди, которые, занимая соответствующие административные посты, вершили судьбы заключенных, которые либо покровительствовали, либо сами активно участвовали в создании и процветании «орловского режима»?

Первым среди этих палачей надо назвать орловского губернатора, шталмейстера высочайшего двора Андреевского, широко известного своей чудовищной жестокостью при усмирении аграрных беспорядков в Черниговской губернии в 1905 году.

Вторым был орловский тюремный инспектор фон Кубе, происходивший из прибалтийских немцев и, как подавляющее большинство прибалтийских баронов, люто ненавидевший даже всякий намек на революцию.

Наконец, третьим был начальник Орловской временной каторжной тюрьмы Мацевич, бывший ранее помощником начальника Полтавских арестантских рот. Мацевич, как помещик, пострадал сам от аграрных беспорядков, а его родной брат — мичман — был убит во время восстания в Черноморском флоте.

Мацевич приехал в Орел не один. Он привез с собою целую свору испытанных тюремных надзирателей, среди которых были и несомненные садисты.

Злой волей, бешеной классовой ненавистью и глубоким моральным падением этих тюремщиков был создан тот режим, который получил название «орловского».

Прошло не менее двух-трех лет со дня основания Орловского каторжного централа, пока страшные слухи о том, что творится за его стенами, стали распространяться среди широких слоев русского общества. Иначе обстояло дело в отношении того, сравнительно узкого, круга лиц, которые по своему служебному положению соприкасались с тюремным миром. Эти люди значительно раньше могли убедиться в полной справедливости русской пословицы, гласившей, что «добрая слава лежит, а худая — бежит». Худая слава об Орловском центре была широко распространена не только среди самих каторжан, но и среди служащих тюремного ведомства, а также среди конвойных команд, сопровождавших партии заключенных.

Многие из бывших орловских каторжан вспоминают, как конвоировавшие их солдаты, а иногда даже и офицеры предупреждали о страшной участи, ожидавшей их в Орле. Более мягкосердечные люди советовали каторжанам запастись нателными крестами и проявлять полную покорность и беспрекословное подчинение тюремщикам, чтобы избежать истязаний.

Эти слухи и предупреждения были психологической подготовкой к «приятною» Орловской каторги. И все же эти рассказы не могли нарисовать перед глазами обреченных на муки людей того, что было уготовано для них в Орле.

Вот что пишет по этому поводу один из орловских узников, переведенный за «плохое поведение» из Пскова в Орел: «Я еще в Пскове привык к мысли, что мне придется попасть в условия несравненно худшие, но моя фантазия, несмотря на те отрывочные сведения, какие нами получались об Орле, даже в отдаленной степени не могла нарисовать картину, которая соответствовала бы Орловской действительности»¹.

Муки прибывших в Орловский централ каторжан начинались обычно сразу после того, как новая партия вступала на территорию чистого тюремного двора, на котором красовались даже цветочные клумбы. Но это первое впечатление об Орловском центре немедленно исчезало, как только начиналась «приемка» вновь прибывшей партии.

¹ «Из Орловского централа», письмо заключенного, газета «Будущее» 1912 г. № 33.

«Приемка» происходила обычно в бане. Эта процедура была организована в Орле с таким расчетом, чтобы, доставив заключенным невыносимые физические страдания, оглушить их и произвести потрясающее впечатление на их психику. Политических каторжан подвергали во время «приемки» особым моральным унижениям, глубоко оскорбляя их достоинство человека и революционера.

Оценивая «приемку» как мероприятие, которому сознательно было отведено важное место в режиме Орловского централа, один из бывших его узников, пробывший в Орле самый тяжелый период — с 1908 по 1912 год — пишет: «Приемка в орловском режиме играла главенствующую роль. Заключенный при приемке оглушался, и это оглушение продолжалось для одних до того времени, когда их в грубо сколоченном ящике отправляли на Троицкое кладбище, для других — когда им посчастливилось освободиться из каторги»¹.

«Приемка» в Орле неоднократно описывалась в воспоминаниях бывших орловских политкаторжан. Все эти описания в основном повторяют друг друга, расходясь лишь в некоторых деталях. Так, в одних случаях в избияниях заключенных принимал лично активное участие помощник начальника тюрьмы, руководивший «приемкой». В других — избияния производили только надзиратели, а помощник начальника тюрьмы присутствовал лишь в качестве наблюдателя при этих избияниях, которым подвергались заключенные по его прямому приказанию.

Чтобы дать советскому читателю конкретное представление о том, чем была «приемка» в Орле, мы ознакомим его с извлечением из одного документа. Этим документом является корреспонденция из Красноярской тюрьмы, датированная 15 октября 1909 г., которая была получена секретарем Главного правления социал-демократии Польши и Литвы Ледером и переадресована им одному из членов социал-демократической фракции Государственной думы.

Особое значение этот документ приобретает потому, что он был написан «по горячим следам» преступных деяний орловских тюремщиков непосредственно со слов каторжан, только что вырвавшихся из орловского ада.

Вот как описывается в этом документе «приемка» в Орловском центре: «Когда прибывает новая партия в Орел, всем прибывшим велют раздеться в бане совершенно, оставляя на себе только кандалы. Голых принимает один из шести помощ-

¹ «Орловский каторжный централ. Сборник воспоминаний бывших орловских политкаторжан. 1908—1917», М., 1929, стр. 52.

ников начальника, называя каждого отдельно. От них нужно пройти сквозь строй выстроившихся в два ряда надзирателей в количестве 20—25 человек в другую комнату за бельем. Помощник сопровождает каждого грозным «принять», прибавляя иногда — «хорошего» или «дурного поведения». Выстроившиеся надзиратели «принимают» тогда всех без исключения, кто кулаком, кто резиною, кто ногою. И горе тому, о ком помощник скажет «дурного поведения», горе тому, кто почему-либо не понравился надзирателям, горе тому, кто недостаточно пассивно и трусливо принимает удары, горе тому, кто «рассуждает», кто политический, кто еврей, кто не носит креста на груди, кто, наконец, оказывается достаточно ловким и сильным и сквозь строй слишком скоро пробегает. Тех хватают за кандалы, бросают на пол и лежащего бьют резинами, ногами и всем, что под руки попадает, до совершенной потери сознания жертвы. Потом отливают водой и на простынях уносят в госпиталь. Остальных ведут в одиночки, где каждый обязательно должен пробыть по крайней мере 14 суток. Здесь бьют и издеваются самым ужасным образом, здесь дрессируют арестантов на ходячие манекены. Каждый арестант должен быть послушным и покорным перед каждым надзирателем, как перед грозным всегда властелином жизни и смерти его; должен держаться тихо, как тень двигаться и отвечать может только, как заведенная машина. Нельзя просить о чем-нибудь, не говоря уже о требовании. Все находится под вечной безустанной, ни на минуту не прерываемой опасностью быть битым немилосердным боем — боем на смерть хорошо выдрессированными в этом отношении палачами»¹.

Воспоминания, посвященные описанию «приемки» в Орле, дают полное основание утверждать, что наиболее страшные по своей жестокости «приемки» надо отнести на первое полугодие существования Орловского централа. Что именно происходило в это время в стенах Орловской каторжной тюрьмы, установить точно не удалось. И только бытописатель Орловской каторги, воспроизведя кошмарную картину обычной «приемки» в Орле, глухо добавляет: «описанная мною «приемка» в тюрьме полное ничто в сравнении с приемкой партии, пришедшей в Орел на 4-й день пасхи 1908 г. из Екатеринослава»².

Документальные материалы Музея Революции СССР позволяют составить более отчетливое представление о «приемке» партии из 44 человек латышей и эстонцев, прибывших в Орел из Ревеля. 23 июля 1908 г. по свидетельству Карла Фрицова

Заува, входившего в состав этой партии, все каторжане при «приемке» были жестоко избиты. Более других пострадали два матроса, которые были уведены в одиночные камеры, а оттуда в больницу. Через несколько месяцев они оба умерли, не перенеся побоев. Их трагическую судьбу разделил с ними Гуго Петерсон, прибывший с этой же партией и умерший также от побоев.

По словам Карла Заува, ко дню его выхода из Орла — 19 октября 1911 г. — из партии в 44 человека, с которой он прибыл в Орловский централ, по собранным им сведениям, в живых осталось менее 30 человек¹.

Останавливает на себе внимание сделанное попутно замечание Карла Заува о том, что избияния в Орле производились не только с разрешения начальника тюрьмы Мацевича, но и с ведома и попустительства тюремного инспектора фон Кубе. Это свое утверждение К. Заув обосновывает на высказываниях тюремных надзирателей. Последние в разговорах между собою в присутствии арестантов не только не скрывали этого факта, но даже как бы хвастали им. Старший надзиратель Задорожный прямо говорил, что при фон Кубе «чем больше бьешь, тем скорее заслужишь генеральское «спасибо» и повышение по службе».

Как уже упоминалось, после окончания «приемки» в бане наиболее изувеченных относили на простынях в больницу, других бросали на голый асфальтовый пол карцера, третьих помещали в одиночках. Пребывание, по крайней мере, в течение двух недель в одиночке являлось как бы обязательным карантинном, который отбывали все только что прибывшие в Орел каторжане.

Одиночный корпус — новое красное здание — находилось на другом дворе, за особой оградой. Это четырехэтажное здание было построено по тому же типу, как «третий», или так называемый «народовольческий», корпус в Шлиссельбургской крепости. Камеры одиночного корпуса были расположены по двум продольным сторонам здания. Двери камер выходили не в коридор, а на узкие галереи, обнесенные невысокой решеткой. Пролет между двумя противоположными галереями одного и того же этажа зиял пустотой, так как потолочное перекрытие между галереями отсутствовало. В отличие от Шлиссельбурга этот пролет в Орле не был затянут сеткой, что способствовало неоднократным покушениям на самоубийство заключенных, бросавшихся с галереи третьего или четвертого этажа на асфальтовый пол нижнего этажа.

¹ Музей Революции СССР, фонд Орловского каторжного централа, Опросный лист Карла Фрицова Заува.

¹ ЦГАОР, ДП, VII, № 1603, 1913.

² ЦГАОР, ДП, ОО, 1910, № 52, л. 69.

Рис. 17. Орловский каторжный централ. Истязания политзаключенных. С рисунка, хранящегося в Музее Революции СССР

Маленькие камеры-одиночки выглядели чисто. Стены, выкрашенные желтой краской, не были исцарапаны, как это обычно наблюдалось в общеуголовных тюрьмах, где по установившейся традиции стены были обычно испещрены автографами уголовных. Глаз опытного заключенного, испытавшего прелести не одной царской тюрьмы, сразу замечал эту особенность Орловской одиночки, и узник делал отсюда правильный вывод, что режим в этой тюрьме очень строгий. Маленькое окно камеры было расположено высоко от пола, так что человек невысокого роста мог дотянуться до подоконника только рукой. Металлические стол и сиденье были наглухо приделаны к стене. Асфальтовый пол натирался мазутом и должен был блестеть как зеркало.

За две недели испытательного срока в одиночке заключенный должен был усвоить сущность Орловского режима и проявить свою готовность подчиниться ему.

В течение этих двух недель за заключенным особенно зорко следили и часто били. Сущность режима Орловского централа сжато и метко определил один из его узников, сказав, что «каждое явление каторжной жизни было умело использовано, дабы служить орудием новых мук»¹.

День заключенных начинался и заканчивался побоями, переходившими нередко в подлинные истязания. Эта мера воздействия на заключенных применялась по любому поводу, а иногда и без всякого повода в зависимости от настроения орловских палачей. Естественно, что не все заключенные были способны выдержать этот иску́с, и каждый месяц первых лет существования Орловского централа уносил новые жертвы. Одних забивали до смерти во время самой «приемки»; другие угасали постепенно в течение нескольких месяцев от перенесенных побоев на больничных койках; третьи кончали самоубий-

¹ «Орловский каторжный централ...», М., 1929, стр. 69.

ством, четвертые сходили с ума в результате систематических истязаний.

Действительная цифра погибших в Орловском централе за этот период неизвестна. Неизвестны также в большинстве случаев имена погибших, так как при массовых избиениях каторжане не успевали даже установить фамилии истязуемых. Официальная же тюремная статистика Орловского централа в этом отношении не заслуживает никакого доверия.

Необходимо отметить, что кончать жизнь самоубийством в Орле было нелегко. Кончали самоубийством преимущественно в одиночках, чаще всего в период «испытательного» срока, когда изувеченный организм и потрясенная психика заключенного могли легче примириться со смертью, чем с «приятием» или подчинением Орловскому режиму. Но эти самоубийства были обычно окружены тайной. Ведь даже сидевшие в соседних одиночках заключенные не знали чаще всего, кто является его соседом и как его фамилия. В условиях Орловского централа о перестукивании между заключенными не могло быть и речи не только потому, что это было бы вопиющим нарушением орловского режима, но и из боязни провокации и предательства со стороны неизвестного соседа.

И все же, несмотря на это, до орловских каторжан доходили и сохранились в их памяти имена нескольких самоубийц, так же как и некоторые особенности обстановки, при которых разыгрывались эти трагические события, бывшие заурядным явлением в жизни Орловского централа в начале его существования.

Сведения об этих орловских трагедиях дошли до определенных общественных кругов благодаря эмигрантской печати. В ноябре 1913 года в парижской газете «Будущее» в двух номерах подряд — № 46 и № 47 — были опубликованы две статьи на эту тему. Первая статья была озаглавлена «Самоубийства в Орловской тюрьме», вторая — «Жертвы Орловского централа», посвященная каторжанам, забитым насмерть, умершим в больнице от нанесенных им побоев и лишившимся рассудка в результате истязаний.

Этим статьям газета предпослала заявление, в котором сообщала, что ею получено обстоятельное описание жизни политзаключенных в Орловской тюрьме, сделанное известным русским писателем.

Газета выражала сожаление, что лишена возможности опубликовать эту рукопись полностью.

Вместе с тем газета предупреждала своих читателей, что официальное сообщение Главного тюремного управления о том,

что за 1909 год во всех тюрьмах Орловской губернии было только шесть случаев самоубийств, совершенно не соответствует действительности. Эта официальная статистика в корне опровергалась свидетельскими показаниями бывших орловских заключенных, категорически утверждавших, что в одном только Орловском центре самоубийства насчитывались десятками.

Если мы учтем, что по словам орловских узников, врач Орловского центра Адам Рыхлинский всех каторжан, умерших от побоев, зачислял в категорию умерших от «пневмонии», будет не трудно объяснить происхождение этой фиктивной официальной статистики.

О действительном количестве самоубийств в Орловском центре свидетельствуют, в частности, документы из дела, обнаруженного в фонде Орловского губернского правления по тюремному ведомству № 216, под наименованием «Наряд переписки о происшествиях в местах заключения Орловской губернии за 1909 г.». В этом деле донесения о самоубийствах и покушениях на самоубийство в Орловском центре встречаются через каждые два-три листа¹.

Переходя к конкретным случаям самоубийств в одиночках Орловского центра, газета особо останавливалась на двух именах — Яковенко и Сапотницкого.

О самоубийстве Яковенко орловские каторжане узнали случайно. Яковенко, сидевший в одиночной камере № 93, покончил с собой в июне 1908 года, то есть на третьем месяце функционирования этой каторжной тюрьмы, опрокинув на себя горящую лампу с керосином. Спасти его не удалось. Никаких других сведений о погибшем товарище и о причинах, побудивших несчастного избрать такой мучительный вид смерти, каторжане получить не могли.

Иначе обстояло дело с Сапотницким, которого некоторые узники, доверяя ложной версии тюремщиков, ошибочно причисляли к самоубийцам. В действительности Сапотницкий был забит насмерть орловскими палачами, которые затем инсценировали его самоубийство, чтобы избежать ответственности за это преступление.

Альберт Борисович Сапотницкий, студент Петербургского университета, был активным членом Петербургской военной организации РСДРП (большевиков). Как и ряд других членов Петербургской военной и боевой организаций большевиков, Са-

потницкий был предан провокатором Бродским. Но судился Сапотницкий не с товарищами по военной организации, а по другому процессу, по которому обвинение инкриминировало ему роль связиста между думской социал-демократической фракцией и Петербургской военной организацией большевиков.

Сапотницкий был приговорен к 5 годам каторги, которую он начал отбывать во Владимирском центре. Здесь ему удалось установить тайные сношения с волей, и он лелеял надежду на организацию побега. Но его письмо, отправленное товарищам на волю, было перехвачено и попало в руки тюремщиков. Немедленно последовала кара — по телеграфному распоряжению Главного тюремного управления он был назначен к переводу в Орловский централ.

Сапотницкий был евреем, и, кроме того, в его статейном списке стояла отметка о том, что он пытался бежать. Этого было совершенно достаточно для того, чтобы предвидеть, какой страшный удел ожидает его в Орле. Мы не располагаем сведениями о том, при каких условиях происходила «приемка» в Орле той партии, с которой прибыл Сапотницкий 11 июля 1909 г. Но что было потом, нам хорошо известно. Об этом рассказал «С. Ф.» (Самуил Файнберг) в письме, которое было опубликовано в № 46 за 1913 год газеты «Будущее»¹.

Вот что сообщал автор этого письма о пребывании Сапотницкого в Орловском центре:

«Встретились мы с ним в Москве на пересылке. Там же мы впервые слышали об ужасах Орла. В Орле я встретился с ним через две недели после нашего прихода туда, когда мы, отбыв карантин, вышли на «прогулку», или, вернее, на гоняние по шагистике, вздвоиванию рядов и пр., и пр.

Альберт был бледен. Лицо его было изжелта-синее, буквально измученное, избитое, кривая усмешка трогала губы, когда он говорил мне: «Как дальше жить будем, не знаю, черт знает что творится. Меня уже били четыре раза после «приемки» (разговор этот происходил в конце июля).

...Видел я его раз в коридоре, когда мы еще не стали выходить на прогулку. Я шел в контору — он расписывался на денежной повестке. Меня поразил его вид. Он мне показался постаревшим на несколько лет. Я не могу Вам описать его лица — это сплошной ужас, разлитый в чертах этого лица, на

¹ Подлинник этого письма хранится в фонде Орловского каторжного центра в Музее Революции СССР.

¹ «Орловский каторжный централ...», М., 1929, стр. 198.

котором горели два больших, тревожных, испуганно поглядывавших глаза»¹.

Письмо заканчивалось сообщением, что о смерти Сапотницкого автор узнал от уголовного — Карпова. Последний был вызван на допрос к следователю, чтобы выяснить, знал ли он Сапотницкого и не говорил ли ему Сапотницкий что-либо по поводу задуманного им самоубийства. Карпов удостоверил свое знакомство с Сапотницким, поскольку шел с ним в Орел в одной партии. Относительно же намерения Сапотницкого покончить с собою отозвался полным неведением.

Начальник Орловского каторжного центра Мацевич, представляя рапорт в Орловскую губернскую тюремную инспекцию 30 июля 1909 г., то есть на следующий день после смерти Сапотницкого, докладывал, «что во время содержания, а равно в день самоубийства он (Сапотницкий) не проявлял никаких признаков душевного состояния, а был на прогулке и вообще вел себя так, что не было повода заподозрить его в намерении покончить жизнь самоубийством»².

Но если начальник тюрьмы Мацевич утверждал, что за свое 18-дневное пребывание в Орле — с 11 по 29 июля 1909 г. — Сапотницкий не проявлял «никаких признаков душевного состояния», то тюремный врач Рыхлинский стремился доказать другое. В своем донесении орловскому тюремному инспектору Рыхлинский сообщал, что на следующий день после смерти Сапотницкого, то есть 30 июля, в 10 часов утра он «вследствие официального отношения пристава 3-й части г. Орла» произвел осмотр трупа в присутствии полицейского чиновника и понятых, причем не было обнаружено ни малейших признаков насилий со стороны других лиц. Тот факт, что не было произведено вскрытия, Рыхлинский мотивировал тем, что для него не было никакого сомнения в том, «что смерть Сапотницкого произошла вследствие самоповешения».

Но оба эти документа, исходящие от представителей тюремной администрации, не внушают доверия и идут вразрез с прочно утвердившейся версией среди каторжан, согласно которой Сапотницкий пал жертвою жестоких истязаний тюремщиков. И эта версия имела своим источником не только того уголовного, который лично помогал надзирателям извлечь из петли труп Сапотницкого и который собственными глазами видел его истерзанное в результате побоев тело.

¹ Газета «Будущее» 1913 г. № 46.

² «Орловский каторжный централ...», М., 1929, стр. 200.

Истинную причину смерти Сапотницкого подтвердил политическому каторжанину П. К-ину один из старших надзирателей. Желая внушить П. К-ину необходимость безропотного повиновения и беспрекословного подчинения орловскому режиму, этот надзиратель со свирепой злобой говорил: «Мы знаем, что по закону бить не дозволяется. Думаешь, не знаем. Знаем, брат, прекрасно знаем. Да закон-то у нас в кармане: что хотим, то и делаем с ним. Понимаешь? Хотим — его съедим, хотим с чаем выпьем. Знаешь, наверное, Сапотницкого? Ваш, петербургский. Вот так же приехал сюда и ну здесь зазнаваться, свои порядки устанавливать. Кто я? Да что? Я, де, судился с Государственной думой... Меня не смей тронуть... Что же думаешь? Забили голубчика, на тот свет отправили. И хоть бы что... Сапотницкий лежит себе теперь и ни гу-гу, не шевелится. Вот то же и с тобою будет. А то ты тоже, наверное, думаешь, что, дескать, я политический, меня не смеют тронуть. Бить, де, не полагается... Наплевать нам на это. Забьем и только, до смерти забьем, слышишь?»¹.

Потребовалось всего 18 дней пребывания Сапотницкого в Орловском центре, чтобы оборвалась прекрасная жизнь этого молодого большевика, беспредельно преданного делу пролетарской революции. А сколько подобных трагедий, окутанных глубокой тайной, разыгралось в эти годы в одиночках Орловского центра, могли бы рассказать только безвестные могилы на Троицком кладбище, где хоронили каторжан. Но лживые диагнозы врача Рыхлинского покрывали преступления тюремщиков, увеличивая лишь цифры заболевших и умерших от туберкулеза.

Самоубийства происходили и в общих камерах, но значительно реже, чем в одиночках. Объяснялось это, во-первых, тем, что человек, прошедший через муки и истязания двухнедельного карантина в одиночке и не покончивший с собой там, был психологически более способен если не «примириться», то в какой-то степени «прият» режим Орловской каторжной тюрьмы. Во-вторых, покушение на самоубийство в общих камерах встречало обычно сопротивление со стороны уголовных. Последние не без основания опасались, что за самовольный уход из жизни их сокамерника будет в ответе и подвергнется жестокой расплате вся камера.

В исключительной обстановке произошло самоубийство в июне 1908 года в одной из общих камер главного корпуса Ор-

¹ «Орловский каторжный централ...», М., 1929, стр. 121.

ловского централа. Об этом трагическом событии поведала миру газета «Будущее» (1913 г. № 46). Этот факт подтвердили затем и орловские мемуаристы. Жертвой Орловской временной каторжной тюрьмы был на этот раз политкаторжанин Иван Судых, арестованный в Прибалтийском крае и приговоренный к пожизненной каторге. Иван Судых сидел в шестой камере четвертого отделения. У него не было, по-видимому, даже проблеска надежды вырваться когда-либо из орловского ада, и он окончил расчеты с жизнью с ведома и согласия всех заключенных, сидевших вместе с ним в одной камере.

Общая смертность заключенных в первый период существования Орловского централа была так велика, что смутила даже Главное тюремное управление. Была назначена специальная комиссия для выяснения причин этого явления. На заседании комиссии 10 сентября 1909 г. орловский тюремный инспектор фон Кубе доложил, что в настоящее время при среднесуточном количестве в 1000 заключенных 100 человек больны туберкулезом. С 1 января 1909 г. умерло от чахотки 60, а от других болезней — 10 человек. В исправительно-арестантских отделениях туберкулез наблюдался редко. Комиссия признала необходимым увеличить прогулку заключенных с получаса до 1 часа 30 минут, для чего было разрешено увеличить штаты надзирателей на 10 человек¹.

Как мы увидим ниже, увеличение времени прогулки заключенных вряд ли могло иметь благотворное влияние на их здоровье, так как прогулка в Орле превращалась в новую пытку для каторжан.

С переходом в общую камеру начиналась новая полоса жизни орловского каторжанина. Теперь он получал право на прогулку, писание писем — один раз в месяц, на свидание через две решетки с близкими родными — также один раз в месяц, выписку продуктов на 4 р. 20 к. в месяц и вместе с тем был обязан выполнять работу по назначению и усмотрению тюремного начальства.

Общие камеры были различны по своему объему, но всегда переполнены сверх нормы, в них сидело от 17 до 40 человек. Однако самое тяжелое было не в этом переполнении, а в том, что политических каторжан сознательно изолировали друг от друга. Их сажали по несколько человек в камеру, где все остальные были уголовные. Кроме того, распределяя каторжан по камерам, тюремщики старались в каждую поместить двух-трех

¹ Музей Революции СССР, фонд Орловского каторжного централа, коробка 21.

предателей и шпионов, которые постоянно доносили надзирателям на заключенных, сидевших с ними в одной камере.

Вот как описывает положение политкаторжан в общих камерах Орловского централа корреспонденция из Красноярской тюрьмы от 15 октября 1909 г.: «Система доносов среди арестантов приняла угрожающие размеры. Взаимное недоверие и страх быть избитым или даже убитым доведены до того, что арестанты, сидя в одной камере, не знают друг о друге, за что сюда попали, откуда и кто они такие, сидят вместе с палачами и доносчиками»¹.

Избиения в общих камерах, по воспоминаниям бывших орловских узников, производились регулярно два раза в день — при утренней и вечерней поверке. При этом изобретательность палачей буквально не знала предела.

Утром выпускали на «оправку» сразу всю камеру на пять-шесть минут, несмотря на то, что в уборной имелось всего три места. За такое короткое время все «оправиться» не успевали, а запоздавших жестоко били. При осмотре одежды в одном случае били за то, что к брюкам пришита только одна пуговица, на следующий день за то, что пришито две. Били за то, что заключенный делал заявление о своем недомогании, и за то, что у него здоровый вид. Били за принадлежность к не русской национальности и за то, что русский пошел против своего царя. Били в одном случае за отсутствие креста на шее, а в другом — за то, что крест есть. И особенно жестоко били бывших военных и лиц, осужденных за покушение на представителей тюремной администрации.

Заключенных в общих камерах, не ходивших почему-либо на работы, среди дня выгоняли на прогулку, которая совершалась во дворе по кругу. Выстроившись по четыре человека в ряд, заключенные в кандалах, под команду надзирателей должны были заниматься шагистикой. Не понимавшие русского языка и не знавшие военного строя становились объектом жестоких избиений. Прогулка вместо отдыха превращалась в новую пытку для узников Орловского централа.

По праздникам заключенные на работы не ходили, но зато были обязаны посещать православную церковь по наряду, без различия вероисповеданий. За уклонение от этой повинности — снова побои. Но самое кошмарное, что несли с собой праздники, — это обязательные повальные обыски в камерах. Не бывало такого случая в жизни Орловского централа, когда бы эти обыски не сопровождались зверским избиением не только от-

¹ ЦГАОР, ДП, ОО, 1910, № 52, л. 12.

дельных каторжан, уличенных в сокрытии запретных предметов, но и всей камеры в целом.

Малейшая попытка защититься и оказать сопротивление палачам вызывала у них звериную ярость и кончалась для заключенного в лучшем случае карцером, в худшем — таким избиением, после которого его на одеяле относили в больницу.

Позднее, при втором начальнике Орловской тюрьмы, Синайском, стало широко применяться, кроме того, телесное наказание заключенных. Теперь можно было на «законном основании» калечить людей и забивать их почти до смерти розгами, как то было, например, с политкаторжанином, бывшим матросом Черноморского флота Симоненко.

Спрашивается, вызывал ли такой режим Орловского центра в течение первых лет его существования если не массовый, то хотя бы групповой протест, как это было бы, вероятно, в другой тюрьме? На этот вопрос можно дать категорически отрицательный ответ. Самые разнообразные источники дают по этому поводу совершенно совпадающие указания. Вот, например, что пишет автор письма из Красноярской тюрьмы: «Попыток протеста или борьбы с таким режимом нет, это не удивительно при выработанном таким режимом психологическом состоянии заключенных и при уверенности, что всякий более активный и энергичный протест вызовет не только собственную мучительную смерть, но и ужасную резню во всей тюрьме, что орловская администрация ни перед чем не остановится»¹.

Один из членов инициативной группы, организовавший сбор мемуаров бывших орловских политкаторжан 1909—1910 годов, Дьяконов пишет в своих воспоминаниях: «Никаких жалоб, заявлений, даже просьб никто из заключенных при посещении тюрьмы высшей администрацией или чинами прокурорского надзора не подавал, ибо все знали, что сейчас же лишь только закроется дверь за уходящим начальством, заявлявший будет избит самым немилосердным образом... Помню при посещении тюрьмы, кажется, начальником Главного тюремного управления один старик-каторжанин обратился к нему с просьбой о расковке, ссылаясь на болезнь и на то, что он кандалный срок окончил и по уставу о ссыльных подлежит расковке. Начальник Главного тюремного управления приказал Мацевичу расковать его. Лишь только начальство стало выходить за дверь и в камере остались пом. начальника тюрьмы граф Сангайло с надзирателями, они избили этого старика. Уходя, Сангайло сказал:

¹ ЦГАОР, ДП, ОО, 1910, № 52, л. 12.

«До конца срока раскован не будешь». И сколько помню, до моего ухода из тюрьмы, он был закован.

Во время обхода тюрьмы инспектором Э. фон Кубе в больнице больной каторжанин по фамилии Шевченко поднялся с койки, стал на колени и обратился к инспектору: «Ваше превосходительство, защитите, убивают». Сопровождавший инспектора начальник тюрьмы Мацевич ударил Шевченко по лицу, и два достойных охранителя вышли из палаты. Избивая, заключенных заставляли отказываться от того, что их били. Изобьют..., а потом вызовут в коридор и спрашивают: «Тебя били?» Если заключенный говорит, что били, его бьют до тех пор, пока он после такого вопроса не скажет — «нет, меня никто не бил»¹.

Непосредственными исполнителями всех этих зверств были обычно темные, невежественные надзиратели. Активное участие в избиениях принимали иногда и некоторые помощники начальника тюрьмы. Но подлинными творцами и вдохновителями орловского режима были люди, занимавшие значительно более высокие посты. Все бывшие узники Орловского центра согласно свидетельствуют о том, что инициатива исходила прежде всего от орловского губернского тюремного инспектора Эрнеста фон Кубе. В полном контакте со своим непосредственным начальством действовал начальник тюрьмы Мацевич.

Вот что рассказывает в своих воспоминаниях один из пострадавших, имевший случай лично убедиться в том, какова была подлинная роль фон Кубе в создании орловского режима. Вскоре после того, как в печати появилась заметка с разоблачением орловских порядков, подписанная Дьяконовым и московским большевиком Ждановым, Дьяконов был вызван вечером после поверки в контору. Дело происходило в июне 1909 года. В кабинете начальника, куда привели Дьяконова, сидел фон Кубе, обратившийся к заключенному с вопросом, били ли его за время пребывания в Орловском центре. Не обращая никакого внимания на утвердительный ответ Дьяконова, фон Кубе протянул ему лист бумаги, на котором стояло опровержение от имени пострадавшего, и предложил ему подписаться. Дьяконов категорически отказался. Повторив свое предложение, фон Кубе предостерегающе заметил, как бы заключенный не пожалел о своем отказе. Получив вторичный отказ, фон Кубе приказал увести заключенного и продолжал разговор с помощником начальника тюрьмы Сангайло уже шепотом.

¹ Музей Революции СССР, фонд Орловского каторжного центра, коробка № 19, Воспоминания Б. М. Дьяконова.

На следующий же день с утра началось нещадное истязание Дьяконова. Его вызывали в коридор, сбивали с ног, били «в душу» (что означало в область сердца). Эти систематические избиения продолжались в течение трех дней. Наконец, истязуемый не выдержал. Перед ним встала дилемма — или отказаться от показания, что его били, или умереть. Желание жить взяло верх, и он подписал опровержение¹.

Жданов избавился от этих мук только благодаря тому, что был переведен в это время из Орла в другую тюрьму.

Помимо избиений арестантов, которые производились вопреки прямому запрещению закона, орловская тюремная администрация широко пользовалась «законными» методами воздействия на непокорных и провинившихся каторжан. Такими законными видами наказания согласно тюремному уставу были карцер и телесное наказание розгами. И та, и другая меры наказания, если они применялись к заключенному через короткие промежутки времени или к человеку с подорванным и ослабленным организмом, нередко приводили к смертельному исходу. Бывали среди политических заключенных и такие люди, для которых телесное наказание было равносильно смертному приговору, о чем они прямо предупреждали своих мучителей.

Особенно тяжело было положение душевнобольных, которых, вместо того чтобы отправить в специальную больницу, продолжали содержать в орловском застенке. Издевательства над ними принимали иногда такую форму, которая могла быть подсказана только извращенным воображением палача-садиста. Несчастных заставляли есть всякую гадость, насмешками и издевательствами доводили их до полного умоисступления, а затем, подвергнув наказанию розгами, бросали в карцер.

Чтобы не быть голословными, приведем два документа, извлеченных из архива Орловской губернской тюремной инспекции. Оба относятся к уголовному каторжанину Филиппу Пикину.

Первым документом является так называемая штрафная ведомость «О ссыльно-каторжном Филиппе Иванове Пикине, он же Лусик, по внешнему виду 25 лет. Осужден за побег после приговора на 12 лет каторги за удар по голове односельчанина смертельно»².

¹ Музей Революции СССР, фонд Орловского каторжного центра, коробка № 19.

² Орловский областной архив, Орловская губернская тюремная инспекция, ф. 29, оп. 669, № 595, 1913, л. 5.

Штрафная ведомость составлена на основании выписки из книги дисциплинарного взыскания. Она охватывает период с 5 октября 1912 г. по 13 мая 1915 г. и отражает те «законные» меры взыскания, которым подвергался Филипп Пикин за время своего пребывания в Орловской каторжной тюрьме.

ВЫПISKA ИЗ КНИГИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ

5/X—1912 г.	Кричал в одиночке, требуя горячей пищи, называя «кро-вопийцем» отделенного	Темного карцера и светлого 7 суток
7/II—1913 г.	Громкий разговор, смех в камере, грубые ответы надзирателю	Темный карцер 7 суток
18/II—1913 г.	За ложное заявление: дали грязную воду пить	Темный карцер 5 суток
18/V—1913 г.	Ложное заявление о болезни, грубость врачу	Темный карцер 7 суток
28/V—1913 г.	То же самое в других выражениях	Темный карцер 7 суток
29/VII—1913 г.	Ослушание приказа, обругал «подлецом» надзирателя, разговаривал, «повысив тон»... «поднял беспричинный крик»	Розги, 35 ударов
4/III—1914 г.	Требования незаконные и в грубой форме	Темный карцер 14 суток
6/III—1914 г.	Сидя в карцере, посланный вынести «парашу», бросил ее в надзирателя, оборвав шашку у другого	Розги, 35 ударов
7/III—1914 г.	Сидя в карцере, начал беспричинный крик: «Товарищи, помогите». Взошли чины администрации. Надзирателю... «откусил ногтевую фалангу пальца правой руки», а другого дважды по голове ударил	Возбуждено преследование
14/III—1914 г.	За смотрение в окно при прогулке арестантов. Передавал что-то знаками	Темный и светлый карцер 14 суток.
20/IV—1914 г.	Кричал и бил в дверь	35 розог и ручные кандалы
10/V—1914 г.	Бросил в «волчок» в глаза надзирателю пыль. На угрозы, что за это начальник накажет, ответил: «Пусть попробует, я подниму крик в корпусе»	Темный карцер 14 суток
17/III—1915 г.	Дерзкое обращение	Светлый карцер 30 суток
13/V—1915 г.	Грубое обращение с надзирателем	10 суток карцера

Штрафная ведомость Филиппа Пикина поражает обилием и тяжестью взысканий, которые применялись к заключенному

за срок менее чем в три года. Но эта ведомость приобретает поистине злоеший характер при ее сопоставлении с другим документом, взятым из того же архива Орловской губернской тюремной инспекции. Этим документом является справка врача от 2 марта 1916 г. № 57, выданная начальнику орловского исправительно-арестантского отделения, следующего содержания: «Арестант Филипп Пикин, по моему мнению, совершал постоянно нарушения порядка в тюрьме под влиянием расстроенного душевного состояния и нервности»¹.

К этой справке сделано добавление о том, что врачебное управление признало Пикина 28 апреля 1916 г. душевнобольным и что 31 мая 1916 г. он умер от туберкулеза легких.

Итак, душевнобольного человека, который, по свидетельству врача, «совершал постоянно нарушения порядка в тюрьме под влиянием расстройства душевного состояния и нервности», не только держали около четырех лет в каторжной тюрьме, но за 2 года 7 месяцев — с 5 октября 1912 г. по 13 мая 1915 г. — подвергли 14 раз дисциплинарным взысканиям. За это время он был трижды наказан розгами, получая каждый раз по 35 ударов; восемь раз сидел в темном карцере — из них три раза по 14 суток и четыре раза — в светлом, причем один раз в продолжение 30 суток. И лишь за месяц до того, как смерть-избавительница прервала скорбный жизненный путь несчастного, врачебное управление вынесло официальное постановление, которым признало Пикина душевнобольным.

Такая трагическая судьба выпала на долю не одного Филиппа Пикина. Ее разделили с ним многие политические и уголовные каторжане, чья нервная система и рассудок не были в состоянии выдержать искуса орловского режима. Разница была лишь в том, что многие из них кончали жизнь самоубийством или умирали от туберкулеза, в результате избиений и длительных отсидок в темном и светлом карцере, не дождавшись официального признания своей душевной болезни врачебной комиссией.

Чтобы дать законченную картину особенностей орловского режима, ее необходимо дополнить еще несколькими последними штрихами. Для этого придется упомянуть о своеобразном развлечении, которое доставляли себе некоторые тюремные надзиратели, всячески попирая чувство собственного достоинства заключенных. С этой целью из камеры в коридор вызывались два арестанта, которым предлагалось плевать друг другу в лицо

¹ Орловский областной архив, Орловская губернская тюремная инспекция, ф. 29, оп. 669, № 595, 1913, л. 29.

или же целовать руки своих палачей. Вслед за отказом заключенного выполнять подобные требования следовало, конечно, жестокое возмездие.

Были среди надзирателей и любители забавляться «спортом». От скуки во время дежурства они развлекались тем, что бились друг с другом об заклад — на бутылку водки, что с одного удара будет сбит с ног самый крепкий и здоровый на вид каторжанин. Обреченную жертву вызывали из камеры в коридор, и, разумеется, как бы ни кончалась эта спортивная потеха, в ответе был заключенный, которого избивал от злобы проигравший надзиратель.

Жестокостью изобретательности орловских палачей-тюремщиков действительно не было предела.

§ 33. ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ЗАКЛЮЧЕННЫМИ ТЮРЕМНОГО НАДЗИРАТЕЛЯ ВЕТРОВА

Как уже говорилось выше, в Орловском центре были различные мастерские.

Условия работы в этих тюремных мастерских, не подчиненных фабричному надзору, были очень тяжелы. Рабочий день продолжался там 10, а иногда даже 12 часов, нормы выработки были высоки, а расценки очень низки. Но, несмотря на это, часть каторжан, среди которых были и политические, безропотно шла туда на работу. Это объяснялось тем, что работа в мастерских для большинства заключенных, не имевших никакой материальной поддержки с воли, была единственным источником получения хотя бы мизерного вознаграждения в размере нескольких рублей в месяц для выписки продуктов и особенно табаку.

Особое положение среди тюремных мастерских занимала, как нам уже известно, хлопкотрепальная мастерская, принадлежавшая подрядчику Граевскому. Несмотря на то, что эта мастерская была расположена не в тюремном здании, а на дворе под навесом, санитарные условия «на хлопках» были таковы, что каждому проработавшему в этой мастерской в течение нескольких месяцев было гарантировано заболевание туберкулезом. Страдания каторжан, которые работали «на хлопках» и в продолжение долгого рабочего дня были вынуждены дышать вреднейшей пылью, усугублялись безмерной жестокостью надзирателей.

Чаша страданий заключенных, наконец, переполнилась. День 9 августа 1910 г. стал днем кровавой драмы, завершившейся процессом над группой заключенных, убивших осо-

бенно неистовствовавшего в истязаниях тюремного надзирателя Ветрова.

Московский военно-окружной суд на выездной сессии в Орле рассматривал с 18 по 21 января 1911 г. дело о 13 каторжанах, содержащихся во временной Орловской каторжной тюрьме. Этими каторжанами были: Матвеев, Исаев, Привалов, Фудим, Красиков и др. Всем им было предъявлено тяжкое обвинение, грозившее на основании положения об усиленной охране и ст. 279 XXII книги Свода военных постановлений смертной казнью. Они обвинялись в попытке массового побега из тюрьмы, в совершении убийства и ранений тюремных надзирателей (ст. 1459 Уложения о наказаниях).

Заседания суда происходили в одном из помещений временной каторжной Орловской тюрьмы и продолжались четыре дня. На суд вызывались в качестве свидетелей 15 чинов тюремной администрации и 22 арестанта. Военный суд признал доказанными факты насилия над чинами тюремной администрации, но не доказанным, что обвиняемые по предварительному соглашению в целях массового побега совершили насилие над стражей. Все 13 обвиняемых были признаны невиновными и оправданы. Этот оправдательный приговор произвел настоящую сенсацию. В практике военных судов едва ли найдутся другие случаи оправдания подсудимых, когда обвинительный акт предъявлял обвинение к арестантам, уже отбывавшим наказание, и когда потерпевшими являлись чины тюремной администрации.

Оправдательный приговор военного суда получал особое политическое значение. Обстоятельства сложились так, что оправдание подсудимых каторжан являлось вместе с тем осуждением чинов администрации временной Орловской каторжной тюрьмы. Нужны были совершенно исключительные условия для такого необычного приговора военного суда. Оправдательный приговор московского военно-окружного суда 21 января 1911 г. уже при самом царизме выявил преступную деятельность всей администрации Орловской каторжной тюрьмы. Правда, суд не вынес добавочное постановление о расследовании незаконных действий орловских тюремщиков. Этого, впрочем, от него нельзя было и ожидать.

Известны две версии убийства тюремного надзирателя Ветрова. Одна из них дана в обвинительном акте военного суда, а другая — в воспоминаниях очевидца — политического каторжанина.

Обвинительный акт установил обстоятельства убийства Ветрова по показаниям тюремного надзирателя Костюнина. По его

словам, он услышал крик Ветрова: «Братцы, бьют», — а затем увидел его, бегущего с разбитой головой и преследуемого арестантом Ионовым.

По другой версии, согласно воспоминаниям одного политического каторжанина, убийство было заранее задумано тремя заключенными, из которых он припомнил фамилию лишь одного — Богданова. Эти трое решили пожертвовать собою, чтобы избавить товарищей по заключению от ненавистного надзирателя-палача. Вопреки запрету они трое сразу подошли к параше.

Попытка Ветрова расправиться с нарушителями тюремных правил обычным для него кулачным боем встретила их отпор: один из этих трех выхватил у надзирателя револьвер, а другой бросился на него с топором. Надзиратель выбежал во двор, но упал с разбитым черепом. Призыв троих заговорщиков к остальным заключенным бить палачей не имел ожидавшихся последствий. Сопротивление арестантов не пошло дальше бросания в убежавших надзирателей молотками и разными железными предметами. Надзиратели успели убежать за ворота первого двора и запереть их. По обвинительному акту, в это время были убиты надзирателями арестанты Ионов, Ляшков, Богданов — инициаторы убийства Ветрова. Фамилии 11 легко раненных арестантов в обвинительном акте даже не названы. Неизвестно, насколько в действительности легкими были их ранения. Надзиратели, спрятавшиеся за ворота, показывали, что арестанты, ломясь в ворота, кричали им: «Вы нашу кровь пили, теперь мы вашу будем пить».

На место событий прибыло до 40 тюремных надзирателей и военная охрана в количестве до 70 человек. Попытавшиеся арестанты, боясь расправы, не выполняли приказ выстроиться на дворе, и надзиратели вытаскивали их силою. Здесь же над ними была учинена расправа, о которой официально донес судебный следователь, производивший следствие: «После подавления беспорядков, когда арестантов выстроили во дворе, то, как показали некоторые арестанты, допрошенные в качестве свидетелей, надзиратели били арестантов рукоятками револьверов по голове, причинив им раны. Кроме того, на следующий день, то есть 10 августа, одному арестанту при расспросах его о беспорядках причинена была надзирателями рана на голове ударом ключей»¹.

В печати были опубликованы воспоминания бывшего узника Орловского центра Дандескеса, пережившего ужасы 9 ав-

¹ Орловский областной архив, Орловская губернская тюремная инспекция, № 183, О беспорядках в Орловской временной каторжной тюрьме

густа 1910 г. Он писал: «Началась дикая, кровавая расправа над нами, оставшимися в живых: скомандовали всем вылезать из прикрития и скорее строиться по-двое. Мы вышли, хотели строиться, но этого нам не дали и начали бить револьверными дулами, шашками, просто кулаками, топтали ногами, грозили

Планъ
мѣста, гдѣ произошло вооруженное нападеніе
У л и ц а

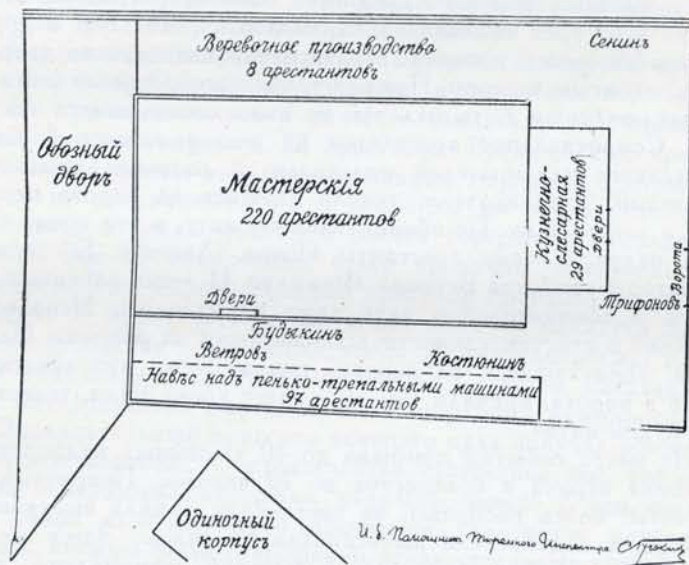

Рис. 18. Орловский каторжный централ. План места, где произошло вооруженное нападение на надзирателя Ветрова и его убийство 9 августа 1910 г.
Из областного Орловского архива.

убить всех на месте. Мы мечемся, словно затравленные звери, но нас догоняют взбесившиеся палачи, и удары так и сыплются... Я и теперь не могу вспомнить без содрогания этот ужасный момент.

Наконец, построились, стоим, не шевелясь, затаив дыхание: в воздухе что-то зловещее: десятки револьверных дул направлены на нас. Ужас...»¹.

¹ Данцескес и Билбин, Орловский централ, М., 1925, стр. 10.

Показания заключенных об избиениях их тут же, на дворе, надзирателями лишь в слабой степени отражали начавшуюся зверскую расправу над ними. Прямо со двора часть их была рассажена по карцерам и 26 человек высечены розгами. Телесному наказанию были подвергнуты 7 человек за попытку передать на волю письмо с описанием события 9 августа, истязаний заключенных¹.

В числе наказанных розгами за участие в беспорядках оказались все каторжане, преданные военному суду, оправдавшему их за недоказанность участия в этих беспорядках. Таким образом, как выяснилось, были высечены совсем невинные. В тюремной политике действовало правило, как раз обратное поговорке: «лучше недосолить, чем пересолить». Если «пересол» оказывался на арестантской спине, то в этом не было никакой беды. Недаром Главное тюремное управление уже через две недели после кровавого усмирения арестантов в особой бумаге от 23 августа, адресованной орловскому губернатору, с чувством удовлетворения писало, что быстрое усмирение «вновь доказывает хорошую дисциплину среди администрации и надзора Орловской каторжной тюрьмы». Однако Орловская тюремная администрация не смогла сохранить в тайне события 9 августа, несмотря на порку арестантов за попытку переслать на волю описания этих событий. До широких слоев русской общественности эти известия дошли.

Сообщения о них появились и в заграничной печати. В подробностях выяснялся произвол орловских тюремщиков. Главное тюремное управление было обеспокоено возможностью соответствующего запроса в Государственной думе и перспективой неполучения «отличившимися» надзирателями обещанных наград. Поэтому оно поспешило осведомиться у орловского губернатора, не было ли таких «обстоятельств, которые могут вызвать временную приостановку или полную отмену представления надзирателей к наградам»².

В предвидении такого запроса в Думе Главное тюремное управление позаботилось подобрать доказательства правильности действий орловских тюремщиков. Так, оно обращало внимание орловского тюремного инспектора на необходимость выяснить, в чем именно выразилось общее возмущение арестантов, когда в рапорте отмечена активность лишь трех убитых заключенных. Вызывало также сомнение указание в качестве мотива возмущения намерение совершить из тюрьмы массовый

¹ Орловский областной архив, ф. 29, № 184, 1910—1917.

² Там же, № 183, 1910.

побег. Признавая, что трудно предположить «расчеты арестантов выйти на улицу», Главное тюремное управление рекомендовало орловским тюремщикам правильно обосновать такое предположение. Вздорность предположения массового побега арестантов, как я указывал выше, была признана и приговором военно-окружного суда.

В архивном деле орловской каторги имеется лист под названием: «причины беспорядков по показаниям арестантов». В нем были перечислены такие мотивы: 1) намерение побега, 2) месть Ветрову, 3) месть начальнику тюрьмы, его помощникам и надзирателям, 4) надежда на ослабление режима, 5) надежда на перемену администрации и 6) желание некоторых арестантов быть убитыми.

Все эти шесть пунктов говорили разными словами о невыносимо тяжелом режиме Орловской каторжной тюрьмы. Все эти пункты вместе с тем свидетельствовали о потере арестантами всякой надежды найти защиту от произвола администрации каким-либо легальным путем. Особенно тяжелое впечатление производит последний пункт, говорящий о надежде найти спасение от режима Орловской тюрьмы в смерти от пули или шашек тюремных надзирателей.

Итак, военный суд своим оправдательным приговором спас подсудимых от грозившей им смерти, но вернул их в камеры тюрьмы и в руки прежних тюремщиков. Временная орловская каторжная тюрьма продолжала по-прежнему нести свою службу царизму. Орловские тюремщики не понесли никакой ответственности за свои преступные действия.

Однако судебный процесс по делу об убийстве Ветрова получил широкую огласку, и Главное тюремное управление нашло неудобным оставлять орловских тюремщиков на прежних местах. Вскоре после окончания судебного процесса вся тюремная администрация была с повышением переведена из Орла. Тюремный инспектор фон Кубе был назначен инспектором забайкальских каторжных тюрем, где со времени его водворения стали разворачиваться тюремные трагедии. Начальник тюрьмы Мацевич был переведен на пост начальника Полтавских рот. Его помощник граф Сангайло был назначен начальником Брест-Литовской тюрьмы. Помощник Головкин, переведенный начальником Алгачинской каторги, начал вводить там «орловские порядки», вызвав тем самым отпор со стороны политических заключенных.

В Орел был назначен Синайский, бывший начальник Владимирской каторги. Синайский, по отзывам орловских узников, был не умнее, но значительно хитрее Мацевича. По-

этому при Синайском не происходило больше открытых истязаний при «приемке». Судебный процесс по делу Ветрова не прошел, очевидно, бесследно для тюремщиков и заставил их быть настороже. Но в одиночках и карцерах избивали по-прежнему беспощадно. Кроме того, Синайский широко ввел в обиход Орловского централа телесное наказание и заключение в темный карцер на длительные сроки.

Таким образом, режим Орловской каторжной тюрьмы приобрел несколько иную форму, но по существу там ничего не изменилось. По-прежнему за Орловским централом сохранялась репутация «застенка», в который направляли «для исправления» провинившихся каторжан из других тюрем.

§ 34. БОРЬБА ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ РОССИИ И ЗАПАДА ПРОТИВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ТЮРЕМНОГО РЕЖИМА В ЦАРСКИХ ЗАСТЕНКАХ, В ОСОБЕННОСТИ В ОРЛОВСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

Если мало что изменилось в Орловском центре, то большие изменения произошли за его стенами. На воле начинался новый подъем рабочего движения, шло накопление революционной энергии в глубине народных масс. На фоне этих новых, изменившихся условий общественной жизни «на воле» произошло событие, ворвавшееся резким диссонансом в жизнь Орловского «мертвого дома». Это событие нарушило прочно установившиеся «орловские традиции» и, получив широкий отклик как в самой России, так и за границей, доставило немало волнений орловским инквизиторам и их высокому начальству в министерских сферах в Петербурге.

Событием, нарушившим безмятежное существование тюремщиков, явилось такое, казалось бы, обыденное явление в жизни централа, как прибытие в Орел 20 июля 1912 г. новой партии каторжан, присланных из Шлиссельбургской крепости «на исправление». Эта группа каторжан включала всего 14 человек, но отличалась особыми качествами. Во-первых, она состояла исключительно из одних политических каторжан, и, во-вторых, эти люди были спаяны крепкой, товарищеской солидарностью и решимостью дать организованный отпор при посягательстве тюремщиков на их человеческое достоинство.

В состав шлиссельбургской партии входили: Борис Жадовский (офицер по делу Киевского восстания), Николай Билибин (реалист из Калуги), Захарий Цюма (матрос с «Пантелеймона»), Антон Конуп (матрос), Вилис Шмидт (по делу Либав-

ской группы анархистов-коммунистов), Иван Некрасов (по делу военной организации, социал-демократ), Григорий Курочкин (по делу боевой инструкторской школы большевиков в Куоккала), Карл Лукс (учитель из Прибалтийского края, социал-демократ), Иван Коротков (из Саратова), Моисей Шеенсон, Евстафий Купченко, Василий Тимошечкин, Иван Бурков и Илья Бернштейн (социал-демократ).

Организуя отправку этого этапа, петербургская тюремная инспекция нашла нужным направить начальнику петербургской конвойной команды специальное отношение с просьбой сделать надлежащее распоряжение о предупреждении конвоя, который будет сопровождать упомянутых арестантов от Шлиссельбурга до Орла, «о необходимости иметь за ними особо бдительный надзор в целях воспрепятствования им совершить побег в пути следования: в особенности надзор должен быть усилен за арестантами Борисом Жадановским и Захарием Циомой, осужденными в каторжные работы без срока и склонными к производству беспорядков и нарушению тюремного режима»¹.

Помимо этого напутствия, которым тюремная инспекция снабдила начальника конвоя, начальник Шлиссельбургской каторжной тюрьмы Зимберг дал каждому заключенному индивидуальную характеристику, объясняя тем самым причину перевода из Шлиссельбурга в Орел.

Жадановский получил при этом следующую аттестацию: «Поведения очень плохого, отношение к чинам администрации и надзору непокорное и непочтительное, иногда даже грубое, имеет влияние на прочих арестантов и, подчиняя их своему взгляду, подбивает к протестам и возмущает против тюремного строя. Предъявил ряд незаконных требований и, получив отказ, отказался подчиняться установленному режиму и подбил к этому других арестантов»².

Такая характеристика предвещала жестокие испытания в Орле как самому Жадановскому, так и его товарищам. Подчеркнуто свободное поведение шлиссельбуржцев на дворе Орловского централа в ожидании «приемки» партии резко выделило их из прочей массы каторжан и вызвало сразу раздражение и озлобление тюремщиков.

Началась «приемка». Приемка при Синайском не носила характера избиений, как то было при Мацевиче. Беспощадное избиение производилось теперь позднее, после того как вновь прибывших водворяли в одиночные камеры. В бане же происхо-

¹ И. Вороницын, История одного каторжанина, М.—Л., 1926, стр. 168.

² Там же, стр. 167.

дила отвратительно-оскорбительная процедура обыска, которому подвергали голых людей. Своими грязными пальцами тюремщики залезали в рот, нос, уши арестованных, искали чего-либо запретного «чуть ли не в порах тела, искали долго, старательно и нарочито оскорбительно».

Жадановский с негодованием отказался подчиняться этой гнусной процедуре, и, как ни странно, орловские палачи оставили его на этот раз в покое.

Но при выходе из бани разразился неожиданно инцидент, последствия которого самым тяжким образом отразились на его виновнике. Отдавая приказ на выход группы из бани, помощник начальника ошибочно скомандовал вместо «направо» — «налево». Матрос Конуп, заметив эту оплошность, рассмеялся и во всеуслышание заявил: «Начальник, а командовать не умеет», в ответ на что некоторые заключенные не удержались и фыркнули. Эта сцена была так неожиданна и так не вязалась со всем твердо установившимся строем жизни Орловского централа, что тюремщики опешили и растерялись. Во всяком случае никакого непосредственного возмездия за свою неслыханную дерзость Конуп не получил. Расплата пришла позднее.

Шлиссельбуржцев развели немедленно по камерам одиночного корпуса. Водворилась мертвая тишина. И только некоторое время спустя после вечерней поверки началась кровавая орловская вакханалия, первой жертвой которой сделался Конуп, расплатившийся теперь за свою неслыханную дерзость.

Все шлиссельбуржцы один за другим подверглись самым жестоким избиениям. Особенно истязали больного туберкулезом Бориса Жадановского, который в ответ на удар, нанесенный ему Синайским, сам бросился на него и замахнулся своими скованными руками. Орловские палачи применили к шлиссельбуржцам новый вид пытки, о которой не слышно было при Мацевиче, — «вязку петушком», как говорили сами тюремщики, или «вязку уткой», как называет этот вид пытки один из узников в своих воспоминаниях.

Трудно рассказывать своими словами о том, что происходило в одиночном корпусе Орловского централа в ночь на 21 июля 1912 г. О событиях этой кошмарной ночи поведал миру официальный документ — запрос членов Государственной думы, который был подписан не только социал-демократами, но и представителями других партий.

«Запрос № 11 министрам внутренних дел и юстиции 64 членов Государственной думы 21 января 1913 г. о незаконных действиях администрации Орловской, Алгачинской и некоторых других каторжных тюрем».

«В сентябре и октябре 1912 года в газетах появились отрывочные сведения об исключительно тяжелых, кошмарных событиях в тюрьмах Нерчинской каторги и в Орловской каторжной тюрьме, жертвами которых оказались политические каторжане. Вскоре эти сведения нашли полное подтверждение в сообщениях потерпевших и непосредственных очевидцев событий о глумлениях над личностью заключенных, о систематических истязаниях и о зверских расправах, в результате которых действий имели место голодовки и самоубийства заключенных».

Перечислив поименно всех 14 политкаторжан, прибывших 20 июля 1912 г. из Шлиссельбургской каторжной тюрьмы в Орловскую «на исправление», текст запроса сообщал далее: «Все они были рассажены здесь по одиночным карцерам и в ту же ночь в присутствии тюремного начальства были подвергнуты тяжчайшим истязаниям, причем эти истязания продолжались в течение двух недель. Вот подлинный рассказ одного из истязуемых: «Пришла моя очередь. Дверь отворилась и ворвались старший, а за ним толпа. Я ранее решил не кричать, и когда меня ударили сбоку по шее, я промолчал и молча пошатнулся. Меня взяли — один за плечи, еще кто-то за ноги и, подняв кверху, ударили грудью об пол. Я невольно застонал, и, очевидно, помощник сказал с иронией: «Ага, по-французски заговорил, вежливого обращения захотел, собака». Кто-то сидел у меня на плечах и веревкой крутил руки, другой сгибал ноги. Я не сопротивлялся. Возились молча; я лишь изредка стонал от боли. Лицом я лежал на полу, и кто-то, ткнув сначала меня носком сапога в темя, потом наступив подошвой на ту часть лица, которая была не на полу, очевидно, от досады, что я молчу, начал бить ногами в спину, в бока и т. д. Я понял, почему так громко кричали избиваемые до меня товарищи, когда меня начали бить «под ребра» ключом. Сил молчать не было, и я кричал от боли. Посыпались остроты. Один из помощников снял лампу, сел с ней на пол и, освещая мое лицо, взял меня за нос и сказал: «Ну-ка, погляжу ему в морду», и стал наблюдать. Когда ему показалось достаточным число ударов ключом, он что-то сказал, и меня уже связанного подняли, как в начале, вверх и опять бросили об пол. Помощник еще раз посмотрел на мое лицо и сказал: «Что же личико-то такое чистое». Тогда меня взяли один за плечи, другой за колени и, ткнув одной стороной лица в пол, провели его по асфальту одиночки. Получилась ссадина на всей половине лица. Удовлетворившись этим, меня еще раз подняли и бросили в угол лицом к полу...»

По сведениям, имеющимся в трудовой группе и в соц-дем. фракции, подобные пытки повторяются и до настоящего времени»¹.

Запрос 64 депутатов Государственной думы министрам внутренних дел и юстиции доставил немало беспокойства представителям высшего чиновничьего мира царской столицы. Полетели запросы и предписания Главного тюремного управления и департамента полиции в Орел и докладные записки, донесения и разъяснения из Орла в Петербург. Тюремщики почувствовали необходимость быть начеку. До их сознания дошло, что общественно-политическая обстановка 1912 года совсем не та, какая была в 1908 году.

В запрос 64 членов Государственной думы было включено письмо одного из 14 пострадавших шлиссельбуржцев — Николая Билибина. В числе первых ему удалось вырваться из Орловского централа благодаря переводу в московскую тюрьму. Отсюда Билибин и переслал на волю два письма с описанием событий, происшедших в Орле в первую же ночь после прихода шлиссельбуржцев. Оба эти письма были опубликованы еще в ноябре 1912 года в № 40 и 41 парижской газеты «Будущее».

Публикация этих писем привлекла к себе внимание не только прогрессивных и революционных кругов общества. На них обратили внимание также и представители администрации в России. Еще в декабре 1912 года начальник Главного тюремного управления потребовал от орловского губернского тюремного инспектора Сербинова разъяснений по существу изложенных в письмах Билибина фактов. В своей докладной записке Сербинов, признавая факт связывания арестантов веревками от коек — якобы ввиду ветхости смиренных рубах, — принужден был подтвердить, что «к веревкам, связывающим руки буйствовавших арестантов были подтянуты и их связанные ноги»².

Это признание привело в смущение даже начальника Главного тюремного управления, который обратился к орловскому губернатору Андреевскому с просьбой предложить тюремной администрации позаботиться об изготовлении для Орловской временной каторжной тюрьмы необходимого запаса прочных и вполне соответствующих своему назначению смиренных рубах во избежание необходимости прибегать на будущее время «к непредусмотренному законом приему связывания буйствующих арестантов веревками»³.

¹ ЦГАОР, ДП, ОО, оп. 14, 1913, № 155, лл. 20—22.

² Музей Революции СССР, фонд Орловского централа, коробка 21, об. 33.

³ Там же.

Останавливаясь далее на факте применения к арестантам того вида наказания, которое на жаргоне орловских тюремщиков называлось «вязкой петушком», начальник Главного тюремного управления писал: «...находя подобный прием совершенно неуместным и недопустимым и граничащим с истязаниями, о которых так часто упоминается как в русской, так и в иностранной печати по отношению к Орловской временной каторжной тюрьме, прошу Ваше превосходительство преподать администрации названной тюрьмы необходимые по этому поводу указания».

Письма Билибина приподняли завесу над тем, что происходило вечером 20 июля 1912 г. в одиночном корпусе Орловского централа. О последующих же событиях, например о длительной голодовке протеста группы шлиссельбуржцев, мы узнаем из других источников, в частности из донесения начальника тюрьмы Синайского.

События, связанные с приемкой шлиссельбургского этапа, настолько нарушали обычный строй жизни Орловского централа, что Синайский поспешил на следующий же день отправить соответствующие донесения и орловскому губернатору, и Главному тюремному управлению. Синайский сообщал, что арестанты, переведенные из Шлиссельбургской крепости, с момента своего прихода сразу же проявили себя своим крайне вызывающим поведением, предъявляли к администрации требование называть их на «вы» и вообще вели себя крайне дерзко. За свое дерзкое поведение они были переведены на «карцерное положение». Само собой разумеется, что Синайский ни единым словом не упомянул о тех избиениях, которым подверглись шлиссельбуржцы. Он доносил только о том, что арестанты подняли крик, били в двери и вообще буйствовали. «Для быстрого прекращения беспорядков и во избежание, чтобы таковой не перебросился на другие камеры одиночного и главного корпусов, пришлось прибегнуть к усиленной и быстрой мере. Лишь после такой меры и спустя некоторое время арестанты успокоились»¹.

Под «усиленной и быстрой мерой» Синайский подразумевал «вязку петушком», или «уткой», то есть тот самый прием, который даже Главное тюремное управление признало «граничащим с истязанием».

Но даже применение этой инквизиторской пытки не сломало сразу сопротивление шлиссельбуржцев. Из донесения Синайского видно, что на следующее утро выказали повиновение

только восемь человек, а остальные шесть (Курочкин, Конуп, Коротков, Лукс, Жадановский и Шмидт) продолжали сопротивление орловскому режиму. Только на вечерней поверке 23 июля, по словам Синайского, они подчинились распоряжениям администрации. Но тут же он добавляет, что четыре человека — Жадановский, Лукс, Шмидт и Коротков — объявили голодовку, свидетельствуя тем самым, что заявление о подчинении шлиссельбуржцев было несколько преждевременным.

Голодовка продолжалась 16 дней и протекала в очень тяжелых условиях. Тюремная администрация понимала, что в условиях 1912 года было бы неблагоразумно руководствоваться «практическим разъяснением» Главного тюремного управления, которое было опубликовано в мае 1908 года в «Тюремном вестнике».

Допустить смертельный исход протеста голодовкой орловская тюремная администрация не хотела. 1 августа Жадановский по требованию врача был положен в больницу, куда позднее были доставлены и его товарищи. Жизнь этих четырех человек вопреки их воле поддерживали питательными клизмами, причинявшими крайне болезненные ощущения голодающим.

Голодовка протеста четырех шлиссельбуржцев, окончившаяся только на 17-е сутки, принесла некоторое смягчение режима — прекратились ежедневные истязания заключенных, чему, может быть, способствовало отчасти и посещение централа окружным прокурором. Последний нанес свой визит в централ, по-видимому, под нажимом высшего начальства из Петербурга. Такой вывод можно сделать на основании донесения начальника Орловского губернского жандармского управления заведующему Особым отделом департамента полиции. Отвечая на запрос начальника Особого отдела от 24 октября 1912 г., Орловский жандармский полковник сообщал, что при своем посещении централа прокурор окружного суда «нашел лишь небольшие кольцеобразные кровоподтеки на руках арестованных» от связывания веревками, что семь человек шлиссельбуржцев уже переведены в другие тюрьмы, а семь человек оставлены в Орле¹.

Это жандармское донесение нуждается в двух дополнительных примечаниях. Во-первых, если прокурор при своем посещении Орловского централа — дата этого посещения точно не известна — обнаружил на руках заключенных лишь небольшие кольцеобразные кровоподтеки, то Жадановский, увидевший Шмидта и Короткова семь дней спустя после экзекуции, убедил-

¹ Музей Революции СССР, фонд Орловского централа, коробка № 21, об. 33.

¹ Музей Революции СССР, Орловский каторжный централ, «Дело о беспорядках в Орловской каторге в 1912 г.».

ся в том, что все тело у них было в ярких сине-зеленых полосах от веревки, а пальцы рук совершенно онемели и потеряли всякую чувствительность. Во-вторых, оставление в Орле семи шлисельбуржцев было обусловлено специальным обращением орловского губернатора в Главное тюремное управление от 9 августа 1912 г., в котором он просил не переводить из Орла Жадановского, Шмидта, Короткова, Лукса, Курочкина и Тимошечкина, так как «перевод их из Орла может вселить в них убеждение, что они в действительности являются настолько серьезными преступниками, что им отдается особое внимание по сравнению с другими»¹.

Письмо Билибина, дававшее представление о порядках, царивших в Орловском центральном, послужило не только, материалом для запроса в Государственной думе. Это письмо дало пищу для целого ряда выступлений периодической печати. Осенью 1912 года развернулась газетная кампания как в России, так и за границей, посвященная Орловскому централу.

Зарубежная пресса, как русская, так в особенности иностранная, доставляла наибольшие неприятности и волнения царским чиновникам. Если царским сотрапам было очень легко и просто расправиться с представителями печати в России, то совершенно иначе обстояло дело с зарубежной прогрессивной прессой. Еще в начале 1910 года в Париже была опубликована статья, которая привлекла к себе внимание не только социалистических кругов, но и всей прогрессивной общественности.

5(18) января 1910 г. в газете *L'Humanité* («Юманите») № 2102 появилась статья Каутского, озаглавленная «Российский застенки». В сжатой форме эта статья всесторонне освещала быт орловских политкаторжан. Одну за другой развертывала она картины жизни заключенных с момента прихода очередной партии в централ и процедуры ее «приемки» орловскими палачами, вплоть до последней минуты существования истерзанных и изувеченных людей, кончавших расчеты с жизнью в петле самоубийцы или на койке тюремной больницы на глазах у тюремного врача Адама Рыхлинского.

Статья была написана на основании подлинных показаний и воспоминаний бывших орловских политкаторжан. Авторами воспоминаний были те, кому посчастливилось вырваться из цепких лап орловских тюремщиков живыми. Статья изобиловала конкретными фактами и называла ряд имен как орловских палачей, так и их жертв.

¹ Музей Революции СССР, Орловский каторжный централ, «Дело о беспорядках в Орловской каторге в 1912 г.».

Статью Каутского дополнили публикации на ту же тему ряда иностранных изданий как на русском, так и на французском и немецком языках. Приподнимая завесу над кошмарами русской действительности, показывая, что творится за стенами Орловской временной каторжной тюрьмы, эти статьи возбуждали против русского царизма широкие демократические массы. И даже буржуазия, лицемерно провозглашавшая свою преданность гуманным идеям и демократическим принципам, испытывала некоторое смущение, знакомясь с этими разоблачениями. Зарубежная буржуазия, главным образом французская, являлась источником финансирования царского правительства, иначе говоря, материальной опорой царского трона. С ее мнением и настроением необходимо было считаться. Не в интересах правительства Николая II было распространение сведений, создававших благоприятную атмосферу для агитации против варварского режима, утвердившегося в России в пору столыпинской реакции. Чтобы поддержать уверенность иностранных кредиторов в прочности, а следовательно, и в платежеспособности царской власти, надо было спасать престиж этой власти. И в этих целях приходилось поневоле обуздывать чрезмерное рвение тюремных палачей.

Таким образом, именно зарубежная печать, как русская, так особенно иностранная, сыграла существенную роль в разоблачении режима Орловского каторжного централа.

Из числа зарубежных организаций, доставивших немало тревог царским тюремщикам, большую роль сыграл «Краковский союз помощи политическим заключенным в России». Этот союз, основанный в феврале 1910 года небольшой инициативной группой в Кракове, превратился вскоре в разветвленную организацию с отделениями в Карлсруэ, Вене, Берлине, Праге и ряде швейцарских городов. «Краковский союз» установил постоянную связь с зарубежными центрами российских социалистических партий и с «Международным социалистическим бюро»¹.

С февраля 1914 года стал выходить специальный орган «Краковского союза» — «Вестник каторги и ссылки». На страницах этого издания освещались наиболее острые и волнующие вопросы из жизни в России политических ссыльных и заключенных.

Со второй половины 1913 года подняла свой голос в защиту политических узников в России еще одна организация, которая

¹ Постоянный исполнительно-информационный орган II Интернационала, прекративший свою деятельность в 1914 году после краха II Интернационала. — *Прим. ред.*

сумела привлечь внимание и сочувствие широких кругов западно-европейской общественности к положению политических каторжан, томившихся в русских тюрьмах.

Этой организацией была «Лига защиты прав человека и гражданина», которая включилась в борьбу против зверств и насилий царских тюремщиков над политкаторжанами после прямого обращения к ней за содействием со стороны русской политической эмиграции.

25 сентября 1913 г. в № 45 издававшейся в Париже на русском и французском языках газеты «Будущее» появилось «Открытое письмо гражданину Прессансэ».

В следующем номере «Будущего» (№ 46) был дан дословный перевод этого письма на русском языке. Этим письмом газета информировала Прессансэ как представителя «Лиги защиты прав человека и гражданина» о кровавых ужасах и истязаниях, которым подвергались политические каторжане в Орловском центре. Приводя конкретные факты и имена пострадавших, газета призывала Прессансэ выступить в защиту русских политкаторжан.

Прессансэ горячо откликнулся на этот призыв и развернул широкую кампанию митингов протеста против зверств и насилий царских тюремщиков. Агитация Прессансэ получила большой резонанс в странах Западной Европы.

На защиту политических заключенных в России выступила и международная организация — «Международное социалистическое бюро». По инициативе представителя Российской социал-демократической рабочей партии на заседании бюро был поставлен вопрос о выступлении в защиту политических заключенных в России.

В первом же номере «Вестника каторги и ссылки» появилась такая публикация:

«В заседании Международного Социалистического Бюро 14 декабря 1913 г. секретарь его Гюисманс сделал следующее сообщение:

«Тюремный режим, применяющийся к политическим заключенным в России, давно занимал Международное Социалистическое Бюро. На заседании Бюро в октябре 1912 г. Г. В. Плеханов от имени русской социал-демократической партии и партии социалистов-революционеров внес этот вопрос на рассмотрение Международного Бюро и тогда же было решено обратиться к общественному мнению с протестом против произвола и насилия русского правительства.

В течение прошлого года были устроены по поводу этого многочисленные митинги. Гражданин Прессансэ открыл настоя-

щий крестовый поход в защиту русских политзаключенных, и его доклад, прочитанный в Париже, был напечатан, переведен на несколько языков и выпущен отдельной брошюрой».

Далее читатели «Вестника каторги и ссылки» информировались о том, что в ноябре 1913 года по инициативе некоторых видных социалистов и прогрессистов Германии, поддержанных социалистами других европейских стран, появилось печатное воззвание, призывающее к защите русских политических ссыльных и заключенных и к оказанию им материальной помощи.

Это воззвание, озаглавленное «За политических заключенных России», начиналось таким сообщением:

«Со времени провозглашения конституционной свободы в октябре 1905 года в России было осуждено свыше 40 тысяч человек за политические преступления.

Из этого числа 3000 было казнено, больше 10 тысяч было заключено в «мертвые дома» каторги. Большинство было осуждено исключительными судами».

Под этим воззванием стояло уже около 500 подписей выдающихся политических и общественных деятелей, писателей, ученых и художников всей Европы (без различия партий), объединенных одним лишь гуманным чувством. Сбор подписей под воззванием продолжался, а само воззвание было одновременно опубликовано во всех берлинских газетах, а затем во всех социалистических и многих буржуазных газетах Германии, Франции, Англии, Австрии, Швеции, Дании, Швейцарии, Голландии и Бельгии — всего более чем в 150 европейских газетах.

Чиновник российского департамента полиции Красильников, живший в Париже, немедленно информировал свое петербургское начальство, пересылая туда вырезки из иностранных и русских зарубежных изданий. Все это доставляло большое беспокойство местным сатрапам, заставляя изыскивать оправдания своим действиям или же полностью отрицать правильность предъявляемых обвинений.

Так, орловский губернатор Андреевский, отвечая на письмо директора департамента полиции Белецкого от 11 февраля 1913 г. и давая разъяснение по поводу статьи в газете «Луч» от 8 февраля 1913 г. под заглавием «В Орловской каторжной тюрьме», жаловался на якобы клеветническую кампанию, которую радикальная пресса развернула против Орловского центра «с целью поколебать во что бы то ни стало твердый режим тюрьмы»¹.

Но еще больше, чем газетные статьи, волновали представителей администрации и чиновников тюремного ведомства

¹ ЦГАОР, ДП, ОО, № 155, 1913, лл. 77—81 и 88—90.

запросы членов Государственной думы и необходимость давать ответы и разъяснения по этим запросам. Чтобы чувствовать себя во всеоружии при выступлении перед народными представителями, Главное тюремное управление командировало в январе 1913 года в Орел своего чиновника для выяснения на месте условий заключения в Орловском центральном.

Разумеется, никаких осязательных результатов в смысле изменения режима это обследование не дало, так как представитель Главного тюремного управления, естественно, нашел, что в тюрьме все обстоит весьма благополучно. И все же, несмотря на это, по воспоминаниям И. Короткова, самый факт этого обследования имел для заключенных положительное значение. Узники почувствовали, что они не забыты друзьями и товарищами, оставшимися на воле, что есть люди, которые следят за тем, что происходит в тюрьме, и стремятся всеми возможными средствами облегчить тяжелую долю заключенных. И одно это сознание уже поднимало дух и придавало моральные силы заключенным. Силы же эти были крайне нужны, так как хотя истязания заключенных в прежнем виде больше не практиковались, но борьба продолжалась, и борьба была жестокой.

При Синайском, как уже известно, старались применять к заключенным «законные» меры воздействия. Даже физически слабых и болезненных заключенных часто наказывали темным карцером, где узник принужден был лежать на холодном асфальтовом полу, получая вместо горячей пищи холодную воду и «пайку» черного хлеба. Понятно, что не только болезненные, но даже относительно здоровые заключенные выходили после семидневного пребывания в темном карцере с сильно подорванным организмом.

Помимо темного карцера, Синайский часто применял самое тяжелое и унижающее для заключенных телесное наказание — розги. Например, постоянно протестовавшего шлиссельбуржца Ивана Короткова, которого орловские тюремщики называли «самым невыносимым арестантом», не только часто наказывали заключением в темный карцер, но дважды подвергли наказанию розгами.

Шлиссельбуржца Бориса Жадановского, пользовавшегося заслуженной любовью и уважением каторжан и острой и упорной ненавистью тюремщиков, за 18 месяцев его пребывания в Орле не освободили даже от наручей, хотя как больной туберкулезом он имел право на эту льготу. Орловские тюремщики не решались подвергнуть Жадановского телесному наказанию, несмотря на то, что Синайскому очень хотелось привести в исполнение свою угрозу. Однако категорическое заявление Жада-

новского, что он покончит с собой, если будет наказан розгами, остановило руку тюремщиков. Жестокий палач Синайский был большим трусом. Он испугался того, как будут реагировать в Петербурге, если произойдет самоубийство Жадановского, и как это отзовется на его личной карьере. Но зато мстительный администратор испещрил «ведомость дисциплинарных взысканий» Жадановского пометками о ежемесячно налагаемых на непокорного узника наказаниях в виде лишения права на переписку с родными, на свидания и чтение книг, кроме «святого евангелия». Помимо того, за полтора года пребывания в Орле Жадановский четыре раза сидел в темном карцере, причем в трех случаях непосредственно за темным карцером следовал семидневный светлый карцер.

Можно с уверенностью сказать, что если бы матери Жадановского при поддержке видных общественно-политических деятелей в Петербурге не удалось добиться перевода сына из Орла в Херсон, Жадановский вскоре окончил бы свои дни, сраженный туберкулезом, на больничной койке Орловского централа. Судьба этого человека, которого товарищи называли «революционером-подвижником» и о котором говорили, что «он не погряз в себе человека, не согнул головы своей перед озверевшими гнусными насильниками, потерявшими человеческий облик», сложилась иначе¹.

Возвращаясь к тому, что происходило внутри Орловской временной каторжной тюрьмы после запроса 64 депутатов Государственной думы в январе 1913 года, надо отметить первую в истории Орловского централа голодовку протеста большой группы заключенных. Эта голодовка, организованная с огромными трудностями инициативной группой во главе с Жадановским и другими шлиссельбуржцами, преследовала цель добиться значительного смягчения тюремного режима. Ее инициаторы были полны решимости не прекращать голодовки до полного удовлетворения всех выставленных требований. Но арестант, через которого велись все письменные сношения между заключенными, оказался предателем. Врученные ему воззвания к узникам он передал в тюремную контору, и тем самым всеобщая голодовка была сорвана.

Однако групповая голодовка, в которой приняли участие около 50 человек, заключенных в одиночном корпусе, все же состоялась. Она продолжалась около 10 суток.

Новый начальник Орловского централа Колченко добился прекращения голодовки путем обмана, дав обещание удовле-

¹ См. § 21 настоящего тома.

творить все требования заключенных. Фактически голодовка обеспечила выполнение лишь одного требования — общей прогулки политкаторжан. Но и это было, по словам узника Короткова, большим достижением, так как облегчало заключенным одиночного корпуса общение друг с другом.

Именно в результате некоторого смягчения режима Орловского централа заключенным удалось не только составить, но и переслать на волю свое обращение «К русскому народу», которое было опубликовано в феврале 1914 года в 1 номере «Вестника каторги и ссылки» и которое мы приводим здесь полностью:

«К РУССКОМУ НАРОДУ КАТОРЖАНЕ ОРЛОВСКОГО ЦЕНТРАЛА»¹

В тяжелой борьбе за свое освобождение от ига самодержавия русский народ несет великие жертвы. Правительство щедрою рукою расставило на его пути виселицы и пулеметы, штыки и тюрьмы.

Тысячи повешенных, начиная с 5-го года, десятки тысяч расстрелянных и убитых, замученных всевозможными способами. Обо всем этом писали в газетах и телеграммах и даже в правительственных сообщениях. Почему же ничего не пишут о зверских насилиях, которым подвергаются каторжане в тюрьмах. Почему так мало знают о них? Правительство ревниво оберегает своих усердных слуг, совершающих подвиги в сумраке казематов, а толстые стены и железные затворы заглушают крики и стоны истязуемых. На первом месте среди всех каторжных тюрем по чисто инквизиторскому своему режиму стоит Орловский централ. Недаром, Главное тюремное управление присылает сюда со всех концов России каторжан «для исправления».

С 1908 года каждый новый этап подвергался самым жестоким избиениям. Этапных раздевали наголо и заставляли проходить сквозь строй надзирателей, которые наносили по голым телам удары кулаками, резинами, ключами. После такого приема продолжали бить изо дня в день всех, как и где попало: в камерах, в мастерских, на дворе, в бане. Еще в 1912 году 21 июля были страшно избиты 16 каторжан, присланных из Шлиссельбурга, ночью, после поверки, когда они уже спали, к ним стали врывать в камеры, связывали их, затыкали рот, чтобы не кричали, и связанных, бросив на каменный пол, били кулаками; одному, Тимошечкину, повредили спину. Матросу Антону Копу порвали барабанные перепонки. Нужны целые тома, чтобы рассказать о всех насилиях, творившихся здесь с 1908 г. Нужно иметь сердце палача, чтобы не содрогнуться, увидев местных каторжан-старожилов и послушав их рассказы. На Троицком кладбище, где хоронят арестантов, сотни могил погибших, замученных, доведенных до самоубийства, являются молчаливыми свидетелями тех ужасов, которые здесь происходили и происходят. Мы не будем голословными, нас подавляет обилие фактов, и мы вынуждены ограничиться лишь немногими, наиболее вопиющими случаями из хроники орловской каторги. В 1913 году 17 января был связан, сильно избит и выпорот Сергей Шарапов, бывший брянский рабочий. 30 апреля в одиночном корпусе около 50 человек

объявили голодовку. Они требовали прекращения избиения и порок, отмены «так точно» и «никак нет», вставания перед волчком и отведения «здравия желаем» надзирателям (за неисполнение этого до голодовки били и морили каторжера), улучшения пищи и пр.

8 мая, на девятый день голодовки, двое бессрочных были унесены в больницу в бессознательном состоянии; в тот же день начальник дал слово голодавшим, что бить не будут, что он сам будет следить за этим, удовлетворил часть других требований, и голодовка прекратилась. А на другой день, 9 мая, перевели из общего корпуса 8 человек (Родионченко, Филиппенко, Космоловский, Медяник, Повелица, Кожевников, Харчевников, Петросьян) в одиночки и сильно избили за участие в голодовке, а четверых выпороли за протесты против избиений. Через несколько дней, за заявление о плохом качестве пищи был посажен в карцер Катшубович: в ту же ночь он повесился в карцере. 5 июля бессрочный каторжанин Мельников, психически не совсем здоровый, стал что-то выкрикивать из своей одиночки, его тотчас же избили и потащили пороть. Крики Мельникова вызвали стук в двери (у Мельникова до сих пор остались шрамы на шее и бедрах). За этот стук выпороли С. Шарапова, Новикова, Ужикова, Зуева и еще некоторых. 50 человек посадили в карцер на 10 и 20 суток. Наказанные все время спали на голом каменном полу. Многих заковали на год, лишили скидки и прибавили год сроку. Так расправляется с нами администрация. Так мстит она нам за протест против ее насилий. В Светлое Христово Воскресенье 1911 года был выпорот за непослушание Симоненко, с которым под поркой сделался паралич, и он все время лежал в больнице. В июле он сам заморил себя голодом и умер. В общем корпусе избиение — такое заурядное явление, как и прежде. В одиночках 29 июня был избит Пикин, а за крики и протесты его выпороли. 24 августа на тюремной ферме был убит надзирателем Корнеевым ротский арестант Лопухов. Лопухов работал при конной молотилке, он подавал снопы в отверстие молотилки. Надзиратель Корнеев сильно ударил его, Лопухов упал на машину, причем барабан захватил его руку, и, прежде чем успели остановить молотилку, его сильно поранило, и он в тот же день умер.

Мы хотим сорвать покров тайны и молчания с деяний орловских тюремщиков и с правительства, покрывающего их. О крови и муках погибших и погибающих товарищей кричим мы: «Имеющие уши, чтобы слышать, да слышат!».

Просим революционные организации распространить это обращение среди рабочих.

Каторжане Орловского централа».

Это обращение орловских каторжан к русскому народу и в особенности к рабочему классу являлось свидетельством возросшей веры заключенных в силы народной революции, в силу революционного рабочего класса. Вместе с тем этот документ является наглядным свидетельством очень плохой осведомленности их авторов о тех переменах, которые произошли за последние годы вне стен Орловского централа.

Рассказывая о событиях, происходивших в Орле в период с 1908 по 1912 год, и заканчивая свое повествование августом 1913 года, составители этого обращения даже не подозревали, что после 1912 года центр тяжести тюремных трагедий переместился. Пальма первенства, если можно так выразиться, жесто-

¹ «Вестник каторги и ссылки», февраль 1914 г. № 1, стр. 11.

кости и всяческих зверств перешла из Орла в Псков и Ярославль, а также в некоторые тюрьмы Нерчинской каторги. Режим Орловского централа оставался, конечно, по-прежнему жестоким режимом каторжной тюрьмы, но все же он претерпел значительные изменения, и по сравнению с прошлым условия существования заключенных в Орле стали значительно легче.

Режим в Орле постепенно смягчался, и массовым эксцессам был положен конец.

Разразившаяся в 1914 г. катастрофа первой мировой войны принесла некоторое облегчение тяжелой тюремной жизни каторжан. Во всяком случае в воспоминаниях бывших политических заключенных подтверждается наступившее в эту пору значительное смягчение режима в Орловской каторжной тюрьме.

§ 35. ПРЕБЫВАНИЕ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО В ОРЛОВСКОМ КАТОРЖНОМ ЦЕНТРАЛЕ

Накануне первой мировой войны, в июле 1914 года, царское правительство вывезло из Варшавы тех, кто был осужден к каторге и другим наказаниям военными и гражданскими судами и кто находился в ожидании суда и расправы с ним царизма. В эшелоне было помещено 502 узника варшавских мест заключений. Среди этой полутысячи узников был и Феликс Эдмундович Дзержинский. Царское правительство обратило свои взоры на Феликса Дзержинского, когда ему было лишь 20 лет, и с тех пор оно старалось не только не спускать с него своих глаз, но и не выпускать его из своих лап. Хронология царских репрессий, заканчивавшаяся репрессией Временного правительства, отмечает постоянную смену дат жандармских арестов, административных и судебных заточений в столичные и провинциальные тюрьмы вплоть до четырехкратного заточения в знаменитый 10-й павильон Варшавской цитадели и четырехкратных высылки и ссылки Ф. Э. Дзержинского.

Из перечня сменявших одна другую репрессий, примененных царизмом к Дзержинскому, можно составить целую таблицу: 1897 г. 29 июля заключен в тюрьму г. Ковно на несколько месяцев.

1898 г. 12 мая царь утвердил административную высылку в Вятскую губернию на три года.

1898 г. Декабрь. Высылка из Нолинска в с. Кайгородск, находящееся в 500 километрах севернее.

1899 г. Август. Побег.

1900 г. 23 января заключен в 10-й павильон Варшавской цитадели.

1901 г. Из цитадели переведен в Седлецкую тюрьму.

1902 г. Выслан на 5 лет в Восточную Сибирь.

1902 г. Май. Временно по пути в ссылку находится в Александровской тюрьме.

1902 г. 25 июня. Бежит из Вилуйска за границу.

1905 г. 31 июля. Арестован в Варшаве на собрании актива варшавской организации и посажен в 10-й павильон цитадели. Освобождается в октябре 1905 г.

1906 г. 26 декабря. Арестован жандармами и заключен сначала в тюрьму Варшавской ратуши, а затем в «Павиак».

1907 г. 5 июня освобожден из тюрьмы под залог¹.

1908 г. В апреле арестован в Варшаве.

1908 г. 16 апреля заключен в 10-й павильон Варшавской цитадели.

1909 г. Август. Приговорен к ссылке на поселение в Сибирь.

1909 г. В конце года отправлен из 10-го павильона в Тасеевку Енисейской губернии, оттуда через семь дней бежит за границу.

1912 г. 1 сентября. Арестован полицией, заключен в тюрьму 10-го павильона Варшавской цитадели.

1914 г. 29 апреля. Осужден к каторжным работам на три года за побег из Сибири.

1914 г. Июль. Эвакуирован в Орловскую тюрьму.

1914 г. 1 октября переведен в Мценскую тюрьму.

1914 г. 11 октября возвращен в Орловскую губернскую тюрьму.

1915 г. 21 апреля переведен в Орловский каторжный централ.

1916 г. Переведен в Бутырскую тюрьму.

1916 г. 4 мая. Присужден к шести годам каторги.

1917 г. Июль. Арестован в Петрограде, освобожден через несколько недель.

Эта таблица охватывает 20-летний период жизни Дзержинского. В таблице мы встречаем перечень целого ряда лет, когда к этому неукротимому революционеру применялись те или иные виды репрессий.

Бросается в глаза неослабевающая энергия Дзержинского, всегда готового завоевать собственными силами освобождение из места принудительного содержания. Он не дожидается ни истечения назначенных сроков, ни соответствующих распоряжений судебно-следственных и административных властей. Так,

¹ См. Ф. К о н, Феликс Эдмундович Дзержинский (в изд. 1939 года на стр. 40 указан другой срок освобождения, а именно — май).

высланный в 1898 году в Вятскую губернию на три года, он уже в 1899 году, то есть на следующий же год после утверждения царем этого срока ссылки, успешно бежал и возобновил работу за дело революции, пока царизм в 1900 году не заключил его в 10-й павильон Варшавской цитадели.

Решив избавиться от Дзержинского на более продолжительный срок и поместить его в более надежное место, чем северные губернии европейской России, царизм отправляет Дзержинского в ссылку в Восточную Сибирь сроком на пять лет. Однако и на этот раз Дзержинский не мирится ни с местом назначенной ссылки, ни с ее сроком. Ему удалось бежать за границу, даже не дойдя до назначенного ему места ссылки — г. Виллюйска.

В 1905 году он снова в России на революционной работе. Но жандармерии удалось схватить его и засадить за тюремные решетки знакомого ему 10-го павильона. Через два с половиной месяца он был освобожден поднявшейся волной первой всероссийской революции, вырвавшей у царизма манифест 17 октября 1905 г. Дзержинский оставался на свободе немногим более года. 26 декабря 1906 г. он был захвачен полицейской засадой и заключен сначала в тюрьму ратуши, а затем в «Павиак». 5-месячное пребывание в этих тюрьмах сменилось через 10 месяцев революционной работой на свободе и затем заточением в третий раз (апрель 1908 года) в 10-й павильон Варшавской цитадели.

Суд над Дзержинским происходил в период наивысшего развития реакции во всей империи и в особенности в Польше, где генерал-губернатор Скалон был проводником самой свирепой репрессии в борьбе с революционным движением. Дзержинский был приговорен к пожизненной ссылке на поселение в Сибирь, но этот неустанный борец революции сам сократил срок своего пребывания в ссылке до семи дней, счастливо перебравшись за границу.

Наступил один из самых продолжительных сроков пребывания Дзержинского на свободе. Наибольшую часть времени он проводил в Кракове, целиком отдаваясь служению делу революции. Но его тянуло в родную Варшаву, к работе там среди рабочей массы. Это удалось ему очень ненадолго: 1 сентября 1912 г. началось наиболее длительное его пребывание в особенно «прославленных» тюрьмах царизма.

Одиночная камера 10-го павильона Варшавской цитадели сменяется каторжным Орловским централом, а этот последний передает своего узника московской Бутырской тюрьме. За эти годы царские суды успевают дважды выносить ему суровые приговоры к каторжным работам. Варшавский окружной суд осудил

Дзержинского за побег из Сибири на три года по статье 313 Уложения о наказаниях, а Московская судебная палата — на шесть лет каторги за революционную деятельность в период 1910—1912 годов по ч. 1 статьи 102 Уголовного Уложения. Так, за каждый год свободы, а вместе с тем и революционной пропаганды царизм оплатил Дзержинскому двумя годами каторги.

Необходимо подчеркнуть противозаконность действий царского суда, который не судил Дзержинского одновременно за побег из Сибири и за революционную пропаганду, как он должен был сделать, а осудил его в два приема и при этом второй раз до окончания отбывания прежнего срока.

Сам Дзержинский своевременно указывал на незаконность такого производства дела следственно-судебными органами по обвинению его на основании ч. 1 статьи 102 Уголовного Уложения. Ему был известен закон о назначении наказания по совокупности, и он писал об этом в своей жалобе, поданной в Орловскую губернскую тюремную инспекцию 27 октября 1914 г. Напоминая в этой бумаге о состоявшемся приговоре на три года каторжных работ и о незаконченном другом деле по обвинению его по ч. 1 статьи 102 Уголовного Уложения, Дзержинский подчеркивал, что приговор к каторжным работам на три года может быть приведен в исполнение только по совокупности после окончательного судебного разрешения второго дела по ч. 1 статьи 102 Уголовного Уложения. Ответа на это законное требование Дзержинского в деле не имеется, но так называемый «Листок примерного расчета срока каторжных работ» исходил из факта приведения в исполнение приговора Варшавской судебной палаты от 29 апреля 1914 г. к трем годам каторжных работ. По этому расчету начало исполнения приговора было установлено 29 апреля 1914 г., определена скидка по манифесту 1913 года в один год, нахождение в разряде испытуемых и исправляющихся по одному году и перевод в разряд ссыльно-поселенцев 29 февраля 1916 г. Все эти скидки и сроки оказались мертвыми строчками на бумаге. Когда был поднят вопрос о переводе Дзержинского на поселение в Сибирь, Варшавская судебная палата 8 февраля 1916 г. сообщила губернской тюремной инспекции о невозможности перевода Дзержинского на поселение, так как о нем имеется другое дело по статье 102 Уголовного Уложения. Если бы приговор выносился одновременно по обоим обвинениям, то наказание должно было бы быть определено по совокупности, то есть высший срок лишения свободы — 6 лет — поглотил бы менее продолжительный срок — 3 года. Таким образом, эти незаконные махинации судебного ведомства, жандармерии

и департамента полиции стояли пленному борцу революции трех лишних лет каторги.

Однако все расчеты продлить срок вдвое против уже отбытого времени каторги были разрушены в феврале — марте 1917 года, когда двери Бутырской каторжной тюрьмы были открыты Дзержинскому восставшим народом.

В обширной литературе, посвященной Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, нам не встретилось статей, которые были бы посвящены описанию его пребывания в Орловском каторжном центре. Взяв на себя эту задачу, мы обратили особое внимание на использование тех официальных материалов, которые хранятся в Орловском областном архиве по фонду Временной каторжной тюрьмы и тюремной инспекции Орла. Прежде чем обратиться к ним, мы остановим внимание читателей на материалах, обнаруженных нами в ЦГАОРе и также оставшихся до настоящего времени неизвестными. Они представляют особый интерес, так как охватывают не только первое время пребывания Дзержинского в Орловской тюрьме, но и эвакуацию его одновременно с другими заключенными из Варшавы в Орел.

Как уже было указано, эвакуация заключенных произошла в июле 1914 года. Для эвакуации был сформирован большой эшелон из заключенных варшавских тюрем как уже приговоренных к различным видам наказания вплоть до каторжных работ, так и подсудимых. Их сопровождали тюремные надзиратели и другие чины администрации мест лишения свободы.

Во время пути среди заключенных был поднят вопрос об их массовом побеге. План такого побега встретил возражение со стороны подсудимых заключенных. Он представлялся им не отвечающим их интересам, так как не была исключена возможность не только приговоров к незначительным наказаниям, но даже и оправдания некоторых из подсудимых. Было принято компромиссное решение, а именно: сделать попытку побега лишь из тех вагонов, в которых были размещены преимущественно приговоренные к каторжным работам. Подробности побега устанавливались во время остановки поезда, когда разрешалось отправлять за горячей водой из каждого вагона по три человека. Так как предполагалось выбрасываться из вагона через окна, защищенные железными решетками, то одновременно их подпилили.

Попытка побега нескольких арестованных была совершена в 3 часа ночи на первой остановке после города Седлец, когда поезд остановился в лесу. Автор воспоминаний сообщает, что об этой попытке заключенные догадались, услышав ружейную пальбу. Двое из беглецов были убиты этими выстрелами, и их

трупы положены на площадку вагона. По прибытии в Орел число доставленных сюда заключенных вместо 502 оказалось 493, то есть не хватало девяти человек, из которых двое были убиты. Судьба же остальных семи осталась неизвестной¹.

Ко времени перевода заключенных из Варшавы в Орел относятся воспоминания Лещинского, также товарища Дзержинского по заключению. Автор воспоминаний рассказывает о протесте заключенных, которым не было выдано в пути довольствия. Начальник конвоя пригрозил протестантам стрельбой в них, как в бунтовщиков. Тогда Дзержинский, предъявлявший требования от лица заключенных, «...резким движением руки разорвал рубашку и, указывая на обнаженную грудь, заявил: «Мы не боимся ваших угроз. Стреляйте, если хотите быть палачами, но мы от своих требований отступить не можем». Автор воспоминаний добавляет: «Прошла минута — другая. Тишина. Глаза Дзержинского и начальника конвоя встретились и смотрели упорно, долго. Господин начальник уступил. Он повернулся и ушел из вагона. Юзеф победил. Спустя час арестанты получили еду и махорку»².

Цитированный нами автор воспоминаний Сырек определяет срок прибытия арестованных из Варшавы в Орел 19 июля 1914 г. и называет местом заключения как его самого, так и Дзержинского Орловскую губернскую тюрьму. Здесь, по его словам, они оставались вместе в одной камере до 31 декабря того же года. Факт нахождения Дзержинского вместо каторжной тюрьмы в губернской тюрьме в 1914 году подтверждается и официальными документами Орловского областного архива. Об этом свидетельствует переписка Орловского губернского тюремного инспектора. 30 сентября 1914 г. он распорядился о переводе Дзержинского в Мценскую тюрьму. Причины такого перевода не были указаны, но уже через несколько дней, 5 октября, тот же инспектор приказал начальнику Мценской тюрьмы вернуть Дзержинского снова в Орловскую губернскую тюрьму, и этот приказ 11 октября был выполнен.

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, ед. хр. 617, Воспоминания Сырека о Дзержинском.

После двухнедельного пребывания в Орловской тюрьме перевезенные из варшавских тюрем заключенные узнали, что один из беглецов удачно добрался до какой-то мельницы. Мельник не только помог ему сбить оковы, но и передел его в свое платье. Завоевав доверие каторжанина, мельник повез его на своей лошади в дальнейший путь, но доставил прямо к уряднику.

² Ю. Красный, Ф. Э. Дзержинский (материалы о жизни и подпольной деятельности), «Пролетарская революция» 1926 г. № 9, стр. 50.

Мы располагаем официальными документами, позволяющими с точностью определить конечный срок пребывания Дзержинского в Орловской губернской тюрьме. В архивном деле Орловского областного архива имеется документ под названием «Листок примерного расчета срока каторжных работ». Здесь на основании записи Приемной книги Орловской временной каторжной тюрьмы определенно указан срок прибытия Феликса Дзержинского в эту тюрьму 21 апреля 1915 г. Указание на этот же самый срок встречается и в другом документе. Он датирован 29 апреля 1915 г. На его боковом штампе значится: «Начальник Орловского исправительного арестантского отделения Временной каторжной тюрьмы».

Таким образом, управление исправительными арестантскими отделениями и временной каторжной тюрьмой в г. Орле сосредоточилось в лице одного начальника. Этот начальник, препроводжая в Орловскую губернскую тюремную инспекцию статейный список Дзержинского, писал в своей бумаге, что Дзержинский прибыл во вверенное ему отделение 21 апреля 1915 г. Этим документом уточняется и местопребывание Дзержинского в г. Орле, а именно — исправительно-арестантское отделение.

Итак, Дзержинский пробыл в Орловской губернской тюрьме с 19 июля 1914 г. до 21 апреля 1915 г. Сведения о его пребывании в этой тюрьме оставил Сырек, находившийся с ним, как уже было сказано, в одной камере до конца 1914 года. Его воспоминания кратки, относятся лишь к нескольким месяцам пребывания Дзержинского в губернской тюрьме и ограничиваются указанием на некоторые факты его пребывания в заключении.

Автор воспоминаний отметил тот большой авторитет, которым пользовался Дзержинский среди заключенных.

В монотонную жизнь тюрьмы было внесено разнообразие постройкой на тюремном дворе бетонного погреба для хранения капусты и картофеля.

Проект такой постройки, составленный одним из заключенных поляков, был утвержден губернским архитектором, и постройка завершена исключительно трудом политических заключенных губернской тюрьмы. Работа на свежем воздухе влекла к себе узников и притом она давала маленький заработок. В числе строителей оказался и Дзержинский. Из-за его слабого здоровья, подорванного тюремным заключением, ему была поручена сравнительно легкая работа: готовить раствор цемента и песка для каменщиков, занимавшихся укладкой кирпича.

Жизнь в общей тюремной камере среди политических заключенных, принадлежавших к различным партийным группировкам, проходила в политических спорах и в особенности на

тому об отношении к начавшейся империалистической войне. Автор воспоминаний отметил непоколебимо-большевистские взгляды Дзержинского.

Материальные условия существования в тюрьме арестованных, привезенных из Польши, оказались тяжелыми. Они были вывезены из своих тюрем в той белой летней одежде, которую носили в июле. Им выдали по две пары белья, но не дали теплой одежды. Между тем Орловская тюрьма была совсем не подготовлена для приема сразу нескольких сот заключенных. Не хватало не только теплой одежды, но и сколько-нибудь сносного питания.

Терпение заключенных истощилось, и когда их требования об улучшении условий содержания не были удовлетворены, они начали голодовку протеста. Заключенные отказывались от принятия всякой пищи. Так продолжалось пять дней. Истощенных голодовкой переводили в уже переполненную тюремную больницу. Дзержинский был тоже переведен туда.

Голодовка закончилась после некоторого улучшения пищи. Так как ряд требований остался неудовлетворенным, то заключенные в лице Дзержинского и еще четырех товарищей предъявили начальнику требования выдать теплую одежду, сменить в подушках и матрацах солому, произвести ремонт бани и улучшить питание. Так как эти требования опять не были удовлетворены, то началась снова голодовка, и на этот раз с отказом не только от пищи, но и от воды. Этот мучительный способ протеста привел к смерти нескольких заключенных. В числе тех протестантов, на которых особенно тяжело сказалась голодовка, был и Дзержинский, переведенный на пятые сутки в особую камеру для слабых.

На шестые сутки голодовка закончилась удовлетворением всех требований заключенных. Дзержинский был близок к смерти. Часть протестантов была переведена из Орла в тюрьмы Елецка и Брянска. Поскольку голодовка происходила в сентябре 1914 года, возможно предположение, не был ли Дзержинский переведен в Мценскую тюрьму в октябре как активный протестант в целях ослабления его влияния на остальных заключенных.

Причины его обратного возвращения в Орловскую тюрьму не были указаны в официальных документах, так же как они не были указаны и в приказе о его переводе в Мценск.

В воспоминаниях Сырека отмечалось участие Ф. Э. Дзержинского в спорах об отношении к начавшейся первой империалистической войне. О силе речей Ф. Э. Дзержинского против войны можно судить по дошедшему до нас отрывку одного из

его писем, посланных из Орловской губернской тюрьмы. Оно датировано 18(31) декабря 1914 г. и адресовано А. Э. Булгаку.

Из письма Дзержинского видно, с какою страстью рвалось наружу его стремление вести «войну против войны» и как тяжело он переживал невозможность развернуть во всю ширь свою борьбу против империалистической войны. Вот эти вдохновенные строчки письма: «Сегодня, когда кругом посеяно столько ненависти, когда столько людей брошено друг против друга, — может быть, в сердце не одного человека опять проснется жажда любви, братания, так страшно тяжело здесь сидеть теперь бесполезным и бездеятельным, когда там гораздо хуже, чем здесь, ибо кажется мне, что скоро зло будет побеждено и что мои силы и мысли могли бы пригодиться. Будет объявлена война войне, и навсегда будут уничтожены источники ненависти, поэтому-то сегодня моя мысль бежит ко всем, которых я люблю, и я хотел бы дать им счастье, которое питается уверенностью, что любовь победит и будет хозяином земли, и кажется мне сегодня, что мы живем в такое время, когда ненависть, доведенная до предела, обанкротится и утонет в собственной крови. Можно ли представить себе что-либо более чудовищное, чем эта бойня? Я думаю только о ней, и я хотел бы послать мои новогодние пожелания тем миллионам, которые идут на бойню вопреки своей воле. Безнадежно тоскливо было бы жить сейчас и здесь и там, на свободе, если бы не эта уверенность, что придет царство правды, любви и счастья»¹.

Следует подчеркнуть, что приведенное нами письмо писалось в глухих стенах тюрьмы за много сотен верст от фронта и «чудовищной бойни». Но Дзержинский как будто слышит громовые раскаты этой бойни и видит картину самоистребления во всем ее отвратительном ужасе. Он сознает, что на полях этой бойни «гораздо хуже, чем здесь», то есть в тюрьме. Однако именно поэтому он хотел бы быть там, но не для участия в бойне, а для «войны против войны».

Среди опубликованной переписки Дзержинского с родными и друзьями из различных мест заключения имеется несколько писем, присланных из Орла. Но только одно из них, датированное 17(4) февраля 1916 г., на котором стоит штамп «Промсмотрено. Орловское исправительное арестантское отделение», написано и отправлено из Орловского каторжного центра.

Все остальные опубликованные орловские письма Дзержинского были посланы из Орловской губернской тюрьмы, что легко

определить на основании документально установленного времени пребывания Феликса Эдмундовича в обеих орловских тюрьмах.

Самое обширное письмо Дзержинского из Орла датировано мартом 1915 года. Следовательно, оно было отправлено примерно за месяц до перевода Дзержинского из губернской тюрьмы в Орловский каторжный централ.

Это письмо Дзержинскому удалось отправить нелегальным путем, благодаря чему явилась возможность передать на волю такие сведения о режиме Орловской губернской тюрьмы, которые не были бы пропущены тюремной цензурой.

В письме обрисованы не только бытовые условия, но и та моральная обстановка, которая была создана для политзаключенных в Орловской губернской тюрьме зимой 1914/15 года.

Это единственное письмо, в котором Дзержинский так подробно описывает своим близким тяжелые материальные условия и отвратительную моральную атмосферу, среди которых находился он и другие политзаключенные в Орловской губернской тюрьме зимой 1914/15 года.

«Я так редко откликаюсь потому, что тяжелая однообразная жизнь окрашивает мое настроение в слишком серые тона. И когда думаю про тот ад, в котором вы все ныне живете — свой собственный адик мне кажется таким маленьким, что просто не хочется писать про него — хотя и надоедает он подчас очень сильно.

То, что вам известно стало насчет наших условий, все это — правда. Эти условия попросту невозможны. Последствием их является то, что каждый день кого-нибудь вывозят отсюда в... гробу. Из нашей категории умерло уже 5 человек в течение последних 6 недель — все от чахотки.

Трое из них уже давно получили поселение, но их не вывозили, потому что в течение 7 месяцев не было времени привести в порядок их «бумаги». Все они переведены были сюда из Петрокова. Поддержки из дому, конечно, никакой не получают, потому что их семьи уже находятся за пределами государства, а здешние условия убийственны!

В конце концов от этих условий заболели здесь многие брюшным и пятнистым тифом, говорят, что ежедневно двух-трех хоронят, что от 5 февраля (ст. ст.) до 4 марта умерло 30 человек.

Тех, которые заболеют тифом, вывозят из нашего «учреждения» в бывшее женское «учреждение», где сейчас устроили нечто вроде «госпиталя» для тифозных. Но куда явятся сюда к больному, чтобы убедиться, что это за болезнь, проходит 4—5 дней, и больной лежит в камере, переполненной и другими

¹ «Феликс Эдмундович Дзержинский (1877—1926)», М., 1951.

больными — в горячке, здесь допроситься даже фельдшера очень трудно, не говоря уже о докторе, которого видеть может только умирающий, да вдобавок, не от заразной болезни. Таким врачом здесь подвизается некий г. Рыхлинский — поляк, который запрещает говорить по-польски полякам «пенсионерам», не знающим русского языка, и ругает их. Называют его же всюду палачом или рассказывают о его недавних издевательствах над больными каторжанами в так называемом Орловском центральном.

...Больные отданы в руки фельдшера, который к больным относится хуже, чем к собакам, и рассматривает всякого больного, как своего личного врага, а ведь здесь всякий из нас — больной и иначе быть не может.

Пища отвратительная, вечно капуста без всякого вкуса, — пять раз в неделю, и нечто вроде гороха — два раза; дают и по одной-две ложки каши в день. Единственное подкрепление для тех, кто поддержки из дому не получает, — это полтора фунта черного хлеба (чаще всего с песком) либо один фунт белого. Долго ведь на такой пище не проживешь!

Всякий из нас бледен, зеленый или желтый, анемичен. Белье сменяют каждые две недели, белье грязное, вшивое. Никто не может избавиться от паразитов, потому что в камерах тесно.

Я, например, сижу в камере вместе с 60 (несколько недель назад нас было 71) в камере на 37 человек. И это мы уже являемся привилегированными, потому что в такой же камере, бывало, находилось по 150 человек пересыльных и так называемых военнообязанных.

Так нет ничего удивительного в том, что среди них раньше всех появился тиф и наибольшее количество пожирал и пожирает.

Я сейчас сижу в сухой камере, но большая часть остальных камер настолько сыра, что течет с потолка и стены мокрые. Ко всему, однако, привыкает человек — он становится нечувствительным, равнодушным, старается мысль свою заполнить чем-нибудь иным. Лично я имею все, что здесь иметь возможно.

Живу я с десятком с лишком других в тесном кружке, вместе занимаемся, некоторым помогаю учиться. Так вот время и проходит — так быстро, что трудно поверить, что вот уже восьмой месяц, как нас привезли из Варшавы. Получаю «Правительственный Вестник» — брат мне выписывает, — и мы знаем все, что можно узнать из телеграмм об этой современной войне.

Мы живем в теснейшем кружке, потому что в камере имеются различные, совершенно нам чуждые люди и наши враги — те, которые пришли сюда за измену, за деньги, за шпионаж.

Отвратительные эти люди — нет среди них ни одного идейного, которого можно было бы хотя бы только уважать. А среди остальных тоже имеются различные типы. Ничто не выявляет так душу человеческую, как вот эта совместная жизнь. Познаешь ее — и тоска по иным условиям, по иной жизни становится еще сильнее, но она исцеляет и оберегает от пессимизма и разочарования. И если бы я мог писать о том, чем живу, то не писал бы ни про тиф, ни про капусту и вшей — но про нашу тоску, о ныне от нас оторванных идеях, но тем не менее остающихся для нас в самом деле хлебом нашим насущным.

Когда я думаю о том, что сейчас творится — о повсеместном как будто сокрушении всяких надежд, — я прихожу к выводу для себя, что жизнь зацветет тем скорее и сильнее, чем сильнее сейчас это сокрушение. И я стараюсь о резнях нынешних не думать — об их военных последствиях, — я стараюсь смотреть вперед и видеть то, о чем сегодня никто не говорит...»¹.

Но и кошмарные условия заключения в Орловской губернской тюрьме не надломили закаленного революционного борца. Дзержинский верит в то, что жизнь расцветет тем скорее и сильнее, чем сейчас сильнее это сокрушение, и сохраняет способность видеть в будущем то, «о чем сегодня никто не говорит».

Вскоре после отправки этого письма на волю — 21 апреля 1915 г. — Дзержинский был переведен в Орловский каторжный централ, где пробыл около года, до своего перевода в московскую Бутырскую тюрьму.

В нашем распоряжении нет материала, который позволил бы составить конкретное представление об условиях заключения Дзержинского в Орловском центральном. Хорошо известно, однако, что прежний режим Орловского централа, царивший там в первые годы его существования, претерпел изменения и был значительно смягчен. Не применялись более систематическое избивание и истязания заключенных, их не подвергали наказанию розгами. Но несмотря на это, режим оставался, несомненно, суровым и очень тяжелым. Глухой намек на тяжесть этого режима можно уловить в отдельных фразах и общем тоне письма Дзержинского от 17(4) февраля 1916 г.².

В течение своего годичного пребывания в Орловском центральном Дзержинский пользовался, конечно, правом ежемесячно писать письма своим родным. Но из этих писем до настоящего времени опубликовано только одно³. Это письмо написано пос-

¹ «Пролетарская революция» 1927 г. № 7.

² «Смена» 1946 г. № 1—2, стр. 11.

³ Там же.

ле десятимесячного пребывания Дзержинского в Орловском центральном. Датированное 17(4) февраля, оно было отправлено легально, через тюремную администрацию, и в нем Дзержинский не мог, конечно, сообщать какие-либо сведения о режиме Орловского централа.

Он пишет жене, что месяц назад отправил ей «горькое письмо» и в тот же день, получив два ее письма и письмо малыша-Ясика, успокоился. Однако он был лишен возможности немедленно ответить им.

Успокаивая жену, Феликс Эдмундович просит ее не испытывать тяжелого чувства при мысли о нем или при чтении его писем, так как, чтобы ни ожидало его и какие бы настроения ни приходилось переживать, у него в душе никогда нет бесплодных жалоб. Что даже тогда, когда тоска как бы одолевает его, он все же сохраняет в глубине души спокойствие, любовь к жизни и понимание ее, себя и других.

Дзержинский заканчивает это письмо замечательным признанием:

«Песнь жизни живет в моем сердце... И мне кажется, что тот, кто слышит в своем сердце эту песнь, никогда, какие бы мучения ни переживал, не проклянет жизни своей, не заменит ее другой, спокойной, нормальной...»

Орловская каторга не сломила закаленного борца, не заставила его раскаться в избранном им тернистом пути революционера. Но режим Орловского централа тяжело отразился на его здоровье.

Когда сравниваешь это орловское послание с последующими письмами Дзержинского из Бутырской тюрьмы, бросается в глаза новый, более жизнерадостный тон, в который окрашены московские письма. Эти новые, оптимистические нотки появляются в письмах Дзержинского, несмотря на то, что именно в Москве Феликс Эдмундович по своему второму судебному процессу получает дополнительно шесть лет каторги.

Но, очевидно, на Дзержинском благотворно отразился его перевод из Орловского централа в Бутырскую тюрьму. Кроме того, в середине 1916 года уже ощущалось приближение грядущих революционных бурь и развязки первой мировой войны. Эти настроения проникали и за тюремные решетки и вливали бодрость и радостные надежды в сердца политзаключенных.

6 июня (25 мая) 1916 г., через три недели после вручения второго каторжного приговора, Дзержинский пишет своему маленькому сыну, которого он видел лишь один раз в жизни, во время краткого свидания, девятимесячным младенцем, изуми-

тельное по своей нежности, поэтичности и жизнерадостному тону письмо.

Он пишет ему: «Милый мой Ясик! Я получил слова привет, которые ты мне послал с высокой горы Губель. Они, как маленькие птички, летели ко мне и долетели. Они теперь со мной в камере моей, и мне весело, что мой Ясик помнит меня и что он здоров».

Феликс Эдмундович обещает сыну, что после своего возвращения он поедет вместе с ним на еще более высокую гору и они будут оттуда любоваться картиной, которая развернется перед их глазами. Он обещает сыну рассказать о своей жизни, о пережитых радостях и горестях и выслушать в свою очередь его рассказ о том, что и кого он любит.

Трудно поверить, что это письмо написано за решетками и мрачными стенами тюремной камеры.

Проходит еще 3 месяца пребывания в Бутырках, и в письме от 16(3) сентября 1916 г. Дзержинский сообщает жене, что он начал уже работать и что, по-видимому, работа хорошо влияет на его настроение и тем самым на здоровье. Он пишет: «От столь продолжительного безделья — ровно четыре года — у меня развилась настолько сильно апатия, что в последнее время она стала меня несколько беспокоить. Комиссия освободила меня от тяжелых работ, и я теперь подручный у портного; через несколько месяцев научусь шить на машине и надеюсь, что скоро буду зарабатывать столько, что всякая поддержка от родных будет излишней».

Дзержинский сообщает далее, что он все еще носит кандалы, которые, впрочем, не особенно его беспокоят, что надоедает только их вечное бряцание. Письмо заканчивается ободряющей фразой: «Я спокоен, в душе уверенность, что мы увидимся и будем вместе».

В письме, написанном в канун нового года (по н. ст.), которое прошло двойную цензуру — прокурора московского окружного суда и тюремную администрацию — Дзержинский спешит порадовать жену сообщением, что с него ради удобства при работе сняты кандалы. Он пишет, что работа не утомляет его, а, наоборот, укрепляет мускулы и нервы. Это письмо проникнуто оптимистическими надеждами на близость их свидания несмотря на то, что войне еще не видно конца.

«Я так уверен в этом, — пишет Феликс Эдмундович, — что кажется, мог бы ждать спокойно изо дня в день — бесконечно долго. Что даст нам 17 год, мы не знаем, но знаем, что душевные силы наши сохранятся, а ведь это самое важное».

Последнее письмо Дзержинского, написанное из заключения, датировано 4 марта (20 февраля) 1917 г., то есть послано всего за неделю до падения самодержавия и освобождения всех политзаключенных из царских застенков.

В этом письме Дзержинский обращается к жене и к сыну. Письмо к сыну проникнуто, так же как и первое, нежной лаской и поэтичным настроением: «Передо мной открытка Ясика, раскрашенная им, и слова его ко мне, мысли, чувства и улыбка. С какой радостью я с тобой, милый мой, пускал бы в воздух мыльные пузыри, чтобы они радужные и прекрасные носились легко и плавно по воздуху и мы следили бы за ними, задрыв головы и поддувая, чтобы они не упали. И я думаю о том, что когда ты подрастешь, будешь большим и сильным, мы научимся сами летать на аэроплане и полетим, как птицы, к высоким горам, к облакам на небе, — а под нами будут села и города, поля и леса, долины и реки, озера и моря — весь прекрасный мир. И солнце будет над нами, а мы будем лететь.

Ясик мой, не огорчайся, что я теперь не с тобой, иначе не может быть: я люблю тебя, и ты — моя радость, хотя я вижу тебя только во сне и в мыслях...»

Но, обращаясь затем к жене, Дзержинский не в состоянии сохранить этот светлый, жизнерадостный тон. Он с грустью признает, что пишет редко лишь потому, что длительная серая и однообразная жизнь в тюрьме сделала мысли его расплывчатыми и общими. Но даже делая это печальное признание и называя свое душевное состояние как состояние «полусна, полуяви», Дзержинский не падает духом. Он сохраняет надежду на лучшее будущее, рассматривает свою апатию как временное явление и заканчивает письмо следующими знаменательными словами: «Поэтому я отворачиваюсь теперь от своей жизни — стоячего болота — и не хочется мне о ней писать и расписывать. Теперь я дремлю, как медведь зимой в своей берлоге, осталась только ясная мысль, что весна придет и тогда перестану сосать свою лапу и все оставшиеся в душе и теле силы проявятся. Буду жить...»¹.

Когда писались эти строки, Дзержинский вряд ли мог предвидеть, как быстро наступит столь долгожданная «весна», как полно будет «проявление» всех оставшихся в его душе и теле сил.

Освобожденный в дни Февральской революции 1917 года из Бутырок «волею восставшего народа» Дзержинский сразу бросился в самый огонь борьбы.

¹ «Смена» 1946 г. № 1—2.

Его физические силы были основательно подорваны долготными лишениями и мытарствами по тюрьмам и ссылкам. Но ни суровый режим Орловского центра, ни Бутырская каторжная тюрьма не могли угасить пламенный дух рыцаря революции.

Все свои силы, все горение своей прекрасной души Дзержинский отдал безраздельно борьбе за то дело, которому посвятил свою жизнь с юных лет и которому остался верен до последнего дыхания на своем славном посту.

§ 36. КОНЕЦ ОРЛОВСКОГО КАТОРЖНОГО ЦЕНТРАЛА

Первая мировая война принесла ослабление тюремного режима в Орловском центре, о чем говорят как сами заключенные в своих воспоминаниях, так и ведомости о наложенных на узников Орла взысканиях в период с осени 1914 года, кончая последними днями февраля 1917 года. За эти последние годы существования Орловского каторжного центра встречаются пометки о наказании темным карцером, но применяется это наказание сравнительно редко и нет ни одного упоминания о применении телесного наказания.

Война внесла ряд изменений и в состав заключенных Орловского центра. Как указывалось выше, во второй половине июля 1914 года в Орел прибыл целый эшелон политических заключенных, эвакуированных из Варшавы и других городов Польши, среди которых находился и Ф. Э. Дзержинский. Вновь прибывшую партию из 500 человек разместили первоначально не в Орловском центре, а в Орловской губернской тюрьме, где большинство из них оставалось до декабря 1914 года. Эвакуированные узники попали в Орле в исключительно тяжелые условия.

В декабре 1914 года большая часть эвакуированных поляков была переведена из Орловской губернской тюрьмы в новый корпус каторжного центра, за которым с тех пор закрепилось наименование «Краков».

Смягчение режима Орловского центра не пошло так далеко, чтобы дать возможность политическим заключенным установить более тесную связь между собою и создать хотя бы какое-то подобие «коллектива» политкаторжан, как то было, например, в Шлиссельбурге или в Александровской центральной каторжной тюрьме.

Падение самодержавия распахнуло двери всех царских тюрем перед политическими узниками и ошеломило их своей неожиданностью.

6 марта 1917 г. началось освобождение политических заключенных из Орловской тюрьмы. В первый день было освобождено около 200 человек, которых собрали сначала в городской управе, а затем направили в военный госпиталь. Среди освобожденных царил страшное возбуждение. Слабая осведомленность о происходящих в стране событиях порождала неуверенность в прочности завоеванной победы. В сердцах многих освобожденных пробуждался страх за свою дальнейшую судьбу и возникало стремление как можно скорее покинуть Орел, чтобы избежать опасности нового ареста.

Только после того, как амнистированным были доставлены в госпиталь телеграммы за все последние дни, наступило успокоение и было решено проверить, все ли политические освобождены из тюрьмы. Была избрана специальная делегация из пяти человек, на которую возложили миссию произвести эту проверку. В ночь на 7 марта делегаты направились в тюрьму и действительно обнаружили нескольких политических узников, которые были осуждены как уголовные.

Всего к 8 марта 1917 г. из Орловской тюрьмы было освобождено 276 человек политических заключенных. В тот же день было организовано общее собрание. На повестке дня стоял, между прочим, вопрос о дальнейшей судьбе орловских тюремщиков и арестованного орловского губернатора. Возбуждение собравшихся было так велико, что некоторые вносили предложение о немедленном расстреле орловской администрации и тюремщиков. Большинству собрания стоило немалого труда отклонить предложение об организации самосуда и добиться принятия предложения о посылке в адрес Временного правительства телеграммы с именованным списком орловских тюремщиков и просьбой немедленной отправки их на фронт¹.

Нам не известна дальнейшая судьба большинства орловских тюремщиков. Возможно, что многие из них скрылись и покинули пределы нашей родины. Другие, тщательно маскируясь, приспособлялись к новым условиям жизни и в меру своих сил и возможностей вредили строительству нового, социалистического государства. В январе 1924 года были преданы суду по статье 67 Уголовного кодекса РСФСР и предстали перед Судебной коллегией Верховного Суда Республики семь подсудимых, из которых двое — Сементовский и Мелких — являлись бывшими служащими Главного тюремного управления, а остальные пять человек были бывшими орловскими тюремщиками: бывший помощник начальника Орловского централа В. М. Семашко-

Солодовников, бывший врач Орловского централа Рыхлинский и бывшие надзиратели орловской тюрьмы — Ковалев, Новченко и Жернов. Судебное заседание продолжалось с 10 до 17 января 1924 г. Допрошены были 16 свидетелей — бывшие узники Орловского централа. На суде признали себя виновными двое — Семашко-Солодовников и Новченко. Жернов категорически отрицал свою вину и показывал, что никогда не бил заключенных и не обращался с ними грубо. Врач Рыхлинский пытался также отрицать свою вину, но показания свидетелей были для него крайне неблагоприятны.

17 января 1924 г. Верховный Суд РСФСР вынес свой приговор по делу царских тюремщиков. Сементовский и Мелких были приговорены к расстрелу, но ввиду того, что «они не были первостепенными деятелями тюремного ведомства, а также — преклонного возраста», расстрел был заменен лишением свободы на 10 лет со строгой изоляцией.

Семашко-Солодовников был осужден к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией, Рыхлинский — к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией, Ковалев — условно к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией, Новченко — условно к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией. Жернов был освобожден от наказания за недоказанностью обвинения¹.

Этот справедливый и, надо признать, гуманный суд Советского государства вписал последнюю страницу в кошмарную историю Орловской временной каторжной тюрьмы.

¹ ЦГАОР, арх. № 317, ф. 1005, 1924 г., № 137, разд. III, лл. 69—80.

¹ ЦГАОР, ф. 533, оп. 1, № 617, л. 7.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1. Общий вид Шлиссельбургского острова. С фотографии, представленной А. К. Кукобиным.
- Рис. 2. Шлиссельбургская крепость. Первый корпус („Зверинец“). С фотографии, хранящейся в Музее Революции СССР.
- Рис. 3. Шлиссельбургская крепость в 1905 — 1917 гг. Второй корпус. Фотография хранится в Музее Революции СССР.
- Рис. 4. Шлиссельбургская крепость в 1905 — 1917 гг. Третий корпус (народовольческий). Фотография хранится в Музее Революции СССР.
- Рис. 5. Шлиссельбургская крепость в 1905 — 1917 гг. Четвертый корпус. Полуподвальный этаж — карцер и одиночные камеры. Фотография хранится в Музее Революции СССР.
- Рис. 6. Шлиссельбургская крепость. Реконструкция общей камеры четвертого корпуса на 23 человека. С фотографии, хранящейся в Музее Революции СССР.
- Рис. 7. Крейсер „Очаков“, команда которого восстала 13 ноября 1905 г.
- Рис. 8. Арестованные очаковцы во дворе Севастопольской гауптвахты. С фотографии, хранящейся в Центральном Военно-морском Музее в Ленинграде.
- Рис. 9. Рисунок П. П. Шмидта, сделанный им в зале Севастопольского военно-морского суда 15 февраля 1906 г. Из книги „Лейтенант П. П. Шмидт. Письма. Воспоминания. Документы“, „Новая Москва“ 1922 г., приложения.
- Рис. 10. Рабочие и солдаты — участники революционных событий 1905 — 1906 гг., отправляемые на каторжные работы в Сибирь. Из французского журнала „L'illustration“. Хранится в Центральном Военно-морском Музее в Ленинграде.
- Рис. 11. Орловский каторжный централ. Общий вид тюрьмы. С фотографии, хранящейся в Музее Революции СССР.
- Рис. 12. Вооруженное восстание рабочих в Горловке. Донбасс, декабрь 1905 года. С картины художника М. Саблина.
- Рис. 13. Обложка жандармского дела о боевой организации при Петербургском комитете РСДРП. Дело хранится в ЦГВИА.
- Рис. 14. Отношение штаба Петербургского военного округа в военно-окружной суд о замене П. Ф. Анохину смертной казни каторжными работами. Хранится в ЦГВИА.
- Рис. 15. Обложка судебного дела о П. Ф. Виноградове. Дело хранится в ЦГВИА.

Рис. 16. Донесение Кавказского охранного отделения директору департамента полиции по особому отделу, удостоверяющее личность Серго Орджоникидзе. Документ из архива Г. К. Орджоникидзе.

Рис. 17. Орловский каторжный централ. Истязания политзаключенных. С рисунка, хранящегося в Музее Революции СССР.

Рис. 18. Орловский каторжный централ. План места, где произошло вооруженное нападение на надзирателя Ветрова и его убийство 9 августа 1910 г. Из областного Орловского архива.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

А

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943) — 203
 Адамс К. 130, 131, 132
 Акимов Я. С. 76
 Александрова Е. М. 122
 Алексеев Михаил Степанович (род. в 1884 г.) — 123
 Андреевский 265, 293, 299
 Андрулайтис О. 127
 Аникин Степан Васильевич (род. в 1869 г.) — 137
 Анисимов С. С. 96, 98, 99
 Анохин Петр Федорович (1891—1922) — 154, 170—173, 202
 Антоненко Никита Григорьевич 75
 Арбузов 83, 87, 101, 102, 105
 Ариан П. Н. 206
 Архипов Алексей Павлович (род. в 1883 г.) — 119, 120, 123, 150, 151, 202
 Аурэ Рихард Карлович (род. в 1880 г.) — 154

Б

Бабич П. А. 100
 Бабушкин Иван Васильевич 100
 Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — 214

Баканов Ф. Я. 81
 Барамзина А. Б. 206
 Барышев М. С. (1880—1930 г.) — 79, 81
 Баттистини Маттиа (1856—1928) — 50
 Белов Сергей Алексеевич (род. в 1888 г.) — 151
 Берг Б. М. 81
 Берзин А. К. (род. в 1878 г.) — 88
 Берк Котляр 138
 Бернштейн (Ионов) Илья Иванович (род. в 1887 г.) — 55, 112, 290.
 Билибин Николай Николаевич (род. в 1888 г.) — 55, 289, 293, 294
 Биршерт А. 105, 110
 Богушевский С. К. 249
 Борисов Л. В. 140
 Боряев Петр 138, 139
 Брандес Георг Морис Коген (1842—1927) — 209
 Браудо Л. И. 206
 Брауер Я. А. 128
 Бринум К. Я. 88
 Булгак А. Э. 312
 Бунин Андрей 138
 Бурков Иван 55
 Бустрем Владимир Владимирович (род. в 1883 г.) — 106

В

Вакулин Николай Александрович (1881—1919) — 106
 Ватажников Василий 150, 202
 Вачеев А. И. 100
 Веборн Р. Ю. 106, 107, 110
 Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908) — 50
 Верба Константин Петрович (род. в 1883 г.) — 83
 Вергежский А. 18, 19
 Виксе А. 129—132
 Виноградов Павлин Федорович (1890—1918) — 174, 181—184, 186
 Волин Борис Михайлович (род. в 1886 г.) — 198
 Волков Павел 138
 Воробьев Василий Константинович (род. в 1885 г.) — 106, 110, 112, 154, 202
 Воробьев Леонид Петрович (род. в 1875 г.) — 156
 Вороницын Иван Петрович (род. в 1885 г.) — 44, 55, 59, 79, 81, 210—212, 250

Г

Газенкампф 117, 171
 Гайле Ф. 128
 Гамбург Иосиф Карлович (род. в 1887 г.) 154, 158, 170, 204, 205
 Гарклав Э. И. (1877—1912) — 88
 Гельфанд Наум Львович (род. в 1876 г.) — 106
 Генкин Иосиф Исаевич (1884—1939) — 19, 30, 42, 81, 213
 Герцен Александр Иванович (1812—1870) — 212
 Гершуни Григорий Андреевич (1870—1908) — 17
 Гессен Эдмунд 138, 140
 Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 214
 Гладков А. И. 75

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 219
 Голощекин Ф. И. (1876—1941) — 188
 Гончаров В. Ф. 35, 37, 153, 181, 203, 205
 Горький Максим (1868—1936) — 209
 Градский В. 43, 44, 45, 50, 51, 52, 54, 57, 58, 175, 212, 219
 Григоращенко В. П. 100
 Гринберг Н. Э. 83
 Грюнштейн Карл Иванович (1885—1937) — 83, 125
 Губельман М. И. 111
 Гюнсманд Камил (род. в 1871 г.) — 298

Д

Дальбин Я. А. 131
 Данц И. М. 88
 Данцескес 285
 Дейнега Прохор 98
 Детлов Эдуард Петрович (род. в 1884 г.) — 88, 154, 202
 Дехант Р. К. 140
 Держинский Феликс Эдмундович (1877—1926) — 168, 169, 304—313, 315—319
 Дилевская Вера Александровна (род. в 1888 г.) — 106, 107
 Докукин К. 107
 Долгов Тимофей 119
 Дон 106, 184
 Дорофеев Е. С. (род. в 1881 г.) — 81, 202
 Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — 174, 218
 Дубровинский Иосиф Федорович (1877—1913) — 117
 Дьяконов Борис Михайлович (род. в 1887) — 254, 278—280

¹ Составлен А. В. Гернет,

Е

Егоров Я. В. 106

Ж

Жадановский Борис Петрович (1885—1918) — 50, 55, 56, 148, 174—176, 201, 204, 224, 289—291, 295, 296, 299, 300

Жигаловский В. А. 140

Жук Иустин Петрович (1880—1919) — 186, 187

Жуков С. А. 81

Жуков Михаил Егорович (1884—1931) — 103, 104, 105

Жулябин Иван 138

Журавлев Е. М. 81

З

Заув Карл Фрицов 269

Звирбулис Людвиг (1881—1912) — 154, 159

Землячка Розалия Самойловна (1876—1947) — 117

Зимберг 30, 42, 54, 63, 147, 176, 201, 245

Зимин 76

Золя Эмиль (1840—1902) — 209

Зонне А. Я. 128

Зубарев-Кузнецов Александр 98, 99

И

Иванов И. В. 161

Иванов Семен Варфоломеевич (род. в 1880 г.) — 107

Ильин Николай Николаевич (род. в 1887 г.) — 123, 154

Ильмас Виктор Янович (род. в 1885 г.) — 154

Имханицкий Иван Сафронович (1882—1924) — 154, 158, 159, 202

Иост И. А. 116

Исаев Павел 284

К

Какс Август 106, 110, 112

Калашников Василий Иванович (1886—1959) — 151, 154

Калашников Д. 151

Калашников Филат Васильевич (род. в 1879) — 81

Канторович Н. А. 39, 79, 81

Карпович Петр Владимирович (1874—1917) — 17

Кассесинев Николай Филиппович (1878—1919) — 76, 80

Катшубович 303

Каульбарс 73, 98, 99

Каутский Карл (1854—1938) — 296, 297

Кесперс Я. Д. 88

Кирхенштейн Я. 81

Клауберг К. Э. 127

Клигер П. 131

Климашевский 134, 135

Клименко-Чекмарев Василий Иванович (1873—1950) — 81, 154, 155

Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — 180

Книпович Л. М. (1857—1920) — 206

Ковалев Василий 119, 120

Ковалевская Софья Владимировна (1878—1952) — 18

Кожевников 303

Колосов 250

Колтышев Борис Алексеевич (род. в 1889 г.) — 110, 112

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — 214

Колышкевич В. 163

Колясников К. 119

Конуп А. Х. 55, 81, 146, 147, 202, 289, 294, 295, 302

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — 92

Коротков Иван Яковлевич (род. в 1886 г.) — 55, 290, 295, 296, 300, 302

Космоловский 303

Котцер-Калей Петр Карлович (род. в 1885 г.) — 127

Кочнев И. Ф. 123

Красиков Петр Ананьевич (1870—1939) — 206

Красиков Адриан Васильевич (род. в 1884 г.) — 284

Крастынь Э. 83

Красулин М. С. 106

Краузе Артур 126, 127, 154

Кремер 125

Кродер Ян Петрович (род. в 1860 г.) — 126

фон Кубе Эрнест 257, 265, 269, 276, 279, 288

Кудимовский 76

Кузнецова Маруся 205

Кукайн С. С. 88

Кукобин Андрей Константинович (род. в 1887 г.) — 47, 48, 50, 220

Кулябко П. И. (род. в 1874 г.) — 206

Купченко Остап Фокич 55

Курлов 227, 230, 232

Курочкин Григорий 55, 290, 295, 296

Л

Лабренц Я. 131, 132

Лалаянц Исаак Христофорович (1870—1933) — 39, 123, 154

Лацис Я. 124

Ледер 267

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) — 68, 72, 100, 118, 120, 123, 125, 150, 152, 154, 155, 158, 180, 186, 187, 188, 193, 198, 199, 200, 203

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 214

Лещинский 309

Лихтенштадт Владимир Осипович (1882—1919) — 50, 174, 176—181, 201, 203, 206, 211, 213, 214, 217, 244, 245, 247, 248

Лихтенштадт Марина Львовна 179, 206, 211, 213, 214, 215

Локацков Михаил Павлович (1883—1928) — 105, 106, 154, 156, 157, 185

Лопатин Герман Александрович (1845—1918) — 18, 19

Лопухов 303

Лукс Карл Янович (род. в 1889 г.) — 55, 290, 295, 296

Лус Симон 88

М

Мазин А. М. 81, 202

Макаров А. 202

Малашкин В. Д. 201

Мануильский Дмитрий Захарович 113, 117, 150

Марголина С. З. 206

Мардалейшвили Павел Иосифович (1883—1921) — 154, 161

Маркс Карл (1818—1883) — 180, 181

Массалитинова Надежда Осиповна (1876—1921) — 17, 19, 20

Матвеевко Петр 284

Мацевич 265, 266, 269, 274, 278, 288, 290, 291

Медяник Андрей Никитич (род. в 1886 г.) — 303

Мехси А. 116

Меллер-Закомельский 71, 87, 124

Мельников Михаил Михайлович (1878—1917) — 17

Мельников Борис Яковлевич 303

Мельников И. С. (род. в 1887 г.) — 244, 245

- Мельшин Лев, псевдоним Якубовича П. Ф. (1860—1911) — 16, 174
 Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934) — 117
 Меркулов Митрофан Семенович (род. в 1882 г.) — 149, 150
 Мещеряков Владимир Николаевич (род. в 1885 г.) — 123, 154
 Митусов И. Д. 100
 Мичурин Иван Ефимович (род. в 1882 г.) — 123
 Мокров Петр Сергеевич (род. в 1889 г.) — 202
 Морин Я. Н. (ум. в 1912 г.) — 128
 Морозов Николай Александрович (1854—1946) — 18, 19, 207
 Морозова Н. 119
 Муравин Григорий Моисеевич (род. в 1883 г.) — 105, 106, 205
 Муравьев Николай Константинович (1870—1937) — 80
 Муратов И. М. 151
 Мышкин Михаил Павлович (род. в 1883 г.) — 105

Н

- Наумов Яков Зиновьевич 157, 158, 185
 Нейман Альфред Адольфович (род. в 1881 г.) — 113, 115, 116, 154, 185
 Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878) — 214
 Некрасов Иван Акимович (род. в 1882 г.) — 55, 290
 Нефедов Филипп 138
 Никитин Иван Саввич (1824—1861) 214
 Николай П. 15, 71, 134, 191, 233, 297
 Николаев Андрей Николаевич (род. в 1889 г.) — 154, 202
 Николаев-Михайловский Константин Викентьевич (1882—1939) — 127

- Новиков Михаил 303
 Новорусский Михаил Васильевич (1861—1925) — 18, 21, 57, 207

О

- О'Brien де-Ласси 212, 236—242
 Одер П. 127
 Озерс Р. А. (1883—1941) — 88
 Озоль Р. 128
 Онучин Иван 138
 Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (1886—1937) — 44, 154, 180, 187—199, 203, 205, 207, 208
 Орджоникидзе Зинаида Гавриловна (1894—1960) — 197
 Ощепков Г. П. 104, 105, 106

П

- Панчишин Егор 150
 Пауль Ян Карлович (род. в 1885 г.) — 126, 127, 154, 159, 160
 Першуков К. И. 140
 Петерсон Гуго 269
 Петров Сергей (род. в 1886 г.) — 71
 Петров Федор Николаевич (род. в 1876 г.) — 19, 44, 91, 154, 167—170, 194, 201, 202, 205, 207, 208, 218, 220, 223, 225, 242
 Петрович Станислав Францович (род. в 1887 г.) — 127
 Петросьян 303
 Письменчук Иван Васильевич 81, 147, 148
 Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — 208, 303
 Повелица 303
 Попов Иван 138
 Преیمان К. 138

- Привалов Стефан 284
 Пругавин Александр Степанович (1850—1920) — 20
 Прудкой Максим Васильевич (род. в 1879 г.) — 81, 146
 Пуринь А. 127
 Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837 г.) — 214
 Пьяных И. Е. 39

Р

- Рашман Ф. Я. 128
 Рейн Рихард Петрович (род. в 1886 г.) — 86, 87, 88
 Рекстынь Ян Оттович (род. в 1874 г.) — 39, 129, 131, 132
 Ремезов М. П. (род. в 1891 г.) — 141, 142
 Родионченко 303
 Ройзит В. 129, 131
 Ромашев Иван 58
 Ронжин 73, 79
 Ротис Я. (1879—1901) — 88
 Рубинштейн Лев Николаевич (1884—1962) — 82, 83, 154, 206
 Ругай Я. 130
 Румянцев Василий Дмитриевич (1889—1930) — 141, 142, 154
 Рыбалкин Х. Я. 140
 Рыбалко 76
 Рыхлинский 272, 274, 275, 296, 314, 320, 321
 Рябинин А. Н. 164

С

- Савкин Василий 138, 140
 Сазонов Егор Сергеевич (1879—1910) — 17
 Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — 209
 Самойлов Федор Никитич (1882—1952) — 198

- Самсонов 134, 136, 138, 139
 Сангайло 278, 279, 288
 Сапотницкий Альберт Борисович 119, 120, 272—275
 Селицкий Виктор Николаевич (1885—1936) — 123, 154
 Семенчиков Роман Матвеевич, он же Захаров Степан Иванович (1877—1911) — 81, 83, 154, 162—167, 201
 Сесис Э. Э. 88
 Сикорский Шимон Вольфович (1883—1928) — 17
 Симоненко Николай Степанович 81, 146, 147, 166, 278, 303
 Симонович Вениамин Авелевич (род. в 1886 г.) — 30, 33, 160, 169, 176, 192, 213, 243, 245, 246
 Синайский 278, 288—291, 294, 295, 300, 301
 Скаман Роберт Фрицевич (род. в 1888 г.) — 129, 131, 132
 Скранда К. (род. в 1882 г.) — 129, 131, 132, 154
 Скрыдлов Н. И. 76, 77, 78, 79
 Скуя А. К. 83, 88
 Слободской Михаил 138
 Смелков Егор Михайлович (род. в 1882 г.) — 150
 Соколов Кузьма Васильевич (род. в 1885 г.) — 105, 106
 Соколов Василий Александрович (род. в 1878 г.) — 123, 154
 Сорокин Исаак Абрамович (род. в 1885 г.) — 106
 Спандарьян С. С. (1882—1916) — 188
 Стасова Елена Дмитриевна (род. в 1873 г.) — 190
 Столыпин П. 92, 98, 99, 117—120, 165, 177, 204, 227, 232
 Страус А. 127
 Субботина Лидия Иннокентьевна (род. в 1881 г.) — 119
 Сублис К. 127

Судых Иван (ум. в 1908 г.) — 276

Сырек Владимир Яковлевич (род. в 1884 г.) — 309, 310, 311

Т

Тарасов Федор 138

Тиберс Э. 88

Тимофеев Николай Тимофеевич (род. в 1885 г.) — 154

Тимошечкин Василий Петрович 55, 296, 297

Тихонов Андрей 80

Ткаченко-Петренко Григорий Федорович (1882—1909) — 98, 99, 100

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — 219

Трегубов Илья 101, 105

Трембас Ф. Т. 140

Трилиссер Давид Абрамович (1884—1934) — 153—156, 175

Трилиссер Михаил Абрамович (1883—1939) — 154, 156

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 212

У

Ужиков 303

Уссаковский 136

Ф

Файнберг Самуил Исаакович 273

Файнштейн Лазарь Абрамович (род. в 1889 г.) — 140

Федоров П. И. 140

Фигнер Вера Николаевна (1852—1942) — 18

Флиппенко 303

Франц Ян Оттович (род. в 1877 г.) — 131

Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925) — 158, 170

Фудим Иосиф 284

Х

Харчевников 303

Ц

Цапенко Маргарита 141

Циома З. С. 55, 56, 79, 81, 146, 148, 149, 289, 290

Ч

Чайкин-Стоян Варфоломей 227—231, 233, 234

Частник Сергей Петрович 75, 76

Чесский Александр Федорович 113, 114, 115

Чухнин 70, 71, 73, 75, 76, 149

Ш

Шавишвили Федор Амбакович (род. в 1890 г.) — 154, 160—162

Шарапа Кузьма Евгеньевич (род. в 1884 г.) — 45, 175, 194, 211, 213, 214, 244, 245, 249, 251

Шарапов Сергей Георгиевич (род. в 1887 г.) — 302, 303

Шеенсон Моисей Давыдович (род. в 1886 г.) 55

Шекспир Вильям (1564—1616) — 214

Шелли Перси Биши (1792—1822) — 214

Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — 214

Широких Е. И. 206

Шлессер Ю. 124

Шмидт Вилис 55, 290, 295, 296

Шмидт Петр Петрович (1867—1906) — 70, 71, 72, 73, 74, 75

Шмулевич В. В. 100

Шредель 96, 97, 98

Штейн Яков Меерович (род. в 1892 г.) — 154

Штрикунов И. И. (род. в 1879 г.) — 81

Шубин Владимир 138

Эйхгольц 248

Энгельгардт 194

Я

Яковенко 272

Янсон Яков Давидович (род. в 1886 г.) — 128

Ярославский Емельян Михайлович (1878—1943 г.) — 106, 108, 109, 110, 112, 117, 121, 122

Ясюкевич Бронислав Адамович (1875—1930) — 127

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

5

Глава первая

КОНЕЦ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЮРЬМЫ
И СТРОИТЕЛЬСТВО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ВРЕМЕННОЙ
КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

§ 1. КОНЕЦ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЮРЬМЫ

Две революции и два конца Шлиссельбургской государственной тюрьмы. — Указ Николая II от 8 декабря 1905 г. — Осмотр Шлиссельбургской государственной тюрьмы в 1905—1906 годах. — Воспоминания посетителей Шлиссельбурга. — Старые тюремщики в роли экскурсоводов по Шлиссельбургу 15

§ 2. СТРОИТЕЛЬСТВО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

Постройка в Шлиссельбурге новых тюремных зданий. — Сметные ассигнования на тюремное строительство. — Четыре корпуса, предназначенные для размещения заключенных. — «Зверинец». «Сахалин». — Архитектура и внутреннее устройство временной каторжной тюрьмы 21

Глава вторая

РЕЖИМ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

§ 3. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

Два века существования Шлиссельбургской крепости. — Двуглавый орел над воротами «Государевой тюрьмы». — Новое пополнение заключенных в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. — Террористические традиции каторжной администрации 28

§ 4. СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАСЕЛЕНИИ
ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

Отсутствие публикаций статистических данных о Шлиссельбургской крепости в XVIII и XIX веках. — Движение тюремного населения временной Шлиссельбургской каторжной тюрьмы в 1907—1915 годах. — Заключенные в Шлиссельбурге составляли лишь небольшую часть каторжан в Российской империи. — Статистические разработки автора о заключенных в Шлиссельбургской каторжной тюрьме и их сопоставление с некоторыми другими статистическими источниками. — Секретные статистические исследования, проведенные самими узниками Шлиссельбурга. — Демократический состав узников. — Принадлежность их значительной части к РСДРП(б) 30

§ 5. ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ
КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ. БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ С КАТОРЖНЫМ РЕЖИМОМ

Широкое применение карцера в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. — Помещения, которые использовались в качестве карцера. — Описание карцеров. — Поводы для заключения в карцер. — Массовый протест заключенных против телесных и других дисциплинарных наказаний в 1912 году. Пение как форма протеста узников. — Коллективные требования узников об изменении тюремного режима и запрещении телесных наказаний. — Волна репрессий против узников Шлиссельбургской каторжной тюрьмы 42

§ 6. ПОБЕГИ ИЗ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ
КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

Исключительная трудность побегов из Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. — Различные планы побегов. — Попытки побегов в 1907 году. — Побег в 1912 году. — Попытки побегов в 1914—1915 годах 56

Глава третья

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 1906—1915 ГОДОВ,
ДАВШИЕ УЗНИКОВ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКУЮ
КАТОРЖНУЮ ТЮРЬМУ§ 7. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ 1906—1915 ГОДОВ,
ДАВШИХ УЗНИКОВ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКУЮ КАТОРЖНУЮ ТЮРЬМУ

Краткая характеристика судебных процессов, которые дали политических узников непосредственно в Шлиссельбурге. — Усиленный приток в Шлиссельбург и другие тюрьмы России рабочих, крестьян и солдат после революции 1905—1907 годов. — Большое количество смертных приговоров, вынесенных царскими судами в годы реакции 67

§ 8. МАТРОСЫ И СОЛДАТЫ — УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ
В СЕВАСТОПОЛЕ В НОЯБРЕ 1905 ГОДА — ПЕРЕД ЦАРСКИМ СУДОМ

Севастопольское восстание 11—15 ноября 1905 г. — Лейтенант П. П. Шмидт. — Участие в восстании 12 кораблей флота. — Подавление восстания. — Арест 6000 матросов и солдат. — Отдача под суд около 1500 матросов и солдат. — Внесудебная расправа с 1000 матросов и солдат. — Приговор суда в отношении различных групп обвиняемых. — Похищение следственного дела. — Повторное следствие. — Бойкот суда. — Каторжный приговор. — Направление группы осужденных в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму 69

§ 9. ПРОЦЕСС БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ РИЖСКОМ КОМИТЕТЕ РСДРП

Арест членов боевой организации при Рижском комитете РСДРП. — Фальсифицированные документы. — Применение пыток к обвиняемым. — Смертные и каторжные приговоры 81

§ 10. ПРОЦЕСС «РУИЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Местечко Руена — один из центров революционного движения в Латвии. — Подготовка вооруженного восстания в октябре—ноябре 1905 года. — Создание революционной власти в Руене. — Создание народной милиции. — Связь с другими районами. — Карательная экспедиция генерала Орлова. — Арест руенцев. — Дело руенцев в Петербургском военно-окружном суде. — Направление группы осужденных в Шлиссельбургскую тюрьму 84

§ 11. ДЕЛО О ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВАРШАВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Обвинительный акт по делу военно-революционной организации Варшавского военного округа. — Арест членов организации. — Отдача под суд 14 человек. — Приговор Варшавского военно-окружного суда. — Направление части заключенных в Шлиссельбургскую временную каторжную тюрьму 88

§ 12. «ГОРЛОВСКОЕ ДЕЛО»

«Дело о вооруженном захвате революционерами линии Екатерининской ж. д. в декабре 1905 г.» — 132 подсудимых. — Рассмотрение дела спустя три года после событий. — Фальсифицированное обвинительное заключение. — Грубые нарушения процессуальных прав подсудимых. — Краткое содержание дела. — Смертные и каторжные приговоры. Содержание в Шлиссельбурге части приговоренных по этому делу к каторжным работам 91

§ 13. ПРОЦЕСС СОЛДАТ ВЫБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ
(1908 Г.)

Повод для возбуждения массового преследования солдат Выборгской крепости. — Использование незаконных приемов следствия. — Стойкость революционных солдат. — Влияние большевистской пропаганды. — Приговор. — Направление части осужденных в Шлиссельбург 101

§ 14. ПРОЦЕССЫ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРИ ПЕТЕРБУРГСКОМ КОМИТЕТЕ РСДРП

Провал Петербургской боевой организации большевиков в июне 1907 года. Арест около 50 активных членов организации во главе с Е. Ярославским. — 17-месячное следствие. — Содержание обвинительного заключения. — Приговор по делу. — Новый процесс в июне 1908 года. — Школа и лаборатория для подготовки инструкторов боевой организации. — Приговор финляндского высшего суда. — Выдача осужденных царской охранке. — Новый приговор Петербургского военно-окружного суда. — Направление осужденных в Шлиссельбург для отбытия наказания 106

§ 15. ПЯТЬ ПРОЦЕССОВ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
БОЛЬШЕВИКОВ

Активная деятельность Петербургской военной организации большевиков. — Массовые аресты в 1906 году. — Первый процесс. — Второй процесс. — Обвинение с.д. фракции Государственной думы в прямых связях с военной организацией большевиков. — Фальсифицированное обвинительное заключение. — Приговор. — Третий процесс. — Четвертый процесс. — Пятый процесс. — Направление значительной части осужденных по этим процессам в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму 116

§ 16. СЕМЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
НАД АКТИВНЫМИ УЧАСТНИКАМИ РЕВОЛЮЦИИ
1905—1907 ГОДОВ В ЛАТВИИ

Дело о нападении на Рижскую тюрьму. — Дело о вооруженном восстании в Тальсенском уезде Курляндской губернии. — Процесс «Тукумской республики». — Дело о вооруженном восстании в Рижском уезде. — Дело о членах боевой дружины рижской организации ЛСДРП. — Дело о поджоге Дундагского замка барона Остен-Сакена. — Дело о Тукумо-Тальсенском комитете Латышской социал-демократической рабочей партии 123

§ 17. ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ШТРЕЙКБРЕХЕРА ВО ВРЕМЯ ЗАБАСТОВКИ
НА ЗАВОДЕ «РИЖСКАЯ ПРОВОЛОЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»
(1911 Г.)

Новый революционный подъем в России. — Всеобщая стачка на заводе «Рижская проволочная промышленность». — Требования рабочих. — Угрозы администрации завода. — Арест рабочих и членов забастовочного комитета. — Применение пыток к арестованным. — Привлечение к суду 11 человек. — Приговор по делу. — Направление большой группы осужденных в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму 128

§ 18. ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ВОССТАНИИ САПЕРОВ
(1912 Г.)

Вооруженное восстание саперов в Туркестане в 1912 году. — Революционная работа среди солдат. — Влияние ленских событий. — Требование Николая II беспощадно расправиться с участниками восстания. — Скоропалительное следствие. — Рассмотрение дела при за-

крытых дверях. — Краткое изложение судебного следствия. — Смертные и каторжные приговоры. — Казнь группы осужденных. — Направление части осужденных в Шлиссельбург 132

- § 19. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ПЕТРОГРАДСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП
(1915 Г.) 141

Глава четвертая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ В 1907—1917 ГОДАХ

- § 20. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОЛДАТЫ И МАТРОСЫ
В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

Сведения о 84 узниках Шлиссельбурга — матросах и солдатах. — Борьба революционных матросов и солдат с каторжным режимом Шлиссельбурга. — Симоненко и другие революционные матросы — севастопольцы. — Меркулов и другие революционные матросы-балтийцы — 143

- § 21. УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГА — БОЛЬШЕВИКИ

Пестрота политических взглядов и настроений среди заключенных Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. — Влияние большевиков на всю массу заключенных. — Сплоченность и активность узников-большевиков. — Продолжение в тюрьме их борьбы с царизмом. — Камерные «коммуны». — Вера большевиков в неизбежность новой народной революции. — Сведения об отдельных узниках-большевиках Шлиссельбургской каторжной тюрьмы 152

- § 22. Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

Процессы Г. К. Орджоникидзе. — Переписка охранного отделения. — Обвинительные заключения. — Приговоры. — Направление в Шлиссельбург. — Пребывание Серго Орджоникидзе в Шлиссельбурге. — Политическая деятельность Орджоникидзе в Шлиссельбургской крепости 187

Глава пятая

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СТЕНАХ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ С ЦАРИЗМОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

- § 23. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ,
ОРГАНИЗОВАННЫЕ УЗНИКАМИ-БОЛЬШЕВИКАМИ
В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

Организация в общих камерах заключенных политических и общеобразовательных кружков. — Ведущая роль в этих кружках большевиков. — Содержание занятий. — Борьба за чистоту марксистской мыс-

ли, за большевистскую партийность. — Борьба с меньшевиками и социал-соглашателями. — Правильная оценка узниками-большевиками сущности начавшейся первой мировой войны 200

- § 24. БИБЛИОТЕКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ
КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ И ИХ БОРЬБА ЗА ПРАВО ЧТЕНИЯ
ПРОГРЕССИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Отсутствие публикаций о библиотеке заключенных в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. — Материалы Г. Орджоникидзе, Ф. Петрова и другие источники. — Принудительный ассортимент книг религиозного содержания, не пользовавшихся успехом у заключенных. — Религиозная пропаганда Вороновой и отношение к ней заключенных. — Борьба заключенных за право чтения прогрессивной литературы. — Политическое значение этой борьбы. — История создания тюремной библиотеки. — Использование запрещенной и нелегальной литературы. — Пополнение библиотеки. — Роль Лихтенштадта и его матери в пополнении библиотеки. — Количество книг в библиотеке 206

- § 25. ЖУРНАЛИСТИКА В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

Издание журналов в Шлиссельбургских тюрьмах. — Два журнала, издававшиеся в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. — Тематика, состав авторов. — Содержание журналов. — Политический смысл издания журналов 219

Глава шестая

УГОЛОВНЫЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

- § 26. ПОХИТИТЕЛЬ «ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ»

Появление в Шлиссельбурге в 1909 году нового секретного заключенного, подвергнутого особой изоляции. — Чайкин — похититель икон. — Похищение им «чудотворной иконы казанской божьей матери». — Особое внимание к краже этой иконы, проявленное царским двором, верхушкой царских министров и руководителями церкви. — Суд над Чайкиным. — Утверждение Чайкина об уничтожении им иконы после кражи. — Стремление светских и духовных властей отрицать факт сожжения «чудотворной иконы». Секретная переписка департамента полиции и командирование в Казань чиновника для розыска иконы. — Различные версии сохранности иконы. — Использование уголовными преступниками этих версий и введение в заблуждение светских и духовных властей. — Безрезультатность всех попыток найти икону, уничтоженную Чайкиным 226

- § 27. АРИСТОКРАТ-УБИЙЦА

Социально-политический смысл дела де-Ласси. — Разложение в среде русской аристократии начала XX века. — Биография де-Ласси. —

Отравление Бутурлина. — Соучастники де-Ласси. — Судебный процесс и приговор. — Исключительно мягкий режим заключения, установленный для де-Ласси. Использование его в тюрьме в качестве консультанта по тюремному строительству. — Провокационные действия де-Ласси 236

Глава седьмая

КОНЕЦ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

§ 28. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ НАРОД ОСВОБОЖДАЕТ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХ УЗНИКОВ В ПЕРВЫЕ ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Неосведомленность узников Шлиссельбурга о начале февральской революции 1917 года. — Освобождение революционным народом 66 узников Шлиссельбурга днем 28 февраля. — Освобождение всех узников Шлиссельбурга 243

§ 29. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

Создание революционного комитета на пороховых заводах в Шереметевке. — Рассмотрение этим революционным комитетом дел о материальном обеспечении освобожденных узников. — Выдача удостоверений освобождаемым каторжанам. — Вывоз из Шлиссельбурга ценного тюремного имущества. — Разрушение пожаром некоторых тюремных зданий. — Траурный митинг у могил узников Шлиссельбурга. — Уничтожение двуглавого орла над воротами крепости — символа царизма и царской карательной машины 249

Глава восьмая

ОРЛОВСКИЙ КАТОРЖНЫЙ ЦЕНТРАЛ

§ 30. СТРОИТЕЛЬСТВО ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ В ОРЛЕ

Рост осужденных к каторжным работам в годы столыпинской реакции. — Создание новых каторжных тюрем. — 1908 год — год рождения Орловской каторжной тюрьмы. — Описание зданий Орловской каторжной тюрьмы. — Мастерские Орловского каторжного центра 252

§ 31. СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАСЕЛЕНИИ ОРЛОВСКОЙ ВРЕМЕННОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЫ

Численность каторжан в тюрьмах России в 1908—1915 гг. — Статистика заключенных в Орловской каторжной тюрьме. — Отсутствие официальных данных о составе каторжан. — Наша выборочная разработка карточек о каторжанах. — Сведения о местах осуждения каторжан. — Сведения о видах преступлений, за которые каторжане были осужде-

ны. — Соотношение политических и уголовных каторжан. — Национальный состав каторжан 257

§ 32. РЕЖИМ И РЕПРЕССИИ В ОРЛОВСКОМ КАТОРЖНОМ ЦЕНТРАЛЕ

Тюремная администрация и ее состав. — Чудовищно террористический режим в Орловском центре. — «Приемка» узников и систематическое их избивание и издевательства над ними. — Заключение в одиночках. — Самоубийства заключенных. — Болезни и смертность заключенных. — Содержание в общих камерах. — Душевнобольные в Орловском центре 264

§ 33. ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ЗАКЛЮЧЕННЫМИ ТЮРЕМНОГО НАДЗИРАТЕЛЯ ВЕТРОВА

Дело об убийстве надзирателя Ветрова и о попытке массового побега заключенных, рассмотренное Московским военно-окружным судом. — Подробности дела. — Оправдательный приговор суда. — Опасения тюремной администрации о предании гласности режима в Орловском центре. — Перевод всей верхушки тюремной администрации с повышением по службе в другие тюрьмы. — Назначение нового начальника Орловского каторжного центра 283

§ 34. БОРЬБА ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ РОССИИ И ЗАПАДА ПРОТИВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ТЮРЕМНОГО РЕЖИМА В ЦАРСКИХ ЗАСТЕНКАХ. В ОСОБЕННОСТИ В ОРЛОВСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

Прибытие в Орловский центр группы шлиссельбургских узников для их «исправления». — Мужественное поведение узников во главе с Жадановским и другими большевиками. — Растерянность администрации. — Избиение вновь прибывших узников-шлиссельбуржцев. — Запрос членов Государственной думы об избиваниях заключенных в Орловском центре и других тюрьмах. — Переписка царских бюрократов по этому поводу и неуклюжие попытки оправдаться. — Выступления печати с разоблачением ужасов Орловского центра. — Иностранная прогрессивная печать и ее разоблачения царских застенков. — Некоторые изменения в режиме каторжан. — Обращение каторжан Орловского центра «К русскому народу» 289

§ 35. ПРЕБЫВАНИЕ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО В ОРЛОВСКОМ КАТОРЖНОМ ЦЕНТРАЛЕ

Хронология царских репрессий по отношению к Ф. Э. Дзержинскому. — Пребывание Ф. Э. Дзержинского в Орловском центре. — Воспоминания товарищей по заключению. — Официальные записи о пребывании Ф. Э. Дзержинского в Орловском центре. — Борьба Ф. Э. Дзержинского против каторжного режима. — Письма Ф. Э. Дзержинского из Орловской губернской тюрьмы 304

§ 36. КОНЕЦ ОРЛОВСКОГО КАТОРЖНОГО ЦЕНТРАЛА

Первая мировая война, изменения состава заключенных и изменения в тюремном режиме. — Переполнение Орловского каторжного

центра. — Февральская революция 1917 года и освобождение революционными массами политических заключенных. — Судьба тюремщиков Орловского центра. — Суд над группой тюремщиков в 1924 году. — Приговор Верховного Суда РСФСР	319
ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	322
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	324

Гернет Михаил Николаевич

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

Том V

Редактор *Л. А. Плеханова*

Художник-оформитель *Е. Б. Бельская*

Художественный редактор *И. Ф. Федорова*

Технический редактор *Н. М. Тарасова*

Корректор *Н. Н. Квартальнова*

Сдано в набор 20/V 1963 г. Подписано в печать 2/XII 1963 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆.
Объем: физ. печ. л. 21,25+0,5 вклейки; усл. печ. л. 21,25+0,5 вклейки; учетно-изд. л. 18,25+0,5 вклейки. Тираж 18000. А-09422. Цена 1 р. 22 к. Заказ 1425.

Издательство «Юридическая литература» — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УЦБ и ПП Ленсовнархоза,
Ленинград, Измайловский пр., 29.

